

Алексей Анатольевич Трофимов

Ладья-УТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189537

SelfPub; 2018

Аннотация

С Александром Тимофеевым (бывшим военным, оказавшимся в США) вступает в контакт американская спецслужба. Уклоняясь от сотрудничества, Александр оказывается втянутым в противостояние российской разведки, стремящейся добыть секреты нового американского аэрокосмического самолёта, и китайских спецслужб, пытающихся взять реванш за гибель своего агента в Москве.

Ладья-УТ

Солт-Лейк-Сити, Юта / Москва, Россия. 2010-2011

Посвящается сорокалетним, которые мальчишками хотели стать подводниками или разведчиками, а выросли бухгалтерами или таксистами.

Но в сорок лет жизнь только начинается...

Действующие лица, события, а также описание операций, процедур и технологий спецслужб является вымыслом автора.

Любые совпадения – случайны.

А.Т.

01. Звонок

Саша придерживал на плече заснувшего Нику, а свободной рукой пытался открыть дверь дома. Лампочка над входом горела исправно, но направлена была на дорогу, чтобы освещать оставляемую там на ночь машину, отпугивая потенциальных «плохих ребят». В результате свет лупил почти в глаза, а вот скважина замка оставалась в тени, и бороться с замком у Саши получалось плохо.

– Помочь? – жена Катя и дочка Натаха наконец-то забрали пакеты с покупками, захлопнули багажник, и теперь демонстрировали желание попасть в родные стены. На пути у желаний стоял неуклюжий супруг и папаня. Саша засопел, и уже совсем приготовился ответить тирадой про то что у кого-то в руках пакетики со шмотками, а у кого-то, напротив, упитанный сынуля Колян, да и вообще, шоппинг – раз-

влечение далеко не для всех, отнюдь, для некоторых это как раз – неприятная обязанность, однако сдержался. У всех был длинный день, все устали, не погрызлись в процессе запланированного «семейного вечера» – уже супер. Тем более что ключ очень вовремя попал-таки куда следовало, и Саша, стараясь не скрипеть старыми половицами, понёс Колю в детскую.

Уложив сына, Александр направился обратно в прихожую – надо было ещё сменить ботинки на тапочки, закрыть машину, и поставить жирную точку в этом длинном и бестолковом вечере, заперев дверь на ночь, да ещё щёлкнув замком погромче. Так, чтобы домочадцы щелчок услышали, и прониклись пониманием что их мирный сон надёжно защищён несокрушимой сталью, инженерным совершенством, и всем остальным, что в детстве позволяет верить что всё чужое осталось снаружи, а всё своё – в абсолютной безопасности.

Проходя через кухню, где женская составляющая семьи разбирали покупки, и мимоходом позавидовав умению прекрасной половины человечества делаться счастливыми от приобретения всякой фигни, Саша шёпотом приказал дочке-Наташке:

– Красавица, чистить зубы, и – отбой!

Видя, как просительное выражение пополам с показательной дочерней преданности проявляется на лице маленькой хитрюги, Саша заранее сдвинул брови построже, да ещё и

прищурился, чтоб знала мелкая бестия, что папа её видит насквозь. Видит насквозь, да ещё и знает не только о том что она думает сейчас, но и о чём она собирается подумать в ближайший месяц или два. Впрочем, а ведь и правда знает. Наверняка сейчас последует поток фраз о том, что Наташа была образцом послушания, в то время как по Диснеевскому каналу именно сейчас будут показывать Хану Монтану, причём как раз самую интересную-преинтересную серию. И ведь посмотреть эту серию позже не удастся никогда-никогда, потому что надо будет делать уроки, и смотреть за любимым и безвозмездно (заметьте, папаня: безвозмездно!) опекаемым братом.

Наташа пока была, как это тут называется «пре-тин», но чрезвычайно быстро теряла приставку «пре», превращаясь в самое несносное на свете существо – в тинейджера. Лет десять назад, когда Саша только начал работать в Америке, один из его первых местных боссов очень забавно объяснял феномен тинейджерства. Босс по вероисповеданию был мормоном, и, соответственно, (как это у них принято) являлся счастливым обладателем огромного выводка детей, младший из которых учился ходить, а старший уже успел родить парочку собственных, так что опыта общения с тинэйджерами боссу было не занимать.

– Когда дети вырастают и покидают родительский дом, – говорил босс с видом пророка, обретшего истину, и теперь просвещающего заблудшую паству. – родителям все-

гда больно, и наш Отец Небесный, зная об этом, сделал подросших детей тинейджерами. Теперь родители вместо боли утраты чувствуют радость и облегчение от того что эти ужасные создания наконец-то уберутся подальше, и оставят родителей в покое.

Наташа ужасным созданием ещё не стала, но успешно над этим работала, прогрессировала не по дням а по часам, периодически ведя свои маленькие войны за независимость. Верней, это пока ещё были не войны, это были, пожалуй скорее разведки боем – Наташа гнула свою линию, пока не наткнулась на активное противодействие родителей, но в открытые конфронтации почти не лезла. Очевидно, «пока» не лезла – выявляла неприкрытые стыки в обороне. Вычисляла где у родителей система связи хромает, где наблюдение подкачало, где предки готовы стоять насмерть, а где готовы откатиться на вторую линию обороны. В общем, рисовала наверное в уме на картах всякие стрелочки и пунктирчики, готовилась к кровавому тинейджерскому блицкригу, который наверняка грянет через пару лет, когда гормоны разыграют, и захочется девушке настоящей, всамделишной, взрослой свободы. Но это будет после, а сейчас Саша готовился решительно отразить попытку заменить немедленный отход ко сну просмотром телевизора. Однако Наташа закрыла рот, и кивнула Саше за спину, сменив умоляющую гримасу на верноподданически-выжидательную.

На всякий случай не стирая с лица непреклонного роди-

тельского выражения, Саша проследил её взгляд – телефон на стене помигивал цифрой «два», извещая о наличии сообщений в памяти автоответчика. Ай да хитрая бестия, ай да манипуляторша! Уже научилась правилу «если сейчас вопрос явно решится не в твою пользу, его решение нужно перенести на потом». В данный момент папаня гонит спать – так пусть отвлечётся, проверит сообщения, а уже после можно будет поторговаться заново, «с чистого листа». Хитра, чертовка! Саша внутренне подмигнул сам себе – он, как и все мужчины, считал все успехи дочери прямым следствием собственных действий, а неудачи, напротив, результатом халатности всех прочих. Сейчас теоретический успех был налицо, а вот практическому дать развиваться Саша вообще не собирался. Не меняя сурового выражения лица, Александр для убедительности поднял указующий перст и молча устремил его в направлении умывальника. Наташка набросила на лицо выражение Матери Терезы, обвинённой в краже хлеба у голодающих детей, гордо вскинула голову, и ушла в ванную комнату, расчётливо хлопнув дверью. Дверь столкнулась с косяком достаточно отчётливо чтобы окружающий мир узнал о страданиях Наташиной несправедливо оскорблённой души, но недостаточно громко для того, чтобы дать повод наказать Наташу за хамство. В общем, примерно молодец, правильная стервочка подрастает, уважает её, и уважает.

Саша повернулся и нажал кнопку на автоответчике. На

продолговатом тёмном дисплее красные палочки высветили номер, первые три цифры, код местности, были узнаваемые – Нью-Йорк. Профессионально-усталый женский голос по-русски с одесским акцентом начал скороговоркой, почти без пауз между словами:

– Это звонок для Александра Тимофеева, здравствуйте Александр, говорит Людмила из телефонной компании «Ар-Ти Интернешенел», мы не получили ваш платёж за февраль...

Ну вот, дальше можно не слушать. Ещё не хватало остаться без международной связи, как раз сейчас, перед отпуском в Москве. Опыт ранешних поездок однозначно подтвердил поговорку «Лучший экспромт – это хорошо подготовленный экспромт». Саша родился в Москве, и до поездки в Америку оставлял Первопрестольную надолго только один раз, правда на целых пять лет, если не считать отпусков. Отлучка из столицы была затрачена на получение высшего инженерного и среднего военного образования, да и учился Саша не так далеко от Москвы – в Питере, сиречь Ленинграде. Курсантская жизнь тогда была советского типа – куда строже чем сейчас. Все пять лет Саша прожил в казарме, и во время учебного года в Москву не наведывался, кроме разве что двух коротких командировок, но зимние и летние отпуска исправно проводил дома, в компании одноклассников.

Распределился Александр весьма удачно – опять же в Москву, в один хитрый военный НИИ, как многие Сашины

одногогруппники. Их выпуск, казалось, почти поголовно состоял из умопомрачительных везунчиков – больше половины свежеиспечённых лейтенантов попали в Москву и ближайшую область, так что и армейских однокашников у Саши в Москве было изрядно. В общем, друзей из числа одноклассников, одногруппников и сослуживцев – в столице и не считаешь, но тем не менее, один из предыдущих отпусков Саша провел если не в одиночестве, но уж точно не так как планировал. Хотел, дурачок, всем сюрприз устроить. Не предупредив никого прилетел в Москву, и только оттуда, с комфортом устроившись на кухне с родным российским пивом и сигареткой, слушая шум Проспекта Мира за окном, принялся обзванивать знакомых.

Тут же выяснилось, что все рады его приезду, и соскучились, и очень хотели бы пересечься на рюмку чая, но планы на ближайшее время уже составлены, ну что тут поделывать – конфликт расписаний, предупреждать надо! К тому же дело было летом, кто-то всё время проводил на даче, кто-то был в отпуске, а кто-то уезжал в отпуск буквально на днях, короче – поездка в Москву практически не удалась. С тех пор Саша взял за правило заранее известить всех с кем хотелось бы увидеться, а для массовок, когда собираются больше двух человек, ещё и распланировать точную дату, чтобы все могли подкорректировать планы заранее. Для большинства задач хватало Интернета, однако иногда требовалось и общение «в реальном времени», и вот сейчас жадный «Ар-Ти Интерне-

шенел» грозился лишиться международного телефона. Можно конечно и с мобилки, но там примерно доллар-минута, не наговоришься. Ох буржуины, все денег хотят.

– Кать? А Ка-а-а-ать?!

– Слышу, слышу. Завтра отправлю чек, а потом позвоню и дам его номер, чтобы сервис не отключили. Или хочешь – сам позвони.

– Не, лучше уж ты...

Так исторически сложилось, что в семье по счетам платила Катя. Сначала, когда она сидела дома с маленькой Наташкой, а Александр работал – такое распределение ролей смотрелось логичным и честным. Да и английский у Кати по приезду в Штаты был куда лучше – она закончила ИнЯз, и её разговорный больше подходил для «боданий» с кредиторами. Потом Катя нашла работу на пол-дня помощником адвоката в одной маленькой конторе, но забота об отправке чеков всё равно оставалась её обязанностью. Утешая себя тем что «Мужчина деньги зарабатывает, а женщина их тратит», Александр, откровенно говоря, просто ленился вникать в детали оплаты дома, электричества, газа, телефона и всего прочего. И, хотя Саша и полагал что женуля где-то переплачивает, а где-то опаздывает с платежами при этом подрывая их общую кредитную историю, не спешил начинать передел домашних обязанностей, предпочитая не будить лихо пока оно тихо, и как-то по счетам платит.

– Подожди секунду, давай второе послушаем, тоже небось

по поводу счетов...

Отвечая на нажатие кнопки, автоответчик пропищал, стирая первое сообщение. Высветился новый номер с незнакомым кодом города. Мужской баритон звучал с лёгким эхом, как будто говоривший находился в пустой комнате. Это сообщение тоже было по-русски, хотя и с сильным американским акцентом.

– Здравствуйте Александр Владимирович. Это Стивен Сильвер from Department of Defense. Нам надо поговорить. Мой телефон...

«Оп-ля... Департамент оф Дефенс. Министерство Обороны, ака Пентагон. Ну вот, этого ещё не хватало...» – подумал Саша насторожившись. Сообщение это он стирать конечно не стал, совсем даже наоборот, не поленился взять бумажку и переписать номер телефона пентагонщика. Вдруг электричество вырубится и автоответчик память сбросит? А номер пригодится, похоже – дело серьёзное... Кто ж с такими конторами шутит?

В доме курить было не принято, так что Саша с Катей расположились на заднем дворе. Тут, на лавочке под жестяной крышей, на открытой верандочке, которая в минуты повышенной гламурности величалась «патио», а в остальное время «бэк-ярд» или просто «курилка», обычно и обсуждались общесемейные вопросы.

– Что это было, Беримор, а? – начала Катя. – Ну, Тимофеев, мало тебе десяти лет в Непобедимой и Легендарной?

Давно уже живя в разных комнатах, по-очереди ходя на вечеринки, опять же по-очереди иногда не ночуя дома, Александр Тимофеев и Екатерина Белова (фамилию Катя поменять не захотела) оставались друзьями, или по крайней мере не были врагами. Имея двух общих детей, врагами быть весьма разорительно, хлопотно, да и просто неумно. Однако фрагмент жизни, потраченный на то чтобы обоюднo прийти к такому пониманию ситуации Саша предпочитал не вспоминать никогда. Саше было за сорок, Кате – за тридцать, у обоих это был второй брак, и они не спешили разбежаться. Саша любил говаривать «я в женитьбах своё отсидел», и Катю ситуация тоже вроде-бы пока устраивала. Поверх всего этого, «жить на два дома» сейчас им было откровенно не по карману.

– Ну так что это было-то? – повторила вопрос Катя. – Давай методом исключения. Перепутать же тебя не могли, верно?

– Да уж! – невесело хмыкнул Саша – Нет, теоретически могли конечно, учитывая что нет событий невозможных, есть только маловероятные. Однако для такой бюрократической ошибочки звонивший не только спутал меня с каким-то доблестным защитником демократии, он ещё и язык делопроизводства не тот использовал. Может конечно этот тип русский в школе учил, и обожает читать Достоевского в оригинале, а тут как раз представился случай попрактиковаться...

Саша недовольно покосился на полную пепельницу, измерял взглядом расстояние до мусорного бака, ещё раз посмотрел на пепельницу, и, увидев ещё дымящийся «бычѣк» нашѣл для себя оправдание не выкидывать окурки прямо сейчас – а то загорится ещё что-нибудь в мусорке...

– А путанник этот... Как бишь его, дьявола... Каутский. Джон Сильвер?

– Звонил тебе Стивен Сильвер. – даже не улыбнулась Катя. – Джон Сильвер – это пират из стивенсоновского Острова Сокровищ. Кстати, запомни, Стивен-Сон. Стивен. Джон Сильвер. Стивен Сильвер. Стивен Сильвер. Запомнил? Есть такое чувство, что имя это тебе ещё пригодится, и похоже «к сожалению». Не нравится мне всё это.

С американскими именами у Саши было не очень. Например, он очень долго не мог запомнить фамилию своего зубного врача, очень приятного и чрезвычайно болтливого (как все греки) живчика Дукакиса. В личном общении это не мешало, можно было называть доктора просто «доктор», а вот объяснить ресепционистке к кому ты на приём пришѣл – уже трудновато. Не говорить же «Ну, Вы знаете... толстеный такой, лысенький...». Такая безимѣнная ситуация продолжалась, пока Катя не придумала ассоциацию с Дукалисом из сериала про питерских ментов.

– Почему «к сожалению»? Просто никто не любит непоняток и всяких прочих внезапностей, вот мы и напряглись. Не волнуйся, Катюша.

– Небось из-за сайта твоего дурацкого. Говорила же, по-придержи язык, нашёлся тоже трибун, борец с произволом, и укротитель американского империализма...

На веб-сайте русского Солт Лейк Сити Саша и правда частенько высказывал мысли, мягко говоря, отличные от официальной позиции американского правительства. Однако понимал что плетью обуха не перешибёшь, и, помня о маячившем где-то в туманном далеке Гуантанамо, публичным инакомыслием никогда не увлекался. Старался, так сказать, держаться в рамках почти конструктивной критики.

– Не, Катенька, тогда звонок был бы из ЭфБиАй.... тьфу, в смысле – ФБР. Я ж говорю, не волнуйся. – сказал Саша как можно более убедительно. – Подумаешь – телефонный звонок. Не полицейские же с ордером, не гонец с повесткой в суд, а главное – не злые кредиторы. Всё будет хорошо. Виски хочешь?

– Не-а, не хочу. И правда, нечего себе голову ломать. Всё, я – спать. Спокойной ночи. Не сиди долго. Слушай, а может просто чья-то неудачная шутка?

Саша секунду помолчал, имитируя размышления. Размышлять-то было уже и не о чем – вариант шутки он прокачал в первую очередь. Верней не шутки конечно, а злого розыгрыша. Когда в Америке государственная служба звонит иммигранту, да вообще кому угодно (да и не только в Америке наверное) – это, знаете-ли, приступа здорового смеха отнюдь не вызывает, а вызывает настороженность, вол-

нение и страх. Ну, для Первого Апреля ещё туда-сюда, а в остальное время это – веселуха калибра «ваш дядя только что попал под машину».

Теоретически так мог пошутить кто-нибудь из российских знакомых, наслушавшись побасенок про демократическую свободно-беззаботную жизнь за океаном, и думающих что американский чиновничий аппарат – это действительно «слуги народа», и простой американец дверь в полицейский участок открывает исключительно ногой, а налогового инспектора спускает с лестницы со словами «сейчас я занят, приходи завтра». Но, во-первых среди близких знакомых у Саши дураков не водилось, а во-вторых, телефонный номер звонившего, сохранённый автоответчиком, такую версию напрочь отметал – номер как раз был насквозь здешний, американский.

Итак, это наверняка не шутка. Может это быть злым розыгрышем? Мог Саше позвонить кто-то из недругов-недоброжелателей? Ну, если опять же, рассуждая гипотетически – да, наверное мог. На пятом десятке жизни (А вы думали какой десяток начинается после того как вам исполнилось сорок?) наверное должны были накопиться люди, которые Сашу активно не любили. Сам Саша правда о таких не знал, но легко допускал их существование. И это, кстати, одна из обратных сторон Интернета. В Сети легко можно найти и друзей и недругов – ну прямо как в жизни. Выскажешь какую-нибудь мысль в форуме там, или в бло-

ге каком-нибудь, и мгновенно найдутся люди, осознавшие что они с этой мыслью радикально несогласны, причём во в всём диапазоне несогласия, от «Извините, тут Вы неправы...» до «Да как же у тебя, гада, язык повернулся такое сказать-то?!». Впрочем, такие вспышки гнева обычно и заканчиваются этой самой фразой в том же форуме, а вот чтобы решиться на подлянку за пределами Сити, что называется «в реале» – наверное надо знать человека лично.

Вот тут-то и выстреливает следующая непонятка, вернее – несоответствие. Для личного общения с друзьями-приятелями Саша (как и все нынче) использовал мобилку, просто потому что так удобнее. Вот её-то, мобилкин номер и был известен всем знакомым, домашний же номер был, что называется «официальным». Появился он вместе с домом, фигурировал во всяких купле-продажных бумагах как способ контакта с «мистер энд миссис Тьимофэйефф», являющимися ответственными владельцами, заёмщиками, потребителями электричества, газа, услуг по вывозу мусора, и тэдэ и тэпэ. А вот знакомым домашний телефон был совершенно неизвестен.

Прокрутив в голове эти самые мысли, Саша озвучил то, что посчитал наиболее подходящим моменту:

– Вполне возможно что и шутка, Катюша, не заморачивайся на это тему. Спи сладко.

Катя встала, чмокнула Сашу в щёку, поднялась по ступенькам, и, придерживав напружиненную стеклянную дверь

чтобы не хлопнула, исчезла в тёмном проёме. Через несколько секунд зажглось матовое окно ванной и послышался звук падающей из душа воды.

Саша тоже поднялся, и, стараясь ступать как можно тише, направился в кухню. Старые половицы предательски поскрипывали, но дети вряд-ли проснутся – привыкли. Деревянный, пахнущий музеем старый дом, построенный еще в начале двадцатого столетия, вообще вёл себя как неисправная музыкальная шкатулка – посвистывал, пощёлкивал, в общем – гнулся и скрипел. Весь район с романтическим названием Шугар Хаус (а по-нашему «Сахарный дом») был застроен такими «пороссячьим домиками». Типа: дунет волк – и нет стен вокруг поросёночка, а вот перестраивать до прихода волка нельзя – историческая ценность. Городу Солт-Лейк-Сити примерно сто лет, Америке – примерно двести, соответственно: всё что построено раньше чем сегодня после обеда – историческую ценность, видите-ли, представляет. И тронуть её не могли без разрешения главного городского архитектора. Впрочем, ворчание такое было чисто теоретическим, на то чтобы перестраивать дом денег у Саши всё равно не было.

Взяв полторалитровую бутылку виски «Ёрли таймс» и серебрянную рюмочку, Саша вернулся на улицу и зажёл новую сигарету. Виски этот был разумным компромиссом между ценой и качеством, тем более что выбирать особо и не из чего. Юта – «сухой» штат. Сиртное продаётся только в

государственных магазинах, и только такое, которое понравится Алкогольной Комиссии штата. А вышеозначенная комиссия состоит кстати, как и большинство государственных органов, из мормонов – людей по-определению непьющих, соответственно – в алкоголе разбирающиеся как известное млекопитающее в известных цитрусовых. Но, как говорится, «за неимением гербовой пишем на простой», и такой виски по-любому примерно на восемнадцать процентов лучше чем ничего. Да и рюмочка серебрянная, из Москвы привезённая, память о бабуле, недостатки виски в значительной мере компенсирует. Напиток этот был весьма бурбонистый, соответственно его можно и потягивать как коньяк или скотчик, и пить залпом как родную водку – в зависимости от настроения, состояния души, и самочувствия тела. Сейчас настроение было настороженное, душа просила залпа, а тело не возражало, однако рюмочка для такого маневра была чуть великовата, и Саша налил себе половинку. Выпил, крикнул, затаился сигаретой, прислушался к процессам протекания огненной воды по организму, порадовался теплу внутри, налил ещё. Опять половинку.

Пил Саша практически каждый день. Ну, может быть «пил каждый день» – это через чур сильно сказано. Саша, скорее, «каждый день выпивал». Напивался редко, но если честно, полагал что за последние десять-с-хвостиком (с тех пор как приехал в Америку) лет, мог бы пересчитать безалкогольные дни по пальцам одной руки. Утешал себя Саша

тем, что алкоголь – это универсальный антидепрессант, и если б не пил, то давно бы умер от инсульта, потому что жизнь – она сука нервная. Впрочем, «утешал» – опять же неправильное слово, «утешал» подразумевает внутренние борения и раскаяния. Александр же по поводу алкоголя жил в полном мире с собой – просто не считал такое питие аномалией. Шерлок Холмс чтобы лучше думалось на скрипке играл, Фандорин медитировал, а кто-то например пьёт и хорошо себя при этом чувствует. Творчество Конан Дойля Саша очень уважал, Акунина – любил, но на инструментах не играл, к медитации на тренировках по Вин-Чуню (которым увлёкся на старости лет) относился как к неизбежному злу, а виски – вот, стоит себе на столе, жизнь скрашивает и думать помогает.

Засунув очередную докуренную сигарету в пепельницу, Саша потянулся за зажигалкой, потом за пачкой «Парламента», спрятавшейся за бутылкой с вискарём, вытащил сигарету, но так и не закурил – застыл, пялясь на фильтр, зажатый между большим и указательным пальцами, как будто в первый раз увидел этакий диковинный предмет. Сейчас было всё равно на что смотреть, вернее – на что не смотреть. Не видел Саша фильтра, Саша – думал, вернее – додумывал. Мысли не то чтобы сложились как фигурки в Тетрисе – кое-где детали логической картинки сталкивались углами, кое-где напозлали друг на друга, а кое-где друг до друга и не доставали. Однако, из и так настороженных соображений вы-

щелкнулась некая достаточно резко очерченная странность, общий расклад радикально драматизирующая. Вот её-то Саша и пытался додумать, доформулировать до какой-никакой складности. По крайней мере стало понятно что беспокоит больше всего в этом телефонном сообщении. Звонивший, этот Джон Сильвер, пират этот, мать его так, назвал Сашу по отчеству. Вот где нелинейность главная, вот где собака порылась.

Саша торопливо налил теперь уже полную рюмку, хлопнул – опять же залпом. Демонстративно поперхнулся, напоминая себе, любимому, что нечего в одно горло жрать ханку треть-стаканами, закусывая исключительно сигаретным дымом, и ещё раз попытался разложить всё по полочкам.

От соседского дома слышался низкий гул "причаливающей" машины. Александр встал, и отступил в тень дома. Судя по звуку форсированного двигателя, вернулся со своей полицейской смены сосед Эндрю.

Эндрю был соседом весьма подходящим. Не из мормонов, соответственно – выпивает, да и собеседник приятный. Опять же, из служивых – люди, когда-либо носившие форму всегда хорошо понимают друг-друга. А кроме того, удобно жить, если рядом с твоим домом постоянно припаркована полицейская машина, этакое пугало для всяких нелюбезных личностей. Солт-Лейк-Сити конечно не Лос-Анжелес, где почти повсеместно на окнах домов – решётки, и постреливают по несколько раз в день, но всё равно – и тут растёт

преступность по чуть-чуть, и тут в последнее время появились молодёжные банды, предпочитающие решать проблемы с помощью пистолетов и дробовиков. А если рядом живёт полицейский – не забалуешься.

Плюс к этим удобствам – соседи перестали вызывать полицию, если во дворе у Тимофеевых веселятся по позднему времени. Раньше, бывало, если куражится компания друзей во дворе, то в двадцать три часа пятнадцать минут можно смело идти к входной двери – полицию встречать, потому что в двадцать-три-ровно соседи набрали девять-один-один и на шум пожаловались. А с тех пор как Эндрю в соседнем доме послелися – угомонились соседи. И правда, чего полицию вызывать, если полиция – вот она, в соседнем доме живёт, а вполне возможно что и пьёт сейчас вместе с этими русскими?

Возвращаясь с дежурства, Эндрю обычно заглядывал в Сашин двор, и если хозяин был на месте – заскакивал на пару минут чтобы пропустить рюмочку, потрепаться ни о чём, или рассказать какую-нибудь полицейскую историю, преподносимую, естественно, от первого лица.

Однако сегодня Александру было не до соседушки, потому и сделал вид что нет его в патио, встав из-за стола и спрятавшись в тени дома. Подождал, пока у соседней хлопнула дверь, и только потом вернулся на прежнее место додумывать невесёлую думу про отчества.

Итак, мало того что звонят из Пентагона, организации,

с которой у Александра никаких дел не было, и до недавнего времени хотелось верить – и не будет. Мало того что «нам надо поговорить», что само по-себе в приторно-культурной Америке звучит странненько... Так ещё и «Александр Владимирович» – во как! Но ведь в Америке отчества не приняты. Во всех американских бумагах Сашино отчество – просто инициал, букровка с точкой. Чтобы докопаться до полного отчества тут – это ж надо поднимать старые иммиграционные бумаги, там вроде есть ксерокопия нашего паспорта. Или нужно иметь доступ к бумагам российским. Пентагон конечно организация весьма серьёзная, но ведь не лежат на пентагоновских столах российские бумаги. Можно, опять же, поговорить с кем-то кто знает Сашу достаточно близко, но тут отчествами и русские не пользуются, и, соответственно – отчеств друг-друга не знают. Да что там отчеств – частенько и о фамилиях ближайших друзей не осведомлены, по-скольку встречаются не по работе, а исключительно за бутылочкой. Так что все сплошь Саши, Маши, Наташи, и прочие Федоты... И сей факт, кстати, ещё раз напрочь отмечает возможность шуточки – миленького такого розыгрыша от местных знакомых с мутировавшим чувством юмора.

В общем, теоретически-то источников обнаружения правильного Сашиного отчества не много – но есть, однако главное отнюдь не это. Главное – то, что отчества тут не приняты и точка. Не лежат они на видном месте. Если отчество знают, значит – они (кто бы «они» ни были) про Сашу материалы

искали. Искали старательно и целенаправленно. Не просто взяли из папочки, а какое-никакое исследование провели. А если потом это самое отчество употребили, то не считают нужным старательность свою скрывать, даже совсем наоборот – осведомлённость демонстрируют, козыряют ей. Ишь, «Александр Владимирович», фу-ты ну-ты... Как там было-то? «Вы учтите, у нас длинные руки!», так что ли? И где же эта фразочка проскакивала, в фильме каком-то? Или в анекдоте? Не суть – руки действительно длинные. Или уши? Судя по ушам этому кролику лет двести...

Оценив пьяненькую непоседливость мыслей, Саша подумал, что пожалуй пора спать. Завтра докуём.

02. Пират

Проснулся Саша в хмуро-пессимистичном настроении. Дело было вовсе и не в похмелье – выпито вчера было немного, да и вообще похмельно-абстинентный синдром Сашу посещал редко. А если и посещал, то был мгновенно бит насмерть утренней рюмкой тяжёлого алкоголя, принимаемой без всякого удовольствия, исключительно как лекарство – осознанная необходимость. Просто после сорока как-то принято просыпаться надутым, побурчать, поворчать, демонстративно скрипнуть поясницей, посетовать на предательницу-судьбу которая, будучи столь многообещающей в молодые годы, до сих пор не удосужилась обеспечить тебя дворцом и горничной. И уже только потом, испивши кофе и тем исправив ситуацию «поднять-то подняли, а разбудить забы-

ли», можно начинать неравную и потому сугубо героическую борьбу с текущим днём.

Где же это было про то, что курить натошак – скверная русская привычка? В «Гиперболоиде инженера Гарина» что ли? Накинув куртку Александр вышел во двор на первую утреннюю сигаретку. Развернул скамейку, противно скрипнувшую железной ножкой по бетонному полу, уселся спиной к столу, по-хозяйски обозревая природу.

Снег, ещё вчера грязными клочьями лежавший под голыми кустами, за ночь растаял, обнажив землю, кое-где покрытую прошлогодней буро-зелёной травой. Солнышко светило, птички чирикали, куртка на плечах оказалась как-бы и лишней. Вроде бы и чистая пастораль, однако не вовремя – похоже, в этом году весны опять не будет.

«Вот же – мормоны,» – беззлобно чертыхнулся про себя Саша – «спасались, видите-ли, от преследований, искали с великим тщанием землю, которая никому не нужна. И у них-таки получилось.»

Давненько тому как, на Восточном Побережье будущих Соединённых Штатов, тогда бывшем ещё британским колониями, всюю хозяйничали пуритане. В те бородатые времена ни одна религия не отличалась запредельной веротерпимостью, а уж пуританская ветвь протестантизма и подавно относилась к уникальности правоты своей религии с куда большей щепетильностью, чем, например, нынешние талибы или какая-нибудь сравнительно беззубая испанская инкви-

зия. И не то чтобы пуритане резали мормонов с несравненно большим энтузиазмом чем тех же ирландских католиков, однако мормонам хватило и того. Так припустили с насиженных мест, что аж в другую страну добежали. Это уже потом, когда США отрезали у Мексики половину территории, Юта сделалась частью Штатов. И надо же так случиться, что кульбит судьбы занёс сюда и Сашу Тимофеева. Ровнёхонько широта хлебного Ташкента, только на другой стороне шарика. Полтора километра высоты, воздух разреженный, климат – континентальный. Вот вчера была откровенная слякотная зима, как в начале марта у нормальных людей и принято, а сегодня – нате вам, практически лето. «Как Вам понравилась весна в этом году? Ах, Вы не обратили внимания? Жаль, жаль, замечательная в этом году была весна, она случилась как раз вчера, примерно между ланчем и пятичасовым чаем.» При такой погоде через пару дней трава станет ярко-зелёной, и как из пушки за одну ночь почки выстрелят листьями. И на всю эту благодать снова запросто может повалить снег. Не зря говорят «Не нравится погода в Юте – подожди пятнадцать минут, и погода изменится на прямо-противоположную».

Саша зажал сигарету зубами, и, не вставая скинул куртку с плеч. Поочерёдно выдернув за спиной руки из рукавов, оставил её вывернутой на спинке скамейки. Вот так-то лучше, и не жарко, и назад откинуться можно – противно холодящая железная спинка прикрыта. После половинки ни-

котиновой палочки организм можно было считать условно проснувшимся. Саша полу-обернулся к столу, чтобы сбросить в пепельницу грозящий отломиться серый столбик с кончика сигареты. Серебрянная стопочка, оставленная вчера на месте применения, мгновенно напомнила о чём собственно был вчерашний вечер – вспомнился давешний тревожный телефонный звонок.

Ну что ж, подведём итоги: позвонил некто, проявивший осведомлённость, присущую госконторе, и, собственно, госконторой (Пентагоном) и представившийся. Предложил встретиться. Зачем?

Зачем с ним пожелали встретиться Саша совершенно не представлял. Если уж это действительно Пентагон, то логично было бы предположить, что это как-то связано со службой в Советской, а потом Российской Армии. Безусловно, откровенничать с бывшим, а скорее всего уже обратно настоящим Потенциальным Противником (или, если хотите «заклятым партнёром») Саша уж вовсе не собирался – тоже мне, нашли себе Мальчиша-Плохиша, декаденты. Не то чтобы Саша был готов молчать как пленный партизан – он трезво оценивал ситуацию, и понимал, но если уж Пентагону при полном доступе к телу захочется получить от произвольной персоны произвольные сведения – то Пентагон их получит, уж будьте уверены. Вытряхнет из кого-угодно что-угодно, это – не более чем вопрос времени. Уверенность же в том, что конкретно от Саши американцам ничего не узнать, базировалась от-

нюдь не на уверенности в своей непоколебимой стойкости – просто вытряхивать из Саши было нечего. Не являлся Александр Тимофеев секретноносителем и всё тут, так что с точки зрения выведывания этих самых секретов разведывательно-го интереса абсолютно не представлял.

В том самом военном НИИ, где Саша служил, конечно было много чего интересного для любой закордонной военщины, однако непосредственно с секретными данными сам Александр дела не имел – он, собственно, был программистом, и занимался созданием компьютерных моделей. Входные и выходные данные для этих моделей наверняка носили гриф «Совершенно Секретно», а то и «Особой Важности», а сами модели – нет, чистая математика без всяких выкрутасов. Ведь одно дело если мы скажем «Ракета Р-36М2 тринадцатой ракетной дивизии, расположенная в точке с такими-то координатами, предназначена для атаки северо-западного района Чикаго, точка прицеливания – с такими-то координатами», то в одной этой фразе секретов уже изрядно. А если мы говорим «Предмет в время Тэ начинает перемещаться по параболе из точки Икс в точку Игрек», то такие задачки и школьники на уроках физики решают. В общем, не было в Сашиной голове ничего секретного. Если бы было – не выпустили бы его в Америку. А если и проглядели тогда особисты, не доработали – так ведь сколько времени прошло, сколько воды утекло. Устарели давным-давно все секреты, протухли за сроком давности. В общем, вероятность

того что пентагоновец начнёт расспрашивать про военные тайны, Саша считал исчезающе малой и недостойной учёта. Конечно, опять же: «нет событий невозможных – есть только маловероятные», однако давайте отнесёмся к академическим теориям без фанатизма – будем оценивать ситуацию трезво и практично.

Сигарета догорела, и Саша, не вставая со стула повернулся, потянувшись к пепельнице. Посмотрел на пачку сигарет, хмыкнул, и, предварительно похвалив себя за твёрдость духа, закуривать очередную не стал. Вместо этого поднялся, и пошёл в кухню налить себе растворимого кофе. В доме стояла тишина – домочадцы, пользуясь выходным днём, спали от всей души. Нажав кнопку на электрочайнике, Саша запоздало оценил уровень воды, и понял, что до того как почти полный чайник забулькает и приготовит необходимый кипяток, пройдёт как минимум минут пять или семь. Как говорят англосаксы: «Если на чайник смотреть, то он никогда не закипит». В общем, говорят-то они это сугубо фигурально, в смысле того что если какое-нибудь событие очень ждёшь, то время как будто застывает и усугубляет тяжесть ожидания, но, так или иначе – на кухне Александру делать было нечего. Ну в самом деле, не стоять же подле раковины, пялясь на тихо гудящий электроприбор? Саша вздохнул, и поплёлся обратно во двор. На газоне шарилась большущая банда скворцов, с воинственным чириканьем и свиристеньем сыпанувших во все стороны, как только Александр открыл дверь.

– Вот то-то же! И не забывайте что я – человек, царь природы! – пробурчал Саша себе под нос.

Вообще-то он был рад видеть этих летучих тварюшек, собиравшихся в большущие стаи осенью, или как сейчас – весной, и летящих доразведывать местность в поисках червячков и друзей-подружек. Весёлые такие птички, да и на наших скворцов похожи. А то ведь вместо наших лягушек тут – гремучие змеи, вместо ёжиков – дикобразы. Ворон, например, вообще нет – вместо них сороки во множестве, а ещё всякие скунсы и еноты, иногда и прямо на улицах. А для любителей – ещё и пумы в лесах. Американцы этих большущих кошек называют или «горный лев», или «кугер», наверное отсюда и взялось почти исчезнувшее русское название «кугуар». А «пума» – это по-испански.

Был в своё время у Саши коллега-американец, который возил в машине большущий револьвер, да ещё и хвастался этим. Александр сначала думал что американец этот – один из тех огнестрельных психов, которые, пользуясь мягкостью местных оружейных законов, даже в туалет ходят с чем-нибудь крупнокалиберным, а заусенцы с ногтя срезают исключительно выстрелом из верного Кольта. Оказалось – нет, к оружию этот самый коллега относился адекватно, просто жил он на самой окраине городка Прово, что чуть южнее Солт-Лейк-Сити. По-скольку горы, покрытые диким лесом, там подходят буквально к самым домам, то и дикая же живность из этого дикого леса всегда под боком. В случае Саши-

ного коллеги частным проявлением этой живности случилась именно пума, повадившаяся спать на коллегином заднем дворе. Вот и приходилось тому с утра выходить из дома со здоровенным стволом на случай если восьмидесятикилограммовая кошка проспит и не уберётся вовремя туда где она обычно проводила светлое время суток.

Охоту Саша не любил, считая, что как-бы нечестно стрелять во что-то что не стреляет в ответ, но на месте коллеги непременно эту пуму бы выследил и пристрелил. Кто её, эту хищницу, знает? Ходит она кругом, молчит, думает о людях фигню всякую. Не все же рядом с ней с револьверами, легко эта хвостатая зверюга может, например, на ребёнка прыгнуть. Вон, в Калифорнии пумы каждый год в среднем трёх человек убивают, причём в основном – именно детей. Однако в Калифорнии пристрелить пуму – браконьерство, а в Юте как раз – нет, вот и надо было бы её заколбасить. Однако коллега пуму мочить не спешил, сосуществовал с ней мирно, и даже как-бы близким присутствием этой пумы гордился.

Вообще, жители Юты, или, как их называл Саша «утахцы и уташки», к природе относятся трепетно. Даже на вопрос: «Что вам нравится больше всего в Солт-Лейк-Сити?» они чаще всего отвечают: «О, у нас тут такая красивая природа!». Вот же смешные какие, в Городе Солёного Озера (обратите внимание – именно в Городе) им нравятся не театры-клубы-рестораны, а природа. Это, наверное как если бы кто-нибудь ушёл отшельничать в середину тайги, и на во-

прос о том, что ему по новому месту жительства приглянулось больше всего, отвечал бы: «О, у нас тут проходит такая замечательная железная дорога!»... В общем, «город» в Солт-Лейк-Сити присутствовал только в названии, и Сашу, выросшего в Москве, это изрядно печалило. Здесьнюю жизнь своим московским знакомым Саша обычно описывал примерно так: «Вот представьте себе жизнь на даче под Москвой. Представили? А теперь представьте себе ту же дачу, только Москвы рядом нет.»

Опустившись на стул, и прижавшись спиной к неуспешной ещё остыть куртке, Саша машинально зажёл следующую сигарету, и, в ожидании готовности чайника заставил себя вернуться к невесёлым размышлениям о вчерашнем звонке.

Итак, если пентагоновцы звонили не по поводу бывшей службы в рядах, тогда... тогда зачем? Хотят позвать послужить под звёздно-полосатые знамёна? Ну, во-первых – не по годам. Староват уже. Во-вторых – не будут для этого звонить из другого штата. В-третьих, не стали бы рекрутеры в чине сержантов утруждать себя выискиванием деталей вплоть до отчества – не должно быть у них для этого желания, и уж точно не может быть возможностей.

Как ни крути, опять сплошные «нет», «не логично», «не бывает», без каких либо намёков на решение головоломки. Ну что же, посчитаем что вчерашние выводы подтверждены, и задача не имеет решения, во всяком случае на тех исходных данных, которыми мы на момент располагаем.

Тогда следующий вопрос – что делать дальше? Вариантов всего два, позвонить и спросить что этому перцу надо, или забыть – плюнуть и растереть, надеясь что ситуация рассосётся сама-собой. Если честно, звонить совершенно не хотелось. Как-то не верилось Саше что он услышит что-нибудь типа «Дорогой Александр, Вы выиграли миллион в великую всепентагоновскую лотерею», или «Дорогой Александр, Президент подарил Вам танк и право кататься на этом танке где вздумается», или «Дорогой Александр, примите нашу безоговорочную капитуляцию» – наверняка ведь гадость какая-то последует. Вообще, хорошие новости редко путешествуют по телефону, если вам звонят незнакомые люди.

А с другой стороны – если не позвонить, то останешься в состоянии неизвестности бесконечно долго. Верней, не бесконечно долго, а пока эти крендели опять не проявятся. Причём, по закону бутерброда, ещё в какой-нибудь неподходящий момент – ну не оставят они Сашу в покое после какой-никакой разработки, отчество выявившей. Короче – надо звонить самому.

Саша вздохнул, и отправился за телефоном, по путиглянув на активно гудящий, но ещё не вскипевший, и потому не дававший отсрочки чайник. Набрал номер, высвеченный на определителе. Вернулся во двор, тяжело вздохнул ещё раз, и нажал кнопку «Вызов».

Гудок. Ещё гудок. После четвёртого гудка Саша задумался, по-русски или по-английски надо оставить сообщение ти-

па «Я вам звонок вернул, а вас дома не было, не хотите со мной говорить – не надо, увидимся в следующей жизни.» , но трубку подняли.

– Добрый день, это Александр Тимофеев.

– Здравствуйте Александр, здесь Стивен Сильвер, спасибо что быстро позвонили мне назад.

Фраза у американца получилась корявенькая – как будто выскочившая из компьютерного переводчика, и Саша подумал что его английский уж явно лучше чем Стивеновский русский. Учил тот, наверное, когда-то язык родных осин, но практикуется редко.

– Would you like to switch to the English?

– Да, спасибо, давайте дальше будем использовать локальный язык, так удобнее и быстрее – уже по-английски ответил американец – Нам надо встретиться и поговорить лично. Я сейчас как раз в Солт-Лейк-Сити. Это – мобильный телефон. Мы могли бы встретиться сегодня? Давайте встретимся в Фермонт Парке, это совсем близко от Вашего дома. Возле озера. Через два часа Вас устроит?

«Ишь какой приткий» – подумал Саша – «Быстрота и натиск. И место определено, и время, да ещё и не когда-нибудь, а через два часа. А может мне сегодня вообще с тобой встречаться и не хочется, а? Может, у меня уже планы на это время?», но вслух сказал: – Окей, я буду в Фермонт Парке у озера через два часа.

– Окей, до встречи. – сказал Стивен и отключился.

Саша посмотрел на часы, засёк время. Чай, душ, побриться, переодеться – пол-часа. Доехать – минут пять или семь. Ну, пусть – десять минут, Фермонт Парк и правда близко, в двух кварталах всего, но надо же и на местности оглядеться. А остальное время – думать.

В назначенное время Саша был в парке. Естественно, Стивена он никогда прежде не видел и узнать не мог, соответственно оставалось надеяться что американец опознает Сашу по фото и подойдёт первым. Если у них есть отчество, есть адрес, то и фотка уж точно какая-нибудь имеется.

Озером, у которого должна была произойти встреча, этот водоём в центре парка можно было назвать с большой натяжкой, скорее это всё же был пруд. Явно искусственный, потому что почти идеально круглый, метров сто в диаметре. Ухоженные, типично парковые берега. На берегах американские мамашки, в основном – матёрые матроны повышенной упитанности, знакомили отпрысков с природой – кидали в воду куски хлеба, активно поедаемые чайками влёт, утками с поверхности, и большущими цветными карпами-кои из-под воды.

Чаек Саша активно не любил. Вонючие, крикливые, жутко наглые. Из-за них в конце лета в парки с детишками лучше не ходить – гадко смотреть как чайки убивают и жрут маленьких утят. А обидишь чайку – тюрьма. Когда Саше сказали что за убитую чайку в штате Юта полагается год за решеткой, он не поверил и порылся в Интернете. Оказалось –

правда. Существует история (может легенда, а может и быль) как чайки спасли от голода первых поселенцев, когда на посеы которых напали то-ли сверчки, то-ли прочие какие тараканы да кузнечики. Так вот чайки этих насекомых истребили путём употребления внутрь – слопали короче, и с тех пор чайка – официальная птица штата, и обижать её – преступление. Кстати, не просто чайка, а именно эта, по-научному называемая «Калифорнийская чайка». Калифорнийская чайка – официальная птица штата Юта. Страна парадоксов, блин. Может, и у Калифорнии животное штата – тоже не какой-нибудь «просто-медведь», а ютинский медведь?

– Здравствуйте, Алекс. Можно я буду называть Вас Алекс?

Интересоваться, можно ли называть Стивена Стивом Александр не стал – нечего баловать.

– Конечно, Стив, как угодно – сказал Саша оборачиваясь. Стив был примерно на пол-голова ниже Сашиных метр-восемьдесят-четыре, и, наверное, на несколько лет помладше. Джинсы с широким ремнём и клетчатая рубашка могли бы придать ему вид американской деревенщины, эдакого фермера, но очки в блестящей металлической оправе скрашивали впечатление. Получался скорее молодой университетский профессор, готовящийся вывести своих студентов «в поле» – выкопать пару костей динозавров, ну или там отловить какую редкую бабочку или бурундука. Для завершения профессорского имиджа пожалуй немного не хватало аккурат-

ной интеллигентской бородки, или, напротив, сальных битловских патлов, но Стив был гладко выбрит, и светлые волосы были довольно коротко, пожалуй, даже по-военному подстрижены. Он смотрел на Сашу, и улыбался, смешно, и как-то по-детски щурясь на почти летнем солнышке. Улыбка у Стива была хорошая, не местная – бессмысленная, выровненная параллельно земле в сто зубов от плеча до плеча и холодными глазами, а нормальная. Типа один хороший парень улыбается другому хорошему парню не по-обязанности, а потому что тот ему взаправду симпатичен.

– Меня зовут Стивен Сильвер, рад встрече с Вами, Алекс. – выдал Стив стандартную фразу американского знакомства, пожимая руку Саше. Рукопожатие тоже было очень правильное. Энергичное, короткое, плотное – лодонь в ладонь, вмеру сильное, просто классика жанра – Александр оценил.

– Я тоже рад встрече с Вами – машинально закончил Саша формальную процедуру. Американец указал на скамейку чуть в стороне от суетящихся у кромки воды киндеров.

– Присядем?

Присели. Отчего ж было не присесть? Природа, она вообще стремится к минимуму потенциальной энергии, соответственно, чем ниже сидишь, тем природе приятнее. Саша смотрел на воду и ожидал продолжения.

По поверхности пруда потянулся кильватерный след – это к хлебному месту птичье-рыбьего ажиотажа поспешал Ос-

кар. Оскаром звали милую мелкую тварь плюшевого вида, то-ли ондатру, то-ли нутрию, то-ли выхухоль какую – чёрт их, грызунов, разберет. Короче – водяную крысу. Саша частенько приезжал сюда с детьми, так что был в курсе крысячьего имени. Раньше зверьков было четыре, откуда они взялись история умалчивает, а вот куда делись остальные – Саша слышал в местных новостях. Нашёлся какой-то идиот, взял мелкашку, да и перестрелял совершенно не боящихся людей зверюшек. Остался один Оскар.

– Теперь я обязан представиться официально. – Стив достал бумажник, вытащил оттуда закатанную в пластик карточку с своей фотографией на четверть накрытой большой радужной галогеновой печатью, вариацией на тему американского орластого герба. – Моё имя – Стивен Джонатан Сильвер. Я работаю в разведке Министерства Обороны Соединённых Штатов Америки, вот моё удостоверение.

Американец профессиональным жестом, таким это обычно это делают полицейские в боевиках, поднял карточку на уровень глаз Саши, и тому ничего не оставалось как внимательно посмотреть.

«Так вот как, всё-таки как-то где-то Джон Сильвер. Шутники были твои родители однако» – подумал Александр. В других обстоятельствах он бы обязательно пошутил на пиратские мотивы второго имени собеседника, но сейчас было слишком волнительно, нервно, и вообще чертовски неудобно. Саша смотрел на удостоверение. Действительно Мини-

стерство Обороны США. Действительно Разведывательное Управление. Действительно Стивен Джонатан Сильвер. Действительно печать, блестящая как новый серебряный доллар. И что-то там ещё мелким шрифтом. Действительно Разведывательное Управление... Действительно...

Только сейчас Саша заметил что Стив выжидательно смотрит на него, и кивнул. Удостоверение отправилось в бумажник, а бумажник – в карман джинсов гордого владельца убедительной ксивы.

– По законам Соединённых Штатов разведывательные организации не могут проводить тайных операций на американской земле. Это касается и Центрального Разведывательного Управления, и всех остальных, в том числе нашей организации. По-этому мы сможем продолжить беседу только если Вы добровольно согласитесь говорить со мной. Алекс, я хочу чтобы вы поняли: мы сможем говорить только если Вы добровольно примите решение поговорить, заставить Вас никто не сможет. Я официально предупреждаю Вас: только добровольно.

«Эко ты, дружок, "добровольно" упомянул трижды, а "можете отказаться" не произнёс ни разу.» – подумал Саша. – «Ну вот, значит всё-таки их разведка...»

Как ни странно, Александр даже испытал некоторое чувство облегчения. С одной стороны, конечно всегда теплится иррациональная надежда, что происходящее – просто какое-то недоразумение, не влекущее за собой радикальных

перемен в жизни, и пентагоновцы тебе просто скажут что-нибудь типа «Так значит Вы никогда не получали Медаль Конгресса за службу в Корее? Ах, Вы тогда в армии не служили, а в американской – так и особенно, и даже ещё не родились? Извините пожалуйста, это наша ошибка, больше мы Вас никогда не побеспокоим». А потом покраснеют от смущения за свою неуклюжую бюрократию, потупят очи долу, развернутся, и уйдут. Теперь надежды такой больше нету, но с другой стороны – и непонятки закончились. Это как в фильме ужасов, когда после напряжённого ожидания под соответствующую гнетущую музыку из страшной темноты наконец-то выскакивает тигр-людоед с окровавленной мордой. И тут с облегчением понимаешь что это не стая драконов, не свора вампиров, не рота маньяков с бензопилами, а всего лишь какой-то там одиночный тигр. Вот и сейчас – всего лишь разведка. Ну что ж, и для этого сценария домашняя заготовочка имеется... Нас, знаете-ли, тоже не на помойке нашли, время подумать было, и такой вариант рассматривался. Саша выдохнул, и как будто бросился в холодную воду.

– Я понял, Стив. Конечно, давайте поговорим. Однако, в свою очередь, я тоже хочу официально предупредить Вас: если разговор затронет темы безопасности, то, как гражданин Российской Федерации, я должен буду сообщить об этом российской контрразведке. В России очень строгие законы, и я не хочу быть обвинённым в шпионаже.

«... и оказаться в Сибири.» – хотел добавить Саша, но воз-

держался. Про Сибирь наверное был бы уже перебор.

Если честно, Александр подсознательно ожидал взрыва, какой-нибудь чрезвычайно неприятной обратки. Нервишки подрагивали как канаты на ветру, в желудке было холодно и вакуумно, и если бы Стив вдруг выпустил полуметровые когти и зубы да и отхватил бы одним укусом Сашину голову, тот бы не очень удивился. Но американец не спешил предъявлять какой-нибудь компромат, не грозил двузначными сроками заключения, даже не хмурился.

– Что ж, Алекс, я понимаю Вашу позицию. – весьма благожелательно сказал он, опять очень хорошо улыбаясь, словно одобряя Сашин выбор. Однако возвращать улыбку Саша не стал. В его планы не входило демонстрировать добавочное дружелюбие. Вежливость – да, безусловно, потому как попусту злить этих типов совершенно ни к чему. Но не надо и намекать на то что возможны варианты, мол, можно и передумать и согласиться на сотрудничество. Вы спросили, а мы ответили. Два джентельмена поговорили в соответствии с правилами этикета, но не сошлись во мнении. Всё – катитесь колбаской.

– Пройдёмся? – предложил Стив.

От чего ж не пройтись? Саша согласился с удовольствием. Ему хотелось «выходить» стресс. Не каждый день посылаешь подальше разведку великой державы. Александр нервничал и адреналин в крови требовал хоть какой-то физической нагрузки, на лавочке уже не сиделось. А ещё, Саша на-

деялся что прогулка – это способ мягко закончить беседу без потери лица. Вот дойдут они до машины американца, тот поворачивается, и – адью! Но Стив направился в противоположную от парковки сторону. Они неспеша шли рядом по дорожке опоясывающей пруд как шерочка с машерочкой, время от времени уступая дорогу велосипедистам в смешных пенопластовых шлемах.

– Как Вам нравится Солт-Лейк-Сити, Алекс? – начал Стив.

«Это ещё к чему?» – про себя поинтересовался Саша, и решил занять выжидательно-нейтральную позицию. Ни хвалить, ни ругать, чёрного и белого не покупать.

– Окей. – и как истинный джентльмен добавил для поддержания разговора. – А Вам, Стив?

– Я люблю Солт-Лейк-Сити, часто бываю тут в командировках. Вырос я в Вайоминге, это недалеко отсюда, так что местность похожая – те же Скалистые Горы. Работаю тоже недалеко отсюда – в Колорадо.

«Ну да, код межгорода был именно пригорода Денвера.» – подумал Александр, успевший дома погуглить Стивовский номер телефона. – «А вообще утомил ты, дружок, жук колорадский, историей своей жизни. Что, предлагается дружить семьями, или может, домами? Может о погоде ещё поговорим? Куда ж ты клонишь-то, а?»

– А Вы, Алекс, жили в Москве?

«А то ты блин не знаешь!» – покривился про себя Са-

ша этакой показной наивности. Пресненский джентельменский разговор ни-о-чём начинал надоедать едва начавшись, но лучше было не усугублять. Типа идут два человека, говорят на нейтральные темы. Смещаться в сторону разговоров о цели визита, и, соответственно, о профессии Стива уж вообще не хотелось. Ещё теплилась надежда что всё страшенькое благополучно закончилось, ещё чуть-чуть – и американец откланяется. Желательно чтобы навсегда. Было бы забавно конечно с совершенно серьёзным видом ответить что Саша в Москве не то что не жил, а даже и не был никогда, а всю жизнь до этого провёл, например, в Катманду или Шанхае, да и посмотреть как Стив на это среагирует. Однако до сих пор было волнительно, неудобно, да и банально страшно-вато если честно, вот и решил Александр обойтись без неловкостей.

– Да, в Москве и Ленинграде.

– Я был и в Москве и в Петербурге, и даже доехал на машине до самого Выборга. Очень красивые места. Россия – вообще замечательно красивая страна. Неправда ли замечательно, Алекс, что Америка и Россия больше не враги?

«Ага, так вот к чему это было. Мостик к компромиссу. Строили, строили, и наконец построили. А теперь небось выяснится что американская разведка озабочена исключительно обеспечением процветания России, с которой типа не враги. Щщщаз! Соловья нашли, петь я им буду!» – Саша понимал, что уж чего-чего, а компромисса допускать никак

нельзя, или через болезненную фазу отказа в сотрудничестве надо будет проходить снова. Очень правильно было бы напомнить про вооружение и натравливание на Россию наших братьев-грузин, и про цитрусовые революции, и про ПРО в Восточной Европе. Да уж чего мелочиться – и про развал Союза тоже. Но Саша, уже почти отволновавшись, чувствовал себя аморфно-усталым, и никак не мог решить что сказать надо, а от чего лучше воздержаться, чтобы не прослыть анти-американцем и, соответственно – террористом. По-этому он ничего не ответил, просто нейтрально дёрнул плечами.

Надо заметить, что это нейтрально-вежливое движение плечами Александр выполнял профессионально. Научился он этому жесту ещё в Москве, пока в перерыве между армией и Америкой программировал в большой западной компании. Русских в компании было процентов десять, а остальное – иностранцы, или, как их тогда называли «экспаты», дорожные специалисты из США, Новой Зеландии, и Соединённого Королевства, оно же – Великобритания. Причём в большинстве своём великобританцы эти были вовсе не англичане, а ирландцы и шотландцы. Рабочим языком был, соответственно, английский, а с английским у Саши тогда было достаточно скверно. В военном училище Сашу английскому конечно учили, но не разговорному, и даже не такому, чтобы в нужный момент суметь сказать: «Если хочешь жить – веди нас к ракетной установке!». Учили Сашу такому английскому, чтобы супостатову документацию по вычисли-

тельной технике читать смог, а уж практики общения и подавно никогда не было. Так что на новом месте работы Саша учил язык примерно так, как по легендам рыбаки учат своих детишек плавать, типа бросают их через борт лодки, хочешь – сходу учишься плавать, а не хочешь – иди ко дну. Вот и барахтался новоиспечённый мистер Тымофэйеф в компании англоязычных иностранцев как мог, что-то понимал, а когда не понимал, то смело улыбался и кивал с одобрительно-соглашающимся видом, надеясь попозже заполнить непонятные фрагменты дополнительными вопросами. Такие Сашины довольные улыбки и кивки прекратились после разговора в курилке с одним общительным шотландцем. Вообще, английский язык, на котором разговаривают шотландцы, английским можно назвать с большой натяжкой, а этот Сашин собеседник и подавно внятностью дикции не отличался. В тогдашнем монологе шотландца Александр не понимал практически ничего, и, соответственно, кивал и улыбался изо всех сил с видом восторженного идиота, периодически поднимая вверх большой палец, и вставляя в рассказ собеседника ненавязчивые комментарии типа «Good!» и «Super!». А потом выяснилось, что этакая Сашина реакция шотландца несколько удивила, (даже с поправкой на загадочную русскую душу) потому что рассказывал тот Саше про своего дядюшку, который спился и умер от цирроза печени, в результате чего жена дядюшкина оказалась в сумасшедшем доме, а дети (рассказчиковы кузены) – в тюрьме для мало-

летних преступников. С тех пор Саша в случаях непоняток улыбаться перестал, зато вместо этого научился нейтрально пожимать плечами с чрезвычайной ловкостью, типа «Раз уж Вы это говорите, то наверное так оно и есть, мне-то что...»

– Теперь люди могут свободно путешествовать, встречаться, обмениваться мнениями. – тем временем продолжал Стив. – Безусловно, я ни в коем случае не попрошу Вас, Алекс, о чём-нибудь, что может принести России вред, я знаю – у Вас там родственники и друзья. Кстати, о друзьях... Алекс, не могли бы Вы оказать мне маленькую услугу? Один мой добрый знакомый сейчас в России, ему нужна поддержка, как это у вас говорится, «связи» .

«Ах вот к чему это...» – почти спокойно прикинул Саша, который уже устал волноваться, похолоднокровел, и обрёл наконец возможность думать быстрее. – «Конечно, не попросят меня они, благодетели, красться через контрольно-следовую полосу на кабаньих копытцах, увёртываясь от пограничника Карацупы и его верной собаки. Просто кто-то из моих армейских друзей занял достаточно высокую военную должность. Или не военную, а, например – государственную. Или не занял, а вот-вот займёт. Жизнь идёт, ребята делают карьеры, и кто-то оказывается в высоких кабинетах. А меня попросят к этому знакомому казачка засланного подвести. Ух, декаденты...»

– Ситв, я рад бы был вам помочь, но меня не осталось в России влиятельных знакомых.

– Ну, например, мы могли бы выбрать кого-нибудь из Ваших друзей в социальных сетях.

– В друзьях у меня там масса случайных людей. Людей, которых я никогда в жизни не видел. Я понятия не имею кто из них влиятельный, а кто нет. И уж тем более не могу обращаться к ним с такими просьбами.

– Ну, Алекс, всё не так плохо. Мы могли бы выбрать кого-нибудь из Ваших бывших сослуживцев по войсковой части номер 02279, или, как Вы его называете, Научный Институт 38. Армейская дружба ведь навсегда, верно?

Тому, что американец знает о том, что Сашин НИИ, и воинская часть с номером, начинающимся с нуля (а следовательно обозначавшим нечто секретное) – это одна и та же организация, Александр ничуть не удивился. Во-первых – наверняка интересующиеся закордонные спецслужбы этой информацией обладали давно, тоже мне, секрет Полишинеля. Во-вторых, теперь, во времена всеобщего головоутиательства, подобную (причём, частенько действительно секретную) информацию мог получить вообще каждый желающий. В любой социальной сети смотришь на профиль Ивана Петровича Сидорова, и видишь, что состоит он в группах «в/ч 012345» и «Энская Бригада Спецназа ГРУ». И друзья его в обеих группах присутствуют, и годы службы соответствуют. Вот и делают люди выводы. Удивительно было другое: зачем этот пират-Стив подобной информацией козыряет? Саша подумал-подумал, но сходу ничего не придумал.

А ещё, если честно Сашу поедом ело любопытство, так и подмывало спросить: «Ну, положим, я твоему другу помогу, а ты мне что? Что мне за это будет?». Забавно было бы узнать сколько готово платить самое богатое в мире государство, и готово ли вообще. А может – наоборот, ответят: «Если сделаешь всё правильно, то тебе ничего не будет, а если нет – будет тебе столько, что мало не покажется!». Однако домашняя заготовка – модель поведения, продуманная Сашей в двухчасовой период между звонком и встречей, такой поворот беседы напрочь исключала. Вопрос «А ты мне что?» подразумевает возможность торга, а вот намёков на то что «торг уместен» делать было никак нельзя. «Нет» – означает именно «нет», и всё тут! «Нет» должно звучать не как «Может быть, при определённых обстоятельствах», а как «Сотрудничать не готов, потому как боюсь обвинений в шпионаже – отлезьте, гниды!» А то ведь додают, как пить дать додают.

– Стив, большинство этих людей я не видел больше десяти лет. Очень жаль, но я не смогу помочь Вашему другу.

– Я уверен, Алекс, что Вы подумаете, и найдёте возможность помочь своей стране. – глаза американца теперь смотрели серьёзно и даже, пожалуй, многозначительно. Да и «своей стране» тот выделил весьма недвусмысленно, хоть принимай строевую стойку и запевай их смешной гимн, прижавши руку к левой стороне груди.

«Ты бы блин определился уже, просишь помочь лично те-

бе или своей стране.» – подумал Саша – «Да и пора бы понять что по-любому возможности и желания помочь Твоей стране у меня нету. Однако, обрати внимание: не потому что я страну твою не люблю, не любят её только враги демократии и всякие бородатые террористы. А я ведь – нет, я – просто абсолютно бесполезный трус и дурак. Вот на этой жизнерадостной ноте и закончим беседу.»

– Вы же знаете какие в России строгие законы, Стив. За шпионаж там сажают надолго. Извините, мне пора. Всего хорошего, Стив.

Стив теперь опять улыбнулся. Приветливо, открыто, как ударник труда с советского плаката. Пожимая Саше руку, старательно выговорил по-русски:

– До свидания, Алекс. До скорой встречи.

03. Товарищ ротмистр

– «До скорой встречи», говоришь?

– Угу, дословно: «До свидания, Алекс. До скорой встречи.», причём по-русски.

– Хех, значит, «Алекс»? Ай да Алекс, ай да сукин сын, не поддался Юстасу. Шурик-джана, пододвинь-ка сюда рюмочку, камрад контр-адмирал.

Если составить некую виртуальную шкалу «русскости» населения Солт-Лейк-Сити, поместив истых англо-саксонистых американцев у отметки «единица», а русских – россиян, белорусов и украинцев – у отметки «сто», то практически все уроженцы Великого и Могучего, включая прибалтов, да

и многие бывшие братья по Варшавскому Договору окажутся в цифрах выше девяносто пяти. Все, кто может говорить (или даже только понимать) по-русски, здесь считаются своими, советскими, нашими. Выпадут из этого пяти-процентного диапазона только бакинские армяне, потому что им на такой шкале придётся присвоить оценку «сто один». Бакинцы тут были пожалуй более русскими чем самые забубенные русаки – говорили они по-русски, по культуре были типично русскими, соответственно к России относились как к Отечеству. Поверх этого, оставаясь армянами, они не уставали подчёркивать что Россия, плюс ко всем своим достоинствам – верная союзница, а при нужде – ещё и грозная защитница Армении.

Арсен был исключением. Действительно, «джана» было пожалуй единственное армянское слово, которое он с удовольствием употреблял, а скорей всего и знал, но вместо России Арсен любил Советский Союз. Начиная военную карьеру в Бакинском общевойсковом Училище, Арсен уже курсантом успел поучаствовать в кровавых конфликтах, возникающих (как тогда казалось – совершенно стихийно и самопроизвольно) на просторах тогда ещё общей шестой части суши. Внезапно выяснялось, что одна группа «Единой Общности – Советского Народа» от начала времени ненавидит другую, причём у обеих групп есть организации, деньги и оружие вплоть до артиллерийских систем и самолётов. Военные же в районе конфликта считались сатрапами «СэСэС-

эРа – Тюрьмы Народов», и были ненавидимы обеими конфликтующими сторонами, получая плевки в лицо и выстрелы в спину. Поверх этого письменный приказ на решительные действия всегда отсутствовал, а устные распоряжения, напротив, всегда описывали ответственность, которая неотвратимо постигнет тех кто применит оружие против «мирных граждан», недвусмысленно намекая на то что от военных требуется стоять в стороне и ни во что не вмешиваться, а не то полетят клочки по закоулочкам, погоны полетят, а при плохом раскладе, возможно – и головы.

Доучивался Арсен уже в Челябинском танковом, а по распределению попал в Южную Группу Войск, в тогда ещё единую Чехословакию. Успел покомандовать разведвзводом, а потом, через два года (как перспективному офицеру и надлежит) – разведротой, второй раз попав под раздачу когда не к ночи будь помянутый Мишка-Меченый выдернул наши части из Восточной Европы чуть ли не за одну ночь, и войска выводились в чисто поле, в палаточные городки. Как было принято такое решение, по природной глупости-ли, или, упаси бог, по злему умыслу – теперь наверное и не узнать, а тогда – не до того было. А впрочем, разве встречаются природно-глупые руководители государств?

Саша, как и все, хлебнул лиха в начале девяностых, когда он, старший лейтенант (между прочим «Ваше Благородие», чёрт побери!) по тогдашнему текущему курсу получал пятьдесят один доллар в месяц. Будучи кадровым офицером

(да и стыдно по-другому то, если до тебя четыре поколения Тимофеевых были военными) Саша всё же понимал, что на момент он – офицер «паркетный», или если уж совсем радикально и по-честному, то: «штабная крыса». Расписываясь в ведомости чтобы получить пачку банкнот с сумасшедшим количеством нулей, Александр немного завидовал строевым офицерам, которым наверняка хоть паёк выдают, потому что для любого государства самоубийственно держать впроголодь людей, у которых в руках оружие. Теперь же, после знакомства с Арсеном, выяснилось что завидовать тогда было совершенно нечему – в линейных частях пайков тоже обычно не видели, если в городах можно было что-то купить, хотя бы и за дорого, то на периферии господам офицером вместе с жёнами и детишками откровенно нечего было жрать.

Познакомились Саша и Арсен через девчонок – Сашина подруга Лариска приходилась жене Арсена Алле какой-то седьмой водой на киселе, а плюс к этому – и ближайшей подругой.

Вообще, как это ни странно, устойчивость любой компании держится именно на девушках – ребята обычно дружатся легко и непринуждённо, а вот у прекрасного пола взаимная приязнь возникает гораздо труднее. При отсутствии же приязни женщины растаскивают компанию как лебедь, рак, и щука.

Однако у Саши и Арсена тут проблем не было, да и дружить им было просто – служивые, одногодки, оставили го-

судареву службу почти одновременно. Оба, соответственно, были капитанами, правда, уже лет пятнадцать как – капитанами запаса. Саша, памятуя о «лошадиной» наследственности бронетанковых войск, обычно величал Арсена кавалерийским аналогом капитана «ротмистр» или казачьим «есаул». Арсен же Сашу называл как угодно, от «товарищ оберст» до «месье генералиссимус».

Была у Арсена ещё одна приятная особенность, которую Саша сейчас и собирался эгоистично и беззастенчиво эксплуатировать – Арсен был на пол-года постарше.

Вообще-то разница в возрасте с годами нивелируется, типа когда одному человеку год, а второму – два, то разница огромная – в два раза, как между сорокалетним и двадцатилетним. А вот когда одному сто лет, а другому сто один, то разницы в общем-то нет практически никакой. Тем более что в таком возрасте уже вряд ли помнишь сколько тебе лет, а сколько приятелю твоему, да имена (и своё, и его) наверное уже из памяти выскользнут.

А вот в сорок лет на какое-то время разница делается весьма ощутимой, потому что где-то около сорока всех без исключения людей начинает ломать пресловутый кризис среднего возраста. И ведь все знают что существует он – кризис-то, и каждому через него пройти придётся, и тем не менее, когда подходит срок каждый оказывается совершенно неготовым. Эх, нашёлся бы доброволец, написал бы книгу про этот самый кризис – озолотился бы, сумасшедшие мил-

лионы бы заработал. А может, уже и есть такая книга, но Саше она как-то вовремя не попала, вот и бился он с кризисом один-на-один, озадачиваясь глобальными вопросами персонального бытия. Вопросами, которые ещё пару лет назад казались глупыми и невозможными, а ещё через пару лет будут казаться наивными и ответов вовсе не требующими. Кризис среднего возраста – он в том собственно и состоит, что человек себе вопросы задавать начинает. А заканчивается этот самый кризис, когда ответы придуманы, или нашлись логические мотивы, духовные силы, и моральные средства, чтобы научиться эти вопросы игнорировать.

Вот и варился Саша в своём кризисе, шкварча и побулькивая, пока не выяснилось, что у Арсена кризис идёт с опережением на пол-года, и практически на все текущие Сашины вопросы есть Арсеновы ответы, просто потому что была у Арсена фора в шесть месяцев на то чтобы подумать и ответы эти найти. Вопросы – они, знаете-ли, у всех примерно одинаковые, и ответы к ним – тоже. Вот и сделался Арсен кем-то вроде Сашиного персонального гуру. А гуру – они ведь не только как источник вселенской мудрости хороши. Их можно и для анализа оперативной обстановки приспособить.

Уж чего-чего, а анализировать Арсен умел и любил, причём делал это сочно, со вкусом, частенько огорошивая Сашу нестандартностью выводов. Вот например, когда после Августовской войны Александр примчался к приятелю отпраздновать победу русского оружия, Арсен встретил его совер-

шенно неожиданной фразой:

– Это войну выиграл как раз тот, кто её начал.

– Ты чего, дорогой, СиЭнЭна натошак насмотрелся? – только и сумел сказать Саша после затянувшейся паузы. Ну никак не хотелось ему верить что Арсен, братушка, товарищ по оружию поверил пропаганде из американских новостей, неустанно повторявших что Россия опять выказала свой имперский нор, внезапно напав на маленькую но гордую демократическую Грузию. Ведь даже совершенно правдивые факты можно, знаете-ли, по-разному преподносить. Давным-давно был такой анекдот из разряда политических: Брежнев и Картер бежали марафон, и американский президент, будучи помоложе и поспортивнее, естественно выиграл у престарелого генсека. А газета «Правда» сообщила о результате, напечатав что Брежнев пришёл вторым, а Картер – предпоследним. Вот так вот – а ведь ни капли лжи, просто акценты расставлены как надо. А ведь в смысле виртуозности пропаганды нашей тогдашней «Правде» до нынешних американских газет да телеканалов – ой как далеко.

– Именно, СиЭнЭна и насмотрелся. – ничуть не обидевшись на Сашин выпад ответил Арсен. – А СиЭнЭн непосредственно восьмого августа, в первый же день войны сказал, что все двести «с копейками» американских военнослужащих собраны в безопасном месте и готовы к отправке на родину. О чём это говорит?

Саша уже понял что фраза про то тех, кто войну начал

и выиграл, была сказана специально чтобы подготовить слушателя к священнодействию образцово-показательного препариования «серой» информации, и приготовился наслаждаться.

– А говорит это нам, старым разведчикам, весьма многое. – продолжил Арсен после тщательно выдержанной паузы. – Во-первых, двести военных для того, чтобы обучить две тысячи грузинских солдат (а именно столько было обучено по программе партнёрства) мягко говоря – многовато. То есть, значительная часть этих американцев не обучала грузинских солдат, а работала военными советниками. В батальонах, а возможно что и в ротах, как в своё время во Вьетнаме. А значит предвоенного развётривания грузинской армии американцы не могли не заметить. Ну, если в каждом батальоне есть советник, не могут они не знать, где эти батальоны располагаются и что делаю, так ведь? И начальники этих советников, которым те докладывают, не могут не видеть всей картинки.

Саша машинально кивнул, стараясь быстренько найти в рассуждениях Арсена дырочку. Не то чтобы не верил Александр что Штаты знали про готовящуюся атаку на Цхинвал – да знали конечно, Саакашвили без разрешения Вашингтона не то что войну не начнёт, а и по малой нужде не сходит. Просто хотелось поспорить, чтобы Арсен не очень-то задавался. Любил Саша спорить, однако понимал, что сейчас логическая уязвимость в Арсеновых рассуждениях вряд

ли найдётся.

– Ну хорошо, давайте, месье фрегатен-капитан, предположим что не увидели американцы леса за деревьями, поленились на карте грузинские части нарисовать, и не поняли что вторжение готовится. – Арсен махнул рукой, как бы щедро отодвигая отринутый логический аргумент в сторону слушателя. – Но как они тогда своих людей за один день из воюющих грузинских частей сумели выдернуть, да ещё и в некое место для эвакуации собрать? Война, горы. Наши средства радио-электронной борьбы грузинскую систему связи давят, а грузинские – нашу. У нас – господство в воздухе, так что на вертолётах не сильно полетаешь. Да что там на вертолётах – и на машинах не очень-то покатаешься, легко можешь или на нашу разведгруппу наскочить, или вообще на бронеколонну – линии фронта-то нет, где свои где чужие – непонятно. Или под штурмовик попасть. Или грузинские же части по случайности обстреляют. А американцы вот так вот запросто своих людей в условиях военной неразберихи собрали за один день? Ой, не смешите! А я вот что скажу: такое чудо может случиться только если знаешь время «Ч» заранее, и людей своих начнёшь собирать загодя, не дожидаясь пока начнётся.

– Так никто и не спорит что Америка про военные планы Грузии знала. – отпарировал Саша. – Я, в общем, и не удивлюсь если не только знала, но и помогала разрабатывать. А с какого перепуга тот кто войну начал – тот её и выиграл-то?

Мы войну выиграли, а не они! Мы! А начали – они.

– Нет, дорогой. Америка войну выиграла сразу после первого выстрела, вне зависимости от исхода боевых действий. – покачал готовой Арсен. – Америку любой вариант развития событий устраивал. Если Россия за осетин не заступится, или заступится не сильно стараясь, просто обозначая активность – то выиграет Грузия. И получится что маленькая, но обученная американцами армия напинала большой, но неуклюжей России. Ну и конечно же все увидят что демократия шагает по планете, а Россия – союзник никакой, и друзей своих защитить не в состоянии. Другой вариант: Россия в конфликт вмешается и добьётся военной победы. В таком случае получается что Россия – агрессор, и те грузины, которые не одобряют нынешнюю шизофреническую русофобию, своё мнение попридержат. А впрочем, какое там «попридержат» – они сами русофобами сделаются как миленькие. Ведь рассуждать о том, с кем дружить, а с кем – нет, можно только до первого выстрела. А дальше срабатывает извечное «наших бьют!». После этого остается только защищать своих, и ненавидеть тех, кто в них стреляет.

– Ну, напинали-то, слава богу, мы им а не они нам. – угрюмо ответил тогда Саша. – Кстати, Саакашвилищине теперь хотя-бы дорога в НАТО закрыта.

– Напинали. Слава богу. Конечно, лучше так, чем наоборот. – легко согласился Арсен. – А вот про НАТО... А зачем Америке Грузия в НАТО? В НАТО – всякие прочие

там Франции, да Исландии с Норвегиями. И все ведь с номинальным правом голоса, куча регламентирующих документов, политики всякие европейские под ногами путаются. Штаты в НАТО главные, но не единственные. А с Грузией у Америки и так прекрасные двусторонние отношения. Захочется американцам в Грузии войска разместить, или так какую-нибудь технику разведывательную, грузины сразу согласятся, да ещё и спасибо скажут. Верно?

– Верно... – согласился тогда Саша, в очередной раз подивившись нестандартности мышления Арсена.

Ведь все мы мыслим штампами, причём – не потому что тупые или ленивые. Наши головы так устроены чтобы время экономить, не передумывая одни и те же мысли заново каждый раз. Вот и получается: «Америка в НАТО главная» и «Грузия хочет в НАТО» вместе означают «Америке выгодно чтобы Грузия вступила в НАТО». И очень немногие умеют остановиться и спросить себя: «А, собственно говоря, почему?», вытащив размышления из накатанной колеи. А вот Арсен как умел, и теперь Саша это умение собирался всю использовать. А впрочем, и без умения этого надо было Саше срочно выговориться – переволновался он сегодня. Хотя, чего себя-то обманывать? Не переволновался, а откровенно испугался.

Сегодня женщины расположились в комнате – и смотрели какой-то слезоточивый сериал по русскому спутниковому телевидению. Ну а мужчины – там, где нашему человеку и

надлежит обсуждать жизненно-важные вопросы – на кухне. Пересказ событий близко к тексту занял всего пятнадцать минут и по две рюмки водки – виски Арсен принципиально не употреблял и даже дома не держал. Пили и беседовали, соответственно, без дам, и практически без «стола».

Стандартные посиделки у Арсена отличались истинно-армянским изобилием и роскошью. Саша с Лариской обычно приносили водку для господ офицеров, пиво – чтобы эту водку запивать, вино для девчонок, иногда – что-нибудь «на сладкое». Арсен же заранее выгонял супругу с кухни, а сам метался между плитой и грилем. На плите готовилось всегда что-то новое, высмотренное на каком-нибудь кулинарном веб-сайте, да так чтоб поэкзотичнее. А на гриле, конечно же – шашлык. Гриль у Арсена был не на углях, а газовый, за что Саша неизменно упрекал приятеля в предательстве святынь армянской нации, но, надо признаться, шашлык всегда был – просто супер.

Сегодня же времени приготовить ужин не было – Александр запросил внеплановой «аудиенции» – необходимость выговориться до завтра никак не терпела. По-этому девчонок мягко, но настойчиво выпроводили в комнату смотреть телевизор, а сами принялись обсуждать вынырнувшую из ниоткуда Сашину проблему, запивая её водкой и закусывая тем, что нашлось в холодильнике.

– Думаешь, гражданин ландскнехт, этот типус просто стандартное выражение из учебника русского языка употре-

бил, или действительно намекал что встреча не последняя? – Арсен задумчиво крутил в пальцах вилку, только что употреблённую для вылавливания из банки закуского маринованного огурчика.

– Да бес его разберет. Я же вроде достаточно недвусмысленно объяснил что сотрудничать с ними у меня никакого интереса нету, соответственно, и встречаться ещё раз – тоже. Хреново то, что я так и не понял, хотели они на меня посмотреть так, на всякий случай, а про познакомить их человека с кем-то из моих знакомых ляпнули просто для проверочки, типа чтобы на мою реакцию на такое предложение глянуть... – размышлял вслух Саша, поглядывая на свою рюмочку. – Или же я им нужен для какого-то конкретного проекта. Если для конкретного, они могут оказаться гораздо более настойчивыми.

– А ты, Сашок, понимаешь что любая спецслужба человеку может бесповоротно испортить жизнь, если этим озадачится? И даже не то чтобы озадачится – мелковаты мы для этого. Не озадачится, а только подумает а том, чтобы озадачиться. Даже какая-нибудь контрразведка Зимбабве, или там Буркина-Фасо. А американская контора, да ещё и на американской земле – так особенно...

– Спасибо, млин, утешил, дружище ... – хмыкнул Саша, и толкнул пустую рюмку в сторону Арсена.

Арсен разлил водку, и наполненная на две трети (чтобы не расплескаться) рюмка отправилась в обратное путешествие

по пластиковой поверхности. Потянувшись через стол чёкнулись, кивнули друг-другу, и выпили без тоста.

– Если ты им действительно нужен, герр адмирал, – продолжил мысль Арсен – они тебя по-всякому к сотрудничеству принудят. Не мытьём так катаньем. Что называется – «по плохому». Остановит тебя полиция за что-нибудь насквозь рядовое и нейтральное, а потом внезапно найдут в машине килограмм кокаина. Вывели болезного, руки ему за спину... А потом придёт в твою камеру этот твой Цээрушник, и скажет: или, мол, проявляй усердие и делай что велено, и тогда дело твоё бесследно растворится. Оно не растворится конечно, а отправится на полочку, чтоб тебя и дальше на коротком поводке держать. Ну, а не хочешь проявлять усердие – пожалуйста в тюрьму на десять лет. Или на двадцать... или на сколько тут принято давать за наркоту в этих количествах...

– Румошник.

– А?

– Румошник, а не Цээрушник. Он был из РУМО – Разведывательное Управление Министерства обороны. Типа нашего ГРУ.

– Да знаю я что такое РУМО! – Арсен даже не нашёл нужным обидеться на косвенное обвинение в военной неграмотности – Какая разница? Во-первых, он тебе ксиву любую мог показать, мало-ли какая у кого легенда прикрытия. Знаешь что такое вербовка «на чужой флаг»? Вот то-то.

– Не то чтобы представляю, но по контексту уже догадался.

– Это вербовка под чужим именем, от лица не той организации, за которую себя выдаёшь. – на всякий случай пояснил Арсен, пропустив мимо ушей Сашино «догадался». – Теоретически не только организации, но и страны. Хотя я думаю что такую экзотику можно вовсе не рассматривать. Полагаю, ты можешь быть интересен кому-либо только по линии Россия-США, а третьей стране с тебя взять, уж извини, нечего. Ведь нету, Саня, у тебя в голове, так сказать, «общеупотребительных» секретов?

– Нету. – с удовольствием согласился Александр. – Нет общеупотребительных. Да и никаких уже нет – сколько лет прошло.

– Всяким «неправительственным» конторам, вроде мафии, или всяких там масонов с розенкрейцерами, ты вроде тоже не нужен. Из тех же самых соображений. Высокий пост ты не занимаешь, к большим деньгам доступа не имеешь.

– Ага.

– Вот и хорошо. Тогда давай исходить из того, что этот твой перец был местный, штатовский, причём – государственный. Но он с таким же успехом из РУМО как и из ЦРУ, ЭнЭсЭй, всмысле АНБ, внешней контрразведки ФБР, да кто угодно. Тут в разведывательном сообществе штук двадцать организаций числится. Например, ты обратил внимание, что если поискать, то в прессе всегда можно найти объявления

о наборе на работу в ФБР и ЦРУ? А объявлений с предложением работы в АНБ не бывает никогда, хотя там штат – в четыре раза больше чем у ЦРУ. Понимаешь, о чём я?

Саша кивнул. Действительно, с тех пор как Америка начала бороться с терроризмом во всех уголках земного шара, объявления о наборе в ФБР – Федеральное Бюро Расследований, и в ЦРУ – Центральное Разведывательное Управление стали появляться очень часто. Про армию, флот, и корпус морской пехоты – и говорить нечего. А вот Агентство Национальной Безопасности – то самое гигантское и жутко секретное АНБ, занимающееся электронной разведкой, прослушкой, криптографией, и прочими интересностями – оно как-бы никого никогда и не нанимает. Что ж, логично предположить, что АНБ просто набирает народ под другими вывесками. И вроде бы любому эта мысль должна казаться простой и понятной. Но Арсен гипотезу эту выделил, оформил, и озвучил – ну хотя бы для Саши. Вот она – разведывательная закалка.

– Тебе бы, мой головастый друг, в своё время в аналитике служить, а не в силовой разведке по лесам шастать. Понял я, понял: типа на стене сарая х... – Саша оглянулся на комнату, где сидели девчонки, и слово целиком произносить передумал. – ну, в общем известно-что написано, а внутри сарая – совсем не это, внутри – дрова лежат.

– Ну да. А во-вторых, – продолжил прерванную мысль Арсен. – действительно, какая разница-то? Или ты думаешь,

что если это действительно РУМО, то они проникнутся к тебе нечеловеческой любовью как к армеуту, соответственно – коллеге, да и отпустят с миром? А потом догонят, и банку варенья с корзиной печенья добавят?

– Ты, горячий восточный человек, не кипятись и меня не запугивай. Я уже запугался, без твоей блин помощи. – прервал его Саша. – Лучше что-нибудь конструктивное подкинь. Я и сам ещё до встречи, за вчера да за сегодня много чего передумал, особенно как раз про варианты «по плохому» и «по очень плохому», про подставы всякие. И тоже пришёл к выводу, что если захотят надавить – то ничего не сделаешь. Сплющат.

– А я и конструктивно... – примирительно подмигнул Арсен – это я так «адвокатом дьявола» работаю. Ну, и параллельно мыслю вслух. У тебя было время подумать, а у меня – нет. Ты, Шурик, не расстраивайся раньше времени, никто ведь не умер, соответственно ничего непоправимого не произошло...

Арсен приглашающе показал глазами на Сашину рюмку, и та вновь заскользила по пластику в сторону хозяина дома.

– Давай, старина, излагай – чего ещё вчера надумал?

– Надумал что теоретически можно устроить западло и гораздо проще, не устраивая полноразмерную операцию и не посвящая в неё всяких там полицейских, которым придётся наркотики найти, или, скажем – ствол, из которого кого-то недавно мочканули.

– Ты, Сашок, намекаешь на то, что можно просто своих сотрудников в полицейскую форму переодеть?

– Можно, но так или иначе надо будет в участке объяснять откуда я взялся весь такой криминальный, так что кого-то стороннего посвящать в игру придётся. Нет, Арсенище, слишком сложно получается, я думаю что усложнить жизнь мне можно издаля, так сказать – бесконтактно...

– Секундочку, секундочку, придумчивый ты наш, товарищ леутёнант-командэр, – Арсен привстал с высокой табуретки, поднял рюмку, отставил локоть, и басом киношного генерала Иволгина добавил – Ну, за интеллект!

– За интеллект!

Саша впервые за вечер улыбнулся. Уровень алкоголя в крови гнал страхи-волнения прочь, и позволял посмотреть на возможные, но далёкие (и пока что чисто теоретические) неприятности как-бы со стороны. Ситуация уже не казалась безвыходной, и где-то в подсознании шустрой рыбкой мелькала мысль. Правильная, нужная мысль. Решение. Вот только никак не получалось эту мысль зафиксировать и как следует рассмотреть.

Выпив, и осадив заботливо предложенным Арсеном огурчиком, Саша протестующе замахал на протянутую бытылку пива, указывая на шкаф, где за стеклом выстроились стаканы. Пиво из горлышка Саша никогда не пил, утверждая что благородный напиток в глотку должен устремляться могучим потоком, а не цедиться хиленькой струйкой. Арсен в

ответ Сашин жест повторил – указал на шкаф со стакаками, напоминая Александру что он хотя тут и гость, но всё же человек не чужой, понадобится ему стакан – сам может встать, открыть шкаф, да и обзавестись ёмкостью для пива. Саша слезть за стаканом поленился – решил, что и огурчика хватит.

– На чём остановились? – Арсен хрустел братом-близнецом Сашиного огурчика. – Так что там про бесконтактность?

– Говорю, гадости можно делать не отрывая попы от стула. Например занести меня в «нот-ту-флай лист», знаешь, такой список личностей, коих на самолёты не пускают из-за их потенциально террористических наклонностей и прочих гнусностей характера... Клацнул парой кнопочек на клавише – и сидит Сашик, никуда не летает, а если захочется в отпуск домой, то только на кораблике, месяц – туда, месяц – обратно. Утешает только то, что я им если и нужен – то наверное в Москве. Нету им смысла меня к американской территории приковывать.

– Это – да. Будем надеяться что спецслужбы работают логично, и не найдётся злобненького дурака, который просто захочет насыпать тебе соли на хвост. Ты ведь, сеньор комдив, на днях в отпуск улетаешь? Вот и проверим... будем, как говориться, посмотреть...

– Ага, классика жанра, про «наиболее опасные эксперименты – на наименее ценных членах экипажа».

– Ну а ещё, например, можно – с демонстративно-меч-

тательным видом сказал Арсен. – попросить какой-нибудь прикормленный банк, или прочий финансовый институт тебе кредитную историю испортить. Чтоб жизнь мёдом не казалась.

– Экий вы, ротмистр, креативный сделались. Bravo! Однако – мимо, у меня уже кредитная история такая, что банки скоро не только чеки мои принимать не будут, но и кэш, э... простите – наличность из моих рук брать заботятся. Но ход ваших мыслей мне нравится.

– А с другой стороны, может быть это как раз то что тебе нужно, а, Саша? Сделают они твою жизнь в Америке невыносимой, и ты перестанешь копить деньги на, как ты говоришь «безболезненный переезд», поднимешь руку, разко опустишь её с соответствующими словами, да и уедешь домой?

– Тоже верно... А ты знаешь, Арсенище, я бы с удовольствием бы сел в тюрьму, только чтоб ненадолго. Суток на пятнадцать. В одиночку, и чтоб не было в камере ни компьютера, ни телевизора, ни книг. Отоспался бы за всю эту дурацкую взрослую жизнь. – сказал Саша, мечтательно подняв глаза. А потом решительно продолжил: – Да и вообще, чего сидеть и думать с какой стороны гадости ожидать, и какой именно эта гадость будет? Если что-то случится, то будет это самое «что-то» внезапным и неотвратимым. И не собираюсь я на эту тему париться. Что будет – то будет, по-любому надо жить дальше.

Опять наполнив рюмки, Арсен выудил из банки два следующих огурчика. Приятель казался ему повеселевшими. Уже не напряжённым, не взволнованным, и уж конечно не испуганным, а скорее пьяненько-умиротворённым. Да и умонастроения высказывал правильные. Можно считать что цель вечера была условно достигнута.

– У вас кто машину-то ведёт? А, ваше полупьяное высоко-родие? – запоздало спросил Арсен вдогонку очередной рюмке, опять скользнувшей по пластику стола в Сашином направлении.

– Лариска! – мгновенно отреагировал Саша. Потом смерил взглядом уровень водки в ёмкости подле Арсена, и понял что ответил совершенно правильно. Эко они вдвоём совершенно между делом бутылку приговорили – буквально на доньшке осталось. – А помнишь, старина, я тебе рассказывал про своего любимого одноклассника Мишку?

– Ну да, у которого дача в Козельске. – ответил Арсен, наслушавшийся уже историй про Сашины отпускные приключения.

– Не в Козельске, а в Калязине. Ну так вот, ты знаешь как они с супружницей решают, кому с этой самой дачи до Москвы рулячить? Они воскресным утром просыпаются, и наперегонки мчатся на кухню. Кто первый добежал, а потом себе пол-стакана водки налил и выпил – тот машину не ведёт, потому что пьяным за руль нельзя. Так что остаток воскресенья пьёт что хочет, наслаждается жизнью, и едет себе

потом спокойненько пассажиром.

– Ну, да, ты что-то вроде этого только что и проделал. – сощурился в улыбке Арсен, и для убедительности потряс практически пустой водочной тарой. – Ничего, Саня, пей-пей, сегодня – надо. Я и сам, когда тяжёлый день выпадает, бывалыча напьюсь буквально до зелёных соплей. После такого утром встаёшь, физическое самочувствие – просто жуть. Зато всю дрянь с души водка смыла.

– А и напьюсь. – браво ответил Александр, а потом пригорюнился, глядя как собутыльник выцеживает в рюмки последние капельки огненной воды. – Тоже мне, «»Козельск«». Эх ты, горе-топограф! А ведь записной службист, семь пар железных сапог износивший, кирзу вдыхавший обеими ноздрями.

– Так мне, Саша, за знание географии родной страны не доплачивали, мне исключительно географию супостата знать надо было. Хочешь, назову все населённые пункты Западной Германии в зоне ответственности нашей дивизии, в которых американские или бундесверовские части расквартированы?

– Да назовёшь наверное. Только части эти небось давно уже не в Германии, а в Чехословакии, на месте вашей дивизии и сидят. Да и не в Чехословакии уже, а в Чехии или в Словакии.

– Угу, была нормальная страна, участник европейской политики. Не прима конечно, но какой-никакой, а игрок. А

получилось два бессильных карлика. – погрустнел Арсен. – Жалко, хорошая была страна Чехословакия.

– А пиво было какое... – поддержал Саша, переводя взгляд с наполненных где-то на треть рюмок на пивные бутылки. – Особенно по советским-то временам.

Впрочем, переходить на пиво было пожалуй поздновато. Если бы сразу взялись им запивать – эффект был бы лучше. А сейчас и водка закончилась, конечно же не произведя должного эффекта таким ничтожным количеством (ну что такое одна бутылка на двух здоровых мужиков?), и градус понижать не хотелось. И все вопросы вроде бы обсудили. Короче говоря, в ответ на вопросительный взгляд приятеля, Саша покачал головой, и кивнул не на пивные бутылки, а на сиротливые остатки водки.

– Да и правильно, Сашок – оживился Арсен, похоже – довольный, что вечер близится к финалу. – Вот и молодец, давай-ка на посошок, потом – по стремянной, и закругляемся. Я завтра работаю – вот такое хреновое воскресенье получается. А тебе на днях – на самолёт и в Ма-а-аскву, по настоящей Красной Площади гулять, и крем-брюле кушать. Это при хорошем раскладе. А вот при плохом – за какой-нибудь там кокаин отдуваться. А я тебе передачи носить буду. Опять же – тут в тюрьме пироженки дают, отдохнёшь, поправишься. Анжела ты наша Дэвис с Нельсоном Манделлой в одном флаконе, неутомимый борец с американским империализмом, бесстрашно отринувший хищную когтистую лапу бур-

жуазной разведки. И отоспишись, кстати, на том же ходу.

– Грешно смеяться над больными людьми. – перебил тираду Александр. – Или это ты меня так лечишь по методу доктора Геббельса? Типа «Одна боль заглушает другую»? Тебе-то хорошо, а сам бы ты как поступил, а?

– Я-то? – Арсен смотрел уже без улыбки. – Надеюсь, братка, вопрос твой риторический, потому как мы с тобой не первый день знакомы. Однако, чтобы поддержать боевой дух старого товарища, могу повториться... Я, Саша, по-любому с ними, как говориться, на одном поле не сяду. Они ведь, Сашок, страну нашу с тобой развалили. Не самую плохую страну кстати. Да так развалили, что мне теперь и возвращаться некуда. Эх, да ладно, про это всё уже давно говорено-переговорено... Да и вообще, что-то мы увлеклись. Болтун – находка для шпиона, извини за каламбур, конечно же не совсем уместный в твоей ситуации.

Вот оно: «Болтун – находка для шпиона»! Рыбка-мысль, вилившая вокруг с самого начала вечера, хитро прищурилась, и выскочила из подсознания прямо в руки.

Саша наклонился через стол и уставился на Арсена с таким победоносным видом, что тот даже приостановил приготовления к «на посошок». Так и застыл с банкой маринованных огурцов в одной руке, и вилкой – в другой, выжидательно-изучающе глядя на Сашу.

– Ты, мин херц, только что придумал как украсть миллиард, изобрёл лекарство от рака, или открыл закон Кулона?

– Херц ты сам, за «херц» ответишь – скороговоркой выстрелил Саша стандартный ответ. – На чём работает разведка?

Арсен вопросительно поднял бровь и ничего не ответил.

– На чём работает разведка? – повторил Саша. Ему нетерпелось поделиться идеей, но мысль ещё не обрела словестную форму.

– Не совсем понял вопрос, сэр подхорунжий. Во-первых, смотря какая разведка, а во-вторых... На информации? На деньгах? Много на чём...

– Извини, старина, не так спросил. – Саша решил обойтись без картинных наводящих вопросов, и перешёл к быстрому монологу, спеша изложить блестящую, как ему сейчас казалось, мысль. – Разведка может работать только пока её действия с собственно разведкой никак не ассоциируются. Как только активность засвечена, и тайное стало явным, разведка работать не может, верно? Или вот как: сущность работы любой секретной службы заключается именно в секретности, так ведь?

Арсен молча кивнул, разом отвечая на все Сашины «верно?» и «так?», совершенно справедливо полагая что развёрнутых ответов от него сейчас и не ждут.

– А теперь представь, что я на каждом углу буду трубить, что ко мне американская разведка пыталась подкатиться. Подписки я этому колорадскому кренделю никакие не давал, сотрудничать отказался. Получается – с меня взятки гладки,

и им я ничего не должен. Кому хочу – тому эту историю и рассказываю. А хочу я рассказывать абсолютно всем. Ну вот такое я трепло, болтун и дурак. Нет лучше щита чем дурацкий колпак с бубенцами.

– И в результате ценность твоя для разведки обнуляется. – подхватил мысль Арсен, поднимая рюмку. – То-есть наехать на тебя они теоретически могут, только на фиг ты им нужен такой засвеченный, если агентурить тебя больше толку никакого нет. Ай Александр свет ... эээ?

– Владимирович – ответил Саша, мысленно похвалив себя за давешнюю догадку с отчеством, раз даже дружище-Арсен его отчества не знает.

– ...Александр свет Владимирович, ай светлая голова. За победу!

– За Нашу победу! – подмигнув, ответил Саша.

04. Ладья

Валентин Борисович Аверин вышел из служебного автобуса и зябко поёжился. Несмотря на то, что календарная весна официально наступила, московская погода оставалась типично зимней, как в месяце марте и должно быть. Бросив смурной взгляд на низкое небо, подполковник Аверин закутался поплотнее в совершенно гражданское пальто, и зашагал по чистой дорожке к месту службы – одному из корпусов Штаб-квартиры Службы Внешней Разведки.

Уже в кабинете, повесив пиджак на »плечики«, а «плечики» – в стенной шкаф, на пути к рабочему столу Валентин

Борисович бросил взгляд на часы – семнадцать минут десятого. Московские пробки сказываются даже на служебных автобусах, утром подбирающих сотрудников СВР в условленных точках и доставляющих сюда, на окраину Москвы, в Ясенево. Именно из-за пробок Валентин Борисович предпочитал служебный автобус своему достаточно новому Фольксвагену. Не то чтобы он не любил водить машину – конечно любил, как русскому мужику и свойственно. Однако по Москве это уже не вождение, а стояние. Вернее – сидение. Как там было в «Летучей мыши»? – «В тюрьме покой и тишь, и даже если ходишь ты, то всё равно сидишь». Вот и в пробке ты если стоишь – то всё равно сидишь, только в автобусе сидеть удобнее, можно и книжку почитать, и с сослуживцами поговорить. Поговорить исключительно на отвлечённые темы конечно, на служебные темы в непредназначенных для этого помещениях говорить не следует. А если нужно поехать куда-нибудь во время рабочего дня, так можно и дежурной служебной машиной воспользоваться. Однако служебной машиной товарищ подполковник пользовался редко, потому что в интересах службы перемещаться по Столице ему было практически некуда. Сфера служебных интересов Валентина Борисовича находилась далеко от Москвы, далеко от России, и даже далеко от континента Евразия. Валентин Борисович был сотрудником северо-американского управления, чем совершенно заслуженно гордился.

Понедобнее усевшись в кресло, Аверин машинально убе-

дился что лампочка на матово-чёрном ящичке под монитором горит под цифрой «один», а значит монитор, клавиатура и мышка сейчас подключены к первому компьютеру – тому, который и предполагалось использовать. Тронул мышь, и компьютер под столом зашелестел жёстким диском, а монитор тихо щёлкнул, просыпаясь, и плавно повысил яркость.

Картинка, на которую сейчас смотрел Валентин Борисович, привела бы в замешательство подавляющее большинство пользователей персональных компьютеров, привыкших к Майкрософтовским «Окошкам». Энтузиастам же «ничейной», бесплатной операционной системы «Линукс» она, напротив, бы показалась знакомой. На этом компьютере работала «дочка» Линукса, российская МСВС – Мобильная Система Вооруженных Сил. Нашлись, слава богу, умные головы в армии и спецслужбах в нужное время, занялись созданием своего программного обеспечения в тот момент, когда Российское правительство заключало с Майкрософтом договор на поставку «Окошек» для госучреждений. По этому самому договору Майкрософт предоставляло исходные коды программ для проверки российскими специалистами. А что толку-то, если обновления американцы пекут как блины, чуть ли не каждую неделю? Все же обновления вовремя не проверишь... И ведь что характерно: договор этот был заключен в тот же год, когда в Германии был принят закон, запрещающий установку чужих операционных систем на правительственные компьютеры, потому что немецкое прави-

тельство не хочет чтобы американское правительство читало то, что немецкое правительство пишет.

В отличие от «Окошек», МСВС была собрана насквозь проверенными российскими специалистами из предварительно многократно прочитанных исходных кодов Линукса, и не могла содержать закладок, шпионских программ, или просто вирусов. Компьютеры под управлением МСВС были соединены во внутреннюю локальную сеть Ясенево, целиком отрезанную от внешнего мира. Вернее, Валентин Борисович полагал что отрезано Ясенево от внешнего мира не то чтобы совсем целиком, должны были быть какие-то соединения с другими объектами СВР, с ФСБ, ФСО, ГУСП, а так же скорей всего с военными в ГРУ, и, возможно, с дипломатами в МИДе. Однако, если такие соединения и были, то ими занимались технари, сидевшие за дополнительной парой бронированных дверей. Подполковнику же Аверину о таковых знать не положено. Да и не хотелось вовсе – в разведке лучше знать только то, что тебе действительно необходимо по службе.

После ввода имени пользователя и пароля, в углу экрана замигала иконка нового сообщения. Кликнул, прочитал: «В девять сорок зайди к шефу». Сообщение и пришло именно от этого самого шефа – Сергея Петровича, непосредственного начальника подполковника Аверина. Несмотря на то, что вызовы к начальству большинство граждан как минимум настораживают, Валентин Борисович вызову к начальству ско-

рее обрадовался, потому что относился к тому мизерному, но счастливому проценту трудоспособного населения, который действительно любит свою работу.

Большинство должностей в Генштабе – полковничьи. Идя по коридорам белого здания на Арбате очень редко увидишь россыпь мелких звёзд старлеев и капитанов. Чуть чаще встречаются большие шитые генеральские звёзды. А вот полковники представлены в изобилии. Полковники тут буквально все – и те, кто занимается учётом и выдачей карт, и те, кто на этих картах рисует схемы будущих сражений, и те, кто эти схемы утверждает. По-этому существует присказка о том, что в Генштабе офицеры делятся на три категории «эй, полковник», «полковник», и «товарищ Полковник». Спецслужбы гораздо скромнее подходят к раздаче воинских званий, по-этому полковник тут – большой начальник, зато подполковников хватает. Если провести аналогию с Генштабом, подполковник Аверин относился как раз к категории «товарищ Подполковник». Служил он в структуре североамериканского направления, и был «вольным стрелком», «свободным охотником», или «варягом», то-есть занимался подготовкой и проведением особо-важных, «разовых» операций в США, Канаде, а с недавних пор и в Мексике. Работу свою Валентин Борисович не просто любил, он считал себя откровенным везунчиком – слишком мало людей около «полтинника» (а до сакраментальной цифры «пятьдесят» оставалось не так уж много) действительно ходят «на работу как

на праздник».

Судите сами: во-первых, каждая операция – всегда новое приключение. В разведке, как и в любой организации повседневной рутины достаточно, а у Валентина Борисовича – практически свободное творчество.

Во-вторых, мир посмотрел, и ещё посмотрит, и работает почти всегда под дипломатическим прикрытием, что немало важно. Бывают разведчики – нелегалы. Живёт такой нелегал под видом местного бизнесмена, или эмигранта-таксиста, или какого-нибудь глухонемого пастуха, и ходит каждый день по лезвию бритвы, потому что контрразведка страны пребывания не дремлет, во-всю на шпионов охоту ведёт. А поймает – случится срок в местах «не столь отдалённых». Конечно, разведка своих не бросает, но всё равно, пока тебя обменяют, или ещё как-нибудь договорятся, придётся немного просидеть и изрядно поволноваться. А Валентин Борисович обычно работает под дипломатическим прикрытием, то-есть совершенно официально приезжает в страну проведения операции как секретарь посольства, или атташе, или хотя-бы дипкурьер. Это значит что у него – дипломатический иммунитет, и максимум что может случиться – так это высылка из страны. Впрочем, такого никогда пока не случалась, и ни одна операция откровенным провалом не закончилась.

В-третьих, так уж было заведено что и отвечал за всё сам, и решения принимал сам. Сам разрабатывал план опера-

ции, сам подбирал людей, и после утверждения плана шефом, подготовку, и оперативное руководство осуществлял лично. Самое интересное начиналось в активной фазе операции. Чертовски приятно было ощущать за своей спиной всю мощь огромной страны, Державы, Империи. Валентин Борисович знал, что если понадобится, то он буквально может попросить, а вернее потребовать звезду с неба, и если такая техническая возможность есть, то специально обученные незаметные люди эту звезду с неба выхватят, и доставят в указанное место.

Впрочем, подполковник Аверин дело своё знал крепко, и проколов, требующих нечто экстраординарное в качестве заплатки, практически не случалось – спутники оставались на плановых орбитах, и подводные лодки не меняли курс по внезапному и непонятному приказу. Впрочем, однажды исследовательское судно «Академик Сергей Вавилов», бросив научные исследования, на полной скорости аж тринадцать с половиной узла бросилась к берегам Мексики, где и проторчало четыре дня на самой границе территориальных вод. Судно это могло стать резервным вариантом аварийной экс-фильтрации одного мексиканского сенатора, и было выбрано просто потому что оказалось ближе всех к месту событий. Впрочем, резервный вариант не понадобился – обошлись основным.

А история кстати получилась достаточно забавная. Один мексиканский сенатор – кабальеро, ведущий родословную от

одного из лейтенантов того самого Кортеса, оказался в стеснённых финансовых обстоятельствах, и сам предложил российской разведке свои услуги. Конечно, он не выкрадывал тёмной ночью какие-нибудь планы развёртывания третьего батальона оакаханских стрелков на случай осложнения обстановки на границе между Гватемалой и Белизом. Нет, попади в руки разведки такие материалы – их конечно не выкинут, разведка вообще никакую информацию не выкидывает. Но и специально тратить время и деньги на получение сведений такого калибра никто не станет. Мексика с военной точки зрения – страна совершенно скучная. А вот с экономической – даже очень интересная: сто миллионов человек, южный сосед США, нефть на океанском шельфе, и кое-какая промышленность – между прочим, каждая третья машина, считающаяся американской, на самом деле собрана в Мексике.

Так вот, этот самый кабальеро сделался как раз так называемым «агентом влияния», то-есть он лоббировал интересы России. Проталкивал, миляга, в правительстве решения, выгодные российскому бизнесу или политике – что в общем-то в наше время практически одно и то же. Надо признаться, немалые деньги, падавшие на офшорные счета кабальеро (в форме как-бы доходов от безумно прибыльных финансовых операций) безусловно окупались. Не без его участия мексиканское правительство закупило партию вертолётов Ми-17Б, что приятно и тем, что янкесам нос утёрли, продав их непо-

средственным соседям российское оружие, и тем, что оборонка подкормилась, да и подкормится ещё не раз и не два на запчастях и техобслуживании вертушек.

Однако с некоторых пор сенатор начал страдать «синдромом нелегала» – везде ему мерещилась контрразведка, люди с направленными микрофонами и длиннофокусными камерами, слежка, тёмные личности задающие странные вопросы его знакомым, и всё такое прочее. И вот однажды нервы кабальеро не выдержали. Ожидая, что с минуты на минуты его арестуют и осудят как русского шпиона, он пустился в бег, предварительно отправив почтой в адрес популярной телестудии видеокассету. На кассете, в смятении души записанной прямо перед отъездом, сенатор красноречиво обвинял президента в ползучей узурпации власти, культе личности, фашистских наклонностях, и прочих стандартных грехах. Кабальеро справедливо полагал, что слава диссидента и борца за демократически идеалы в глазах общественного мнения легко превратят его в узника совести, невинную жертву, на которого власти пытаются повесить сфабрикованные обвинения в шпионаже.

Только через три дня неспешная мексиканская почта, скорость которой не сильно отличается от скорости почты в российской глубинке, доставила посылку с кассетой в телестудию – на другой конец Мехико-сити. Надо заметить, что все эти три дня за сенатором никто не гнался, потому что контрразведка и не думала его разрабатывать.

Вообще, в любой стране мира контрразведки, полиции, и прочие тайные и явные силовики не спешат заводить дела против сильных мира сего, потому что может получиться себе дороже. Вернее, всей службе-то конечно ничего не будет, а вот конкретным людям (поторопившимся поторопились принять решение, осложнившее жизнь крупного политика или бизнесмена) – так запросто может nepоздоровиться. По-этому названные конкретные люди в погонах обычно и не предпринимают агрессивных шагов, не заручившись поддержкой другого неслабого политика или бизнесмена, потому что инициатива, как известно, нагибает инициатора.

Именно так и случилось в нашем случае – кассета, пришедшая на студию, конечно же не была с большой помпой озвучена в ближайшем же выпуске новостей. Вместо этого видеозапись эта была доставлена президенту соратниками, ещё раз продемонстрировавшими верность партии в целом, и лояльность многоуважаемому главе государства лично. Президент распушил свои знаменитые усы, и сказал что-то типа «Ату его, ату!», только по-испански. Спецслужбы, получившие отмашку, мгновенно нашли у беглого сенатора то, чем грешат практически все опальные политики от южной границы Техаса до мыса Горн – связи с наркобаронами. Начиная с этого момента и полиция, и контразведка, азартно гикая и улюлюкая, с приличествующим старанием кинулись в погоню за кабальеро.

А кабальеро уже давно никуда не бежал. А куда ему бы-

ло бежать-то? На севере от Мексики – Соединённые Штаты Америки, которые обязательно выдали бы Мексике пособника русской разведки. На западе и востоке – океаны. Остался юг. Доехав до самого южного штата Чьяпас, беглый сенатор оказался на краю своей Ойкумены – впереди простирались джунгли Гватемалы, сзади, как предполагал кабальеро – погоня. Оперативными навыками для того чтобы прятаться, или переходить границу сенатор не обладал. Надёжных связей, да и просто знакомых тут у него не было. Даже наличных денег было немного, а с кредитные карточки в этой глуши были абсолютно бесполезны. По-этому, не очень долго думая, кабальеро с ближайшего телефона (который кстати тоже пришлось поискать) позвонил обратно в Мехико-сити, в российское посольство, и сообщил о провале.

То-ли ОборонЭкспорт готовил очередную продажу техники Мексике или её южным соседям, то-ли Газпром прицеливался в какое-то мексиканское месторождение, то-ли сенатору были даны какие-нибудь нерушимые обещания, но так или иначе, с самого верха пришла команда: «Шпионского скандала избежать любой ценой, а недотёпу этого – вытаскивать». И Валентин Борисович Аверин, вернее – тогда ещё Валёк Аверин, майор на подполковничьей должности, начал работать операцию по эксфильтрации, сиречь вывозу означенного недотёпы в безопасное место. Конечно, во время этой операции он из Москвы не выезжал – если собы-

тия происходит в нескольких странах, руководить удобнее из центра. Да и времени на переезды не было.

Через четыре часа после звонка в посольство маленький частный самолёт, вылетевший из Мехико-сити, приземлился на грунтовой полосе аэродрома в городе Чьяпа-де-Корсо, значительно опередив местные спецурсы, особой зубастостью, в общем-то, никогда не отличавшиеся. Приняв на борт кабальеро и дозаправившись, самолёт сделал очередной прыжок, приземлившись в столице Гватемалы. Там на бетон взлётно-посадочной полосы шагнул уже не беглый мексиканец, а счастливый обладатель испанского паспорта, с абсолютно другими именем и фамилией. Новоиспечённый испанец совершенно легально вылетел в городок Фьюмичино возле Рима, где, естественно, не встретил никаких проблем с паспортным контролем, как не встречает их любой гражданин страны – члена Евросоюза. На выходе из международного аэропорта имени Леонардо да Винчи бывший мексиканец расстался с провожатым, летевшим с ним из Гватемалы, и сел в указанную машину с водителем и одним пассажиром. Через четыре дня и полдюжины стран, уже другой испанский паспорт (на этот раз – с совершенно настоящей российской визой) был предъявлен польскому таможеннику в городе Безпеды, а потом российскому в Багратионовске – на границе Калининградской области.

В общем, шпионского скандала избежать удалось, а вот наркобаронского – нет. Дело в том, что супруга кабальеро

и мать его троих детей стала объектом пристального внимания газетчиков и телевизионщиков как только стало ясно что сенатор сбежал и пропал без вести, очевидно, окопавшись под крылышком какого-нибудь уютного наркокартеля. Благородная донья, креолка (из тех что мустанга на скаку остановит, и в горящее бунгало войдёт) гордо отвергала любые обвинения мужа в причастности к наркобизнесу и не уставала повторять что скоро её муж найдётся и всё разъяснится, чем безусловно снискала симпатии сентиментальных латиносов. Впрочем, политическая жизнь тут гораздо на скандалы, и скоро про донью забыли. Донья же, распродав семейные ранчо и виллы, покинула Мехико-сити, убыв в неизвестном направлении. Теперь бывший мексиканский сенатор с присоединившейся к нему супругой живут в скромном по здешним меркам доме на Рублёвке, а их детишки, Мигель-Миша, Хорхе-Гоша и Хуанита-Анюта говорят по-русски практически без акцента.

Вообще-то, бывшему сенатору предлагали устроить его жизнь на Кубе или в Венесуэле. Язык там как как и в Мексике – испанский, и культура практически от мексиканской неотличимая, но кабальеро решил, что эти страны слишком маленькие, и расположены слишком близко к большим Соединённым Штатам, чтобы можно было быть уверенным что до самого конца кабальеровской жизни там всё останется как есть, и не случится смены режима с последующими вопросами «А ну, кто это у нас тут работал на российскую развед-

ку?!» Видно сильно тогда напугался кабальеро.

Короче говоря, в отношении работы Валентину Борисовичу можно было только позавидовать. Если б было кому завидовать – очень немногие знали чем действительно занимается подполковник Аверин. Шеф, Сергей Петрович, конечно же знал. Войдя в приёмную, Валентин Борисович поздоровался с секретарём, и вопросительно кивнул на дверь кабинета Шефа.

– У себя. Ждёт. – ответил секретарь на немой вопрос. Потом посмотрел на визитёра, и, наверное подумав что переборщил с фамильярностью, добавил: – Заходите пожалуйста, Валентин Борисович.

Аверин обозначил стук в обитую кожей дверь, потянул ручку, шагнул внутрь, и становился – Сергей Петрович говорил по телефону. Однако Шеф сделал рукой приглашающий жест, но на стул не указал.

– ...Да. Да. Безусловно... – Сергей Петрович не отнимая трубки от уха нажал кнопку отключения микрофона, и быстро проговорил, обращаясь уже к подошедшему ближе Аверину: – Валя, проект «Ладья», доступ уже открыт, изучай, потом поговорим подробно.

Валентин Борисович вернулся в свой кабинет, привычно убедился что на экране – внутренняя, защищённая сеть «Ясенево», опять ввёл пароль и открыл программу хранилища электронных документов. Папка «Ладья» нашлась быстро, это был единственный проект на букву «Л» к которому

подполковнику в этот момент был открыт доступ, соответственно других папок он просто не видел. Прежде чем показать список документов проекта, Система Разграничения Доступа попросила ввести пароль ещё раз – что поделаешь, чем больше безопасности, тем больше вот таких маленьких неудобств. Само-собой, Валентин Борисович начал с документа «Введение».

Проект «Ладья» был начат ещё в 1989ом году, в связи с сообщениями о выводе в консервацию последних самолётов модели Локхид SR-71, он же Blackbird, он же «Чёрный дрозд». Секундочку, секундочку... Валентин Борисович не считал себя специалистом в авиации, хотя про этот самый быстрый и самый высотный стратегический разведчик конечно слышал. Решив подойти к делу обстоятельно, Аверин перешёл по ссылке и сначала углубил знания про Чёрного Дрозда.

Итак, «Локхид SR-71 (неофициальное название – «Чёрный дрозд», англ. Blackbird) – сверхзвуковой самолёт, стратегический разведчик ВВС США. Самый быстрый и самый высотный, в горизонтальном полёте, самолёт в мире. SR-71 участвовал в разведке Вьетнама и Северной Кореи в 1968 году. Во время холодной войны фотографировал расположения советских войск на Кольском полуострове и Кубе. В 1973 году во время арабо-израильской войны Судного дня Blackbird проводил фоторазведку Египта, Иордании и Сирии. Неоднократно нарушал воздушное пространство

СССР. Кроме стратегической разведки, этот самолёт выполнял аэродинамические исследования NASA по программам AST (Advanced Supersonic Technology – перспективные гиперзвуковые технологии) и SCAR (Supersonic Cruise Aircraft Research – разработка самолёта с гиперзвуковой скоростью полёта). SR-71 способен развивать скорость, в 3 раза превосходящую скорость звука, при этом из-за трения о воздух его титановая обшивка нагревается до температуры 300 градусов Цельсия. Такие температурные перепады потребовали применения необычных конструктивных решений. Для охлаждения обшивки используется циркуляция топлива...»

Стоп. Про циркуляцию топлива – это уже наверно перебор. В общем и целом – понятно что за зверь. Вернее – что за птица. Решительно отринув технологические подробности, Аверин вернулся к оперативному аспекту проекта «Ладья». Начался проект, когда аналитики обратили внимание на то, что разведчик SR-71 был снят с вооружения, но новый, лучший разведчик на вооружение не поступил.

«А аналитики-то небось были ГРУшные» – мельком подумал Валентин Борисович. – «Разведывательной самолёт хоть и был стратегический, однако всё же больше был интересен военным – Главному Разведывательному Управлению Генштаба, чем политической разведке – СВР. Вернее, тогда, ещё в 1989ом мы ещё назывались Первым Главным Управлением КГБ СССР. Да и материалы явно "причёмсанны" – выглядят так как будто документ готовился к передаче в другое

ведомство.»

Так или иначе, эти самые неизвестно-чьи пронизательные аналитики заметили-таки странность в том что янки остались без воздушной разведки, списав замечательный, уникальный, всё ещё работоспособный самолёт, и ничего не получивши взамен. Правда, сами американцы утверждали, что отсутствие воздушной разведки они легко скомпенсируют разведкой космической. Однако знающий человек понимает, что спутники могут заменить самолёты не всегда и не везде.

Спутник летит очень высоко, самые высокие самолётные «потолки» примерно в три раза ниже самых низких спутниковых. Соответственно, спутник высоко сидит и далеко глядит, но видит со своих буквально заоблачных высот не то чтобы очень хорошо. Это правда что со спутника теоретически можно прочесть номер машины, но и видеть тогда будешь примерно площадь, равную площади номера машины. Сейчас задачи высококачественного фотографирования из космоса решаются сканированием, когда спутник делает очень много высококачественных, но маленьких снимков, потом они передаются на землю, и компьютер «склеивает» их по краям, получая одновременно и большую, и высококачественную картинку. А вот во времена, когда было принято решение об отправке Чёрного Дрозда «на заслуженную пенсию», ни хранить на борту космического аппарата такие объёмы информации, ни уж тем более передавать их из кос-

моса на землю за разумное время ещё не умели.

А ещё спутники – предсказуемы, потому что летают они по орбитам, координаты которых с некоторых пор доступны не только супердержавам – счастливым обладателям Систем Контроля Космического Пространства, так называемых СККП, но и любому человеку, вооружённому Интернетом. Типа вот тебе, любезный, список околоземных объектов, заявленных космическими агентствами, а вот – объектов, обнаруженных астрономами-любителями. Вычти первые из вторых, и поймёшь, каких объектов надо опасаться особо – раз не заявили их космические агентства, а запустили, что называется, «тихой сапой», то наверняка есть в этих объектах что-то такое, о чём публике лучше и не знать. Впрочем, и официально заявленный метеорологический спутник может легко оказаться не только метеорологическим. А если очень любознательный, то вот тебе ещё и программки чтобы быстренько посчитать когда какой объект будет находиться в какой точке. Хочешь чем-то секретным заниматься, например – новую технику испытывать – так делай это когда нет над головой чужого спутника. А когда он есть – прячь технику в ангар, или просто накрывай брезентом. Изменить траекторию спутник в состоянии, хотя и не сильно, но операция эта чрезвычайно дорогая, так что часто производиться не может. Когда спутник маневрирует – он тратит топливо. Запас горючего на борту спутника ограничен, а заправок в космосе нет. Подвинется спутник на пару градусов широты или дол-

готы раз, подвинется два, а после нескольких таких маневров застынет в космосе неподвижным булыжником.

Разведывательный самолёт конечно тоже не без недостатков – ему для ведения разведки приходится вторгаться в чужое воздушное пространство. В чужом небе его могут заметить, и соответственно отреагировать. Могут отреагировать дипломатической нотой на следующий день, а могут – и ракетой, причём немедленно. Впрочем, средства чтобы обнаруживать скоростные высотные, или наоборот низколетящие цели в 1989ом году были только у Советского Союза, а он хоть и занимал одну шестую часть суши – а всё же не весь мир. Были уже у нас и комплексы ПВО С-300, и перехватчики МиГ-25 и МиГ-31, способные на несколько минут достичь высоты и скорости SR-71 чтобы осуществить перехват. Однако, опять же – были они только у нас, а вся остальная планета была открыта для Чёрного Дрозда. А американцы Чёрного Дрозда выкидывают, списывают вчистую, отправляют на свалку истории. Не утилизируют конечно, не пускают под гильотину, и в титановый металлолом не сдают, а отправляют в консервацию, но всё равно с вооружения снимают, и использовать не собираются. Странно? – Конечно странно!

В общем, аналитики безусловно были людьми знающими, и к странностям относящимися с соответствующей должности подозрительностью. Проконсультировавшись по деталям с другими очень сильно знающими людьми – эксперта-

ми от авиации, космоса и прочей оборонки, аналитики доложили результаты руководству разведки. Руководство старания аналитиков оценило, и с лёгкой руки тогдашнего главы ПГУ КГБ товарища Шебаршина, советская разведка занялась поиском и идентификацией преемника Чёрного Дрозда – какого-то чрезвычайно секретного воздушного судна, очень быстрого и очень высотного – летательного аппарата, который SR-71 уже заменил, или вот-вот заменит.

Валентин Борисович никак не ожидал увидеть в досье «Ладьи» изобилие материалов из последнего десятилетия прошлого века. В смутные девяностые больших успехов не ожидалось – не до того было. Всю страну лихорадило, а разведка – она же не в вакууме живёт, соответственно и пострадала не меньше остальных. Много технических средств разведки осталось в бывших советских республиках, ещё больше – у бывших союзников по Варшавскому Договору – теперешних заклятых партнёров по НАТО. США перестали быть «ГП» – Главным Противником. Резидентуры свернулись до совершенно непотребных беззубых размерчиков. Оперативная работа практически остановилась, а кое-где и повернула вспять, потому что в стремлении дружить с самой-самой страной, наши спецслужбы дарили США такую информацию, которой обычно и с самыми близкими союзниками делиться неприято. Хорошо что проект «Ладья» в девяностые вообще не закрыли. Однако Аверин к своему удивлению обнаружил, что в отчёте первый «большой прорыв» датирован

страшным девяносто первым годом.

Действительно большое изделие, которое не унесёшь в кармане и не увезёшь в закрытом грузовике, невозможно целиком скрыть от любопытных глаз. Глаза эти необязательно будут принадлежать вражеским шпионам – скорей всего это будут случайные свидетели, однако, как говорил папаша Мюллер: «То, что знают двое – знает и свинья». Случайные свидетели расскажут об интересном и непонятном наблюдении своим знакомым, те – своим, и до шпионов эти разговоры рано или поздно докатятся. А шпионы по-определению интересуются всем необычным и непонятным. По-этому всему потенциально непонятному заранее придумывается разумное объяснение.

В 1916ом году, под закат Первой Мировой войны англичане придумали как вывести боевые действия из бессмысленного позиционного противостояния. Появилась совершенно новая боевая машина, передвигающаяся по полю боя на гусеницах. Экипаж был прикрыт бронёй и вооружён пулемётами и пушками. Конечно, скрытно доставить к фронту полсотни таких монстров, да ещё и в густонаселённой Европе было совершенно невозможно. По-этому англичане заранее придумали легенду прикрытия. По легенде это были не боевые машины, а баки для воды, предназначенные войскам на Ближнем Востоке, где будто-бы планировалась активизация боевых действий. Именно эта версия и была громозвучно засекречена. Немецкая разведка доблестно доложила на-

верх о ближневосточных намерениях англичан, а танки, наслаждаясь достигнутой внезапностью, благополучно прорвали немецкую оборону на реке Сомме, во Франции. Именно «танки», от английского «tank» – бак. Справедливости ради надо заметить, что англоговорящие официально называют эту машину Battletank, «Бэтл Тэнк», дословно «Бак битвы» или «Боевой бак».

С Первой Мировой спецслужбы не стали глупее, тем более что в современном, насквозь компьютеризированном и падком на сенсации обществе использовать дезинформацию для создания легенды прикрытия стало только проще. Достаточно «слить» какому-нибудь добровольному охотнику за НЛО слух из «информированных источников», как через пару дней весь Интернет в курсе того, что видимые всем странные огни в ночном небе – это правительственные вертолёты ловят лазерными сетями марсианских приведений. Официальные опровержения только подливают масла в огонь. Зато уже через какой-нибудь месяц уже и сами поборники свободы информации перестают обращать внимания на эти самые огни. Бывают и многослойные легенды прикрытия. Так, в Розуэлле в 1947 году случилось «нечто». Руководство США официально утверждает, что там приземлился обычный метеорологический воздушный шар. Любители «Теории Заговора» уверены, что воздушный шар – это деза, с помощью которой правительство прячет факт падения корабля пришельцев. Но «летающая тарелочка» с зелёными человечка-

ми – это тоже ширма...

«Стоп-стоп-стоп» – прервал Аверин воспоминания о занятной штуковине, которую он «зацепил краем» во время одной из своих прошлых эскапад, и вернулся к «Ладье».

Итак, в 1990ом году Нью-Йоркский журнал «Авиационные и космические технологии» опубликовал статью, объясняющую появление в ночном небе Невады и Калифорнии огней, наблюдаемых местными жителями уже несколько лет. Огни эти обычно двигались прямолинейно и почти горизонтально, но слишком быстро даже для сверхзвукового истребителя, спешащего куда-то в форсажном режиме. Вышеупомянутый журнал был изданием солидным, практически научным, и уж конечно не стал выдвигать версию об НЛО. Журнал утверждал, что огни эти – следствие испытания гиперзвукового самолёта «Аврора» – следующей версии Чёрного Дрозда, то-есть того самого изделия, раде выявления которого проект «Ладья» и создавался.

Надо заметить, что благодаря царившей тогда повсеместной неразберихе, аналитики нашей разведки эту статью прозевали. Обратил же на неё внимание один из секретарей тогда ещё советского консульства в Нью-Йорке, которому по долгу службы приходилось периодически общаться с журналистами в неформальной обстановке. Журналиста – автора статьи, за кружечкой пива похвастался нашему дипломату недавней публикацией, а тот заинтересовался. Короткое дополнительное расследование было проведено на месте – в

том же баре Верхнего Манхеттена где и началась беседа. Пиво уступило место Главному Напитку вечера шотландскому виски, однако сохранило свою роль в качестве напитка дополнительного. После разговоров о жизни, о работе, о статье, и ненавязчивых расспросах об источниках информации для упомянутой статьи, интерес дипломата ничуть не уменьшился. На следующее утро состоялся доклад начальству. Конечно же не формальному начальству – послу, а реальному – резиденту разведки, сотруднику Первого Главного Управления КГБ.

Оперативная разработка продолжалась почти три года, за это время советское консульство давно стало российским, а ПГУ КГБ СССР превратилось в СВР РФ. Цель проекта «Ладья» тоже изменилась изрядно. Искали быстрый высотный разведывательный гиперзвуковой аппарат. А нашли очень-очень быстрый и очень-очень высотный. Но не гиперзвуковой, а аэрокосмический. И не разведывательный, а разведывательно-ударный.

Все летающие объекты тяжелее воздуха, то-есть всё, кроме воздушных шаров и всяких там дирижаблей, можно условно разделить на две категории – объекты аэродинамические и объекты баллистические. Аэродинамические аппараты – это самолёты и вертолёты, они опираются на воздух, используют подъёмную силу, создаваемую аэродинамическими поверхностями – крыльями или лопастями винтов. Простейший пример баллистического объекта – снаряд, вы-

летевший из пушки под действием давления пороховых газов, или ускоренный на коротком участке реактивным двигателем. Двигается такой снаряд по параболе, иначе именуемой «баллистическая кривая» – отсюда и название. Космический аппарат, например спутник Земли – это тоже баллистический объект, только парабола у него достаточно длинная чтобы замкнуться в кольцо или эллипс – в орбиту.

Попытки «скрестить» самолёт с космическим аппаратом предпринимались давно. И у СССР и у США были проекты перехватчиков спутников, ракет, поднимаемых в воздух бомбардировщиком просто чтобы до космоса было ближе лететь. И «Шаттл», и наш заброшенный «Буран» использовали спускаемые аппараты, садящиеся «по-самолётному», однако самолётная посадка – это просто уловка, позволяющая сохранить аппарат для повторного использования. Шаттл и Буран – отнюдь не самолёты, это – планеры, а вернее – болванки с крыльями, буквально падающие из космоса на специальные, очень длинные взлётно-посадочные полосы, и не имеющие возможности развернуться и сделать второй заход если что-то пойдёт не так как планировалось. Аврора же, судя по документам, изучаемым подполковником, не только могла взлететь как обычный самолёт, и по-самолётному приземлиться. Строго говоря, Аврора – это не космический корабль, это – самолёт, способный выходить в космос.

Тут Валентин Борисович решил сделать паузу и изучить

проблему аэрокосмического самолёта чуть подробнее. Авторы досе на «Ладью» очевидно погрузились в предмет настолько глубоко, что подсознательно предположили, что и у чтеца сего документа знаний будет достаточно, а не нет.

Аверин тронул кнопку «два» на пульте управления периферией, и монитор, клавиатура и мышка оказались подключёнными ко второму компьютеру. На экране появилась банальная Майкросовтовская картинка. В отличие от «секретного» компьютера номер один, не имевшего кстати не только DVD, но и слотов USB, чтобы никакую информацию нельзя было скопировать и вынести, компьютер номер два секретным не был, и вообще ничем не отличался от десятков, а теперь наверное уже сотен тысяч своих братьев-близнецов, раскиданных по всей Москве. Ничем, кроме, пожалуй, одной маленькой детали – компьютер был подключён к аппаратуре СОРМ-2, расположенной в машинной комнате одного из московских интернет-провайдеров. СОРМ-2, второе поколение СОРМ – Системы технических средств для обеспечения функций Оперативно-Розыскных Мероприятий, была сделана по модульному принципу, и один из модулей, функциональностью которого ФСБ любезно делилась с Внешней Разведкой, занимался маскировкой Интернет-соединений. Поинтересуйся потенциальный супостат направлением Интернет-трафика объекта «Ясенево», а соответственно – и текущими интересами российской разведки – результаты были бы нулевыми. Вот и сейчас, в статистике

научно-популярных вебсайтов, которые Валентину Борисовичу вздумалось посетить в поисках статей по аэрокосмическим проблемам, работа его «компьютера номер два» выглядела как заходы с совершенно другого, ничем не примечательного компьютера, расположенного причём где-то в центре гигантского мегаполиса, а не на юго-западной окраине Москвы.

Пройдясь по полудюжине научно-популярный сайтов, Аверин вышел из-за стола и отправился на перекур. Курилка находилась ровно в пяти шагах – у окна кабинета стояло кресло, а на подоконнике – пепельница. За столом Валентин Борисович курил только в случае жесточайшего цейтнота. Если же время было, предпочитал отойти от стола, чтобы не шарить глазами по экрану и рабочим бумагам – такая пауза позволяла взглянуть на проблему как-бы со стороны. Сейчас как-таковой требующей решения проблемы ещё не было, но надо было чтобы новая информация «отстоялась», улеглась в голове в законченные логические цепочки.

Опустился в кресло, чиркнул зажигалкой, затянулся, посмотрел в окно вверх низкого подоконника. Если честно – так себе картинка. Парковка, покрытая серым асфальтом, над ней серое небо. Если отринуть календарь и опираться только на визуальные ощущения – типичная поздняя осень получается. За парковкой – стена голых деревья, причём, что характерно – деревья тоже совершенно серые. Видно, как ветви ближайших деревьев подрагивают под порывами вет-

ра. Б-р-р-р! Конечно же никаких случайных прохожих – у Ясенево достаточно большая охраняемая территория чтобы случайные и неслучайные любопытные Варвары не шастали под окнами объекта и не прицеливались в эти окна всякой длинноухой и востроглазой аппаратурой. Из всей динамики – стояя ворон у горизонта, да одиноко уползающая с парковки машина, хорошо хоть она весёленького синего цвета, а то прямо жуть берёт от промозгло-слякотной монохромности мира. Аверин ещё раз оценил картинку, и решил ещё с неделю (пока весна не проклюнется) в окно не смотреть, а то от одного вида делается зябко и неудобно. Не вставая с кресла взялся за подлокотники, толкнулся ногой и рывком отвернул его градусов на пятнадцать, поморщившись на скрежет ножек по паркетному полу. Вот так-то лучше, законный пейзаж в поле зрения не лезет, отчего и думается гораздо комфортнее.

Итак, как говорится, «что мы имеем с гуся?» По результатам изучения научно-популярной литературы получалось, что сделать самолёт, который сможет выходить в космос если потребуется, и успешно из космоса возвращаться, совсем и не сложно. Всё упиралось в энерговооружённость. Если есть достаточно мощный двигатель, способный работать как в атмосфере так и в безвоздушном пространстве ближнего космоса, то с таким движком и старичок МиГ-15 легко с задачей справится. Наберет первую космическую скорость – да и вскочит на орбиту. Потом развернётся хвостом к движе-

нию, двигателем себя притормозит, скорость погасит, и начнёт падать в атмосферу, до тех пор пока воздух не станет достаточно плотным, чтобы летать по-самолётному. Впрочем, нет, МиГ-15 конечно же не справится – перегреется и сгорит ещё при разгоне, вон – у того же Чёрного Дрозда даже была какая-то хитрая охлаждающая система, так что какое-нибудь жаропрочное покрытие всё же понадобится. Но, это – мелочи, как говорится – технические детали. Короче, выходит что сделать аэрокосмический самолёт при наличии правильного двигателя – плёвое дело. Единственная проблема – ни у кого двигателя такого нет. Вернее – похоже «не было». Ни у кого, кроме американцев.

Валентин Борисович раздавил окуроч в пепельнице и вернулся к столу. Снова переключился на первый, «секретный» компьютер, и продолжил чтение. Материала в досье Ладьи оставалось совсем немного. Лет пять назад количество сообщений случайных свидетелей ночных огней над американским западом почти сошло на нет. Примерно в то же время появились доклады от военных, четыре раза наблюдавших цели, летевшие по траекториям, примерно соответствующим траекториям баллистических ракет, однако обладавших размерами среднего самолёта. Скорости целей тоже скоростям баллистической ракеты соответствовали – получалось, что термopокpытие у Авроры, верней – у Ладьи всё же было. Рядом ссылка на данные телеметрии наблюдения космического объекта. Телеметрия эта неспециалисту абсолют-

но ничего не говорила – группы цифр и графики. Что ж, как говорил Козьма Прутков, специалист подобен флюсу – полнота его односторонняя. Если надо будет – то со специалистами проконсультируемся.

Немного удивлял вывод неизвестного автора этой части документа – предлагалось считать, что Ладья находится в активной фазе космических испытаний, а возможно уже их успешно прошла и целиком готова к использованию. Предположительным местом разработки и оперативной базой Ладьи называлась пресловутая «Зона 51». Эта информация, напротив, для Аверина сюрпризом не стала – большинство секретных летательных аппаратов разрабатывалось и разрабатывается именно на этой базе в Неваде. И причина отнюдь не в том, что американцы якобы прячут там корабль инопланетян, который и разбирают по винтику в поисках дармовых инопланетных технологий. Просто Зона 51 расположена на высохшем соляном озере Грум – практически идеально ровная и очень твёрдая поверхность от горизонта до горизонта.

Большинство неприятностей с самолётами происходит как раз во время взлёта или посадки, и длина взлётно-посадочной полосы частенько играет огромную роль в том, чем закончатся испытания. А тут – готовая бесплатная полоса огромной длины. А плюс к этому охранение такого объекта от любопытствующих глазок наладить достаточно легко – пришлому субъекту просто некуда спрятаться на блестящей под пустынным солнцем застывшей соляной луже. Полёты

гражданских воздушных судов над Зоной 51 запрещены, и следят за этим строго. Случалось, что и сбивали всяких незадачливых мизераблей на Цесснах и Бичкрафтах. Да и на земле у всех дорог щиты «Закрытая зона! Применение оружия санкционировано!» – не забалуешься. Валентин Борисович не слышал ни об одной «внешней» разведывательной операции против Зоны 51. Что, впрочем, совсем не означает что таких операций никогда не проводилось – если ты служишь в разведке, это не значит что можно пойти в какую-нибудь хитрую библиотеку и сказать «А дайте мне отчёт о том как мы украли двигатель от истребителя F-117» – каждый знает только то что ему нужно по службе. А по службе Аверин с Зоной 51 никогда раньше не сталкивался. А вот теперь похоже придётся...

Валентин Борисович ещё раз бегло просмотрел материал. Станным было полное отсутствие ссылок на фотографии или чертежи. Единственный рисунок был явно выполнен от руки, и, судя по светло-серым едва видимым узорам, отсканированный оригинал был бумажной салфеткой или чем-то вроде того. Если пятикласника – любителя фильма «Звёздные войны» попросить изобразить космолёт, то наверное что-то похожее и получится. Обтекаемый, устремлённый вперёд чуть горбатый корпус. Острый истребительский нос, двухкилевое оперение. Маленькие дельтовидные крылышки, над крыльями и под корпусом – наплывы, то-ли двигатели, то-ли ещё что-то. Странная, четырёхстоечная

система шасси, как у стола на колёсиках. Источник рисунка указан не был. Не было и комментария специалистов – очевидно, всерьёз этот эскиз аналитики не приняли. То-ли какой-то прикормленный уборщик глянул через плечо инженера-проектировщика, то-ли подпивший рабочий Зоны 51 разоткровенничался в баре – вобщем, настоящая агентурная разведка до Ладьи-Авроры очевидно ещё не дотянулась.

Оставалась последняя ссылка – на регулярно обновляемые космические фотографии Зоны 51. Немногое, чем эти фотографии отличались от кадров, доступных в Интернете – так это тем, что доподлинно известно когда фотография была сделана. Ну и конечно, можно быть уверенным что на снимке ничего не заретушировано. Ладью, изготовившуюся к взлёту на одной из полос там конечно не увидишь – американцы так же точно знают когда наши спутники фоторазведки появляются над их объектами, как мы знаем графики пролёта американских. Для порядка Аверин всё же открыл и эту ссылку. Последняя фотография была сделана 11 часов назад. Относительно свежих комментариев аналитиков фоторазведки тоже не было – ничто в зоне фотографирования от предыдущих кадров серьёзно не отличалось – не строилось, не разрушалось и не перемещалось. Дата последнего ретуширование общедоступных источников – почти три года назад. Объект ретуширования – небольшое строение в юго-западном углу базы. Комментариев о предполагаемом предназначении здания нет, однако к Ладье оно вряд ли имел пря-

мое отношение – маловато строение для авиационного ангара, да и рулѐжных дорожек от влѐтно-посадочных полос к нему не проложено, только обычная дорога для подъезда автомобилей.

«А всё ж молодцы ребята» – хмыкнул про себя Аверин.

Несколько лет назад двое головастых программистов – курсантов из Можайки, Военно-космического университета в Питере сделали интересный дипломный проект. Их программа просто накапливала космические фотографии из открытых источников, сравнивала их, и искала отличия. Программой заинтересовалось ГРУ, в чей Научно-исследовательский институт ребята и распределились. А распределившись, получили доступ к огромным вычислительным мощностям суперкомпьютеров, и некоторым секретным алгоритмам обработки изображений. В результате, после небольших усовершенствований программа смогла «присматривать» за всей территорией, доступной западным коммерческим спутникам – практически за всей земной поверхностью.

А идея принципа действия этой программы (как и всё гениальное) была уж и вовсе простой. Программа искала «мелькнувшие» объекты на коммерческих, несекретных снимках, доступных в Интернете. Например, в прошлом году на этом месте не было, потом началось строительство. А теперь опять ничего нет, всё выглядит точно так же как год назад. Что это значит?

А значит это, что скорей всего то, что супостат выстроил

там нечто, к чему внимание посторонней публики привлекать не хочет. Выстроил, а потом настойчиво и убедительно попросил хозяина сервиса спутниковых фото изображение этого объекта из публичного доступа убрать, отретушировать, верней – просто заменить фотку на старую. Им бы ещё до строительства об этом договориться, однако так обычно не получается – бюрократические заморочки, секретность опять же, да и не надо на этапе строительства любопытство к объекту притягивать – вдруг среди сотрудников этого сервиса агент чужой разведки? Вот и находит наша программа такие объекты-попрыгушки, а когда находит – оповещает дежурного оператора. Оператор же, лично посмотрев на спутниковые снимки решает, стационарный это объект, или, например, самолёт, или воздушный шар, или корабль у пирса случайно в кадр попавшие. В большинстве случаев конечно отличия фоток – это помехи, типа тени небоскрёба, или колонны комбайнов в поле. Однако если оператор видит здание, трубопровод, или дорогу, которые появились а потом спрятались, это означает что было произведено ретуширование, и наш спутник должен взглянуть на это место повнимательнее. А если ситуация располагает, то лучше бы направить туда и агента с биноклем и камерой. Глядишь, и высветится что-то любопытное и разведке интересное раз уж они это прячут. Вот и появились с некоторых пор у спутниковых фотографий, которыми ГРУ снабжает СВР, пометки «Ретуширование произведено тогда-то», говорящие о том, что об-

щедоступные фотографии этого района были изменены, чтобы спрятать помеченные объекты, которые, конечно, на картинках с наших спутников прекрасно видны.

Конечно то, что у разведки есть такая программа – информация далеко не для всех, и Валентин Борисович знал об этом исключительно по службе – просветили по необходимости во время одной из прошлых операций. К текущей же операции ... хотя, кто знает, операции пока никакой и не было, операция будет после встречи с шефом.

05. Шеф

– Разрешите... хмм... Можно? – спросил Аверин, приоткрыв дверь в кабинет шефа.

Много лет назад первокурсник младший сержант Аверин, успевший до поступления в Высшую Школу КГБ отслужить год срочной в погранвойсках, а теперь, соответственно легенде прикрытия, одетый в форму курсанта-связиста, прибыл на практическое занятие по некой спецдисциплине. Занятие вёл незнакомый капитан неприметного вида, который, как гораздо позже выяснилось, был срочно эвакуированный в Союз из одной западноевропейской резидентуры после того как очередная курва перебежала к супостату, польстившись то-ли идеалами демократии, то-ли дачей во Флориде. В ответ на бравое Аверинское «Разрешите, товарищ капитан?» преподаватель заметил, что от армейских выражений пора отвыкать, потому что в некоторых ситуациях сотруднику разведки сказать «Разрешите?» вместо расслабленного

гражданского «Можно?» – это примерно как пройтись строевым шагом по Пенсильвания-авеню перед Белым Домом. Да и звания в обращении использовать – и вовсе лишнее. Не «товарищ капитан», а «Сергей Петрович». Аверин же, вместо того чтобы принять к сведению и намотать на ус, ответил что преподаватель безусловно прав, но в данной конкретной ситуации и курсант и преподаватель в форме. Значит, именно употребление гражданского «Можно?» как раз и является фактором, теоретически способным насторожить любопытные ушки. Эпизод закончился ничем, а капитан вскоре и вовсе исчез из Высшей Школы, очевидно умудрившись вернуться из вынужденной преподавательской ссылки на оперативную работу.

Однако через пять лет молодой, стремительно делавший карьеру бывший капитан (а теперь уже целый подполковник – в Комитете звание нешуточное) случайно встретил в коридоре управления кадров давешнего курсанта-спорщика. Теперь уже конечно это был не курсант, а лейтенант – бежит времечко-то.

Лейтенант КГБ Валентин Аверин в то время только что вернулся «из-за речки» – из короткой, но кровавой афганской командировки. Уже успел отгулять отпуск, обмыть с друзьями новенький серебряный кругляшок медали «За отвагу», и ожидал назначения к новому месту службы. А подполковник, напротив, назначение уже получил. Сергей Петрович только что возглавил новенькое, только что появив-

шеся в структуре Органов подразделение. А теперь занимался его формированием, подбирая себе людей. Подобрал и лейтенанта, запомнившегося ему когда-то нестандартностью мышления – предложил лейтенанту Аверину должность «под крылом». Лейтенант конечно же долго не думал – о таком везении в начале карьеры можно только мечтать. Будущий начальник был явно «в фаворе» – ведь и в армии не каждому удаётся за пять лет из капитана дорости до подполковника, а в Органах для такого скачка и подавно надо что-то экстраординарное совершить. И звал Сергей Петрович не куда нибудь, а в структуру Первого Главного Управления КГБ, ведавшего внешней разведкой.

С тех пор Аверин, что называется «попал в обойму», и ни разу об этом не пожалел. А неформальные вариации на тему «Можно-Разрешите» или «Разрешите-Можно» стали своего рода паролем, символом принадлежности к одной команде.

– Заходи, заходи, Валя, – Сергей Петрович указал на одно из двух кресел рядом с низким столиком у окна, спрятавшихся за старомодным фикусом, поднялся из-за длинного, предназначенного для совещаний стола и направился туда же. – Присаживайся. Закуривай.

«Закуривай», и место за журнально-кофейным столиком «для своих» однозначно предполагало что разговор будет длинный. Сам Сергей Петрович не курил, и дыма, похоже, не любил, однако предпочитал не выгонять посетителей из кабинета на перекуры, экономя время и создавая пришед-

шим «зону комфорта», справедливо полагая что человек избавленный от мучений никотинового голода не отвлекается, работает лучше и думает быстрее.

– Ну что, впитал материал по Ладье? Вопросы появились?

– Два, Сергей Петрович.

– Давай. Извини старика, забыл – кофе хочешь? – не ожидая ответа Сергей Петрович ткнул пальцем кнопку включения на электрическом чайнике, подвинул к Аверину пепельницу, после чего принял умышленно-отчётливую позу внимательного слушателя.

– Вопрос первый, почему SR-71 «Чёрный Дрозд» был снят с вооружения в 89ом, а Ладья-Аврора появилась значительно позже?

– Вопрос чисто академический, но интересный. Валя, честно говоря – не знаю. Возможно, американцы действительно думали, что обойдутся одной спутниковой разведкой. Вот и запоздали с разработкой Ладьи, занялись ею серьёзно только когда поняли, что без авиационной разведки не обойтись. Они тоже люди, и тоже ошибаются. Как в своё время решили серьёзно сократить агентурную разведку в Передней Азии, и после Одиннадцатого Сентября нам пришлось их в Афганистан втаскивать. Помнишь?

Аверин коротко кивнул. Конечно он помнил, как после ударов самолётов в Башни-Близнецы Международного Торгового Центра в Нью-Йорке американцы задумали вторжение в Афганистан – как-бы Усаму ловить. Однако достаточ-

но быстро осознали, что в регионе (а тем более в самом Афганистане) у них ни агентуры ни союзников нет. Попросили помощи у сочувствующей России. А Россия, выведя войска из Афгана, по прежнему сохраняла там своё влияние опосредованно, подкармливая и вооружая Северный Альянс, воевавший с радикальными исламистами движения Талибан. Именно Аверин в своё время обеспечивал «американскую сторону» знакомства штатовских политиков и военных с полевыми командирами Северного альянса. А ведь предупреждала тогда разведка политиков российских... Однако точка зрения «американцы оттянут на себя радикальных исламистов от средне-азиатских республик» возоблала. Теперь звёздно-полосатые всеми четырьмя ногами зацепились за Афган, а базы американские уже и по нашей Средней Азии раскиданы.

– Второй вариант, – продолжил Сергей Петрович, пододвигая к Аверину сахарницу и банку с растворимым кофе – Возможно, мы просмотрели какой-то воздушный разведчик между Чёрным Дроздом и Ладьёй, ту самую «Аврору», однако я такой расклад почти целиком исключаю. Должен был такой самолёт засветиться хоть раз, будь он трижды «Стэлс», да и агентурная разведка ничего не заметила. Вообще ничего, хотя, в общем и специального задания на разработку Ладьи, в ходе которой такой самолёт мог быть выявлен, агентуре никто не давал. Забегая вперед скажу – до сего времени не давал. Однако если такой самолёт был, где-то краем

мы бы его зацепили. У ГРУ тоже никакой информации по подобному изделию нет. Я, Валюша, вообще последние двое суток провёл в разговорах с «Аквариумом», с дипломатами, с экспертами от оборонки, так что информация свежая.

После слов «...двое суток провёл...» Аверин зачерпнул вторую ложку кофейного порошка, и после подтверждающего кивка высыпал добавочную порцию кофеина в чашку Сергея Петровича. Впрочем, генерал не выглядел ни усталым ни недоспавшим.

– Спасибо, дорогой. – хозяин кабинета подождал пока Валентин Борисович закончит наливать кипяток в чашки. – Второй вопрос?

– Сергей Петрович, почему сделан вывод об оперативной готовности Лады, если было зафиксировано всего четыре выхода в космос?

– Поясняю. Будет длинно, если будет что-то что ты уже знаешь – останови меня.

Аверин зажжёт сигарету и кивнул, устраиваясь поудобнее. Если честно, останавливать Сергея Петровича он ни при каком раскладе не собирался, потому что рассказывать тот умел и любил, делал это виртуозно, и слушать было одно удовольствие.

Битый волк, ветеран ПГУ КГБ, генерал разведки, человек вхожий в самые высокие кабинеты, для непосвящённых выглядел невысоким толстячком в роговых очках, смотревшимся ровнёхонько на свои шестьдесят-с-хвостиком. Одна-

ко, например в столовой Ясенево Сергей Петрович всегда сидел в окружении стайки лейтенантш-переводчиц. Девчонки, которым генерал годился скорее в дедушки чем в отцы, откровенно млели, и томно смотрели на Сергея Петровича с нескрываемым обожанием, пока тот рассказывал о чём угодно, начиная от кота Шредингера и эффекта Вуда, и заканчивая различиями в рецептах пуэрториканской и венесуэльской энчалады. Аверин за свою уже достаточно долгую жизнь не встречал человека такой широченной эрудиции. Сам Сергей Петрович правда, смеясь, утверждал, что женщинам можно говорить всё что угодно, главное – делать это в темпе чуть большем, чем они успевают понимать, и тогда любая чушь кажется им перлами мудрости.

– Ну так вот, Валя, – начал генерал – мы предполагаем, что Ладья готова и может использоваться просто исходя из худшего сценария... и некоторых других соображений. А видели мы только четыре запуска вот почему: как ты наверное знаешь, мы наблюдаем космос с помощью Системы Контроля Космического Пространства, так называемой СККП. Система эта состоит из радаров, компьютеров, и оптико-электронных комплексов. Зачем радары – понятно. Компьютеры нужны чтобы траектории спутников считать. А опто-электронные комплексы это... Ну, грубо говоря, это просто красивое название телескопов, смотрящих не на звёзды и всякие там Марсы с Юпитерами, а на спутники на орбитах.

Система эта в первую очередь наблюдает именно спутни-

ки, то-есть, объекты на орбитах. Ладья же на орбиту никогда не выходила, Ладья, она ведёт себя скорее как баллистическая ракета, как недо-спутник если угодно, и в поле зрения СККП собственно и не попадала. Понятно излагаю?

Аверин опять кивнул. До сюда всё и правда более-менее просто. Есть у нас система обнаружения спутников, но Ладья – не спутник, вот эта система её и не видела никогда.

– Вот и славно – деловито сказал Шеф – Тогда продолжим. А попадала Ладья в поле зрения СПРН – Системы Предупреждения о Ракетном Нападении. Эта система, как известно, состоит из двух эшелонов – по-простому, из двух подсистем. Первый эшелон – это спутники, засекающие старт ракет с территории США, и с акваторий – в смысле с подводных лодок в океанах. Засечка стартов производится по характерному излучению факела разгоняющейся ракеты.

Второй эшелон СПРН – это наземные радиолокационные станции, которые видят ракеты на подлёте к территории России. И направлены эти радары так, чтобы смотреть на ракето-опасные направления, то-есть туда, откуда что-то может прилететь и по нашей территории ударить. Естественно, никто не будет пытаться на испытаниях запускать Ладью так, чтобы она над нашей территорией пролетела и оказалась в нашем воздушно-космическом пространстве, по-этому и в поле локаторов Системы Предупреждения о Ракетном Нападении она попала только четыре раза, да и то «в краешки». Тревога ни разу не объявлялась, потому что траектория

не была направлена в нашу сторону, да и цель не вела себя так, как обычно ведёт себя атакующая баллистическая ракета. Например, не отстреливала ложные цели для преодоления Противоракетной обороны, да и отделения первой ступени не было. Скажу больше, первые два раза цель эта вообще принималась за помеху, за неисправность оборудования, потому что больше всего это было похоже на ветряную мельницу в космосе. Уж слишком цель была большая, и слишком неправильная. Все четыре баллистических траектории начинались примерно из центральной части континентальных США. Примерные координаты стартов, если понадобится, есть. Заканчивались же траектории в разных, ничем не примечательных местах, конечно же всегда над нейтральными водами. Впрочем, нет, вру. Один раз место всё же было примечательным – траекторий закончилась в Тихом Океане, совсем рядом с Тайванем, и именно она, Валентин, самая неприятная.

Аверин понимающе кивнул, впрочем, довольно слабо представляя себе в чём неприятность именно такой траектории, и надеясь, что продолжение воспоследует. Однако Сергей Петрович не спешил. Круговыми движениями покачивал в руке кофейную чашку, словно стараясь размешать сахар получше, и поглядывал изучающе на Валентина Борисовича поверх очков. Делал вид что с мыслями собирается, а сам наверняка ждал что ученик проявит чудеса смекалки, и сам догадается, в чем же это такая особая неприятность прыжка

Ладьи к Тайваню.

И рад бы Аверин порадовать старика, но догадка не приходила. Уж извините, но кому-то – оперативная работа, а кому-то – космические технологии. С оперативной точки зрения появление Ладьи у Тайваня нам вроде бы ничем не грозила. Оставались стратегическая и техническая точки зрения. Шефу-то хорошо, он и сам говорит, что последние двое суток провёл за беседами с военными и людьми из оборонки, вот и видны генералу угрозы от Тайваньского прыжка как на ладони. А вот Валентину Борисовичу ничего не придумывалось. Оставалось сидеть с чрезвычайно внимательным видом, и делать вид что не замечаешь намёки шефа на то, что неплохо бы и самому догадаться и догадку озвучить.

– Как ты наверное знаешь, космические корабли проще запускать с запада на восток – по вращению Земли. Тогда скорость вращения прибавляется к скорости корабля. – наконец-то продолжил генерал. – Именно по-этому все стремятся располагать космодромы как можно южнее, ближе к экватору – там скорость вращения Земли больше всего, ни много ни мало – три скорости звука. Можно конечно стартовать и против вращения Земли, но тогда скорость планеты будет отниматься от скорости корабля, соответственно ракета должна быть мощнее. Так вот, с учётом траектории «Тайваньского прыжка» получается, что Ладья может летать в любую сторону, как по вращению, так и против, мощности у неё хватит. Это значит, что Ладья теоретически может вой-

ти в воздушное пространство России с любого направления. Что серьёзно усложняет задачу перехвата. Теперь понятно?

– Понятно. – сказал слегка пристыженный Аверин. – Можно вопрос по ходу? А может Ладья совершать два прыжка подряд? Ну например, прыгнуть к Москве, ударить, и прыгнуть обратно?

– Этого, Валя, мы не знаем. Понимаю почему ты спросил – интересуешься, каким образом Ладья вернулась в Штаты после прыжков? Мы не знаем как вернулась. Обратных прыжков не зафиксировано, то-ли потому что их не было, то-ли потому что траектории этих прыжков проходили за пределами наблюдаемых областей. Однако, даже если Ладья не может совершать более одного прыжка, то наверняка может после единственного прыжка действовать как самолёт, что уже само по себе весьма неприятно. Объяснять надо?

– Нет, Сергей Петрович, это тоже понятно. – ответил Аверин, позаботившись о том чтобы окурок в пепельнице не дымил. Конечно, чего уж понятнее, перепрыгнет эта дрянь противоздушную оборону как баллистическая ракета там, где противоракетной обороны нет (а её считай нигде нет кроме Москвы) да и начнёт действовать как бомбардировщик. – Ещё маленький вопросик. Мы считаем Ладью носителем ядерного оружия?

– А это, Валентин, и не важно. Судя по габаритам, ядерное оружие Ладья нести может, но не любим мы её как раз в безъядерном варианте. – Сергей Петрович посмотрел на

Аверина, и увидев удивленно вздетую бровь, продолжил: – В ядерной войне Ладыя ничем не лучше обычной баллистической ракеты, а если и лучше, то не на много. Если уж начнётся обмен ядерными ударами «со всей дури» – уже неважно будет. А вот в обычном конфликте, пока до ядерного смертоубийства не дошло, Ладыя очень опасна. Верней, конечно, не одна Ладыя, а флот из пары десятков таких. Они смогут прорывать противозенитную оборону как баллистические ракеты, а потом уничтожать наши средства ядерного сдерживания обычным оружием, действуя как бомбардировщики, но уже за спиной нашего ПВО. Например, выскочила Ладыя из космоса уже где-нибудь в Сибири, и начала жечь «Тополя» Красноярской Ракетной Армии. А там даже местной ПВО нет, потому что на такой расклад никто и не рассчитывал, по крайней мере до сих пор. В общем, Ладыя и в обычном, безъядерном снаряжении – оружие стратегическое, потому что наше стратегическое оружие уничтожить сможет легко и непринуждённо, оставляя Россию беззащитной перед возможным ядерным ударом. Ещё вопросы по технической части?

– Нет вопросов, товарищ генерал – чётко ответил Аверин, понимая что приблизился самый что ни на есть военный момент – постановка задачи. Однако ставить задачу Сергей Петрович не спешил.

– Прежде чем продолжить, Валя, разреши объяснить тебе тонкости и ограничения этого... этого чрезвычайно де-

ликатного дела. Понимаю, тебя наверное интересует вопрос: «Ладья хоть и стратегическое оружие, но всё же оружие. Так почему этим занимаемся мы, а не ГРУ?»

У Валентина Борисовича если такой вопрос и был, то маячил где-то в подсознании, потому что задачи как-таковой всё ещё не было. Да и вообще, если честно, информации о техническом изделии, какое бы оно ни было стратегическое, для сотрудника политической разведки было уже многовато. Но шеф ответа и не ждал.

– Поясняю: и ГРУ тоже. И вообще буквально все. Указание пришло с самого верха. С самого-самого. – Сергей Петрович многозначительно посмотрел на Аверина. Тот изобразил внимание, свойственное указаниям «с самого-самого верха», впрочем подозревая, что на этом самом «самом вер-ху» решение было принято опять же не без участия Сергея Петровича.

– Дело в том, Валя, что технологии аналогичные Ладье у нас появятся нескоро. Свой аналогичный проект, если не ошибаюсь, «Аякс» мы заморозили в начале девяностых, да там и до прототипа дело не дошло, существовал этот проект исключительно на бумаге – в чертежах. А теперь... Говорил я с экспертами, с учёными из соответствующих НИИ, их оценка – десять лет. При хорошем, вернее, при идеальном раскладе – пять. Даже если мы нашей оборонке прине-сём прототип на блюдечке с голубой каёмочкой. Мы, конечно, над этим работаем, но, ещё раз, исходя из худших оценок

– десять лет. Из тех же худших, пессимистических оценок, у американцев Ладья целиком работоспособна. Вполне возможно, у них уже есть больше чем один аппарат. А если и один – у них есть технологии, значит в ближайшее время они смогут построить столько сколько нужно. Соответственно, выхода у нас два, первый – это вложить сумасшедшие деньги в противоракетную оборону, накрывающую всю страну, разориться, и слушать при этом упрёки в развязывании гонки вооружений. Второй выход – запретить Ладью. Да-да, именно запретить – привязать её к грядущему договору по ограничению стратегических вооружений. Знаешь ведь, в следующем году подписание очередного на высшем уровне?

Валентин Борисович кивнул – про подписание договора об ограничении Стратегических Наступательных Вооружений, какого-то там СНВ-с-номером он безусловно слышал.

– Ну так вот, – продолжил Сергей Петрович. – подготовка этого договора, встречи экспертов и дипломатов за закрытыми дверями естественно идут давно. И Ладью (вернее, аэрокосмические системы в целом) мы в этом договоре всю пытаемся учесть. Проблема в том, что американцы отказываются. Утверждают, что у них таких систем и близко нет, фантастика всё это, утопия, типа «Вы бы ещё ограничения на устройства для телепортации войск в договор впихнули». Ну что, Валя, понимаешь к чему я веду?

– Более-менее, Сергей Петрович – осторожно ответил Аверин. – Нужны доказательства существования аппарата?

– Верно! – генерал улыбнулся Аверинской догадливости – Именно так. Нужно добыть доказательства существования Ладьи. Хорошие, качественные доказательства, понятные неподготовленной публике, а не головастикам-экспертам. Чтобы не стоять как Колин Пауэл, и не потрясать пробирочкой с питьевой содой, убеждая ООНв необходимости удара по Ираку. Настоящие доказательства нужны, не вызывающие сомнений даже у какой-нибудь бельгийской домохозяйки. Бронебойные доказательства! А сроку на всё – три месяца!

Сергей Петрович слегка хлопнул ладонью по столу и откинулся в кресле, щурясь в улыбке за толстыми стёклами очков, и всем своим видом показывая что он как раз и есть царь, посылающий Федота-стрельца добыть То-Чего-На-Белом-Свете-Вообще-Не-Может-Быть.

Аверин знал своего генерала достаточно чтобы понимать, что тот держит паузу совершенно умышленно – самое правильное время чтобы жаловаться на судьбу.

– Какие доказательства, шеф? Разбить эту самую Ладью перед сотней западных журналистов? И почему три месяца? Если до переговоров по СНВ больше полугода...

На совершенно неуставную выходку Сергей Петрович совершенно не осерчал, скорее – воспринял как должное. Ребячества со стороны Аверина генерал скорее поощрял. «Вот повзрослеешь, Валя – я тебя мигом на пенсию отправлю» – говаривал он. Генерал считал что на должности Аверина ему

нужен не исполнительный служака, а живой и непоседливый авантюрист. Как шеф сам это называл: «сотрудник с персоналией багдадского вора».

– Ох, как непохоже это на Вас, товарищ подполковник. Что же это, изображаете плач Ярославны по поводу жёстких временных ограничений, а покапризничать по поводу труднодоступности места базирования объекта забыли? А , Валя? Или Зона 51 уже и не пугает? – спросил Сергей Петрович продолжая улыбаться. – Ну жалуйся тогда уже на всё сразу, чтобы я тебе мог ответить оптом.

– А я, товарищ генерал, жалобы собираюсь добавлять в порядке эскалации конфликта. – тоже улыбнулся Аверин. – Думал, может и одной хватит. А вообще, у меня всяких жалоб – и не сосчитать!

– Уж в этом-то я и не сомневался. – ответил товарищ генерал, и пригасил улыбку. – Ладно, Валентин, шутки в сторону. Первое – разбивать ничего нельзя. Вообще, нельзя допустить никакого шпионского скандала, это – как раз одно из тонкостей и ограничений. Никаких силовых акций, никаких агрессивных ходов, никаких громких арестов и шпионских скандалов. Лучше не получить никакого результата, чем и результат и скандал одновременно. Впрочем, сам понимаешь, и то и другое – неудовлетворительный результат. А при неудовлетворительном результате меня, Валя, слопают. Претендентов на моё место достаточно. Впрочем, и на твоё тоже.

Аверин, хоть и был защищён все эти годы от «подковёрной борьбы» широкой спиной шефа, прекрасно понимал, что в верхах разведки (как впрочем и любой другой большой организации) вовсю идут аппаратные игрища, и Сергей Петрович в них безусловно понимал толк. Так уж устроен наш мир, если ты – генерал, то скорей всего совсем не потому, что толкаешься локтями успешнее всех. Однако но без минимального умения толкаться локтями на верх не пробиться, а если и пробиться, то наверняка не удержаться наверху надолго. Лосёнок маленький – на всех не хватит. Всегда претендентов на генеральские кресла существенно больше чем самих кресел.

– Итак, Валентин, хочу ещё раз обратить внимание: если выбирать между результатом нулевым, и ненулевым результатом со скандалом, то будем выбирать нулевой, при нём по крайней мере страна не пострадает, и попытку можно будет повторить. Хотя скорее всего повторять попытку придётся другим, а не нам с тобой. Понятно?

– Понятно, Сергей Петрович.

– Вот и славно. Тогда давай поговорим про нужный нам «ненулевой» вариант... – продолжил Сергей Петрович, удовлетворившись ответом. – Для доказательства существования Ладьи минимальный набор – это качественная фотография, лучше несколько. Лучше – высокого разрешения, чтобы легче было доказать их подлинность, смело отринув обвинения в том, что мы с тобой Ладью тут за рюмкой чая на

компьютере в Фотошопе нарисовали. Теперь, почему именно три месяца и не секундой больше, хотя до переговоров с американцами больше полугода. Валя, через три месяца начинаются переговоры по обычным вооружениям в Европе.

Сергей Петрович сделал очередную эффектную паузу, убедился, что опять удивил Аверина, и только после этого с некоторой долей самодовольства продолжил объяснение.

– Именно так, Валя. Перед лицом всей европейской братии мы смело бросим на стол доказательства существования Ладьи, и потребуем учесть её боевые возможности в новом договоре. Повторяю: в договоре по обычным вооружениям в Европе. – генерал старательно проговорил «в Ев-ро-пе» по слогам. – Никто Ладью конечно в этом договоре не учтёт. Нам просто начнут вежливо объяснять, что в договоре по ограничению вооружений в Европе как бы странно учитывать оружие, которое находится совсем не в Европе, а в Америке. А когда не смотрим, будут с пониманием переглядываться и пальцем у виска крутить – типа «ох уж эти странные русские...» Ничего, побудем немного странненькими – от нас не отвалится кусочек. Мы чуток пободаемся, поспорим, пообижаемся, да и согласимся с доводами... хмм... партнёров. Переговоры наверняка в очередной раз закончатся ничем. А вот Ладьёй после этого точно заинтересуются все, и пресса о ней заговорит, и на переговорах по стратегическим вооружениям американцам будет уже не отвертеться, не сказать: «А нету у нас никакого аэрокосмического самолёта».

Вполне возможно, что мы с европейцами ещё и своими материалами поделимся. Частично конечно. Пусть их разведслужбы тоже любопытничают, напрягутся и против Америки поработают. А ведь поработают. Не все конечно, но вот немцы, французы и итальянцы – уж точно.

Кажущаяся незамысловатость плана-двухходовки в очередной раз заставила Аверина посмотреть на шефа с открытым восхищением. Вот уж действительно, как говорил великий оружейник Георгий Шпагин, конструктор ППШ : «Сложно сделать – просто, а просто сделать – сложно». Получалось и в самом деле просто и грациозно – надавить на американцев руками европейцев.

Западно-европейцы, ну кроме, пожалуй, британцев, давно уже поняли что пан-атлантическая солидарность – штука конечно хорошая, но своя рубашка ближе к телу. Есть американские интересы, а есть – европейские, и не всегда эти интересы совпадают до последней буквы. И знающему человеку признаки изменения курса видны невооружённым глазом.

Вот например, есть у США система глобального позиционирования GPS, которая может использоваться как для военных целей, так и для гражданских, причём для гражданских – бесплатно. У нас есть есть похожая спутниковая система ГЛОНАСС. Нужна нам своя система как раз потому, что в случае войны Америка нам доступ к GPS конечно же быстренько закроет. И вдруг Объединённая Европа начина-

ет строить точно такую же, но собственную систему «Галилео». Зачем? Ведь в случае войны европейцы смогли бы использовать GPS союзной Америки. Значит, есть в Европе некие стратеги, которые допускают, что в следующей войне США не обязательно окажется союзником.

– Теперь, я думаю, ты понимаешь почему мы должны избегать скандала любой ценой – продолжил Сергей Петрович – и перед европейцами, и перед американцами мы должны выглядеть не мастерами плаща и кинжала, а джентельменистыми партнёрами. Всё что ты, Валя, будешь предпринимать по Ладье, должно быть сделано в перчатках, пушистеньких таких перчаточках, и с весёленьким узорчиком. Чтобы тому, кого мы будем трогать, было тепло, мягко, и беззаботно. А лучше чтобы он вообще был не в курсе что его поторгали, пока доказательства существования Ладьи не будут предъявлены почтеннейшей публике. И чтобы даже после предъявления доказательств, потроганный не мог резко обернуться и сказать: «Ну и кто тут у нас был в перчатках?! ». Валя, это к тому, что шпионский скандал даже «задним числом», то есть после переговоров, нам тоже совершенно лишний.

– Да я понял, шеф. Просто три месяца... А что ж раньше-то?

– А теперь про Зону 51 и про «а раньше-то?». И про то, что ты в досье на Ладью увидеть не мог. Я совершенно согласен, Валентин, в настоящий момент никакая «тихая» операция против Зоны 51 невозможна. Однако по... ну давай

скажем ещё раз «по некоторым сведениям»... Ну так вот, по некоторым сведениям Ладыя в настоящее время уже умеет использовать не только бесконечные аэродромы соленого озера Зоны 51, но и совершенно обычные взлётно-посадочные полосы.

«Ну вот, опять "по некоторым сведениям" » – заметил про себя Аверин – «Наверно это те же "некоторые сведения", благодаря которым мы знаем что Ладыя летала не четыре раза, а гораздо больше. Интересно, почему такая секретность? Источник "некоторых сведений" сидит очень высоко, так что его даже косвенно во внутренних документах упомянуть нельзя в порядке рутинной перестраховки? Или потому что у нас утечка зафиксированна, опять "крот"-вражина завёлся?»

– В ближайшее время – продолжил генерал. – Ладыя приземлится на обычном аэродроме за пределами Зоны 51. Какой это аэродром мы не знаем наверняка, однако можем предполагать. Две недели назад восемь трейлеров Шэдоу Флит перетащили, соответственно, шестнадцать цистерн из Зоны 51 на военно-воздушную базу Хилл в Юте.

Про Шэдоу Флит, «Shadow Feet», или «Теневой Флот» Валентин Борисович конечно же слышал – не зря работал в подразделении, специализирующемся на Северной Америке. Шэдоу Флит – это собирательное название огромного количества подставных фирм и фирмочек, обеспечивающих секретные перевозки в интересах американских воен-

ных, ФБР, ЦРУ, и прочих силовых структур. Едет какой-нибудь незадачливый моторист по автостраде, и не догадывается что в грузовике по соседству подпрыгивает на дорожных выбоинах десять тонн авиабомб. Впрочем, грузовик с авиабомбами совершенно безопасен. Во всяком случае, пока не столкнётся с другим грузовиком, гружённым детонаторами.

Водитель из Шэдоу Флит – такой же интересный объект вербовки, как например, уборщик в Пентагоне. А уборщик в секретной организации – объект для вербовки весьма и весьма привлекательный. Уборщик – это не генерал, и контрразведка на него внимания почти не обращает, так что работать с ним легко, удобно, и безопасно. Да и с финансовой точки зрения весьма необременительно, потому что денег для полного счастья уборщику надо меньше, чем генералу. А вот бумаги в урнах могут найтись почти такие же интересные как у генерала на столе.

Вот и водитель грузовика, работающий на Шэдоу Флит может много интересного поведать. Даже если мы и не знаем наверняка что внутри грузовика, всё равно – факт грузопотока из точки А в точку Б знающему человеку много интересного сказать может.

– Один из водителей был настолько любезен, что мазал салфеткой по входному патрубку цистерны. Салфетка эта уже здесь, в Москве, эксперты-химики над ней последние два дня колдуют без отдыха и сна. А результаты, милый друг Валя, вот какие... – Сергей Петрович опять откинулся

в кресле с таким гордым видом, будто что именно он эту салфетку добыл, и анализ провёл самолично. – Вещество на салфетке – субстанция незнакомая, и уж точно не использующаяся в известной нам технике. Не соответствует эта субстанция известным топливам, окислителям, тормозной жидкости, или какой-нибудь краске для солдатских сортиров – ничему не соответствует. Что-то высокоэнергетическое, именно как топливо или жидкая взрывчатка. Да, пожалуй – именно как взрывчатка, потому что не требует дополнительного окислителя, вроде кислорода из воздуха, необходимого для обычного самолётного двигателя. Углеводородные полимеры (характерные для производных нефти) отсутствуют напрочь. Эксперты что-то там лопотали про нано-технологии, однако сейчас всё что новое, или сложное, или просто с элементами крутизны – всё обязательно «нано». Впрочем – неважно. Так или иначе, есть мнение – предположить что на базу Хилл завезли топливо для Ладьи, в количестве достаточном для нескольких заправок.

– Почему несколько заправок? Примерно посчитали объём топлива по габаритам Ладьи?

– Совершенно верно. Цистерны были на тридцать четыре тысячи литров каждая. А Ладья – предположительно размером с фронтовой бомбардировщик. Даже если мы сильно ошиблись с расчётами, и Ладья размером со стратегический Б-52, причём заливается топливом на весь объём корпуса и крыльев, то всё равно минимум на три полёта хватит.

Видишь ли, Валя, следуя общечеловеческой, логике имеет смысл предположить что если приземление тут планируется одно-единственное, тогда бы и топлива на одну заправку было бы, конечно – с некоторым запасом. Если топлива много, то будет и много заправок, и Ладья задержится на этой базе надолго, верно?

– Ну а если она больше? – спросил Аверин. – Я имею ввиду – что если она больше чем Б-52?

– А вот это – вряд ли. – уверенно ответил шеф. – Ладья – размером со стратегический бомбардировщик, или меньше. Если Ладья больше – ни в один ангар Зоны 51 она просто не поместится. Будь она такая здоровая – стояла бы в чистом поле, и мы бы её великолепно видели на спутниковых фотографиях. Ну, или в крайнем случае видели бы там что-то большое и непонятное, закрытое брезентом.

– Логично. – согласился Валентин Борисович, буквально только что закончивший знакомство с проектом, и не заметивший на снимках Зоны 51 ничего необычного.

– Есть ещё одно соображение, почему можно предположить что если мы правы, и то, что доставили на базу Хилл – это действительно топливо для Ладьи, то Ладья там появится не один раз. – продолжил генерал. – Соображение чисто психологическое. База Хилл как раз и создавалась как «тихая гавань». Активно развиваться стала сразу после Пёрл-Харбора – хотелось американскому командованию иметь аэродром в самом сердце Америки, далеко от любых океанов и от

сухопутных границ, от любого внешнего супостата. В общем, для Лады не самое плохое место. Пожалуй, даже лучшее после Зоны 51. И самое лучшее, если мы говорим об обычных военно-воздушных базах. Помнишь историю Ф-117? Он как раз прошёл тем же путём, которым сейчас предположительно идёт Ладыя – разрабатывался в Локхидовском «отделе перспективных разработок Скэнк Воркс», испытывался в Зоне 51, а обкатку «в войсках» проходил там же, на базе Хилл, в Юте.

Аверин опять кивнул, хотя всю историю Ф-117 (во всяком случае начало этой истории, на которое и ссылался Сергей Петрович) Валентин Борисович конечно помнить не мог – не по годам, слишком молод. Однако конец истории наблюдал – НАТО бомбило Югославию, разведка наша работала круглые сутки, просчитывая и готовя почву для самых разных вариантов развития событий. Ельцин от руководства страной в значительной мере самоустранился, и в верхах бродили самые разные веяния, от полного соглашательства с НАТО, до защиты Югославии всем доступными силами и средствами, в том числе и военными, если придётся. По-этому готовились самые разные варианты на выбор.

Пытались, договориться с бывшими братьями-болгарами об использовании воздушного пространства Болгарии нашими самолётами. Искали подходы к либеральным европейским политикам чтобы остановить агрессию НАТО мягким, дипломатическим путём. Прикидывали даже заоблач-

но-экстремальные варианты, вроде тайной доставки по морю с Кипра в Югославию зенитно-ракетных комплексов ПВО, или организации воздушного моста вопреки запретам НАТО. Готовили конечно и случившийся эпизод, а когда двести наших десантников благополучно совершили марш из Боснии до аэродрома Приштины. А потом как дети радовались тому, что Россия впервые за десять лет не отсиживалась как мышь под веником, а напротив – показала зубы, как Великой Державе по статусу и положено.

В общем, разведывательная жизнь в Европе кипела, как впрочем, во время любой, даже совсем уж карманной войны. Много происходило и в Америке, однако Аверин всегда находил время почитать доступные разведсводки и по-теоретизировать с коллегами по поводу грызни, устроенной несколькими нехилыми разведками вокруг останков сбитого югославами самолёта-невидимки Ф-117.

Коробчатый уродец с гордым именем «Night Hawk» , «Найт Хок» – «Ночной Ястреб», на вид совершенно неприспособленный летать, и целиком уповающий на свою радиолокационную невидимость, и потому даже не имеющий оружия для воздушного боя, был замечен-таки сербским давно устаревшим комплексом ПВО советского производства, и получил ракету в брюхо. Лётчик успешно катапультировался и был подобран спасательной командой, а самолёт-невидимка, разрекламированный как «оружие будущего», остался тихо лежать на травке, окружённый празнующими ма-

ленькую, но важную победу сербскими крестьянами, танцующими перед телекамерами репортёров.

Секреты модного самолётника с элементами технологии «стелс» безусловно были интересны почти любой стране производящей авиационную технику. Впрочем как и стране, которой возможно придётся от воздушных ударов защищаться. За редкими исключениями конечно. Одним исключением была Россия, потому что Ф-117 впервые поднялся в воздух относительно давно – два десятилетия назад. В начале восьмидесятых мы многое сделали чтобы узнать о Ночном Ястребе побольше, так что в конце девяностых он был уже нам практически неинтересен. Возможно, была на борту новая электроника, но не стоила она того чтобы толкаться локтями с парой десятков разведок и разведочек. Поэтому российская разведка только обозначила активность чтобы не удивлять и не настораживать конкурентов, но вместо охоты за секретами упавшего самолёта занялась наблюдением и изучением действий прочих охотников за шпионским «Святым Граалем», почившим у сербской деревеньки Будановцы.

Вторым исключением была разведка США, которая безусловно за секретами не охотилась, а напротив – пыталась их сохранить, вернувши своё. Вернее, то что ещё недавно было своим, а теперь сделалось как бы ничейным. Ну, а если не вернуть не получится, то хотя бы сделать так чтобы памятое, но всё ещё чертовски ценное сокровище не досталось нико-

му.

Проще всего для американцев конечно было бы нанести воздушный удар по останкам самолёта, но вот незадача: секретной была и обшивка из радиопоглощающих материалов, которая в совокупности с формой планера и обеспечивала невидимость воздушного судна для радаров противника. После взрыва эта самая обшивка оказалась бы раскиданной по окрестностям – попробуй собери её так, чтобы ни кусочка не прилипло к заинтересованным пальчикам. Да и сербские крестьяне, буквально оседлавшие сбитый Ночной Ястреб, задачу серьёзно усложняли – бомбить на глазах журналистов никак нельзя, иначе имидж миротворца пострадает.

Серьёзную операцию с десантом, временным контролем территории, и вывозом самолётного «тела» тоже проводить было не с руки – сербская армия по-взрослому готовилась к наземной фазе войны, и десант такой скорее всего подавила бы с огромными потерями для нападающих. А если бы не подавила, то наверняка блокировала – не дала уйти, в результате наземная операция считалась бы начавшейся, а переговоры с Милошевичем о капитуляции – провалившимися. В общем, задача перед американской разведкой стояла не из лёгких. Так или иначе, классика «Так не доставайся же ты никому!» никак не получалась.

А выиграла гонку за шпионским кладом как ни странно – китайцы. Вернее, сейчас это странным уже не кажется, теперь Китай – восходящая звезда, вторая экономика мира. А

если считать не в ничем не обеспеченных долларах, а в каких-нибудь реальных ценностях, то скорей всего – первая, да ещё и с огромным отрывом. Значит – и в расходах на спецслужбы Китай может не скупиться, и рано или поздно порядочной разведкой обзаведётся. В конце девяностых же слова «Сделано в Китае» ещё произносились с явным пренебрежением, и ассоциировались не с автомобилями и компьютерами, а с дешёвыми пластковыми игрушками. И разведка китайская считалась совершенно беззубой и хиленькой, «местечковой» – способной работать только в азиатском регионе – против всяких там Тайваня, Вьетнама и Индии. Однако тогда, в Югославии китайцы продемонстрировали что и в Европе у них кое-какие оперативные возможности имеются, утеревши нос группе конкурентов мирового класса, да ещё и во главе с США.

Американцы же поступили совсем не по-джентельменски, зато – предельно прагматично. Перевели игру в военную плоскость – сделали вид что ошиблись из-за древности карт и вклеили в белградское посольство КНР высокоточную ракету. И ведь китайцы стерпели. Вернее, тогда – стерпели, ограничились нотой, приняли дежурные извинения. Но ведь наверняка не забыли. Китайцы – они ведь не меньшие прагматики, чем американцы, только прагматизм у них азиатский, изначальный. Китайцы будут ждать и помнить, но отомстят когда подвернётся подходящий случай, а случай когда-нибудь да подвернётся. Может быть – через двадцать лет,

а может быть – уже сегодня вечером.

Сам Аверин, работая по Северной Америке, с китайской разведкой впрямую конечно не сталкивался, однако считал, что руководство СВР спецслужбы Поднебесной недооценивает. Впрочем, такие мнения он конечно держал при себе – не по чину их высказывать. Во всяком случае – пока.

– Вообще-то, предполагаемых кандидатов на полевые испытания Ладья было два, – вернулся к основной теме Сергей Петрович. – База Хилл в Юте, и База Холомэн, в Нью-Мексико. Но мы будем исходить из того, что Ладья окажется именно в Юте. Холомэн можешь даже в расчёт не принимать. Но если мы ошиблись, и Ладья окажется там – чёрт с ним, пусть «Аквариум» забирает себе всё славу – эта база людьми ГРУ насквозь профильтрована. На Холомэн у армейцев агентурное проникновение – будь здоров, слишком уж там много объектов, интересных военным. Если что – во-яки там и сами справятся.

Сергей Петрович хлопнул руками по подлокотникам кресла, как бы ставя точку в разговоре. Поднялся, протянул руку прощаясь.

– Вот, Валя, тебе фронт работ и наметился. Ступай, голубчик, думай. На разработку черновика плана операции – два дня.

06. Колюня

Саша Тимофеев сидел в кафешке – через Проспект Мира от своего дома, и ждал однокашника и старинного друга

Колюню Савенкова. Время было промежуточное, обедавшие в кафе уже ушли, а любители выпить вечером чего-нибудь согревающего ещё не подтянулись, и за стойкой бара Саша сидел в полном одиночестве. От нечего делать дружился с персоналом – двумя официантками и по-совместительству барменшами Верой и Викой, и охранником Тёмой.

Перелёты из Солт-Лейк-Сити в Нью-Йорк, и из Нью-Йорка в Первопрестольную прошли практически без приключений. Саша специально купил билеты так чтобы междурейсье получилось подлиннее, выбрался из Джей-Эф-Кей – аэропорта имени Джона Фитцджеральда Кеннеди, взял такси и отправился смотреть Манхэттен. Стыдно сказать, но за десятков лет в Америке эту самую Америку потуристить так и не удалось – то некогда, то денег нет, то компании подходящей. Сейчас компании тоже не было, зато время наличествовало, а такси туда и обратно благородный дон в отпуске уж конечно мог себе позволить.

Манхэттен, надо заметить, произвёл двойственное впечатление. С одной стороны, обаяние большого города тут уж конечно присутствовало. Толпы людей на улицах, на удивление быстро идущие, не улыбающиеся, и уж конечно не говорящие «Хай!» каждому встречному-поперечному прохожие были настолько непохожи на то что Саша привык видеть в Юте, что доносящиеся обрывки разговоров вызывали секундное удивление – странно было слышать английскую речь от людей, гораздо более походивших на прохожих на Твер-

ской, чем на одиночных, неторопливых, одетых по-домашнему и наивно-приветливых к незнакомцам ютинских пешеходов.

С другой стороны, рухнула очередная легенда, киношная мечта юности. Эх, «небоскрёбы, небоскрёбы, а я маленький такой...» – современный Рим, центр мира, самый городской город Сашу немного разочаровал. По сравнению с нынешней Москвой, Нью-Йорк показался почти начисто лишённым зелени, грязноватым, тесненьким, и, если уж честно – бедноватым. Да, именно бедноватым, каким-то обшарпанным, бледным, и старым. Не в историческом смысле старым конечно, а ... неухоженным что-ли?

Пройдясь от площади Таймс-Сквер до самого Бэттери Парка на берегу океана Саша так и не нашёл чем-бы восторгнуться посильнее. Нет, посмотреть на что конечно было, но получалось не «Ух ты, Уолл-стрит!» , а «Тэк-с, видели Уолл-стрит, ставим галочку, идём дальше...» Впрочем, может, настроение было уже совсем московское, а может – времени слишком мало. Для полноты впечатлений надо бы и Гарлем посмотреть, и Штаб-квартиру ООН, и пресловутый русский Брайтон-Бич, где, по слухам, сохранился этакий заповедник лихих 90х, и до сих пор по улицам бродят изъясняющиеся с распальцовкой личности, одетые в спортивные штаны, кожаные куртки, и именуемые в народе непечатно чёрные вязаные шапочки.

Решив, что если и ехать в Нью-Йорк в следующий раз, то

– надолго, и обязательно с провожатым, Саша, косясь на антрацитового цвета мешки с мусором, выстроившиеся к вечеру непрерывными рядами вдоль стен зданий, поймал такси и поспешил к самолёту. Радовало то, что Стив Сильвер со своим «до скорой встречи», или кто-нибудь из его милейших коллег из американской военной разведки до самого отъезда так и не побеспокоили, а теперь впереди – отпуск на другой стороне «шарика», так что все проблемы как минимум – откладываются.

Самолёт был из тех что подешевле – польской авиакомпания. Александр, наученный предыдущим опытом, быстро прикормил стюарда десяткой – приятно что в Польше десять долларов до сих пор приличные деньги. Ну, или во всяком случае деньги заметные – стюард тут же обнаружил недюжинные познания в русском языке, и на протяжении всего полёта периодически подходил чтобы справиться – не закончились ли у пана зубровка и пиво, и не принести ли ещё? Предлагал и какой-то горький жёлтенький ликёр, Саша попробовал – не понравилось, на любителя штучка. А зубровка – она хоть и непривычная, но милая, и помогла сладко проспать пару часов. Летний сезон ещё не начался, самолёт летел наполовину пустым, и кресло рядом было свободным, соответственно можно было вытянуть ноги, и этого комфорта хватало с избытком – уж чего-чего, а спать в неудобных позах Саша умел виртуозно. Как, впрочем, наверное и любой человек, служивший в Советской Ар-

мии. Перефразируя Архимеда, «Дайте солдату точку опоры – и он уснёт».

Разбуженный тем же стюардом, извиняющимся за то что пану пришлось проснуться чтобы привести кресло в вертикальное положение, Саша смотрел в окно маневрирующего перед посадкой Боинга. Интересно, что по цветовой гамме, даже не различая отдельных деревьев, всегда можно сказать, что это «наш» лес – лес Средней Полосы России, причём что из окна самолёта, что в телевизоре, начавши смотреть с середины незнакомый фильм или передачу. Самолёт слегка треснул по полосе, послышалась характерная вибрация, заревели переключённые на режим торможения двигатели, зааплодировали пассажиры. Что ни говори, Польша хоть и плохонькая, но – Европа, в Штатах на внутренних рейсах аплодисментов не услышишь. Саша улыбнулся, прищурившись как сытый кот. Возраст, и, следовательно, социальный статус не позволяли, однако чертовски хотелось прыгать и орать «Всё! Дома! Дома!!!». Однако, приходилось только улыбаться без всякого видимого повода, а кричать «Ура!» и бросать в воздух чепчики исключительно про себя.

Взяв с багажной карусели единственную сумку – летал он всегда налегке, даже первый раз в Америку отправлялся всего с двумя чемоданами, в одном из которых прятался компьютер – Саша нашёл ещё один повод порадоваться. Очередь на паспортный контроль для иностранцев выстроилась метров на пятьдесят в единственную будку, а четыре остальных

обслуживали граждан России. Милая таможенница с парами прапорщицких звёздочек на погонах шлёпнула въездную печать в загранпаспорт, и Саша пошёл к выходу «зелёным» коридором, благо декларировать было нечего. Встречала, как всегда, мама, что, опять же, добавило и радости и сентиментов.

По пути из Шереметьево Саша тоже радовался буквально всему. И тому что полуденная мартовская Москва такая красавица, хотя те, кто здесь живёт постоянно наверняка этого не замечают. И тому что матушкина Лада бежит по дороге, качество которой в общем-то не хуже большинства хваленых американских. И тому что рекламные щиты у дороги пиарят фирмы, появившиеся ещё до Сашиного отъезда в Америку, значит выжили и поумнели, крепнет молодой и хищный российский капитализм, перестали перепродавать – начали производить. Короче говоря, день получался замечательный. Наверное, один из лучших дней в жизни.

Саша посмотрел на обогнавший их мерседесовский Гелентваген, и хихикнул про себя, вспомнив один из прошлых приездов сюда, домой, в Первопрестольную. Тогдашний Сашин босс, весьма общительный и достаточно богатый американец, купил первый и единственный Гелентваген в Солт-Лейк-Сити. И не просто в Солт Лейк Сили, а в так называемом Большом Солт-Лейк-Сити – цепочки городов, городков и городишек, протянувшейся вдоль автострады I-15, с общим населением почти в миллион человек – половина насе-

ления штата Юта. Саша тоже попал в число лиц, особо приближенных к императору – тех, кого покатали на новенькой немецкой зверюшке, попутно коротко и ненавязчиво рассказав про уникальность машины. Буквально через месяц после катания, (перед самым тогдашним отъездом в Москву) Саша услышал от босса про Гелентваген ещё раз, теперь уже долго и нудно, и печально. Жаловался босс на то что какой-то неизвестный негодяй купил-таки второй в городе Гелентваген, разрушив тем самым боссову гелентвагеновую монополию. Прилетев домой, Саша на Гелентвагены внимание обратил, и, рассказав по пути матушке эту историю, принялся их считать – просто так, для статистики. Пока доехали от Шереметьева до дома на Рижской, Гелентвагенов насчиталось девятнадцать, что убедительно доказывало что уж в чём – в чём, а в области гелентвагено-владения Москва на момент покрывала Солт-Лейк-Сити как бык овцу. Сей факт по возвращению в Америку был доложен боссу, который впрочем в такой предательский удар в спину со стороны полудикой России конечно же не поверил ни на грамм.

Дома Александр включил свою московскую мобилку, отправил ЭсЭмЭску «Я приехал :)» всем абонентам в адресной книге, принял с дороги душ, попутно порадовавшись вкусу московской воды, и приготовился ни в коем случае не спать до самого вечера. Почему-то десятичасовая разница во времени при перелёте из Америки в Россию расстраивала внутренние часы куда сильнее чем при перелёте обратно, и если

заснуть сейчас, то синхронизация внутренних часов с внешними может занять чуть ли не целую неделю. Так что лучше стиснуть зубы и потерпеть со сном до московской темноты, а то треть отпуска будешь ходить сонный и медленный. Вот и отправился Саша в кафе, подальше от предательски манящего дивана.

– А Вы в Америке где живёте? – спросила Вера.

Саша посмотрел на старательно строящую глазки единственному клиенту барменшу. Верочка была новенькая. Кафешка эта открылась давно, и находилась буквально вупор от Сашиного дома – выйти за подъезда, потом через ворота на Проспект Мира, вниз в подземный переход, потом наверх – и вот она. И работает круглосуточно, так что в отпусках Саша сюда заходил регулярно, практически каждый день. Виду и охранника Тёму Александр помнил по прошлому приезду, и, как ни странно они его – тоже. А вот Вера была из недавнешних. Примерно двадцатилетняя плюс-минус два года, соответственно слишком мелкая, в смысле – слишком молоденькая по Сашиним стандартам девчужка. Впрочем, смотри-ка как старательно глазки строит, то-ли мастерство флирта на стареньком дяденьке оттачивает, то-ли на усиленные типсы... (тьфу блин, пора отвыкать от сленга!) – в смысле на усиленные чаевые надеется.

– В Солт-Лейк-Сити, Юта, солнце моё – ответил Саша, отодвигая от себя пустую кофейную чашку. Уже четвёртую. От такого количества кофе во рту было горько, но ведь как-

то надо кофеин в кровь вбрызнуть, а то ведь заснёшь прямо тут, на высоком барном стуле, не дождавшись друга Коли.

– Там ещё Олимпиада была в две тысячи втором – добавил Саша, не увидев должного воспоминания в Вериных глазах. – Ах, ну да, Вы ж, Верочка, ещё тогда наверное совсем ребёнком были... Ну, или так...

Саша поднялся, покачнулся, отметив усиленное (из-за сонливости) действие силы тяжести, и направился вдоль барной стойки вправо, в направлении окна. На подоконнике стоял декоративный – под старину, жёлто-коричневый глобус. Повернул его вокруг оси, обозрел западное полушарие. Нда...

Вместо Северной Америки была нарисована какая-то фигурка – между коробчатой каравеллой с демонстративно раздутыми боками, и зубастым длиннорылым то-ли китом, то-ли дельфином, в общем – каким-то морским монстром, поднявшим глаза к небу и самозабвенно изучавшим собственный фонтан. На фигурке, почти целиком её заслоняя, стоял классический индеец с прямой трубкой и гордым профилем. Ноги краснокожего покоились где-то у Панамского Канала, а перья головного убора подпирали Миннесоту.

– Тут не показать. Ну, в общем примерно так... Где Калифорния знаете? Голливуд, Сан-Франциско, Диснейленд, и всё такое? Вон, вино Шардоне у вас калифорнийское на полке... – Саша ткнул пальцем в бутылку белого вина со знакомой этикеткой. – Так вот, Калифорния – на побережье, вот

тут, с западной стороны Штатов. – Саша повернул глобус так чтобы Вере было видно, и ткнул пальцем в Тихий океан, рядом с каравеллой. – Если ехать от океана в глубь материка, после Калифорнии будет Невада.

– Это где Лас-Вегас?

– Верно. Ай молодец! – Саша с уважением глянул на девушку, дивясь глубине географических познаний. Надо же – молодая, но ранняя. Про Лас-Вегас слышали все, но и в Америке не каждый знает, что находится этот город именно в Неваде. А говорят нынче молодёжь – необразованная и дикая, ан нет! Мелочь, а приятно. Действительно очень правильный день сегодня.

– Ну так вот, если продолжать ехать в том же направлении, то после Невады как раз и будет штат Юта – почти в самой середине Штатов. А на севере Юты – столица штата, город Солт-Лейк-Сити.

Верочка перегнулась через стойку бара чтобы посмотреть на глобус. Ну, наверное как-бы чтобы посмотреть на глобус, а скорее всего – чтобы оказаться в выгодной декольтированной позиции. Саша оценил, демонстративно на выигрышную позицию уставившись.

– Вы, ласточка, меня своим декольте засмущали совсем.

Вера фыркнула, и медленно выпрямилась.

– Ещё чашечку кофе?

– Нет, Верочка, кофе уже откровенно не лезет. А выдайте-ка мне рюмочку чего-нибудь тяжёлого.

– Водка, коньяк, ликёр, ром, виски? – привычно выстрелила барменша дежурную фразу. А потом, наверно устыдившись своего бессердечного автоматизма, улыбнулась со всей возможной лучезарностью, и добавила: – А хотите, я какой-нибудь кокнейль смешаю? Любой-любой, я их штук двести разных делать умею.

Не то чтобы Александр вовсе не любил коктейли, просто в смеси что самая хорошая российская водка, что самая плохая американская – не разберёшь. Впрочем, он и в чистом виде вкусы разных водок не сильно различал. Действительно плохие водки (которые и в себя запихнуть трудно) – да, а и приличные, и хорошие, и отличные – они же примерно одинаковые. По большому счёту вкусных водок вообще не бывает, водку – её же не для вкуса пью, а для эффекта. А настоящее качество водки вообще проявляется только если выпито её изрядно, и исключительно на следующее утро – по тяжести похмелья.

– Вот подойдёт мой товарищ, и мы Вашими коктейльными познаниями непременно воспользуемся. А пока дайте-ка я сперва осмотрюсь, солнце моё. – ответил Саша, и принялся изучать бутылочные полки.

Впрочем, узнаваемые бутылки были явно американского или европейского производства, а не неузнаваемых с этого расстояния прочитать этикетки было невозможно, так что скоро Саша сдался и запросил помощи.

– А какой у вас, красавица, коньяк наличествует?

– Курвуазье, Хенесси.

– Верочка, не поверите, но Хенесси – наверное единственный алкоголь, который в Юте дешевле чем в Москве. Впрочем, дело вовсе не в деньгах. Мне бы выпить чего-нибудь эдакого, чего в Юте не достать, и при этом чего-нибудь нашенского. А армянский коньяк есть у вас? Нет? А коньяк московского завода?

Верочка опять отрицательно покачала головой, всем своим видом изображая извинение за заведение, не позаботившееся обзавестись напитком, угодным многоуважаемому клиенту. Впрочем, через извинительную гримасу слегка проглядывало удивление – наверно в этом кабаке не часто появлялись субъекты, отказывающиеся от породистого Хенесси в пользу пролетарских коньяков пониженной крутизны. Ну что ж, в конце-концов, в большинстве случаев рассказы о том, что наши за границей действительно скучают по черняшке с селёдкой – отнюдь не литературная метафора. И сейчас Саша никак не собирался пить Хенесси ради его действительно замечательного качества. Пока в Москве – надо наслаждаться вкусностями, которых в Солт-Лейке, увы, не будет.

– Ну, тогда удивите меня чем-нибудь, красавица. Ром кубинский есть?

На этот раз Верочка кивнула утвердительно, Вытащила из-под барной стойки бутылку.

– Вам со льдом?

– Не, просто стопочку.

– Неужели у вас там и кубинского рома нет? – спросила Верочка, когда стопочка с ромом заняла место на салфетке перед Сашей. – Куба – она же рядышком с Америкой.

– На кубинские товары в Штатах эмбарго, Вера. За любые кубинские товары, за сигары например, можно сесть на десять лет. За кокаин на меньше сажают. Ну и ром кубинский, соответственно, недоступен. Не то чтобы я ром сильно люблю – просто у нас в компании там есть кубинец. Наш кубинец, учился в Киеве, потом тренером работал на Украине лет 10, позже покатался по европам, а потом прыгнул через забор из Мексики в Америку. Вот приеду – буду хвастаться что настоящий кубинский ром пил, пока он слюной не захлебнётся. Тёма, выпьете что-нибудь?

Охранник Тёма сидел на краю барной стойки, около двери на кухню, украшенной ностальгической вывеской советского вида «Служебное помещение». Впрочем то, что он – охрана, в глаза совсем не бросалось, потому что одет Тёма был в строгий костюм, и даже обычная ныне табличка «Секьюрити» отсутствовала. Ещё в прошлый приезд Саша несколько раз предлагал Тёме перехватить рюмочку чего-нибудь пока никто не смотрит, а тот вежливо, но решительно отказывался – служба есть служба. Так что сейчас Саша предложил Тёме выпить просто из вежливости, и ничуть не удивился когда тот улыбнулся и отрицательно покачал головой. Потом посмотрел куда-то за спину Саше, одновременно слышал-

ся звук открываемой двери. Саша повернулся на стуле – в кафешку входил Колюня.

– Колька!

Коля Савенков стоял и улыбался, жмурясь за очками. Вот таким его и увидел Саша первый раз. Сашина учебная группа тогда только что вернулась в Ленинград после КМБ – Курса Молодого Бойца, и Колю как раз в эту самую 344ю группу перевели. Тогда он тоже стоял перед строем и улыбался Правда, было это больше двадцати лет назад, и одет Коля был тогда не в костюм и плащ, а в новенькую форму с курсантскими погонями. Не было и очков. А вот седина уже была, хотя и не в таком количестве конечно. Сейчас Колька был абсолютно седым, правда в сочетании с его по-медвежьей могучей фигурой и молодым лицом седина смотрелась романтически-авантажно.

В общем, получается что Саша с Колей дружили уже почти четверть века. Бывает во времена взрослости такая дружба, не требующая ежевечерних совместных посиделок. Видеться получается очень редко, а дружба – остаётся. Да, если честно, и сынуля Колян был поименован помня о Коле Савенкове. Не «в честь», а именно «помня о...». Официально Колян был назван в честь своего пра-прадеда, Николая Александровича Тимофеева, поручика артиллерии в Первую Мировую. Называть детей в честь ныне здравствующего друга наверное надо разве что если тебе друг жизнь спас, а то уж совсем откровенный подхалимаж получается.

Однако, выбирая сыну имя, Саша свою приязнь к Коле Савенкове конечно же учитывал.

– ЗдорОво, голова! – прогудел Коля.

Саша и подняться не успел – тот буквально сгрёб его с высокого стула у барной стойки и чуть не сплющил в дружеских объятиях, успев при этом пожать руку и пару раз хлопнуть по плечам так что ключица чуть не хрустнула.

– Осторожно, Колюня, не кантовать, я же с учётом разницы во времени двое суток нормально не спал. Сломаешь, блин, мне что-нибудь так. У, медведюга, кабанище здоровый... качаешься чтоль? Пойдём-ка лучше за столик...

Пока Коля снимал плащ, Саша вернулся к стойке бара, забрал рюмку с ромом, подмигнул насторожившемуся было охраннику Тёме, и прихватил красную папку с золотым тиснением «Меню» из стопки на баре.

– Верочка, это – мой армейский друг, вы уж расстарайтесь, красавица. Менюшку я с собой возьму, а вы подходите за заказом почти сразу, и потом кухню поторопите, ладно? Как сказал классик – цивилизованный человек оперирует закусками горячими. Коля, мы – водочки?

– Не, голова, ты не сердись – я не надолго. У меня сегодня вечером ещё встреча деловая, так что я влѐгкую выступлю.

– Блади Мэри? – Саша помнил о питейных пристрастиях старого товарища.

– Ага.

– Верочка, солце моё, принесите нам пожалуйста две Кро-

вавых Мэри, только непременно с Вустерским соусом и Табаско.

Расположились за самым дальним столиком. Музыка, излучаемую телевизором, висящим над баром, было практически неслышно. Усевшись, наконец-то без всякой суеты, приличествующей встрече старых армейских друзей, не видевшихся где-то с год, посмотрели друг на друга. Колька практически не изменился, а про себя Саша был не уверен – он сам себя каждый день в зеркале видит.

– Матёрый! – первым нарушил молчание Николай.

– А куда ж деваться, Коля, старость – ужасное время, но никто пока не придумал иного способа прожить подольше. – отшутился Саша, и серьёзно добавил: – Что, правда сильно изменился?

– Да нет, Сашок, не сильно, просто возраст у нас такой что окружающие нас считают взрослыми вне зависимости от того как мы себя ощущаем. Ко мне коллеги обращаются «Николай Витальевич», я им говорю: «Какой я Николай Витальевич, я – Колян!», а они мне: «Нет, ты, блин, Николай Витальевич, не веришь – в паспорт посмотри, дату рождения выпиши на бумажку, а потом – посмотри в календарь и сверь.» Причём на бумажку выписать – чтоб не забыть в случае приступа старческого склероза.

– Ну да... «Николай Витальевич», а для друзей – просто «Витальевич». – подмигнул приятелю Саша, подивившись своим мыслям. Вспомнилась ему одна американская коме-

дия, в которой главный герой, страдавший всяческими маниями и фобиями, при каждом удобном случае с размаху бухался на пол, изображая сердечный приступ. А когда психотерапевт интересовался, зачем тот это делает, главный герой отвечал: «Раз я симулирую сердечный приступ, значит на самом деле у меня его нет!»

«Может быть и мы...» – подумал Саша – «притворяемся старыми, чтобы убедить себя, что раз мы притворяемся, то мы вовсе и не старые, мы ещё о-го-го...» – а вслух добавил в том же ключе, но почти невпопад: – А моя мама ещё говорит, что сорок – прекрасный возраст, но чтобы понять это, надо дожить до пятидесяти.

– Доживём – увидим, голова! – демонстративно-жизнерадостно ответил Коля. – Есть ещё порох в пороховницах, ягоды в ягодицах и влага во ...

Где ещё есть влага Коля озвучивать воздержался, потому что к столу приблизилась Верочка, неся на подносе два высоких стакана с коктейлями, ожидаемо-кровавого цвета, украшенными стеблями сельдерея. Чинно поставила стаканы на салфеточки, и удалилась, пообещав подгонять кухню изо всех сил и принести горячее как только – так сразу.

Чокнулись за встречу, дальше как водится потягивали коктейль уже без тостов.

– Ну, рассказывай как жизнь, американец.

– Американец ты сам, за американца ответишь. – Саша картинно оскорбился. – Кольюнь, я ж тебе уже говорил:

Не путайте Гоголя с Гегелем,

Бабеля с Бебелем,

Калий с кальцием,

Известно-что – с пальцем,

А русского в Америке – с американцем.

– Угу угу, я что-то похожее недавно от Нодари слышал.

Только вместо «русского» там было «грузина».

– Коль, а он что... он ..он после грузинской войны?

– Да нет конечно. – усмехнулся понятливый Колюня. – уедет Нодари в эмиграцию, делать ему нечего. У него в Москве всё схвачено, он из наших однокурсников устроился чуть-ли не лучше всех, всё покрыто шоколадом в два пальца толщиной. Работает себе начальником программистов то ли Пьера Кардена московского, то ли у Сен-Лорана. У парфюма какого-то вообще. Это он в ваши палестины в командировки ездит регулярно.

– Ну конечно. Если б он уехал беженцем – то как бы он тебе «что-то похожее» сказал бы. Это я фигню-с спорол-с. – удивился сам себе Саша. – Это у меня от недосыпа. Тормозю типа.

– Да не, Сашок, какое беженство. Я вообще не думаю что к грузинам тут отношение после Августовской войны сильно изменилось. Хотя, может чтобы это почувствовать – надо быть грузином.

– Ну да, а если и изменилось – так Америка их к себе и позвала беженствовать.

– Сашик, а где тут кухня?

– Кухня?

– Ну да, если заговорили о политике – то сидеть надо на кухне, по старой доброй советской традиции политику надо обсуждать исключительно сидя на кухне. – подмигнул Коля. – ты, голова, лучше расскажи – как сам-то? Чего нового в жизни?

– Сам? Сам, Колюня, без перемен. Работаю там же, в маленькой, но гордой русской компании.

Коля удивлённо поднял брови, Александр понял, то то-ли он Коле про работу не рассказывал, то-ли тот запомнил, и решил развить тему.

– Да я давно уже там работаю, года четыре. Малюсенькая компания, продаёт всякие штуки через Инет, а я там – единственная программистская лошадь. Компанию организовали двое ребят из Питера, и меня подобрали когда я без работы сидел. Работники все русские, верней – советские. Молдавия, Украина, Москва, Питер. Севастополь. Рабочий язык соответственно – русский. Девченок можно по попе хлопать – и никто за харасмент в суд не потащит.

Коля хмыкнул, давая понять что шутку оценил и слову «харасмент» не испугался, так что Саша расшифровывать как «домогательства» не стал, но мысленно опять дал себе пинка за употребление английского сленга.

– Соответственно с деньгами вообще-то нормально, но десять миллионов не заработал. Впрочем и одного не зара-

ботал, как все живу от зарплаты до зарплаты...

– Почему десять? – перебил Коля.

– Да так просто – воображаемый идеальный рубеж, после которого можно не работать остаток жизни. Типа вложить эти десять миллионов баков в нестрашные акции, получать миллион годовых. Хотя, чёрт его разберёт какие из них теперь нестрашные, акции-то. Ну, пусть не в акции, а в недвижимость например. Не суть. Это я к тому что какие-то проектики чтобы разбогатеть я по-прежнему делаю время от времени, но пока безуспешно. Впрочем, мне надо чтобы выстрелил только один, и – на пенсию.

– А обратно в Россию когда? Всё ещё хочешь вернуться, или присох уже там?

– Коляк, всё так же собираюсь, однако сам понимаешь, это процесс не такой уж простой, и, как всё в нашей жизни, требующий денег. Там работа есть, тут – нету. Детям репетиторы понадобятся чтобы на русскую школу переключиться, Жить где тут – опять же вопрос.

– Сашок, ты же хороший программист, что ты тут себе, работу не найдёшь?

– Коля, да ты что... – Саша даже рукой махнул от досады. – Сорокалетние программисты никому не нужны, ни там, ни тут. Теперь не то время, когда мы с тобой учились программировать не машинах размером с дом, технология вперед ушла. Теперь программизм – не искусство, а ремеслуха. Теперь в программы берут студентов, человек с опытом

работы в два года – великий гуру, а зубры в роде меня... – в глазах Коли блеснули искорки, и Саша подмигнул в ответ, делая лирическое отступление. – Да-да, вот за что люблю себя – за нечеловеческое мастерство в программировании, а ещё за красоту, а больше всего – за скромность.

–Ну, тогда за тебя, голова!

– И за тебя...

Подняли стаканы, кивнули друг-другу, отхлебнули острого коктейля. Саша выудил сельдерей, откусил фрагмент хрустящей палочки, и продолжил:

– Ну так вот, зубры вроде меня уже никому не нужны, кроме весьма специфических мест, куда можно попасть по большому везению. Так что если работать в России, то надо начинать какой-то свой бизнес.

– Ну так и начни. Тоже мне бином Ньютона. – Николай всем видом продемонстрировал что Саша – ну просто дитё малое. – Сейчас в России слава богу открыть компанию и начать бизнес – как два байта переслать.. Цивилизовались!

– Коля, я не умею ничего продавать. Программировать умею, а продавать – нет. Есть пара идей, но они требуют стартовых денег, а в некоторых случаях – и денег и связей, серьёзных таких связей в госструктурах. А я ведь, Коль, пока вы тут связи нарабатывали – я их терял. Хотя, по-любому знакомств такого калибра, которые нужны для той идейки, которую в России хотелось бы реализовать, у меня никогда и не было. И, скорей всего, не будет.

– Это какого же? Уровня министра или президента? – ухмыльнулся Коля. – Что за идеяка-то?

– Ну что-то где-то вроде или типа того... – симметрично ухмыльнулся в ответ Саша. – Ну вот тебе например идеяка: мобилизация персоналок. Знаешь есть такая штука – распределенные вычисления? Стоит у человека на столе персоналка, а когда она ничего не делает, то запускается программа, которая ресурсы этого компьютера использует на то, чтобы считать задачи, полученные от специального сервера. Так, кстати, сейчас ищут признаки присутствия всяких инопланетных разумов. Вот такие временно-безработные компьютеры добровольцев обрабатывают сигналы, записанные радио-телескопами, ищут закономерности, свойственные не шумам, а искусственным сообщениям.

При словах про инопланетный разум Коля покривился, и Саша, чтобы тот не подумал что это – исключительно про зелёных человечков, заговорил быстрее:

– Коль, про поиски сигналов от инопланетян – это я для иллюстрации, главная идея в том, чтобы компьютеры, когда простаивают, отдавали ресурсы на пользу государства. Получится такой гигантский суперкомпьютер, распределённый по сети. Причём дело – сугубо добровольное, как раз на волне российского патриотизма сейчас это было бы запросто организовать. Кстати, в Америке такая штука бы не прокатила, там же все за приватность держатся как за... – Саша обернулся на цоканье каблучков, и увидев что Верочка опять направ-

ляется в их сторону, и оборвал готовую было вырваться метафору. – Впрочем, неважно как держатся. Сильно держатся. Есть даже них такая присказка «Люби свою страну и ненавидь своё правительство» – по этому принципу большинство и живёт. И это замечательно, потому что значит Америка симметрично на такую нашу всеобщую сеть не сможет. А у нас идея бы взлетела. Ты представь какие перспективы у такой общероссийской сети бы организовались? Любые научные задачи – запросто, хоть бы и те же новомодные нанотехнологии – они как раз огромных вычислений требуют. А военные перспективы какие! Хочешь насмерть положить сайт каких-нибудь там сепаратистов? – нет проблем, дело одной минуты. Хочешь исследовать трафик между чужими военными серверами – тоже легко, непринуждённо, а главное – скрытно. А ведь даже если перехваченные сообщения мы и не расшифруем – сможем анализировать интенсивность обмена сообщениями, что, сам знаешь, тоже немаловажно, Да и для расшифровки сообщений такие вычислительные мощностигодились бы...

Тут Саша посмотрел на Колюню повнимательней, и подумал, что пожалуй перегнул с технической частью. Учились-то они с Колей по одной специальности, и даже в одной группе, но примерно когда Саша ушёл на гражданку, Коля тоже армию оставил, но погон не снял – перевёлся в структуры МВД, причём не на программистскую работу, а на оперативную. Так что забрасывать его техническими терминами,

пожалуй, не стоило. Хотел уже было Александр помянуть и зеркальную систему на апплетах, и «ворк-юниты», и много ещё что, но благоразумно заткнулся.

Если честно, Саша придумал этот проект отнюдь не сейчас. Не то чтобы поднял глаза к потолку, призадумался на пару секунд, да и родил идею общенационального масштаба. Давно уже эту идею лелеял, понимая, что реализовать её всё равно не удастся. А жаль – идея красивая. Во всяком случае самому Саше очень нравилась. Вот и решил поделиться, не сделав поправочки на техническую подготовку слушателя.

Однако Коля как ни в чём не бывало ответил:

– Ага, слышал я про распределённые вычисления – у меня на компьютере у старшей дочки как раз эта искалка инопланетян работает, SETI называется, большими латинскими буквами.

Саша только кивнул, не перебивая.

– Про технический аспект, Сашок, ничего не скажу, сам понимаешь, ушёл я давно от программистих дел, с компом общаюсь на уровне пользователя, так что остаётся тебе на слово поверить. Если ты говоришь – штука сильная, значит – и правда сильная. Однако... – Коля сделал паузу на глоток коктейля, смотря куда-то в сторону. – ... однако такая государственная программа однозначно требует знакомств в кругах, в которые мы, простые смертные, отнюдь не вхожи. Да и это ведь не про бизнес уже, верно? Это – размышления на тему «если б я был султан...»

– Верно. Мечтания чистой воды, маниловщина и прожек-
тёрство. – вздохнул Саша, отметив что Коля достаточно дав-
но косится Саше за спину, проследил направление Колиного
взгляда, и в поле зрения попали весьма симпатичные ножки,
умеренно прикрытые юбкой. Юбка эта в свою очередь была
украшена микроскопическим официантским передничком.
Вот же, Верочка, золотой человек, давненько, наверное, сто-
ит, но не перебивает, ждёт паузы. А Саша-то расхвастался
идей про кибернетическое супероружие, надулся как индюк,
и ножек не заметил.

– Что, солнце моё тактичное? – спросил Александр, ко-
мандным голосом маскируя некоторую растерянность.

– Горячее будет готово через пять минут. Повторить? –
осведомилась Верочка, указывая на пустеющие стаканы с
Кровавой Мэри, и получив утвердительный ответ, и прили-
чествующую ситуации порцию взглядов по линии юбки, уда-
лилась в сторону бара.

– Ну вообще, Коль, как-то так... – Саша постарался «за-
мазать» возникшую в разговоре паузу. – Короче говоря, для
переезда домой прямо сейчас денег нет.

– Ну, в принципе понятно. – поддержал маневр Николай. –
А там дом продать и тут квартиру купить?

– Коль, нечего там продавать, там я за дом расплачусь
только через тридцать лет. Да и потом, продать дом там – не
спасёт. Сам знаешь, как это говорится, «чтобы купить квар-
тиру в Москве – надо сначала продать квартиру в Москве»,

верно?

– Ну да, ну да... – кивнул Коля. – В общем я чувствую, чтобы тебя перетащить сюда, надо или чтобы ты разбогател как не в себе, или чтобы в Америке совсем плохо стало?

– Не, Коля, я вообще какие-то вялые телодвижения совершаю, готовлюсь к переезду по чуть-чуть. Мне-то вообще там не сильно нравится, но и не сильно припекает – вполне жить можно. А вот дети... Помнишь как в том старом анекдоте, когда два коммуниста из ленинской гвардии слушают речь Хрущёва про то, что в двухтысячном году советские люди будут жить при коммунизме, и один говорит: «Ну, мы-то до коммунизма не доживём, а вот дети... Детей жалко!». Вот и у меня что-то похожее – детей жалко, они ведь там американцами вырастут.

– Сашик, что, так не любишь американцев? – деланно удивился Николай.

– А за что мне их любить-то? – Саша остался серьёзен. – Они мне не жена и не любовница. Не за что мне их любить. Ненавидеть вообще тоже не за что – я, Коля, с ними в разных измерениях живу. Да практически все наши там дружатся с нашими. А американцы, Коля, они не плохие. Они просто другие.

– Да ладно... американцы небось тоже разные

– Конечно, разные, Но в среднем – другие. Статистика, Коля, она вещь упрямая. Вот почему наши там дружатся именно с нашими, при наличии трёхсот миллионов прочих?

Понимаю, ты сейчас скажешь – потому что по-русски общаться можно. Ан нет, самое интересное как раз в том, что в русские тусовки приходят в основном люди, которые в Штатах относительно давно, соответственно с английским у них уже всё нормально. По приезду все сначала кидаются с американцами дружить, а потом уже понимают что с нашими всё же интереснее. Я, Коль, тоже по этому пути прошёл, тоже типа пытался интегрироваться, ассимилироваться, своим стать. У Америки же, старина, по пиару первое место, все знают что Америка – она самая-самая. По всему самая-самая. Плюс к этому – да неужто я, весь такой умный и продвинутый, языку не научусь? Вот типа и кидаешься с американцами общаться на бусурманском языке. Сначала учишься понимать, потом – говорить сам. Потом – шутить. Вот научился шутить, можно смело считать что пользуешься языком в реальном масштабе времени, так ведь? И тут понимаешь что не интересно больше общаться. Всё, научился, нету там больше ничего загадочного. И интересного тоже нету, и самого в мире распрекрасного. С нашими гораздо интереснее, потому что американцы – другие. На других мультиках выросли.

– Ну да, ну да, есть ложь, есть наглая ложь, и есть статистика. – улыбнулся Коля. – А в чём другие-то?

– По личным ощущениям, Кольк, американцы – они ценят приватность выше дружбы. Типа один джентельмен к другому джентельмену в душу не полезет, и свою душу от

посягательств защитит. Вот и держат все дистанцию, а получается что каждый – за себя.

– Тебя, Сашик, с такой нелюбовью к американцам скоро в Аль-Каиду там запишут.

Соломинка в Сашином стакане хрюкнула, выбирая последние капли со дна. Саша повернулся и сделал Верочке привычный жест, поднял стакан, указал на него, потом растопырил пальцы «козой», намекая на то что понадобятся ещё два таких же. Верочка кивнула, и принялась колдовать за стойкой, смешивая напитки.

– Вот ты, Колюня, смеёшься, а они с этим терроризмом задрали совсем. Помнишь старинный политический анекдотец, когда американец говорит что в Союзе нет свободы слова, а в Штатах есть? И что он, американец, может запросто выйти на площадь перед Белым Домом и крикнуть «Рейган – дурак!» А русский отвечает: «Я тоже могу выйти на Красную Площадь и крикнуть что Рейган – дурак». Ну так вот, есть такой чувство что сейчас ситуация изменилась с точностью до наоборот. Американцы когда администрацию ругают – голос понижают и через плечо оглядываются. Да не смейся, кроме шуток есть такой эффект. Ну, сейчас-то полегче стало, да и администрацию ещё не за что как-бы ругать, все в надеждах. А при Бушике действительно гайки закрутили так что не забалуешься. И ведь действительно большинство верило что ни за что – ни про что весь мир обернулся террористами и на Америку кинулся. Они ж, Коля, умудрились на

этой волне Буша на второй срок переизбрать. Буша, которого вся Америка на момент ругала, однако перевыбрали его, отца нации блин, защитника от бородатых арабов. У американцев же иммунитета от прессы нету. Мы, советские, когда что-нибудь в газете или по телеку видим, сразу прикидываем – зачем нам это сказали, и где нас пытаются обмануть? А американцы послушали что им СиЭнЭн или Фокс Ньюз скажут, поверят прям как дети независимой прессы, и с криками «Ура-ура!» пойдут делать что им скажут. Афганистан захватывать, или Ирак бомбить. Или протестовать против как-бы агрессии России, которая миролюбивую Грузию обижает. Они ж, Коля, американцы-то – люди вообще неплохие, и это делают на голубом глазу, от чистого сердца, просто веря новостям. Наивные они. Верней, не наивные, а зашоренные.

– Ну да, Штаты себя вообще ведут, мягко говоря, нехорошо... – согласился Коля. – вообще примерно как обычно. А с другой стороны, любая страна начнёт беситься после того как её самолёты в её же небоскрёбы втыкать начнут.

– Да с этими терактами тоже не всё прозрачно как бы. Я, Колюня, во всякие теории заговора не верю обычно, и уж никак не хочется верить что всё это какими-нибудь американскими спецслужбами подстроено, уж слишком бесчеловечно получается. Но ряд вещей смотрятся откровенно странно. Например, тот самый самолёт, который в Пентагон попал. Ты представляешь сколько камер с Пентагона в разные стороны смотрят, просто из соображений безопасности? А ви-

део прессе отдали – на нём не видно ничего. Какая-то фигня попадает в здание – ничего не разглядеть. По пологой траектории попадает кстати, что с идеей о том, что террористы искали Пентагон визуально, как-то не лепится.

– Да, если бы пилоты искали цель глазками, то они должны были это делать с высоты, чтобы «мне сверху видно всё, ты так и знай», и траектория должна была бы быть крутая. А я ещё читал где-то, что оба двигателя выгорели напрочь, ничего от них не нашли, а там титановые турбины были. И дырка в Пентагоне получилась как от крылатой ракеты.

– Угу, вот я и говорю – странностей изрядно, но поводов для борьбы с терроризмом более чем достаточно. А я, Коль, вообще думаю, что теракты в Америке не происходят не от доблести спецслужб, а от того что террористы лентясы. Граница с Мексикой – практически прозрачная, типа «входи кто хочешь – бери что хочешь». Объектов для атаки – и не сосчитать. Взрывчатку сделать может любой дурак, в Инете рецептов навалом, а в некоторых штатах её вообще можно купить без лицензии, или с лицензией строителя. Химзаводы, нефтехранилища, исследовательские реакторы в университетах – взрывай что нравится.

Верочка принесла новые стаканы с Блади Мэри, пообещала что горячее будет с минуты на минуту. Забрала пустые стаканы, выждала паузу, и, не получив дополнительных заказов, удалилась.

– Или, например, – продолжил мысль Саша, проводив

взглядом Верочкины ножки. – уронить грузовик со взрывчаткой на атомную подлодку, выходящую на патрулирование из Чессапик Бэй. Есть там такой залив, в заливе – военно-морские базы, а выход из него узенький и мостами перекрыт. Мелко, лодке не нырнуть. Её конечно так не утопишь, но паники будет изрядно. Ведь всё боятся когда что-то взрывается рядом с реактором. А терроризм – это как раз людей пугать, убийство там вторично, и используется исключительно как инструмент, как источник страха.

– Да, вообще если в страну можно втащить своих людей, и достать взрывчатку, то объём разрушений ограничивается только фантазией.

– Вот-вот, Кольк, я и думаю, получается что теракты в Америке не происходят потому что их никто устраивать не хочет, а не потому что Бин-Ладины всякие заняты игрой в прятки и ничего гадкого устроить не в состоянии. Да я вообще думаю что Бин-Ладин давно мёртв.

– Как это?

– Ну смотри – вот попадёт он в плен, и начнут его допрашивать, а ну как выяснится что теракты одиннадцатого сентября не он устроил? А если ещё и не к американцам попадёт, а к каким прочим натовцам? В Афганистане-то силы как-бы многонациональные. Поймают его какие-нибудь испанцы, или немцы – тогда Бин-Ладину и рот ведь будет не заткнуть. По-этому я и думаю, что американцы его и в плен брать не стали, тихонько заколбасили да и всё. И факт этот

не афишировали, чтобы всегда можно было и дальше народ пугать. Типа враг не дремлет, сидит себе этот бородатый где-то, и гадости против светоча демократии замысливает.

– Вобщем, логично, думаю американцы так и попытались бы сделать.

– Полагаю, Коля, уже сделали. Ты обратил внимание, что от Бин-Ладина в последнее время приходят сплошные аудио-обращения, а не видео? Сам понимаешь, в наше время камера от диктофона размерами практически не отличается, и по сложности что видео записывать, что аудио – разницы нет. Так вот на месте Бин-Ладина я бы записывал именно видео, типа вот он я какой, сижу, жив-здоров на страх врагам и на радость соратникам. А на месте спецслужб американских я бы делал от имени кого-либо именно аудио-записи, потому что их подделать проще чем видео. Кстати о спецслужбах. Коля, тут меня тут недавно американская военная разведка вербовала...

На Колином лице его отразилось несколько больше тревоги чем планировалось, и Саша успокаивающе улыбнулся и подмигнул. Верочка, закончившая расставлять тарелки с горячим, неспеша двинулась к стойке бара, ловко покачивая бёдрами.

– Да не, Коль, не волнуйся, вербовала-вербовала, да не выве... тьфу, чёрт. Да не вы-вер-бо-вала. Вобщем, они мне типа: «А давайте-ка поговорим», а я им: «Давайте, только я потом ФСБ наябедничаю». Короче, как прилезли – так и от-

лезли. А я теперь об этом всем рассказываю, чтоб они точно знали что я – тот самый «болтун-находка для шпиона» и есть, и дел со мной никаких вести нельзя.

– Смотри, голова, поаккуратней там...

– Колюнь, я как всегда – предельно аккуратно. А мы с тобой всё ж к разговорам о политике-то скатились. Ладно, теперь, за едой – ни слова о драконах. Рассказывай, как сам, как Юлька, как дочки?

Верочка вернулась за стойку бара, оглядела зал, убедилась что всё в порядке. За дальним столиком посетители были заняты принесённым Верой горячим, и стаканы у них полнёхоньки. Только что вошедшая парочка делала заказ напарнице – Вике. Самое время для перекура. Хозяин кафе запрещал персоналу курить в помещении для посетителей, и официанткам приходилось выходить в кухню или на улицу. Впрочем, Верочке надо было выйти в любом случае.

Саша был совершенно прав, считая Верочку умницей. Девушки, не попадающие в категорию «умница» не заканчивают школу с золотой медалью, не приезжают в Столицу из города Чебоксары, не поступают в институт с первого захода, и не умудряются зацепиться в Москве, работая и учась одновременно. Работу в этом кафе Верочка нашла ещё до отъезда в Первопрестольную – хозяин кафе был знакомым знакомой. В этом заведении вообще почти все были из Верочкиного родного города.

Работа в смену оставляла время для учёбы, и давала до-

статочно денег, чтобы снимать маленькую однокомнатную квартирку около метро ВДНХ. В этой квартирке Вера жила уже два года, причём последний год – вместе со своим молодым человеком Андреем, и дело вовсе шло к замужеству. Верочку даже официально представили родителям Андрея, который, ко всем своим достоинствам, был ещё и москвичом. Он был на три года старше Верочки, и в этом году заканчивал учебное заведение, которое в стародавние времена называлось Высшая Школа КГБ СССР, а сейчас – Академия ФСБ России. Вернее, учился Андрей в Институте Подготовки Оперативного Состава, том самом широко известном в узких кругах ИПОСе, в вышеозначенную академию входящем.

Вера была влюблена в Андрея как кошка, а кроме того, даже взирая на ситуацию с прагматизмом современной девушки, считала его выгодной партией. Абрамовичей на всех не хватит, а ФСБ теперь снова в моде, и у каждой жены лейтенанта есть шанс стать генеральшей. Хотя, так далеко Вера конечно не загадывала даже в самых смелых планах, потому что в наше нестабильное время мечтать про далёкое далеко – занятие бессмысленное.

Верочка вышла на улицу через служебный вход, раскрыла прихваченную по пути сумочку, достала сигареты и телефон. Чиркнула зажигалкой, затагнулась. Нажала на мобилке кнопку быстрого вызова.

– Алё, котик? Привет, Андрюшечка. А у меня тут такой

посетитель интересный – американец. Нет, во-первых, английский у меня нормальный, может ещё и получше чем у некоторых. А во-вторых, он по-русски трещит – русский американец-то. Трёт про какие-то военные проекты. А ещё говорит – его штатовская разведка вербовала...

07. Три девятки

Впрочем, на Лубянке Валерий Мурадович бывал нечасто, его рабочий кабинет находился в другом, совершенно неприметном здании. Снаружи – обычный московский особнячок с вывеской нейтральной госконторы, и машины перед особнячком соответствующие – не бедные и не богатые, не Майбахи и не Запорожцы, как раз такие, которые бывают у удачливых госслужащих – средние в общем машины. Правда, припарковаться случайному автомобилисту перед зданием не дадут. Вежливый, но настойчивый гаишник (вернее – инспектор ГИБДД) укажет полосатым жезлом на знак, запрещающий стоянку, и отправит перепаковываться куда-нибудь в другое место. Милиционеров, регулирующих движение, перед особнячком всегда двое, и днём и ночью.

Особо-наблюдательный человек, располагай он возможностью круглосуточного наблюдения за этим особнячком, отметил бы, что после смены милиционеры входят в здание, а через некоторое время выходят в гражданской одежде и отправляются домой, чтобы через какое-то время снова вернуться в цивильном, и, переодевшись в милицейскую форму начать патрулирование. Впрочем, наблюдательные люди с

такими нешуточными возможностями и так знают, что в настоящем, «родном» удостоверении этих милиционеров написано не «лейтенант МВД», а «прапорщик ФСБ». Эти «гаишники» – первая линия безопасности.

Войдёшь в особнячок – наткнёшься на вторую, у входа за вполне обычным столом сидит вполне обычный охранник, как это принято теперь в обычной частной или обычной государственной конторе. Свои покажут ему пропуск, а чужих, забредших случайно, он решительно, но аккуратно выпроводит. А за углом от него, скрытая от взглядов случайно вошедших – вторая дверь. На этот раз – металлическая, с бронестеклом. А под бронестеклом – небольшой, с сигаретную пачку, лючок – бойница. За этой дверью – тоже охранник, тоже в гражданском, но вооружённый пистолетом-пулемётом «Бизон». А что делать? – безопасность прежде всего. В такое время живём. Если бы во времена, когда Зарипов был не подполковником, а курсантом Высшей Школы КГБ, кто-нибудь сказал, что когда-нибудь милиционеры будут ходить по Москве с дубинками, или, не дай бог – с автоматами, такого пророка подняли бы на смех, а может отправили бы в психушку на обследование. Вот как жизнь повернулась однако...

Впрочем, курсантом Валерий Мурадович был почти четверть века назад, да и подполковником ему ходить оставалось недолго. Уже два месяца подполковник Зарипов руководил небольшим, но важным подразделением, и должность

эта – полковничья, так что третья большая звёздочка не за горами.

Подразделение, в которое Зарипов пришёл давным-давно зелёным капитаном Валеркой, и которое теперь возглавлял, сделавшись Валерием Мурадовичем, а за глаза – «Мурадычем», занималось тем, для чего госбезопасность предназначена в первую очередь – контрразведкой, то-есть, как гласит энциклопедия: пресечением разведывательной деятельности других государств. Верней, в данном конкретном случае государство было одно, зато какое... Всем государствам – государство. Валерий Мурадович со товарищи работал против Поднебесной, сиречь против КНР – Китайской Народной Республики.

Тот же особо-наблюдательный человек, обладай он вертолётom, или даже простым телескопом на крыше одной из московских высоток, легко бы догадался о присутствии в особнячке некой структуры, проявляющей повышенный интерес к Китаю – на крыше особнячка располагалось небольшое антенное поле, и большинство антенн было недвусмысленно нацелены на посольство Китайской Народной Республики. Однако подразделение Зарипова не занималось ни радиоперехватом, ни аналитической работой – на то были другие структуры. Люди Валерия Мурадовича были оперативниками – теми, кого кормят ноги, глаза и уши. Однако интересы оперативников тоже в первую очередь естественно сосредотачивались именно там, куда указывали тарелки антенн

– на китайском посольстве, очень символично расположенном на улице Дружбы.

Любое посольство любой страны в первую очередь – база разведки, и уже только потом – дипломатии. Под видом консулов, атташе и секретарей всегда работают профессиональные разведчики, въезжающие в страну абсолютно легально, и добывающие информацию совершенно бесстрашно, ведь поймать их можно, а посадить – нет, потому что сотрудник посольства – лицо, защищённое дипломатическим иммунитетом, соответственно – неподсудное в стране пребывания. Правда, у этого бесстрашия перед длиннющими сроками по шпионским статьям есть и обратная сторона – работать таким легальным разведчикам труднее, потому что контрразведка в свою очередь прекрасно знает что это – именно разведчики, и изначально обращает на них повышенное внимание.

Причиной, заставившей Валерия Мурадовича сегодня задержаться на работе, был как раз один из таких легальных шпионов – господин Лю Джень, атташе по культуре. Милейший человек, вечно улыбающийся из-за блестящих круглых очков невысокий китаец, выглядящий ровнёхонько так, как рисуют азиатов в американских комиксах, появился в Москве почти два года назад, и сразу стал головной болью для контрразведки.

Господин Лю вёл себя по китайским меркам совершенно нестандартно. Вернее, по тогдашним китайским меркам

– двухлетней давности. Дело в том, что китайское контрразведывательное направление всегда считалось относительно тихим и безсобытийным. Советские, а потом и Российские спецслужбы сталкивались с китайскими от начала времени, но китайцы даже во время самых плохих советско-китайских отношений, пиком которого стала битва за остров Даманский, вели себя тихо, что называется «в рамочках». Ва-банк не играли, на шпионские скандалы не нарывались, не доводили дела до высылки дипломатов, шпионили себе ни шатко ни валко, и с китайской вежливостью тырили только ту информацию, которая лежала на видном месте, и которую не поднял бы только ленивый. Да и чего ожидать от разведки страны, у которой от хронического безденежья посол по совместительству является и резидентом, то-есть руководит дипломатами, а факультативно – ещё и разведчиками.

Однако два года назад ситуация начала радикально меняться. Из оперативных сводок Зарипов знал, что по всему миру почти каждое китайское посольство получило несколько новых молодых волчат, кинувшихся в разведдеятельность с совершенно некитайским рвением, грубо и нагло – так, как и американская разведка не позволяла себе действовать.

Впрочем, если подумать философски, наверное удивляться тут нечему. Китайцы знамениты своим умением копить по зёрнышку, побеждать врага терпением, продумывать ситуацию на сто ходов вперед, и начинать что-либо только обладая многократным запасом прочности.

Экономически Китай – супердержава уже давно, а политически – ноль без палочки. Сидит Китай тихо, как мышь под веником, в чужие дела не вмешивается, знай – богатеет, технологии новые осваивает, производственную базу развивает. И вот только совсем недавно начал доводить свои вооружённые силы до супердержавного уровня, причём делает это без резких движений, чтобы не испугать конкурентов. Оружием не позванивает, громких заявлений не делает. И ведь станет-таки военной супердержавой лет так через пяток – с его-то экономическим потенциалом. Вот тогда и ломанётся Китай в большую политику как БТР сквозь кусты. Вот, наверное, и с разведкой что-то похожее получилось – загодя начал Китай, подготовил, подучил разведчиков, а вместе с ними дипломатов, связистов, аналитиков, и весь прочий обеспечивающий персонал, отработал процедуры и коммуникации. И уже потом прыгнул, ошеломив врагов и друзей. Вернее: только врагов, не бывает у сверхдержав друзей, бывают только временные союзники, а враги – все остальные.

Вот и господин, точнее – китайский товарищ Лю Джень был из этих, молодых и перспективных. Буквально сразу по приезду в Москву, в перерывах между открытиями китайских выставок, и всяких там дней памяти утки по-пекински, где атташе по культуре присутствовать как бы положено по чину, Лю развил самую бурную деятельность. Нналаживал контакты с сотрудникам «почтовых ящиков», военными, и политиками, демонстрируя открытое презрение к деятельно-

сти контрразведки, и частенько уходя от наружного наблюдения воткрытую. Конечно, наружка тоже не лыком шита, и на любого самого хитрого Лю найдётся что-нибудь с винтом. Но если просто, например, раз десять выскочить из вагона метро после слов «Осторожно, двери закрываются», то у любой наружки просто закончатся агенты подстраховки. А Лю – он ведь не один такой, и привязывать к нему каждый день пятьдесят сотрудников и двадцать машин – роскошь непозволительная. Да если честно, и не было в подразделении Зарипова такого количества людей и машин.

Выслать бы его, мерзавчика, за такие выходки, ан – нельзя. Во-первых, мы с Китаем нынче дружны, вон – даже учения вместе проводим, НАТО хором поругиваем, в Шанхайской организации рядом сидим. Так что обострять российско-китайские отношения высылкой дипломата сейчас никак невозможно – наверху не поймут и не одобрят.

Во-вторых: а что толку-то? Ведь пришлют следующего, такого же ногастого волчару. А у этого хоть контакты кое-какие выявлены, телефоны известны и поставлены на прослушку, наружка к привычкам и методам приноровилась и кое-какие оперативные контр-меры выработала. В общем – пусть лучше этот бегаёт, декадент азиатский, чем нового такого же разрабатывать с нуля.

Вот и сегодня Лю рядом грубых, но эффективных ходов оторвался от «хвоста», и пропал. Случилось это около семи часов вечера, и Зарипов, только что добравшийся до дома,

как ответственный начальник и отец-командир, в связи с ЧП был вызван на работу. Валерий Мурадович приказал дежурному действовать по варианту «Чинара», а служебную машину, выехавшую за ним – отозвать, всё равно она в пробках два часа простоит. И пошёл от своего дома (того самого, который «дом на Первой Мещанской в конце», где когда-то жил Высоцкий) в сторону метро Рижская.

Добравшись через полчаса до своего кабинета в том самом неприметном особнячке, Зарипов с некоторой гордостью узнал, что «Чинара» был правильным ходом. По этому сигналу наружка перестала чесать мелким гребнем район где объект наблюдения оторвался, и рассредоточивалась по известным контактам объекта, надеясь подобрать его там. Конечно не по всем контактам – на такое никаких ресурсов не хватит, а по контактам приоритетным. Один из самых приоритетных и сработал.

Контакт кстати был весьма интересный – некто Антон Михайлович Ищенко 1976го года рождения, не судимый, однако известный правоохранительным также как Тоша Большой и Тоша Свинорез. Людей такого типа в Москве девяностых было хоть пруд пруди. А вот в наше время беспредельщик, начавший локальный передел мира (и делающий карьеру в основном с помощью автомата) был личностью уникальной.

Теперь Москва поделена на сферы влияния, а самый большой и сильный зверь – не какая-нибудь ОПГ (Организо-

ванная Преступная Группа), или говоря по-человечески – банда, а всё же тот, кому и положено – государство. В общем, к великому переделу собственности девяностых Тоша не успел по возрасту, однако сейчас старался вовсю.

Кто знает, может быть, попадись ему в жизни другие люди, другие книги и фильмы – и нашла бы Тошина страсть к авантюрам какое-нибудь «мирное» применение. Получился бы из него отличный офицер спецназа, или сыщик, или МЧСовский спасатель. Впрочем нет, не получился бы, потому что кроме бесстрашия и нечеловеческой везучести, Тоша прославился ещё и изрядной жадностью в смеси со стремлением применять насилие где надо и где не надо. Нет, садистом, или убийцей-маньяком он конечно не был, но если стоял выбор между переговорами и стрельбой, Тоша неизменно предпочитал сначала пострелять, а потом уже переговариваться.

Каким образом атташе по культуре Лю Джень познакомился с этим бандюгой, подполковник Зарипов пока не знал. Не было известно и конкретное дело, по которому Лю встречался с Тошей-Свинорезом, однако какое-то конкретное дело было наверняка. Любая разведка стремится установить контакты с сильными мира сего, включая и преступников. Однако Тоша в число сильных не входил, не был он «крёстным отцом», «доном» мафии, так что китайцу устанавливать с ним контакт просто так, на всякий случай не было смысла. Теоретически, Тоша мог бы и выбраться однажды на самый

верх, но когда это случится, и случится ли вообще – неизвестно. Гораздо более серьёзные шансы были за то что Тошу шлёпнут те, кто уже был на самом вершине преступного мира, и кому он с завидной регулярностью наступал на хвост своими идиотскими выходками со стрельбой и взрывами.

Ну, а раз дружить с Тошей «на будущее» китайцу вроде бы смысла не имело, оставалось предположить что есть между ними какое-то совершенно сиюминутное дельце. Может быть Тоше в руки попали какие-то секретки, и он, игнорируя классику «советская малина врагу сказала нет», решил торгануть их китайцу. Возможно, интерес Лю был каким-то образом направлен на недавнее приобретение Тоши – «карманный» банк, весьма удачно расположенный на территории одного ещё недавно совершенно закрытого НИИ.

Зарипов всерьёз подумывал о том, чтобы вербануть Тошу. Такой ход открывал неплохие возможности для оперативных игр – можно было начать кормить китайца дезинформацией, а если до таких изысков дело и не дойдёт, по крайней мере будет понятно какие-такие интересы толкнули нашего восточного друга в объятия московского бандюгана. Конечно, немного настораживала Тошина «безбашенность», а вот беспринципность и жадность оного была только на пользу – Тоша явно не станет отказываться от сотрудничества из-за бластных законов жития, на принципы плюнет, и поступит так, как на данный момент выгоднее. Тем более, что крючок для вербовки был на подходе.

Дело в том, что неделю назад машину, в которой ехали Тоша с корешем, была остановлена для проверки документов. План «Перехват» был объявлен совсем не по Тошину душу, однако тот об этом естественно знать не мог. Вот и не проявил никакого желания досмотреть сцену до конца, чтобы узнать – закончится всё извинениями и пожеланием счастливого пути, или же, напротив – тыканьем мордой в асфальт, заламыванием рук и препровождением в следственный изолятор. Как-бы вежливо выйдя из машины навстречу милиционеру (дочитав отчёт до этого места, Зарипов в очередной раз отметил, что обнажение пистолетов американскими полицейскими при любой попытке водителя выйти из машины не лишено доли рационализма), Тоша с приятелем выхватили стволы, и ранили милиционера, проверявшего документы, и двух ОМОНовцев, усиливающих пост.

По-ворошиловски отстрелявшись, бандиты ударились в бега – в буквальном смысле этого слова. Происходило это всё внутри Садового Кольца, примерно в два часа дня, когда машина не роскошь, и не средство передвижения, а мышеловка, зажатая в московских пробках – вот Тоша с корешем припустили проч «на своих двоих» с энтузиазмом испуганной кошки.

Однако второй милиционер, гревшийся в УАЗике ПМГ, и, соответственно, под стрельбу не попавший, открыл ответный огонь, правда – с большим запозданием. Однако, Вильгельм Телль этакий, из табельного ПМа метров с тридцати

влепил убежавшему Тошиному приятелю пулю ровнёхонько между лопаток и убил наповал. А вот Тоша ушёл. Пробежал ещё метров пятьдесят, выскочил за угол на людную улицу, нырнул в метро и был таков.

Если это был, конечно, именно Тоша. Однако по описанию, данному милиционером из УАЗика – похож. Убитый бандит, опять же – из его ближайших соратников, можно сказать – первый заместитель по безопасности. Инкриминирующих отпечатков пальцев, правда, не нашлось. В машине, принадлежавшей убитому бандиту – конечно наляпаны Тошины «пальчики», но там они – сугубо мотивированные, бандит с Тошей был близко знаком. Мало-ли когда они на машине этой катались?

А вот на отстрелянных гильзах Тошиных отпечатков нет. Вообще никаких нет – очевидно патроны были тщательно протёрты, и зарядание производилось в перчатках – предусмотрительный, гад. Но если улики отыщутся, или раненые патрульные Тошу опознают – то статья тому светит расстрельная, точнее, по нынешнему мораторному времени – пожизненная, так что есть чем торговаться. Если Тоша будет паинькой, начнёт исправно втюхивать китайцам дезу, и докажет свою полезность, то контрразведка сумеет сделать так, чтобы прокуратура об этом деле забыла. А ведь скоро заступничество спецслужбы Тоше ой-как понадобится. Милиция сейчас носом землю роет, она теперь слава богу стрельбы по своим не прощает. Доказательства собирает по прочим

эпизодам где Тоша так или иначе «засветился», а главное – агентуру трясёт в авральном режиме.

Раньше агентов чаще называли «Секретные Сотрудники», но теперь Зарипов этого слова избегал, особенно в общепотребительном сокращении «СекСот». Уж больно слово по нынешним временам мерзкое, подленькое, и Гулагом отдающее. Гораздо лучше отражает ситуацию «негласный источник информации», или просто «источник» – ведь без агентов ни милиция, ни контрразведка, ни любая другая служба работать не могут, потому что преступников отлавливают чаще всего не благодаря экспертам, собирающим пылинки с места преступления, и не благодаря аналитикам – виртуозам дедуктивного метода. Нет, конечно же и их работа важна, особенно позже – в суде, где надо вину доказать. А вот найти преступника чаще помогают именно «источники» – информаторы, агентура оперативников.

Это только маньяки убивают совершенно незнакомых людей без всякого видимого повода, потому их так сложно вычислить, а обычные убийцы и бандиты нелогичных ходов не совершают, потому как работают для собственной выгоды. А какой бы ни был искомый бандюга разудалый Кудияр и Робин Гуд, или какой прочий флибустьер и сорвиголова – он же не в вакууме живёт, потому что один, как известно, в поле не воин. Надо преступнику где-то прятаться, от кого-то узнавать о том где что плохо лежит, и кому-то это самое плохо лежащее продавать, а значит агентура рано или поздно

что-то увидит, услышит, узнает, и куратору своему эту информацию доведёт. И московское лежбище Тоши-Свинореза рано или поздно найдётся, если конечно тот в бега не ударился. А ведь как раз и не ударился – нашёлся Тоша, сидит с китайским товарищем Лю на конспиративной квартирке, загодя выявленной сотрудниками Зарипова.

Теперь наружка с других возможных точек появления китайца подтянулась к выявленному объекту, обложила возможные выходы, ждёт. Закончится встреча – большая часть пойдёт за господином Лю, как за главной целью, меньшая – присмотрит за Тошей-Свинорезом. А пока встреча в процессе, техники попробуют посмотреть и послушать, может быть чего и получится.

В общем, ЧП можно считать официально завершившимся. Надо заметить – благополучно завершившимся, вопреки и благодаря. Вопреки много чему, а вот благодаря – в том числе и чуткому инициативному руководству сами-знаете-кого. Всё что ни делается – всё к лучшему, потеряли Лю, а нашли Лю и Тошу впридачу. Теперь самое время вернуться домой, и заставить себя отдохнуть. Лично-служебные неприятности, удачи, внезапности и рутины на сегодня подошли к концу, а остаток суток Зарипов твёрдо решил побыть именно начальником. Как гласит старое доброе солдатское правило «если ничего не можешь сделать, постарайся хотя бы не волноваться». Начальнику главное – выдать Ценные Указания, и следить за тем чтобы ЦУ были выполнены точно

и в срок, А для оперативного руководства есть заместители. Есть старший оперативной группы, вот он пускай и охотничает. Ходит, проверяет действия наружки, зыркает хищным взглядом по окнам квартиры, где происходит встреча объектов наблюдения, пытается угадать что происходит за закрытыми шторами. Или там за жалюзи какими-нибудь. Были ли на окнах этой конспиративной квартиры жалюзи, шторы, и были ли там окна вообще Зарипов не знал. Нет, окна наверное всё же были, иначе такую особенность непременно помянули бы в докладах. А вот всё остальное – детали. Всё остальное – к старшему группы. Пусть он деталями занимается, и регулярно докладывает своему дорожайшему начальнику Мурадычу условным кодом о том, что всё хорошо. Операция закончится – старший отзвонится, доложит подробно. А закончится операция скоро – не будут же Лю с Тошей там ночевать, так что и бодрствовать всю ночь у телефона начальнику не придётся.

Валерий Мурадович вызвал служебную машину – сейчас пробки скорей всего рассосались, а нет – так и чёрт с ними, время терпит. Потом запер кабинет, сдал ключ дежурному по зданию. По пути к выходу открыл дверь в оперативную комнату. Надо же, везде дежурки пахнут одинаково, что в линейном отделении милиции, что тут, в элитном московском особняке, в помещении, набитом дорогущей аппаратурой, что, наверное, в комнате дежурной смены стратегического ракетного полка. Запах усталости и ожидания.

Дежурный офицер связи поднял на него глаза, и тут же опустил их обратно на экран монитора, демонстративно придерживая наушник одной рукой. Ну конечно, кому нравится когда его проверяют, вот и продемонстрировал что целиком погружен в процесс, типа «уйди, не мешай, не видишь – работаем». Зато молоденький парнишка, сидевший за спиной дежурного офицера – практикант, приданный подразделению Зарипова, вскочил при виде начальника, и почти было принял строевую стойку.

– Андрей, ты чего тут так поздно? – негромко поинтересовался Зарипов.

Андрей почти на цыпочках вышел из помещения, и уже за дверью так же негромко ответил:

– Углубляю знания аппаратуры связи, товарищ подполковник. Плановое занятие.

– Угу, рвение к службе проявляешь? – ухмыльнулся Зарипов – Плановое двадцать минут как закончилось. Давай, Андрюша, дуй домой, успеешь ещё. Навоюешься. Я и сам курсантом был, и в том же самом заведении. Ты уж мне поверь, такого беззаботного времени как сейчас у тебя – стажировка на пятом курсе, скорей всего не подвернётся до самой пенсии. Иди, иди. Тебя девушки заждались.

– Валерий Мурадович, – замялся Андрей. – мне тут невеста звонила, у неё в кафе какой-то американец русского происхождения, упомянул о контактах с разведкой США. – и уже бодро добавил: – Разрешите проверить?

Зарипов на секунду задумался: «Вот же, волчонок, хочется ему в Чапая поиграть. Ведь сам же наверняка понимает, что туфта полная, не будет ни один разведчик кричать что он – разведчик, а вот всё ж просит разрешения на операцию, маленькую, заранее безрезультатную, но – свою! Чтоб как у взрослых. Клычки у него, видите-ли, чешутся...»

Андрей Зарипову нравился. За тот месяц, что курсант был приписан к подразделению, Андрей не сделал ни одного серьёзного ляпа, что для курсанта само по себе – практически подвиг. Учится с удовольствием, и есть этакий правильный охотничий блеск в глазах. Голова быстрая, схватывает всё почти на лету. Чувство юмора хорошее, что опять же – признак быстрого мышления, да и в коллективе легче приживётся. Валерий Мурадович собирался добиться распределения Андрея в своё подразделение. Конечно, лучше бы битого, опытного оперативника примерно в чине капитана, только капитана надо на майорскую позицию сажать, а то ведь ему неинтересно будет.

А на равную должность в Москву хороший офицер и не рвётся. Москва конечно город балованный, красивый и обихоженный. Больше двухсот театров, роскошные рестораны и клубы. Отличные школы и университеты для детишек. Хорошо тут жить, особенно когда денег хватает. Одна беда: цены московские чуть ли не на порядок выше, чем по остальной России, а зарплата у офицеров ФСБ – примерно такая же. Перспективы карьерного роста – не сильно лучше, чем

на периферии. Ну, может быть работа чуть-чуть поинтереснее, зато на периферии куда проще с жильём.

Так что нечего об опытных оперативниках мечтать – майорских позиций и для своих нет. А вот старлейская – есть. Молодой лейтенант – он, конечно, зелёный, неопытный, зато натаскается прямо тут, на правильной работе, и через пару лет войдёт в гончую форму. Опять же – москвич, город знает, друзья у него здесь. И с квартирой проще будет. Вот только с аттестацией главное не перехвалить, парень и так на красный диплом идёт. А то придут перед выпуском «покупатели» из СВР, и, как обычно, слизнут все сливки. Впрочем, если честно, отличную аттестацию за стажировку Андрей заслужил без вариантов.

– Давно Вера звонила? – спросил Зарипов. Имя невесты Андрея он запомнил ещё и потому, что читая личное дело курсанта обратил внимание на то, что кафе, где она работала, было в двух шагах от дома Валерия Мурадовича.

Всех близких, начиная от жён и заканчивая мимолётными связями (когда таковые случаются) сотрудников спецслужб, другими сотрудниками вышеозначенных служб проверяют. И ничего в этом ужасного нет, это – общемировая практика, так было всегда, и скорей всего всегда будет. Спецслужбы – организации особые, им необходимо знать с кем сотрудники общаются, хотя бы для того чтобы защищать сотрудников и их близких. Другое дело, что конечно же не все, и конечно же не обо всём докладывают – вот хотя бы о тех же мимолёт-

ных связях, которые, как известно, не поощряются. Однако курсанты уставы и должностные инструкции чтут свято, да и невеста – дело особо серьёзное. Невеста – это почти жена. А жёны от всех прочих контактов отличаются весьма – им по статусу положено знать чем занимается супруг. Без деталей конечно, но жена или близкая подруга (штамп в паспорте тут никак не является определяющим фактором) всегда будет знать что её благоверный служит государству. Так что сказки о том, что некто днём официально продаёт пылесосы, а в тайне от близких анонимно джеймсбондствует, хороши только для голливудских боевиков.

Соответствующее подразделение проверило Верочку, и претензий к ней не нашлось. Верочка даже была представлена Валерию Мурадовичу на одной из неформальных вечеринок, на которой офицеры отдела присутствовали с жёнами или подругами. Невеста Андрея Зарипову понравилась – вот из таких хватких и неизбалованных провинциалок и получают самые хорошие офицерские жёны. Верней, даже не так: из таких даже частенько получают боевые подруги, а это звание, которого даже не всякая офицерская жена достойна. Верочка слегка удивилась, узнав в коллеге жениха (звания и должности конечно же не назывались) завсегдатая кафе, в котором она работала, однако удивилась не очень-то сильно, потому что в мегаполисе калибра Москвы такие совпадения – отнюдь не редкость.

Так или иначе, получалось что Зарипову, пребывавшему

в благодушном настроении, представилась возможность совместить приятное с полезным и кофе попить, и этого молодого зубастика порадовать. А потом – пешочком домой.

– Последний раз Вера звонила... – Андрей глянул на часы – одиннадцать минут назад.

– Объявляю внеплановое учебно-боевое занятие. Пошли, Андрей, машина должна быть уже внизу. Инструктаж – по пути.

Телефон в руке Зарипова завибрировал, продемонстрировав «»5«». Всё хорошо.

Пробки и правда рассосались по вечернему времени, доехали очень быстро. Инструктаж получился совсем коротким.

– Значит так, Андрей, – проговорил Валерий Мурадович, когда машина уже поворачивала с Трифоновской на Проспект Мира. – твоя задача: войти в контакт. Всё.

– А какая легенда? – Андрей рвался продемонстрировать знания по оперативным дисциплинам. – Учитывая разницу в возрасте, мы с вами – отец с сыном?

Зарипов хмыкнул про себя на «разницу в возрасте» и «отца с сыном». Хорошо хоть не «деда с внуком». А вслух сказал:

– Легендирование нашего пребывания там не понадобится. Меня в этом кафе видят часто, тебя, полагаю – тоже. С объектом в контакт будешь входить один, там легенда – на твоё усмотрение. Не усложняй. Представься... хмм... ну, например, студентом.

– Товарищ подполковник, а если объекта нет на месте?

– Если объекта нет на месте, Андрюша, то ты останешься строить глазки Вере, а я выпью кофе и пойду домой.

Обращение «товарищ подполковник» явно указывало на то что курсант волнуется, этак в кафе ещё и каблуками щёлкать начнёт. Чтобы добавить тому раскованности Зарипов легонько ткнул Андрея кулаком в плечо, подмигнул как можно фамильярней, и добавил:

– Уж извини, но если объект нас не дождался, вызвать автоматчиков и устраивать облаву мы, пожалуй, пока не будем. Позвони-ка благоверной, скажи что подъезжаем.

Остановились метрах в пятидесяти от входа, чтобы не светиться машиной с водителем. Народу в заведении было уже изрядно, однако свободный столик всё же нашёлся. Верочка была за стойкой, улыбку при виде Андрея подавила, но всё же стояла с таким видом, что любой, посмотревший на неё подумал бы: «Вот это – наверняка секретная агентесса при исполнении». Легонько скосила глаза в сторону человека, сидящего за стойкой бара. Человек опирался на эту самую стойку так, что почти лежал на ней. На вид помладше Зарипова, но сильно старше Андрея. Ну что ж, диспозиция ясна.

За столик Валерий Мурадович сел к бару лицом, чтобы обозревать действие, а Андрей – спиной, всё равно долго так сидеть ему не придётся. Верочка скрылась за дверью с надписью «Служебное помещение». То-ли ожидала, что к ней

подойдут за новой информацией, а может – боялась испортить игру своей неудержимой мимикой. За соседним столом веселилась компания, говорящая на каком-то гортанном наречии. Зарипов машинально определили их как южных азербайджанцев, а может быть и иранцев. Компания была ещё практически трезвая, но горячая южная кровь давала себя знать – говорили громко. Что ж, сейчас это только наруку – создаст нужный уровень маскирующего шума.

– Ну что ж, Андрюша, – тихо сказал Валерий Мурадович, чуть перегнувшись через стол. – задача, учитывая разницу вашу в возрасте, будет повышенной сложности. Иди, актёрствуй.

Андрей встал, подошёл к стойке бара, присел через один стул от объекта. На взгляд Зарипова Андрей пока действовал в общем и целом хорошо, вёл себя раскованно, естественно. О чём говорили за стойкой бара Валерию Мурадовичу слышно конечно же не было, однако жестикуляция правильная. Если Андрей и переигрывал, то совсем чуть-чуть, самую капельку. Вскоре появились и результаты – Андрей пересел ближе к объекту, чокнулись, выпили. Заказали что-то вместе. Ещё выпили. Молодец волчёнок.

Загудел телефон, показав «»8«». Опять всё хорошо. Зарипов чувствовал себя всё умиротворённей. Волноваться больше не о чем, по крайней мере – до завтра. По работе – однозначно молодец. И даже доброе дело сегодня сделал – курсанта порадовал, для него это – приключение, полевой вы-

ход, может быть и воспоминание на всю жизнь. Потом будет вспоминать его с умилением, а пока – с неделю будет ходить гордый собой.

Андрей вернулся через пятнадцать минут, когда Валерий Мурадович заканчивал вторую чашку кофе и подумывал уже о том, не погорячился ли он с таким количеством кофеина перед сном. Телефон Зарипова завибрировал, продемонстрировав очередную «восьмёрку». Усевшись напротив Андрей вытянулся с гордым видом отличника, вызубрившего урок «на пять с плюсом», и боящегося исключительно того что его не спросят, а если спросят – не дадут целиком продемонстрировать просто-таки нечеловеческий уровень знаний. Зарипов даже решил сбить с него спесь. Убедившись что уровень шума такой, что и за соседним столиком их не услышат, сказал негромко:

– Ты сказал объекту что ты тут с кем-то?

Андрей отрицательно покачал головой чуть помрачнев.

– Минус тебе. Сейчас то, что ты уселся ко мне за стол, для объекта выглядит немотивированно. Ладно, подробный разбор полётов – потом. Излагай.

– Зовут Александр Тимофеев. По его словам живёт в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США. Похоже на правду.

Зарипов поморщился на казёньщину. Тоже мне, «штат», «США»... Не на уроке географии! Все знают что Солт-Лейк-Сити в Юте, а Юта – в США.

– Ты «По его словам», «По моему мнению» и прочий му-

сор пропускай. «Похоже на правду» тоже, свои оценки – позже.

– Понял. – продолжил Андрей. – Адекватен, но то-ли сильно пьян, то-ли устал, соответственно, расслаблен. Служил в Российской Армии, уволился капитаном. В Америке больше десяти лет, но хочет вернуться в Россию. В Москве остановился где-то поблизости, судя по непроизвольной моторике – на той стороне Проспекта Мира. РУМО предлагала ему сотрудничество, он отказался. Рассказывает об этом чтобы снизить свою ценность для РУМО, выглядеть как человек, не умеющий хранить тайны. К России и органам госбезопасности лоялен.

– Угу, и характер твёрдый, нордический. – ободряюще улыбнулся Зарипов, убоившись, что сбивая с курсанта спесь припечатал того слишком сильно. Напряжённое лицо было сейчас не к месту. – Молодец, Андрей. Теперь свою оценку. Коротенько.

Андрей на секунду задумался.

– По ощущениям правдоподобно всё.

– Краткость – сестра таланта, но, похоже – тёща анализа.

Давай, Андрюша, чуть подробнее.

– По ощущениям правдоподобно всё. – повторил курсант. – По вазомоторике – тоже. Судя по реакции глаз и пальцев, при рассказе работали центры памяти, а не креативные центры, то-есть объект вспоминал, а не придумывал. Да и врать в таком состоянии – надо быть не только превосход-

ным актёром, но и тренированным человеком.

Валерий Мурадович подумал что Андрею надо будет подтянуть оперативную психологию. Впрочем, себя специалистом в этой области он тоже не считал, что называется, «зарос кабинетным жирком» на руководящей работе. Оперативная психология – она же оттачивается «в поле», когда работаешь с людьми. По-этому Зарипов ограничился тем, что коротко сказал:

– Хорошо. Дальше.

Из подсобки выглянула Верочка. Зарипов отрицательно покачал ей головой. Что ж, жест весьма мотивированный – официантка издала интересуется, мол не созрел ли клиент для очередного заказа, а тот так же издала демонстрирует что не созрел. А вот Верочка правильной мотивировкой поведения не озадачилась, захлопала ресницами, потом сделала страшные глаза, быстро-быстро закивала головой, демонстрируя что поняла молчаливый приказ не подходить, и юркнула обратно в подсобку.

«Вот на таких мелочах и сыплются операции.» – мысленно проговорил себе Зарипов прописную истину. – «Была бы сегодняшняя встреча не учебной, а боевой, вот этого конского размахивания головой вполне хватило бы, чтобы операцию провалить. Конечно, будь операция боевой, её бы обеспечивало гораздо больше сотрудников, и Верочку, как неподготовленного информатора просто удалили бы из игры, заставили бы например сказать больно, или найти

другой повод, да и катиться отсюда куда подальше. Однако всё равно – недоработочка!»

– Если отбросить ощущения и включить логику, – тем временем продолжил Андрей. – я не вижу другой причины для лжи, кроме как повысить свою значимость. Похвастаться случайному встречному. Просто не мог он рассчитывать что наскочит тут на кого-то, кого его рассказы заинтересуют с... с профессиональной точки зрения. Ну, а если похвастаться – так он и не хвастался, наоборот, сказал что РУМО его испугало до полусмерти.

– Про то, что РУМО его испугало, ты в первом докладе упустил.

– Виноват, Валерий Мурадович.

– Далее, – продолжил Зарипов. – исключение возможности подставки – преждевременное. Противник теоретически легко мог его подставить Верочке. То, что ты работаешь в органах, и то, что вы дружите – не секрет для многих. Для очень многих. Далее, опять же чисто теоретически исключать возможность банального хвастовства тоже нельзя. Даже с учётом испуга перед РУМО значимость рассказчика повышается. А в общем и целом – молодец, Андрей. В условиях ограничения времени анализ – на отлично. А в деталях проанализируем завтра, чтобы было время подумать. Всё, отдыхай, Андрюша, занятие можно считать... Нет, погоди. Не оборачивайся – объект в нашу сторону движется, готовься знакомить с... папой. Что-то лицо у него больно недруже-

любное... Нехорошее лицо.

Колюня распрощался с Александром около семи часов, пообещав встречаться до конца Сашиного отпуска хоть каждый день, не считая встречи однокурсников, которую Петя Ступаков – известный заводила и организатор культ-массовых мероприятий, уже практически подготовил. Саша пересел за стойку бара, решив любой ценой додержаться до девяти часов вечера, и только потом отправляться просыпать часовые пояса. Пофлиртовал с барменшами, познакомился с присевшим рядом дядечкой, вернее – дедушкой.

Дедушка был весь в джинсе, с отсверкивающей лысиной, пониже которой сзади свисал хвостик седых волос, и потому производил странное, какое-то гейско-тинейджерское впечатление. Однако собеседником оказался интересным, и Саша в очередной раз убедился, что большинство первых впечатлений оказывается совершенно ошибочным.

– Фёдор Мордехаевич. – представился дедушка, и застенчиво глянул на нового знакомого, будто это он сам придумал такое сочетание, и опасался, не звучит ли оно нелепой безвкусицей.

Узнав, о нынешнем Сашином месте жительства, дедушка Мордехаевич как-то суетливо оживился, залпом вылил в себя содержимое мартинки, и, сочно хрустя маринованной луковкой, (которую он загодя потребовал бросить в мартини вместо оливки) сказал:

– Вот Вы, милостивый государь, живёте, так сказать, в

стране победившей демократии, и, смею предположить, не чужды демократическим ценностям?

«Ну вот,» – подумалось Саше. – «наверняка из тех недовольных... или как их там? Несогласных что-ли?»

Недолюбливал Саша этих супчиков, на новоязе андеграундовского Интернета именуемых «либерастами». Бузят, видети-ли, забавляют себя то защитой проворовавшегося олигарха, усердно называя его «узника совести», то митингуют вместе с шахматным «долгоиграющим проигрывателем», старательно выкрикивая лозунги в камеры репортёров, причём в большинстве случаев – по-английски. С одной стороны – вроде бы и пусть себе, а с другой... Ведь не за идею бьются, а за власть. Вон, на Украине доигрались уже. И в Грузии доигрались. Озадачит какой-нибудь супостат своих специалистов по психологическим операциям, потом вбросит денег вот в таких вот горластых «борцов с произволом», и на те вам – или оранжевая республика с покалеченной экономикой. Ну, или гражданская война – кому как повезёт. Поэтому Саша с деланно-скучающим видом подпер щёку, и не взирая на почтенный возраст собеседника, не очень-то учтиво бросил:

– Ну?

– Вот и зря! – победоносно выпалил дедушка Мордехаевич. – Демократия – это обманка, золото для дураков, более того скажу: даже не для дураков, а для конской, простите, задницы. Вы, почтеннейший, знаете такое понятие: «Макиа-

веллиевский кентавр»?

Книгу Николы Макиавелли «Государь» Саша если, если честно, не читал. Давненько собирался, но вот как-то случая не представилось. Но о кентавре этом слышал откуда-то. Поэтому именно так осторожненько и ответил:

– Слышал...

– Макиавеллиевский кентавр, сударь мой, – профессорским тоном начал Фёдор Мордехаевич, аж надувшись от того, что нашёл благодарного слушателя. – это основа, а вернее – это сущность любой власти. В особенности – сущность власти государственной. Всякая власть держится на силе, в нашем случае это торс кентавра, и на согласии, это у нас будет лошадиная, пардон, попа. Так вот, демократия – это иллюзия участия в делах государства, удерживающая филейную часть этого кентавра от излишнего взбрыкивания. Поборникам демократии я обычно задаю три вопроса. Во-первых, верите ли вы что безработный бомж и профессор экономики должны принимать равное участие в решении судьбы государства?

Саша в общем-то в это не верил. Не то чтобы он вообще много задумывался о таких глобальных вещах в последнее время. Даже если и придумать правильное решение для глобального вопроса – что потом с таким решением делать-то? Куда его себе засунуть? Изложить на бумажке, и ломиться в приёмную президента, к Папе Римскому, или в ООН? Полубою дальше секретарши не пройдёшь, и услышишь что-

нибудь типа: «Больше не приходите и не звоните, мы вам сами позвоним.» Но антидемократический дедушка, больше похожий теперь не на престарелого тинейджера, а на дореволюционного адвоката в момент обличительной речи, ответа и не ждал.

– Во-вторых, отдаёте-ли вы себе отчёт, милостивые государи и государыни, в том прискорбном факте, что в нашем обществе вышеупомянутых безработных бомжей неизмеримо больше, чем профессоров экономики? И наконец... – Мордехаевич победоносно и строго глядел то на Сашу, то на барменшу по другую сторону стойки. – Почему во время предвыборных компаний кандидаты не рассказывают нам о своих программах, а просто призывают голосовать за себя? И выигрывает обычно тот, кто получает больше эфирного времени для помывания мозгов. Да что там промывания, для откровенного гипнотизирования электората! А? Вот то-то! А я, знаете-ли, демократию не люблю, и даже, с Вашего позволения, её презираю! Я, батенька, монархист, да-да, монархист!

Последнее слово крепкий старикан произнёс по слогам, да ещё с таким наполеоновским видом, что Саша удивился, чего-это тот руку за лацкан своей куцей джинсовой курточки не заложил. Да и сам Александр даже как-бы и взбодрился от столь пламенной речи. Хотел было Мордехаича поддержать, рассказав ему, какое надувательство эти американские абсолютно демократические, зато не прямые выборы прези-

дента. Даже уже взглядом нашупал салфетку и ручку, чтобы с цифрами на примере Огайо доказать что вся эта система «кривых» выборов сделана исключительно для того чтобы не пустить в политику третью силу, сохранив монополию Республиканцев и Демократов. Однако тут же передумал соглашаться чтобы не получилось занудно, и вместо соглашательства и прочего оппортунизма решил крепко поспорить. Припомнить например монарха Николашку Второго, последнего (не к ночи будь помянутого) самодержца, недотёпу и тряпку, Российскую Империю откровенно развалившего двумя бестолковыми войнами да революциями. Но Фёдор Мордехаевич, гордый произнесённой речью, и, должно быть, полный уверенности в том что только что завербовал очередного сторонника монархизма, демонстративно глянул на часы, заохал, бросил на стойку бара пару купюр, и скомканно распрощался.

«Сам он царём собирается быть что-ли?» – думал Саша, глядя в гордо шествующую к выходу джинсовую спину с прусской выправкой. – «Не подвела бы его пятая графа с таким отчеством-то...»

Впрочем, подумал это Саша скорее по инерции, и совершенно беззлобно. Если честно, дядя Фёдор Мордехаевич ему скорей понравился – экий сочный типаж. С манерой говорить пожалуй перебор, ведь наверняка пионерил и комсомолит во времена раннего Брежнева, а выражается словно Пажеский Корпус заканчивал. Но – на имидж всякие там

«милостивые государи и государыни» явно работают правильно. И имидж такой – он ведь вовсе не про политику, он – чтобы собеседников удивлять. Ну и конечно чтобы девчонкам нравиться.

Додумать мысль про загадочность женской природы Саше не дали – буквально сразу на место монархического дедушки уселся парень, произносивший слова с характерным малоросским «Гхе». Конечно же, как и принято в барах, Саша разговорился и с новым соседом. Оказалось, парнишка этот возит цветы на Рижский рынок из-под Харькова – тем и живёт, не бедствует, и даже снимает квартиру неподалёку.

Пользуясь компанией, Саша попробовал было поддержать себя универсальным антидепрессантом – водкой, но после двух рюмок бросил это грязное дело. Так и остался стёкл как трезвышко. Подтвердилось что водка бодрит только с лёгкого недосыпа, а с такого кондового, какой был сейчас у Саши – даже не опьяняет, не веселит, а только делает тебя ещё более усталым, туповато-заторможенным, и каким-то каменным. Впихнул в себя ещё две чашки кофе. Тоже не помогло, да ещё и от помянутой заторможенности обжёгся, хватанув большущий глоток из заботливо налитой Викой новой, не успевшей остыть кофейной ёмкости. К нёбу как будто размокшая промакашка прилипла – наверное слезла ошпаренная шкура .

Скоро Сашу уже колбасило совершенно не по-детски. А также плющило, крючило и медузило – называйте как хоти-

те. Сознание бросало как на волнах десятибального шторма, то казалось что мысли работают с механическим совершенством затвора автомата Калашникова, вот ещё чуть-чуть – и постигнешь смысл жизни. А потом вдруг блестящая мысль застывала, и, чуть потоптавшись на месте, вяло рассыпалась – как бегут искорки по пеплу от сгоревшей бумаги, оставляя после себя чёрное ничего. А после этого на какое-то время в голове не оказывалось вообще ни одной самой заваливающей размышлюшки, и Саша ловил себя на том, что бездумно пялится в одну точку, причём даже мимо телевизора – просто в никуда.

Александр явно не был новичком в недосыпе, и домой из Америки до этого летал, правда – без долгой остановки в Нью-Йорке. И авральные проекты делал, когда неделями спишь по четыре часа, а остальное время перед компьютером пальцами по клавишам молотишь. А до того, в курсантской юности – сессии в Училище сдавал, и пять нарядов на службу вне очереди «сутки-через-сутки» получал. Причём случалось это в основном на первом курсе, когда наряд практически не спит. Но так плохо как сейчас ему было впервые в жизни. Вернее, ему было так плохо, что практически никак. Говорят, люди, которых пытаются недостатком сна, «раскалываются» не от физического дискомфорта, а от того, что им делается всё равно.

Через какое-то время через полу-сон-полу-бред откуда-то слева проклюнулась физиономия, обрамлённая рыжей шки-

перской бородкой, приветственно помахала пивным стаканом перед своим коротким англо-саксонским носом, и сказала:

– Привет!

– Ну и тебе хай! – буркнул Саша. – Акцент-то поубавь, всё равно непохоже...

Он силился вспомнить откуда может знать этого рыжеборода, причём ведь должны они друг-друга знать достаточно близко, раз этот крэднелъ отпускает шуточки по поводу Сашинго нынешнего места жительства, изображая американский акцент. Оказалось – вспоминал зря. И «Хай!» тоже говорил зря, потому что физиономия, заслышав «Hi!» обрадованно разразилась длиннющей фразой на том самом бусурманском языке, от которого Саша собирался в Москве отдохнуть. Лениво обменялся с американцем парой вежливых фраз. Подсознание, опять качнувшееся в сторону просветления, ворохнулось было подать сигнал тревоги, но тут же очувствовало, и сигнал этот отозвало.

«Если это человек от пирата-Стива, я его откровенно пошлю к такой-то матери, да и уйду. А может ещё и напомним что их предупреждали. Вот и пусть поломают голову, ушёл я домой или на Лубянку. Чтоб служба мёдом не казалась.» – хищно подумал Саша. – «В конце-концов я чётко и недвусмысленно проговорил тогда что сотрудничать с их разведкой не буду. Да и вообще, что мне теперь – от каждого американца в отпуске бегать? Этак не набегаешься, их в Москве

десять тысяч.»

Про десять тысяч Саша недавно прочёл в каком-то журнале – в статье про проблемы эмиграции, а бесстрашность обрёл скорее всего благодаря сонности и заторможенности. А с другой стороны – чего ему было бояться? Тут он дома, тут – пускай американские шпионы бояться. Пока что перспектива возвращения в объятия американской юрисдикции смотрелась сейчас отдалённой как следующая жизнь.

Саша собирался было перейти к мягкому игнорированию соседа слева, но тут как на грех с американцем захотелось общнуться цветочному парнишке из Харькова, сидевшему по другую сторону. Наверное «иностранцы» иностранцы тому были ещё в диковинку, а вот по-английски как назло цветопродавец не говорил почти никак – примерно на том уровне, на котором американец говорил по-русски. Саша какое-то время пытался переводить из вежливости, а потом устал. Чтобы отлезли, хотел было рассказать старый анекдот про то, как в Москве проводили опрос общественного мнения на тему «Надо ли пускать в Москву приезжих?». В результате сорок процентов опрошенных ответили: «Вах! Канэшна, гэнацвалэ, пуст едут!», другие сорок были в целом согласны, но выразились по-другому: «Та нихай приезжае, шо нам-то, гарным москалям?». А вот двадцать процентов с ответом затруднились, сказавши: «Well, I don't know». А потом передумал. Как ни расскажи, или тот или тот не поймёт. Да и неизвестно как харьковский парнишка отреа-

гирует, а зачем его обижать-то, он же из наших – украинец, а не хохол. И вообще, если честно – права называться москвичём у парнишки этого куда больше чем у Саши, бывающего в Первопрестольной наездами один месяц в году.

Вместо анекдота Саша предпринял дипломатический ход – извинился, и отлучился в туалет, собираясь на обратном ходу спросить что-нибудь у охранника Тёмы, завязать как-бы коротенькую беседу, да и пересесть со своего промежуточного толмаческого места. Однако когда Саша вернулся, пересаживаться уже не потребовалось, потому что харьковчанин с импортным гражданином чуть ли не обнявшись уже шествовали за столик в зал – допивать, теперь ничуть не отягощённые языковым барьером. Алкоголь – он, знаете-ли, языковые, культурные и всякие прочие барьеры сметает как цунами, хотя бы потому что пьяные люди раскрепощаются и не комплексуют о своём костноязычии. За сладкой парочкой поспешала официантка Вика, неся на подносе четыре кружки пива и два коктейля «Б-52», кстати – весьма символично горящими.

Пол-девятого Саша заметил, что не может наскрести сил, чтобы заговорить с девушкой, присевшей рядом за стойкой бара. Девушка дождалась свой коктейль, с почти материнской жалостью посмотрела на него Саши, которому впроу было вставлять в глаза спички, разочарованно похлопала коровьими ресницами, и, (как у молчаливых незнакомок и принято) дыша духами и туманами пересела за столик в зал.

Саша подумал что это – знак, что любому героизму есть предел, а тридцать минут ничего не решают, и решил было уже удалиться спать, но тут рядом присел совсем молоденький, но бойкий парнишка, представившийся студентом. Разговорились на удивление легко, выпили, и, как это обычно случается с людьми, которые никогда больше не встретятся, быстренько пересказали друг-другу события всей жизни до сего дня.

Когда студент, прощаясь, пожал Сашину руку, Саша расстроился потере нового знакомого лишь на секунду, но тут же обрадовался тому, что можно отправляться домой спать. Вернее – обрадовался бы, если бы на это были силы.

Повернулся на стуле, и собрался уже было дать природе последний и решительный бой, и, поборовшись с неумолимой гравитацией, добрести-таки до горизонтальной поверхности дивана, однако увидел странность в картинке. То-ли сознание как раз в этот момент качнулось в кристально-чистый мыслительный плюс, то-ли не качнулось само, а было туда вытолкнуто чувством потенциальной опасности, так или иначе Саша за секунду успел оценить что в увиденном неправильно: попрощавшийся студент пошёл не к выходу, и не в туалет, он уселся в зале за столик напротив чернявого усатого крепыша лет сорока пяти. Причём не поздоровался, не сделал паузы чтобы спросить разрешения присесть, просто уселся, наклонился чуть вперед, словно собирался секретничать, и, похоже, заговорил. Заговорил или нет – уве-

ренности не было, потому что студент сидел к Саше спиной, однако крепыш явно слушал собеседника, временами согласно кивал слегка, а иногда несогласно скидывал брови. А ещё, похоже, вставлял короткие реплики.

Что ж это получается? Значит, они пришли сюда вместе, а потом крепыш отправил студента говорить с Сашей, вывести что-то, а теперь доклад слушает? Саша передвинулся на один стул влево, поближе к охраннику Тёме.

– Тёма, видите тех двух, в середине зала, постарше и помоложе, который помоложе – только что тут со мной говорил. Это что, какое-то криминальное кидалово?

Тёма глянул в зал. Крепыша он тут неоднократно видел раньше, хотя конечно не знал, что Валерий Мурадович – сотрудник госбезопасности. Зато Тёма прекрасно знал Андрея, Веркиного ухажора, курсанта Академии ФСБ.

– Нет, Александр, – Тёма успокаивающе улыбнулся и отрицательно покачал головой. – это – уж точно не криминал.

Угу, вот как. Если «точно не криминал», значит, что-то криминалу прямо-противоположное. Держава. Госслужба. Вернее – спецслужба.

– А кто тогда? Милиция или контрразведка?

Тёма опять улыбнулся с видом сфинкса, и неопределённо пожал плечами.

«Ладно, Не хочешь говорить – не говори. Без тебя обойдёмся, конспиратор хренов.» – подумал Саша. – «Итак: милиция – вряд ли. Я в стране – один день, даже меньше. Не

мог я успеть милиции не полюбовиться в этот приезд, а если у них на меня зуб с прошлых приездов, меня или задержали бы прямо в Шереметьево – на въезде в страну, или же не успели бы найти до сих пор. Да и не милицейские методы. Кто я им, чтобы меня так серьёзно разрабатывать? Милиция бы ткнула "корочками" в нос, да и выпросила что хотела. Значит – не милиция. Соответственно, методом исключения – контрразведка. Я из-за границы приехал, вот они и... »

Тут галоп мыслей кончился. Вместо мыслей пришла обида. Там – американцы, для них Саша – потенциальный враг, русский офицер. А тут Саша был Дома. Здесь все были Свои. И Саша тут был – Свой. Здесь он был за спиной Своей армии, которая защищала Сашу от супостата внешнего. Здесь он был прикрыт Своей контрразведкой, которая должна была защитить его от той же чужой военной разведки, которая совсем недавно так нешуточно напугала. А они... Ну подошли бы, поговорили, расспросили... Зачем же так-то, как будто Саша – вражина какой?!

Саша поднялся, покачнулся, и быстро, чтобы не упасть, подошёл к столику, за которым сидели крепыш и студент. Хлопнул студента по плечу, наверно чуть сильнее чем требует дружеское приветствие, и без приглашения уселся с ним рядом, отеснив к стенке. Со злобненькой ухмылкой в упор посмотрел на крепыша. Верней, попытался – получилось неочень, уж слишком обидно было.

– Так вы, значит, контрразведка? Там блин американцы

пугают, а тут... да я же.. да я же...

Нужных слов не находилось.

«Надо же,» – успел подумать Саша. – «оказывается, "вместо слов – одни эмоции" – не только фигура речи, действительно бывает... » , и выпалил совершеннейшую инфантильную чушь: – ... Да я же... наш!

Обидно было действительно почти до слёз. Обида, смешавшись со злостью образовали ту самую чёрную смесь, которую ощущаешь физически – ноющей болью в области солнечного сплетения. Дети от этой боли горько плачут, а взрослые – в хороший день дают кулаком в морду, а в плохой – хватаются за оружие.

Саша старательно переводил взгляд с крепыша на студента. Усатый крепыш глядел доброжелательно заинтересованно, но встретиться глазами (чтобы зыркнуть как следует) с ним почему-то не получалось, а вот фальшивый студент насупился, выжидательно глядя на усатика.

Краешком сознания оценив обстановку, Александр понял что со стороны крепыша ничего произойти не может – тот сидит слишком далеко, да и препятствие между ними. Зато студент инстинктивно старался отодвинуться подальше от психа, плюхнувшегося за их стол – некомфортно ему было так близко. А вот Саша в тактическом плане как раз чувствовал себя просто шоколадно. Вин-Чунь (которым Тимофеев занимался уже изрядное количество лет) как раз и приспособлен для боя на сверхкоротких дистанциях, на рассто-

янии короче чем вытянутая рука – как раз на такой, на которой студент притаился. Как говорится, оттачивать техники Вин-Чуня с двумя партнёрами можно и в телефонной будке, причём ещё и свободное место останется. А чтобы студенту служба мёдом не казалась, Саша ещё смерил его взглядом, и мечтательно улыбнулся можно плотояднее. Так, наверное, охотник оценивает на антилопу, с одной стороны как бы теоретически и «не испытывая к ней личной неприязни», а с другой – мысленно прикидывая, на какой стене обеденной залы её рога будут выглядеть авантажней всего.

Чем больше затягивалась пауза, тем больше студент бычился, и как-то совсем по-детски дулся, так что Саша, мстительно собиравшийся про себя перекрестить его из «студента» в «молокососа» или «пацанёнка» даже передумал. На студента смотреть перестал – чёрт с ним, с дурачком малолетним. Сосредоточился на крепыше – тот явно главный, ему-то за всё и отвечать придётся.

– Ты вот что, Александр... – медленно начал Валерий Мурадович, поглаживая щёточку усов ногтем большого пальца. – Ты, видно, парень здоровый. Спортом, наверное, занимаешься? – и не дав Саше ответить, добавил побыстрее, с дозированной, но явно проступающей подначкой: – А давай на руках поборемся, а?

И тут же левой рукой резко сдвинул стоящую перед ним пустую кофейную чашку в сторону, освобождая потенциальное поле боя, одновременно взгромоздив правую локтем на

столешницу.

– А давай!

Удивляться тому что незнакомый человек назвал его по имени было некогда, а совершенно неожиданному, а вернее – откровенно дурацкому предложению Саша даже обрадовался. Поставил правую локтем на стол напротив крепышовской, выровнял локоть на одну линию, чтоб потом не смел говорить этот гад усатый будто Саша жухает. Сейчас боевой злости было столько, что Саша был совершенно уверен, что через секунду впечатает руку противника костяшками в стол. Да так впечатает, что та просто разбрызгается кровавыми ошмётками, как монстр из компьютерной игры-стрелялки, поверженный прямым попаданием какого-нибудь там бластерного лучемёта. Сейчас будет вам козья морда в сарафане!

Через две секунды борьбы руки так и не сдвинулись из нейтрального положения, зато Саша почувствовал, что энергия вытекла из него без остатка. А может и не было её, энергии-то? Теперь Саша уже не боролся, а опирался на руку Зарипова. Валерий Мурадович осторожно высвободил кисть, перевёл взгляд на Андрея, многозначительно приподнял бровь, как бы говоря: «Учись, сынок, пока я жив – разрядили ситуацию, избежали совершенно лишнего скандала с потасовкой». А Саша, потеряв дополнительную точку опоры, даже сидя на стуле умудрился опасно покачнуться. Злость совсем ушла.

«И чего я так на них кинулся?» – внутренне сокрушился Саша пристыженно рассматривая крышку стола – «Ведь чуть не ударил. А люди всего-то свою работу делают. Вот же недосып... Всё равно – стыдобища! Ой, стыдобища... Устроил скандал как кисейная барышня.»

А потом вдруг представил как выглядел бы его отпуск, а может быть и значительная часть жизни после того, как он влепил бы кулаком в голову сотруднику контрразведки, и запаздало испугался. Правда, испугался как-то лениво и меланхолично, потому что реальность вновь принялась притормаживать и волниться.

Телефон на столе опять завибрировал. Валерий Мурадович посмотрел на экран, и почти скороговоркой произнёс:

– Ты, Саша, парень хороший. У нас к тебе претензий нет. Извини, если чем обидели.

Саша хотел для проформы спросить: «У нас – это у кого?», но не успел. Зарипов поднялся. Прощаясь, хлопнул Сашу по плечу, кивком приказал Андрею следовать за собой, и быстрым шагом направился к выходу, заранее поднимая телефон к уху. Телефон должен был вот-вот зазвонить. На экранчике светились цифры «»999«» – код, расшифровывавшийся как «Тревога!»

08. Нелепая случайность

План операции у Аверина откровенно не клеился. Точнее – клеился, но такой, что самому Валентину Борисовичу казался корявеньким и более опасным, более уязвимым для

случайностей, чем того хотелось бы. Вернее – чем того требовали ограничения, выставленные генералом.

Если смотреть отвлечённо, то задача-то – плёвая. Подумаешь, получить доказательство существования некоего объекта. Причём не документа на листочке бумаги в ящике стола президента США, не коробочки электронной в сейфе за семью замками, а огромного самолёта на обычной военно-воздушной базе. Самолёта не в ангаре секретном за колючей проволокой, а на взлётно-посадочной полосе, или даже в воздухе над этой самой базой. И доказательство-то нужно не самое сложное, не крыло, не двигатель, не пленный лётчик и мёртвый штурман, а всего лишь фотка. Тоже мне задачка, сфотографировал это летательный аппарат да и всё. Ну, если далеко, то специальную аппаратуру применить можно. Если далеко и ночью – тоже аппаратуру. Щёлкнул, отвёз картинку в консульство российское, а оттуда она со всем комфортом дипломатической почтой – в Москву. Или ещё проще, подошёл к произвольному компьютеру, и фотку эту отправил электронной почтой. Всё, задание выполнено, вот вам шило – извольте сверлить дырочку для очередного ордена. Так? – Нет, не так. Вернее – не совсем так.

Точное время появления Ладьи на аэродроме базы Хилл – вовсе даже неизвестно. Известно только примерное время. Ещё известны совсем короткие промежутки времени, когда Ладья там точно не появится – когда над этим районом пролетают российские спутники фоторазведки. Логично пред-

положить, что Ладыя будет приземляться и взлетать ночью, а днём отсиживаться в каком-нибудь стандартном ангаре – просто для того чтобы сократить число сторонних зевак, готовых пялиться на невиданный ранее летательный аппарат. Так или иначе, время операции растягивается примерно на неделю.

Вроде бы, на неделю – тоже проблема невеликая. Вышел сотрудник разведки из дома, вроде как воздухом подышать и на ютинские закаты полюбоваться, да и выставил аппаратуру. А через неделю – ещё раз воздухом подышать, и аппаратуру снял. Вот тут и вырисовывается первая маленькая проблемка – не было в Юте сотрудников СВР. Юта российскую разведку в последнее время не интересовала, вот и не узаботились агентуру внедрить. Лет сорок назад Юта была перспективным центром ракетостроения, и наши разведчики там присутствовали регулярно. Однако те самые мистические законы рынка сработали так, что ютинская ракетная промышленность тихонько умерла, и советской, а позднее – российской разведке в Юте стало делать нечего. Ведь разведка работает по конкретным задачам, и только там, где есть что-то для разведки интересное на данный конкретный момент. Ну, или на ближайшее, на обозримое будущее. А вот держать агента в каждом уездном городе просто так, про запас – это роскошь, которую ни одна добывающая информацию служба позволить себе не может.

Короче – нет сейчас никого в Солт Лейк Сити, да и во всей

Юте тоже нет. Нет даже никого, кто бы там работал или бывал в последнее время. Есть двое сотрудников, посетивших Олимпиаду две тысячи второго года в Солт Лейк Сити, так просто – в порядке стажировки в США. Но оба они работают в Нью-Йоркском консульстве. Казалось бы, тоже не беда, есть же люди в других городах США, да и границы слава богу практически открыты – можно прислать сотрудника только на время выполнения задания. Однако, тут вступает в игру одно из ограничений, обозначенных Сергеем Петровичем – необходимость исключить возможность разоблачения агента, сиречь – возможность шпионского скандала, резких политических ходов, злорадствующей прессы, и общественного мнения, вскинувшегося на дыбки.

Итак, кого мы можем прислать? Самое простое и удобное – разведчика, уже находящегося в Штатах, работающего под дипломатическим прикрытием в посольстве, или в одном из консульств. Как раз рядышком – консульство в Сан-Франциско, а там – третья по численности резидентура, крупнее резидентуры только Нью-Йорке и в Вашингтоне. Однако этот вариант исключается совершенно, потому что разведчики такие давным-давно контрразведкой выявлены, и находятся под плотным наблюдением. Бросить такого разведчика в Юту – всё равно что в «Нью-Йорк Таймс» пропечатать «СВР проводит операцию в Солт-Лейк-Сити и окрестностях, ответственный – шпион Вася Иванов, фотокарточка прилагается.» Даже если этот разведчик сумеет оторваться

от наружки, ФБР объявит тревогу, и разведчика этого будут искать пока не найдут.

Более того, рано или поздно информация о повышенной активности русской разведки в Юте ляжет на стол кого-нибудь, кто осведомлён о том, что Лодья должна прибыть на базу Хилл – кого-нибудь, кто как раз занимается контрразведывательным обеспечением Ладьи. А в ФБР ведь работают отнюдь не дураки, да и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы подумать пару секунд, и с видом оракула произнести: «Ребята, а я ведь знаю что русским нужно именно сейчас и именно в Юте». А вот после этого американцы, которые сейчас по мере сил берегут все свои секреты более-менее равномерно, обратят особое внимание на Ладью, да и перебросят силы и средства с других направлений. Причём насторожатся все, включая армейцев, так что визит Ладьи в Юту могут просто отменить или перенести.

Второй вариант – прислать нелегала. Разведчика, который работает в Штатах без дипломатического прикрытия, а под видом, например, нашего журналиста, или студента, или приехавшего как беженец. Или даже не кадрового разведчика, а американца, завербованного российской разведкой. Если американская контрразведка об этом нелегале не знает – то и не всполошится. А если знает? Знает, и не арестовывает его пока чтобы выявить связи, или подсовывать ему дезинформацию, или ещё какую-то игру затеяла. А если и не выявила не уверена ещё что этот человек на русскую разведку

работает, но подозревает, «взяла на карандаш» и разрабатывает, то передвижение такого агента по Штатам вызовет эффект не сильно отличающийся от передвижения «легально-го» разведчика из посольства или консульства.

Остаётся третий вариант, к нему, собственно говоря, Авенин и склонялся. Склонялся, правда, не от хорошей жизни, а методом исключения, потому что первые два не подходили никак. Третий вариант – прислать извне кадрового разведчика для разовой акции. Прилетит такой разведчик как турист, или как бизнесмен. Безусловно, при въезде в страну контрразведка им может и заинтересоваться, теоретически может он попасть под случайную детальную проверку, но при нынешнем потоке пассажиров между Россией и США шансы проскочить – весьма хорошие. Да и не факт, что случайная проверка выльется в длительное наблюдение, как раз скорее «нет», чем «да».

А уже после пересечения границы Штатов – возможны варианты. Может разведчик останется собой, вернее – тем, под именем кого он въехал в страну. Может имя-фамилию сменить, но остаться иностранцем. А может обернуться и местным, каким-нибудь фермером Джоном Смитом.

Впрочем, это – вариант экзотический, и не применяется почти никогда, потому что притворяться местным, если ты в этой местности не жил достаточно долго – дело неблагодарное. Даже если тебе поставили правильный акцент, и документы у тебя есть, и преподаватели в разведшколе тебя тео-

ретически на туземные колориты натаскали. Даже в разношёрстной, многонациональной Америке. Вернее, в Америке как раз – особенно, потому что тут каждый штат и даже каждый городок имеют свои маленькие, но явные тонкости. Где-то за парковку машины платят так, а где-то – этак. Где-то ударение в названии какого-нибудь соуса ставят так как диктуют правила чтения английского языка, а где-то сохранили историческое, французское произношение. Как московский «бордюр» и питерский «порербрик», как «шаурма» и «шаверма». И все такие мелочи предусмотреть невозможно. Не говоря уже об особенностях не только местности, но и всей страны. Слишком уж много часов надо потратить, чтобы, например, выдавая себя за сорокалетнего советского дядьку (но таковым не являясь) правильно ответить на вопросы класса: «Я – тётушка Чарли из Бразилии, где в лесах живёт много-много диких... кого?». Или, выдавая себя за американца, знать что вещество, которого боится Супермен называется именно «криптонит». Чтобы знать про криптонит, надо в обнимку с комиксами детство провести. А знаете кто такой Чарли Браун? Не знаете? Странно... Не знающий кто такой Чарли Браун сорокалетний американец не менее подозрителен, чем сорокалетний русский, не слышавший про зайца и волка из «Ну, погоди!»

Ещё более веская причина, по которой «приезжие» разведчики почти никогда не выдают себя за людей, родившихся в Америке, или даже за людей, живших в США достаточ-

но долго. Причина эта – трудность изготовления документов прикрытия. Конечно же не самих карточек водительских прав, играющих в Штатах роль паспорта – такие-то штуки в лабораториях разведки можно печь хоть миллионами. Главная проблема – не сами пластиковые карточки, а их электронные истории.

В Америке, в городе размером поменьше Бостона или Чикаго общественного транспорта почти нет, и прожить без машины – практически невозможно. По этому каждый американец по достижении восемнадцати, шестнадцати, а кое-где, как в Айдахо, и пятнадцати лет, получает водительские права, о чём немедленно появляется запись в полицейских базах данных. Обновил права через пять лет – новая запись. Выписали тебе штраф – опять запись. Потерял права, получил новые – запись. Продал машину, купил машину, заплатил дорожный налог, поменял страховку – снова записи.

А каждая полицейская машина теперь оборудована терминалом, и если там, где у тебя проверяют документы есть мобильная связь, то есть и Интернет, а значит – есть у дорожного копа доступ к этим самым полицейским базам данных. И как бы хорошо и правильно не выглядела карточка водительских прав, отсутствие электронной истории – верное доказательство того что права твои – поддельные, а ты – не тот за кого себя выдаёшь.

В общем, если ты не местный, то лучше и не прикидываться. Верней, прикидываться-то можно, но со значитель-

ной долей риска, а риск-то как раз в этой операции допустить никак нельзя. Остаётся вариант приезжего. Но приезжий всегда вызывает любопытство обывателей и повышенное внимание спецслужб.

Вот тут-то бы и пригодился агент на месте проведения операции. Хоть самый заваливающий агент, пусть даже непосредственно в операции не участвующий. Агент – это безопасный стол и дом, потому что человек, живущий в отеле некурортного города нуждается в мотивировке пребывания. В принципе, Солт-Лейк-Сити как раз – город курортный, но курорты эти – горнолыжные, а весна там как на грех выдалась ранняя и тёплая, и лыжные трассы вот-вот закроются. Опять же, номер гостиницы – это лёгкая возможность дополнительного контроля за подозрительным постояльцем, потому что администрация отелей и гостиничек всегда и везде всегда дружит с полициями и контрразведками.

Кстати, агент – это и та самая мотивировка пребывания, всегда при проверке гораздо лучше сказать не «Я приехал сюда продавать холодильник, а город этот выбрал случайно», а «Я сюда приехал продавать холодильник господину Шульцу, а вот, кстати, и он, не верите – спросите сами». Агент и местную специфику объяснит не отходя от кассы – до того, как её незнание начнёт вызывать любопытство, и водителем поработает, минимизировав возможность проверки документов в случае маленькой аварии, да много для чего может пригодиться. Вообще, с местным агентом всегда гораз-

до лучше чем без такового.

Казалось бы, что тут сложного, надо просто внедрить человека, дать ему обжиться, а потом и профессионала для проведения операции присылать. Однако тут стреляет второе ограничение, выставленное Сергеем Петровичем – лимит по времени. Некогда агенту обживаться рядом с предполагаемым местом появления Ладьи. Нет сейчас там готового агента – значит, и не появится, операция пройдёт без него.

Без пятнадцати четыре в кармане Аверина вздрогнула мобилка. Валентин Борисович вытащил телефон, развернул его так, чтобы буквы на экранчике не гасились бликами от настольной лампы. Автоответчик высвечивал номер старого друга, сокурсника и однополчанина Валеры Зарипова. Вот именно Зариповский номер Аверину сейчас и не хотелось видеть. Этот звонок сегодня с огромной вероятностью означал что у Валеры серьёзные неприятности.

– Привет, Валерик.

– Привет, Валя. Заедешь сегодня? – голос Валерия Мурадовича казался наигранно-беззаботным.

– Заеду. Когда?

– Когда тебе удобно, я уже дома.

Так и есть. Не надо быть пинкертоном, чтобы связать то, что Аверин прочитал в утренней сводке, и то, что его друг уже дома в четыре часа дня.

– Значит... – Валентин Борисович по привычке подыскал слова для незащищённого канала связи, которым сейчас

пользовался. – ... значит, поруководил?

– Как догадался? Шаман наверное! – ответил Зарипов фразой из анекдота, но без тени иронии в голосе.

– Выезжаю, Валера.

Армейская дружба, как известно – не ржавеет, а курсантская – так и подавно. В правильном подразделении у каждого бойца возникает уверенность, что любой товарищ если и не отдаст свою жизнь за твою, то во всяком случае рискнёт ей чтобы попытаться тебя выручить если понадобится. И ты сделаешь то же самое для каждого из них. А курсантские подразделения – обычно очень правильные. Вот и получают из курсантов друзья на всю жизнь. К счастью, большинству курсантов не приходится проверять на практике утверждение о готовности рискнуть своей жизнью чтобы спасти жизнь товарища, потому что курсантские подразделения – учебные, и воюют редко. А вот Валере Зарипову и Вале Аверину – довелось. Правда, повоевать им довелось уже не курсантами оперативного факультета Высшей Школы КГБ, а лейтенантами Госбезопасности.

Для обеспечения вывода советских войск из Афганистана армией была проведена операция «Тайфун». По разведанным, известным опорным пунктам моджахедов были нанесены воздушные и артиллерийские удары. Конечно же, такими ударами можно было поразить только противника, организованного в нечто похожее на регулярную армию. Так, собственно, и случилось. «Тайфун» нанёс больше всего по-

терь более-менее организованным войскам полевого командира Ахмад-Шаха Масуда, который кстати, по прихоти шутницы-истории позже сделался лидером так называемого Северного Альянса – союзника России в борьбе против афганских талибов.

Партизанские же отряды, представлявшие наибольшую угрозу для советских войск, выходящих из мест дислокации в Афгане идвигающихся в колоннах к советской границе, огневыми ударами, да и вообще армейскими средствами достать очень трудно, практически невозможно. Невозможно по той самой причине, по которой партизанская война так эффективна – армия не знает где партизаны находятся. Поэтому КГБ готовил свою, совершенно отдельную операцию по прикрытию вывода наших войск.

Операция называлась «Раскат», и звучное название было придумано специально для облегчения утверждения этой операции в высоких кремлёвских кабинетах. Впрочем, и звучало это название в основном в Кремле, да разве что ещё в здании Генштаба на Арбате, где офицеры спецназа КГБ договаривались о системе взаимодействия с армейцами, и в «Аквариуме» на Хорошевке, где договаривались с ГРУ. Впрочем, ГРУ в этот момент крутило свою, не менее хитрую операцию. Непосредственные же участники «Раската» знали только о своих – небольших, локальных операциях под другими названиями, а то и вовсе безымянных.

Типичная наступательная операция спецназа – операция

по разрушению системы управления противника. Достигается это уничтожением командиров, и выводом из строя системы связи. В этот раз идея была прямо-противоположной. Выбьешь командира – старшего района, в котором действуют нескольких моджахедских бандачек – это конечно успех. Однако его мгновенно сменит кто-то другой – второй по значимости волк стаи. Разрушишь систему связи – для духов тоже беда небольшая. До того как связь будет восстановлена, банды будут действовать автономно, на своё усмотрение обстреливая наши колонны и устанавливая мины на дорогах. По-этому было решено полевых командиров не ликвидировать, а принудить прекратить боевые действия на время, достаточное для полного вывода наших войск. И систему связи не трогать, чтобы командиры смогли довести решение о приостановке войны до своих бородатых подчинённых.

Как же принудить полевого командира приостановить боевые действия? Да очень просто – его надо напугать. Страх – вообще очень хороший мотиватор. Можно ли напугать лидера моджахедов, бесстрашного воина Аллаха, человека, который и так почти ежедневно рискует своей жизнью? Можно. Потому что напугать его нужно всего лишь на время. Донести до него убедительное сообщение; «Приостанови боевые действия всего-то на пару недель, а там – конец войне. А если не приостановишь...» В общем, теперь главное – сделать так, чтобы сообщение получилось достаточно убедительным.

Примерно за два месяца до начала операции «Раскат»

спецназ КГБ прекратил все силовые акции в Афганистане, активизировав акции разведывательные. Были выявлены базы, используемые полевыми командирами, командирчиками и командиришками, примерные графики их перемещения, кишлаки, где живут родные и близкие, расположение строений в кишлаках, и схемы их охраны. Радио-техническая разведка выявила систему радиосвязи, время сеансов, частоты и позывные. Надо заметить, что добытыми разведанными с армейцами не делились, справедливо полагая что у тех соблазн ударить по разведанным целям будет слишком велик.

План операции предполагал одновременную атаку по двум типам целей. Первый тип – базы, командные пункты командиров моджахедов, причём те, на которых командиров нет. Второй тип – населённые пункты, где находятся семьи моджахедов. Цели второго типа были гораздо более сложные, можно сказать – ювелирные, потому что сами семьи не должны были пострадать вовсе – нельзя давать врагу повод для мести. А вот охрана, состоящая при семьях, должна была пострадать по полной программе. Атаковать, подавить сопротивление – и сразу же отойти.

А ещё во время атаки к полевым командирам на выявленных частотах должны были обратиться люди, прекрасно говорящие на фарси, пушту, арабском, таджикском – в зависимости от родного языка конкретного командира. Люди эти должны были объяснить, что такая-то база была атакована не потому, что мы думали что командир этот как раз там – во-

все нет, мы как раз знаем что командир этот – на другой базе, а конкретно – на такой-то. И такое-то село было захвачено не просто так, а потому что мы знаем, что семья командира именно там проживает. Ну, а потом добавить то, ради чего всё и затевалось: «Прекратите активные действия до вывода советских войск, или мы повторим, только без теперешнего гуманизма. А возможности наши вы сами видите.»

Такая грандиозная операция требовала гораздо больше сил, чем было в спецназа КГБ, по-этому разведгруппы дробили на две, а иногда и на три части, и опытный костяк дополняли до полного состава тем, что нашлось. А нашлись конечно в первую очередь младшие офицеры, которых секретным приказом Председателя КГБ вызвали на переподготовку в учебный центр в подмосковной Балашихе, а оттуда самолётами преместили в филиал центра в Таджикистане. Через две недели горной подготовки, учений и стрельб лейтенанты, старлеи и капитаны были назначены на должности стрелков-разведчиков, соответствующие званию «рядовой», однако в спецназе КГБ обычно занимаемые сержантами-сверхсрочниками или прапорщиками.

Вот так Валя Аверин и Валера Зарипов и застали самый хвостик войны «за речкой». Вернулись без потерь, без ранений, с медалями «За Отвагу», и с правильными записями в личных делах, лежащих где-то в подвалах ГЗ – «Главного Здания» на Лубянке. Правда, официально участниками боевых действий не стали, может быть через пятьдесят лет, ко-

гда операцию «Раскат» рассекретят... Хотя, тогда конечно будет уже всё равно.

Подходя к подъезду во дворе дома Зарипова, Валентин Борисович увидел Валерика ещё издали – тот медленно прохаживался по тротуару, явно убивая время в ожидании товарища.

– Нинка дома. – не дожидаясь вопроса сказал Валерий Мурадович. – Я ей, конечно, ничего не рассказывал, но баба – она сердцем чувствует. Да и не дура. Смотрит на меня щенячьими глазами, как будто мне ноги отрезало. Не могу больше эту панихидку терпеть. Пойдём, Валёк, лучше в кафе посидим.

Вышли на Проспект Мира, прошли двести метров до уже знакомого Аверину заведения – тут они сживали и раньше. Зал был практически пустым, заняли дальний столик в углу, подальше от прочих посетителей. Официантка принесла графинчик с водкой. Налили, чокнулись, грустно выпили без тоста. Ситуация как-то такая, соболезнований и утешительных речей не требовала, требовала просто присутствия. Зарипов знал, что Аверин в курсе происшедшего ночью, без деталей конечно, и уж конечно догадывается о том, что карьера Валерия Мурадовича скорей всего безнадежно сломана, а Аверин знал что Зарипов знал – к чему слова? Ещё раз налили, ещё раз выпили.

– Когда подскочили две машины СОБРа... – словно продолжая прерванный рассказ, начал Зарипов. – Мой старшенький в машина связи сидел. А спереди в наружке – лей-

тенант прошлогоднего выпуска, совсем зелёный лейтёха... Пока он со старшим связался, СОБРята уже из микроавтобусов высыпали, наружную дверь сломали, построились «колбасой», стволами ощетинились и – внутрь. Пока лейтёха до рогу перебегал, пока корочками махал – внутри уже автоматы начали молотить, в общем – поздно. Я потом туда ещё раньше следственной группы успел, поговорил с капитаном ихним, который захватом руководил. А чего ему? – «Нам сказали – мы сделали». Пришла типа оперативка, там-то и там-то – особо опасный, по ментам шмаляет без раздумий и особых душевных терзаний. Он, этот капитан-то, небось и бойцов соответственно проинструктировал. Здание – нежилое, одни офисы, ночь уже практически. Соответственно – неоткуда заложникам взяться, если по-быстрому прижать гада прямо в помещении. Они и ломанулись прижимать. Внутреннюю дверь, которая в комнату, и вышибать не пришлось – открыта была. А бандюга уже ствол обнажил – АПС между прочим.

Аверин кивнул, примерно понимая куда повернулась история, если на сцене появился АПС, он же Автоматический Пистолет Стечкина, или просто «Стечкин». Этот большевский брат ПМа – Пистолета Макарова как нельзя лучше подходит для скоротечных схваток на коротких дистанциях, потому что умеет стрелять очередями.

– Китайцем прикрылся, гад, – скривился Зарипов. – и в первого бойца – очередь. Расторопный, гадёныш. А может

– просто услышал как внешнюю дверь вынесли, к неприятностям изготовился и заранее ствол обнажил.

Валентин Борисович закурил. Зарипов взглядом указал на пачку, Аверин протянул сигареты и ему. Затянувшись, Валерий Мурадович продолжил:

– Ну вот, шарахнул очередью, и, заслонившись китайцем – в угол. За дверь, в мёртвую зону – там дверь внутрь открывается. Боец первый был с бронещитом, ему практически и не перепало, все пули – или в щит, или мимо. Но его, везунчика такого, откинуло ударом на второго бойца. А третий в колонне, который только в створ двери входил, видя такую войнушку, не очень долго думая шарахнул пол-рожка прямо сквозь дверь – туда, откуда стреляли. В общем, ожидаемая реакция, учитывая что приказа брать живьём любой ценой не было. Ну и попал конечно. В бандюге – пять путь, в китайце – шесть. Одна из них – в глаз. Естественно, навывлет, затылок – в кашу.

– Ну и ..? – спросил Аверин.

– Ноту китайцы уже выкатили.

Нота успела попасть в утреннюю сводку, так что о ней Аверин прочитал сразу после параграфа о случайной гибели выявленного китайского разведчика – сотрудника посольства в во время операции по захвату преступника.

– Про ноту знаю. – перебил Валентин Борисович. – У тебя, Валер, что? Временно отстранён?

– Ага. До выяснения...

Зарипов положил сигарету на край пепельницы, и потянулся за водочным графинчиком.

– Уеду на фазенду под Тулу, буду на веранде чай гонять. Со смородиновым вареньем.

– Валер, ты не спеши. Виноваты-то исключительно «соседи».

– С самого верха идёт волна, Валя, с самого-самого. – Зарипов для убедительности поднял палец, указывая на потолок. – Мы ж с китайцами теперь друзья. «Сталин и Мао слушают нас...», или как там было? А головы «соседей», Валя, уже на колах у Спасских ворот. Я имею ввиду «соседей» моего калибра, а вообще, того и гляди – всё руководство МВД сменится после этого. Хорошо если у нас мной обойдутся. Вот же татарское счастье... И хорошо если просто на пенсию, слава богу – выслуги хватает.

Аверин мельком подумал что в последнее время видит такой жест и слышит про «самый верх» пожалуй слишком часто, и промолчал. Возразить было нечего. Как это не прискорбно, Валерий Мурадович в своих прогнозах был скорее всего прав. Убийственный сарказм ситуации заключался в том, что сработай служба Зарипова кое-как, проморгай она китайского шпиона, или просто упусти его в тот вечер – и никто сейчас не стал бы Валерия Зарипова виноватить. Даже если бы наружка контрразведки не попыталась бы СОБР остановить, а тихо ушла бы, то сейчас ерша вставляли бы исключительно «соседям» – МВДшникам. Ан нет, теперь нач-

нётся разбор полётов: «Убили китайского дипломата? – Убили. – Кто присутствовал? – МВД и ФСБ. – А ну, подать сюда Ляпкиных-Тяпкиных, ответственных с обеих сторон...». И ведь МВД и из чувства самосохранения, и из давней «любви» к коллегам-конкурентам изо всех сил постарается ответственность располовинить по-братски. А влияния наверху у них сейчас скорей всего хватит, про смену руководства МВД – это, пожалуй, скорее для красного словца... МВД сейчас – на коне.

Аверин вопросительно вздёрнул подбородок, взглядом указав на графинчик. Зарипов кивнул, и Валентин Борисович снова наполнил рюмки, себе налив только до половинки. В графинчике оставалось совсем немного.

«Надо будет заказать ещё, и не раз.» – подумал Аверин. – «Сегодня Валерку надо как следует напоить, буквально чтоб был черней государевой шляпы. Не каждый день мужику карьеру слепой случай ломает. А завтра проснётся – будет уже легче.»

– Ну вот, – поднял рюмку Валерий Мурадович. – подполковнику Зарипову присваивается очередное воинское звание – подполковник запаса! – и выпил не чокаясь. Замолчал, опустив голову, и бессмысленно катая указательным пальцем скомканную салфетку на столе.

Аверин только чуть пригубил – ему-то надо было завтра быть «в форме», поставил рюмку, и задумался. То, о чём они говорили до этого секретной информацией не являлось, ну

максимум ДСП – «Для Служебного Пользования». А вот то, о чём Аверину хотелось спросить сейчас, должно было бы обсуждаться в защищённых от прослушивания помещениях, но спросить хотелось. Если бы Валентин Борисович работал не на североамериканском, а на китайском направлении, он конечно знал бы ответ и сам.

– А что коллеги-китайцы?

Зарипов понял. Чуть приподнял и опустил плечи, как бы говоря «ничего об этом не знаю», отрицательно покачал головой. Спросил в ответ:

– А у вас?

– И у нас...

Ну вот, неприятностей прибавилось. У контрразведки переговорного канала с китайскими спецслужбами, оказывается, тоже не было.

Сотрудники спецслужб одной страны, сталкиваясь с сотрудниками спецслужб страны другой, обычно имеют совершенно противоположные интересы. Наши разведчики стремятся проникнуть на чужой военный объект и поработать там какое-то время с камерой, а контрразведчики хозяев объекта, напротив, всеми силами стараются таких фотосессий не допустить. Чужие шпионы с удовольствием бы разжились документацией на нашем авиационном заводе, но это никак не соответствует устремлениям отечественной контрразведки. Спецслужбы – организации силовые, так что стремление решить поставленную задачу самым радикаль-

ным и эффективным путём (а именно силой оружия) – желание в общем-то логичное и вполне естественное. Эл Капон говаривал: «Пистолетом и добрым словом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом», и прав ведь был, стервец.

Однако применение оружия одной стороной неизбежно вызовет месть со стороны другой. Все спецслужбы – системы зубастые, и все стрелять умеют, и своих – защищают. А случай выстрелить в ответ рано или поздно подвернётся. Вы убили нашего сотрудника – а мы у вас двоих уложим, чтоб впредь неповадно было. Вы у нас двоих, а мы у вас – четверых, будете знать как с дураками связываться!. Такой обмен ударами по принципу «зуб за зуб, око за око» называется «война разведок».

Если бы какой-нибудь Джеймс Бонд действительно вздумал бы палить по агентам КГБ как в кино, укладывая людей пачками, то можно быть уверенным – в ближайшие часы в разных уголках мира погибнет столько же или больше коллег и соратников Джеймса Бонда – сотрудников британской МИ-6, причём понимающему человеку обстоятельства гибели однозначно укажут на КГБ. А вот за что им «прилетело», руководители МИ-6, зная о подвигах Бонда, и сами догадуются.

Надо заметить, что никто от такого развития событий не выигрывает, кроме, пожалуй некоторых непосредственных участников событий, жаждущих мщения за павших товари-

щей. Из-за обменов ударами гибнут люди, срываются операции, обостряются международные отношения. По-этому, для предотвращения эскалации войн разведок, между спецслужбами создаются переговорные каналы – неформальные контакты, позволяющие прояснить ситуации, договориться о взаимных уступках, иногда даже просто извиниться, если обмен ударами произошёл случайно. Переговорные каналы существуют не между всеми спецслужбами, а только там, где это действительно нужно. С большущей Бразилией, например, переговорный канал не нужен, потому что наши спецслужбы практически никогда не сталкиваются. Не нужен переговорный канал и с какой-нибудь Эстонией. А вот с Израилем, население которого побольше чем у Эстонии, но поменьше чем у Москвы переговорный канал нужен обязательно, потому что спецслужбы израильские – активные, и сталкиваемся мы с ними часто и повсеместно.

А теперь раздувшаяся на экономических стероидах китайская разведка метеором ворвалась в круг «взрослых» спецслужб – главных участников игрищ мастеров плаща и кинжала. И тут убит китайский дипломат. «Дипломат», или «сотрудник посольства» для понимающих людей обычно напрямую транслируется в «разведчик». Итак, убит китайский разведчик. Убит российскими силовыми структурами. Официально. Срочно нужен переговорный канал к китайским спецслужбам. А нету-ти его ни у разведки ни у контрразведки, не узаботились, не считали Китай серьёзным игроком, на

потом откладывали.

«А ведь китайцы-то скорей всего стрелять начнут.» – подумал Аверин – «Просто чтобы не потерять лицо, просто чтобы остальные не посчитали их трусливыми бесхребетниками, просто чтобы с ними считались...»

Валентин Борисович прекрасно представлял себе, что если канала обмена информацией с китайцами на момент не существует, то до разрешения текущего кризиса не появится. Создание такого канала – дело не мгновенное, потому что, как это не парадоксально звучит, должен возникнуть определённый уровень доверия между представителями противостоящих спецслужб. Нет, конечно организовать передачу информации между спецслужбами можно очень быстро, но не на прямую, а «через верх». От нашей контрразведки – к правительству, оттуда – к дипломатам, от дипломатов – к китайским дипломатам, к китайскому правительству, а потом и к их разведке. Только информации такой грош – цена. Во-первых, никто ей не поверит, сочтут провокацией, игрой, дезой. Во-вторых, «испорченный телефон» получится, будут по такому каналу циркулировать сообщения типа «казнить нельзя помиловать», с произвольным расставлением запятых, и произвольными же ответными действиями. А в третьих – не получится секретного канала, потому что спецслужбы всегда служат своей стране, а вот политики – когда-как.

Зарипов поднял на Валентина Борисовича уже изрядно

захмелевшие глаза.

– Да ну их, Валя, проблемы эти служебные... а давай водки выпьем?

Валерий Мурадович обернулся в сторону бара и призывно помахал рукой официантке. Мазанул взглядом по соседнему столику – тому самому, за которым сиживал накануне.

– Кстати, Валёк, – Зарипов на миг оживился, словно радуясь тому, что нашёл тему, никак не связанную с проклятым мёртвым китайцем. – я тут буквально вчера, вот за тем столом наскочил на одну презабавнейшую личность. Эмигрант, из наших. Я курсанта натаскивал, практиканта моего. Курсант слегка напорол. Ну, эмигрант этот подскакивает к нам с кулаками, «Да вы...» – говорит – «...контрразведка?! Да чего же вы... » – говорит – « ...ко мне лезете? Да ведь я же НАШ!». Кроме шуток – чуть ли не в драку. Забавный такой дурачок.

– А откуда дурачок-то? – рассеянно спросил Аверин, всё ещё погруженный в свои мысли.

– Из Юты, из Солт-Лейк-Сити.

– В самом деле? – ещё более меланхолично осведомился Валентин Борисович, по привычки избегая демонстрировать профессиональную заинтересованность даже старому другу. – А расскажи-ка, Валерик, поподробнее...

09. То ли девочка, то ли видение

Всегда, когда ожидаешь от какого-нибудь мероприятия слишком многого – разочаровываешься, даже если всё про-

шло замечательно. Если событие получается «супер», а не «супер-супер-супер», всё равно остаётся смутное чувство что тебя в чём-то бессовестно надули. Вот и с встречей одноклассников получилось также. С одноклассниками Саше нешуточно повезло – часто ли из школ выходят компании, которые продолжают встречаться чуть или не ежемесячно через двадцать лет после выпуска? – Вот то-то... Впрочем, Александр считал что в том, что компания не рассыпалась есть и его немаленькая заслуга. Его, и Бориса – одноклассника, однокурсника, и практически брата.

Как это обычно случается, их одноклассники в институтах, университетах, и прочих высших учебных заведениях за пять лет обросли новыми друзьями. Однако, когда Саша и Боря, отучившись в Питере вернулись в Первопрестольную свежеиспечёнными лейтенантами, у них такой компании не было. Вот и начали они «тянуть одеяло на себя», регулярно собирая друзей и подруг по выпуску из Школы №235. Хороший номер был у их школы кстати – как у оружейного урана.

Кто-то временно выпадал из компании, кто-то возвращался обратно, но так или иначе – компания жила. Выпадения обычно случались после женитьб и замужеств, потому что существовало железное правило – на встречи приходиться без «хвостов». Не пускает тебя муж, или, к примеру – супружница на однокласснический разгуляй – сиди дома. Или, в крайнем случае ври, изворачивайся, придумывай командировки или поздние совещания, (как если надо на любовное свидан-

ние улизнуть) но семейный «хвост» на мероприятие тащить не могли, на этих мероприятиях – только свои.

Вот и сегодня были только свои – без мужей и жён. Вернее, без мужей и жён, которые не были одноклассниками – многочисленные романы внутри компании закончились-таки единожды обоюдными штампами в паспортах, и одна «официальная» пара в рядах всё же была. Встретились и покутили в общем-то мило, но вот до «супер-супер-супер» дело не дошло. Кабачок, в котором сняли зал, закрывался в полночь, Вот и сложилось у Саши чувство обманутости и незавершённости праздника, как всегда получилось что вот чуть-чуть, вот самую малость – но всё же недогуляли.

Саша попытался было подбить народ на смену места, но идея поддержки не нашла, и почти все отправились по домам, сославшись на то, что завтра – рабочий день. Саше-то, типа, хорошо в отпуске, а вот остальным – завтра с утра на работу. Осталась одна Аннушка. Рабочий день у неё был гибкий – настолько гибкий, что раньше обеда в офисе её никогда и не ждали, так что спать Аня не спешила. А поверх этого была Аннушка девушкой куражной, и клубную-ресторанную Москву знающей с самой что ни-на есть практической стороны. В прошлые приезды в Москву именно Аннушка занималась Сашиним просвещением, устраивая поездки во всякие гламурно-готичные заведения, а иногда, в соответствии с фантазиями заокеанского отпускника, и всякие нестандартные мероприятия – вроде катаний на теплоходи-

ках по Москве-реке, или распития коньяка в автомобиле на Тверской. Очень уж тогда Саше захотелось в машине поалкогольничать, просто из вредности, потому что в Америке на это – большой запрет. Есть там такое правило, правило «открытого контейнера» – типа если есть в салоне открытый контейнер, в смысле – бутылка с алкоголем и без пробки, то водитель автоматически считается пьяным, и, соответственно, немедленно отправляется в тюрьму, а потом получает то, что за пьяным вождением следует – штрафы платит, на курсы всякие ходит принудительно, и дальше по списку.

На этот раз решили ничего экстраординарного не устраивать, потому что встреча одноклассников – это само по себе событие. В ресторан не ходить, потому что сытые, и от клубов воздержаться, потому что танцевать уже сил нет, а под громкую музыку тяжело общаться. Вечер должен был закончиться тихо, почти по-семейному. Аннушка предложила заехать в какую-то ночную кафешку где-то у Чистых Прудов, знаменитую своими пирожеными и кальяном. А Саша согласился, понимая что требовать продолжения банкета в питейном заведении просто нечестно, потому что Аннушка «на колёсах» и пить не может, а Саша свою добавочную рюмку коньяка в любой московском кабаке найдёт – тут вам, слава богу, не Юта. Это в Юте весь алкоголь в час ночи должен быть не то что недоступен посетителям заведения, а ещё и убран в шкаф и закрыт на замок, а в благословенном Отечестве законы правильные и для человеческой жизни удобные.

Маленький смешной Аннушкин «вольвешник» (точную марку Саша не знал, потому как эта модель в Штатах не присутствует) домчал их до места в пять минут. Припарковались прямо в уезда в кафе – ночью в будний день и в центре Москвы с парковками нормально, вот всегда бы так. Впрочем, пока не изобретут какие-нибудь летающие аэрокары, ситуация с трафиком и парковкой в старых мегаполисах вряд ли изменится. Это новенькие города проектировались так, чтобы транспорту было удобно. А города старые – они же выросли из деревень, и строились исходя из совершенно нетранспортных соображений – чтобы наших можно было защищать внутри стен, а чужих, напротив, внутрь стен не пускать ни в коем случае.

Уселись на мягких кожаных подушках у низенького столика в полутёмном зале. Официантка оставила меню со списком пирожных и ушла, обещав принести кофе как только сварится, коньяка Саше – немедленно, и так же немедленно прислать кальящика. Саша посмотрел в меню и растерялся – список разных сладостей занимал четыре страницы. Да и названия типа «Пражского клубничного счастья» Саше ничего не говорили и ясности отнюдь не добавляли. Однако Аннушка, бывавшая тут достаточно часто, обещала что всё что надо выберет сама, а впрочем, и ошибиться с выбором трудно – всё вкусненькое, как водка и самогон в том анекдоте про селянку.

Если честно, Саша собирался напроситься к Аннушке в

гости, да и остаться у неё на всю ночь. Впрочем, если бы и не собирался, поприставать влѣгкую к девушке в такой ситуации надо обязательно. Просто чтобы поддержать статус кво. А то подумает девушка что ты её совсем не хочешь, да и расстроится. А девушек – их же беречь надо, а одноклассниц – особенно. Одноклассницы – они на всю жизнь. Как это ни странно, у Саши с Аннушкой до постели никогда не доходило. Вот с другими одноклассницами было всякое, от бурных романов до мимолётного «дружеского секса» – была в их в компании приказка: «Одноклассницы – они как сѣстры. Только с ними ещё и спать можно.» А вот с Аннушкой как-то не складывалось. То у Саши было что-то серьёзное, а значит не до прочих фемин, то у Аннушка была в самом начале отношений, и, соответственно, на других мужчинок вовсе не смотрела. А иногда всё начиналось очень хорошо, но расстраивалось по совершенно неизвестным Саше причинам. То-ли Саша делал что-то нетак, то-ли Аннушка решалась на «секс из вежливости», но передумывала. У американцев «секс из вежливости», кстати, называется ещё хуже – «mercу fuck», «мёрси фак» что-то вроде «трах милосердия».

Впрочем, нет – у девушек «секса из вежливости», пожалуй, и не бывает. Это у мужиков, бывалыча, пойдѣшь в гости, все выпили влѣгкую, хозяева оставляют ночевать, а кроме тебя остаѣтся девушка, нормальная такая, миленькая, смеѣтся вовремя, но из тех к кому «в мирное время» клинья бить бы не стал. А девушка на тебя смотрит щенячьими глазами, у

неё явно на тебя планы. Ну зачем человека обижать? – Тебе типа всё равно, а ей приятно. Вот и остаёшься на ночь, предворительно девушке объяснив что у тебя в счастливом браке четверо детей, и ещё подруга беременная – просто чтобы девушка далекоидущих планов не строила. В общем, про «секс из вежливости» с женской стороны Саша даже никогда и не слышал. Вот «спасательно-выручательный» секс – да. Это когда у тебя сердце разбито вдребезги от несчастной любви, пожалуешься какой-нибудь подруге именно из разряда друзей, ну например – однокласснице. А она берёт тебя за шкирятник, и затаскивает в постель почти насильно, однако из чисто гуманистических соображений – чтобы тебе легче было. А утром – уже и правда легче, по-этому такой секс – именно «спасательно-выручательный». Такой от девченок ожидать можно, а вот «секс из вежливости» – вряд ли.

В общем, что там сейчас у Ани с личной жизнью Саша не знал, однако собирался проверить это эмпирическим путём – натурным экспериментом. Обстановка располагала, в зале по позднему времени они были одни, полутьма, тихая музыка – ну что ещё одинокому-на-вечер мужчине в обществе одинокой-на-вечер женщины надо? Тем более, если они явно друг-другу не противны, и знают друг-друга с прошлого тысячелетия, так что какая-нибудь постельность уж точно не обернётся разбитыми сердцами и несбывшимися надеждами.

И только Саша собрался было натурный эксперимент на-

чать – пересесть со своей подушки на Аннушкину, чтобы быть поближе – приобнять, прижаться бедром, да и уговорить бросить машину и выпить чего-нибудь этакого, (алкоголь, он, знаете ли, в деле пристаивания всегда и всем помогает) как в зал в сопровождении официантки вошла ещё одна пара. Молодой человек не раскрывая меню сделала заказ, и официантка удалилась профессионально-породистой походкой. Саша краем глаза наблюдал как парочка будет усаживаться. Дело в том, что грациозно усесться на такую подушку невозможно – слишком низко она от пола, и слишком легко изменяет форму под весом человека. Любое усаживание на такую подушку, а вернее – мешок набитый чем-то мягким – это скорее контролируемое падение. Однако парочка уселась весьма ловко, продемонстрировав то-ли недюженный опыт, то-ли ловкость по-жизни.

Аннушка, не прерывая дружеского трёпа – она как раз рассказывала как справляла Новый Год во Вьетнаме, в компании своих «серферских» подружек, которых Саша видел пару раз – начала усиленно показывать глазами в сторону только что вошедшей парочки. Саша украдкой посмотрел в ту сторону и понял к чему такие многозначительные взгляды, хлопанья ресницами, и томные вздохи. Миниатюрная девушка сидела к Саше спиной, а молодой человек как раз «в фас» – на него-то Аннушка и указывала украдкой. Парнишка на вид был чуть помладше их, не намного – на пару лет, ну, от силы на пять. Поджарый, немного похожий на добер-

мана-пинчера. Под носом – короткая щёточка усов офицерско-белогвардейского вида. Но главное – он был совершенно лысым. Неширокая полоска небритости над ушами и на затылке указывала на то, что бреется он не для авантюжности, а потому что на макушке (где небритость вовсе не просматривалась) волос не осталось. Стёр, типа, добрый молодец волосы на чужих подушках.

Саша улыбнулся и понимающе кивнул Анне – её страсть к лысым мужикам была общеизвестна, и нередко служила темой для шуточек.

«Вот тебе обратная сторона бытия одноклассником, другом и братом.» – беззлобно хмыкнул про себя Саша – «Ты с девушкой практически на свидании, а она тебе демонстрирует приязни к совершенно посторонним дядькам.»

Решив влёгкую поддразнить Аннушку, Саша наклонился через стол и сказал тихо:

– Между прочим усы носят только геи и полицейские.

Аннушка, не соглашаясь покачала головой, подмигнула, и мечтательно подняла глаза к небу, демонстрируя насколько для неё этот лысый тип – желанный сахарный пряник и душка.

– Что, козявка, небось будь он один ты бы сейчас своими женскими чарами его раскатала как на блюминге? – так же тихо спросил Александр, в свою очередь подмигнув.

Аннушка опять ответила жестом, так же мечтательно подняла глаза и пожала плечами – мол, кто знает?

«И правда – кто знает?» – подумал Саша. – «Сидят-то они как мы с Аннушкой – через стол. Влюблённая парочка усе-лась бы рядом. Разве что они долго женаты, так долго, что им уже друг на друга всё равно.»

–Ладно, красавица, ты – за старшую, можешь даже глазки построить этому своему лысому чибису , а я... я сейчас вер-нуть. – негромко сказал Саша и отправился в туалет.

Над писуаром в стенку был вделан плоский экран, пока-зывающий какую-то музыкальную фигню.

«Ндаа... прогресс не остановить.» – подумал Саша. – «А всё ж с гламурностью – некоторый перебор. Или это не пе-ребор – это просто я такой дикий?»

Вымыл руки, включил воздуходувку. Воздуходувка была точно как в Америке – чтобы высушить руки надо простоять около неё минут пятнадцать, не меньше. С мокрыми паль-цами не покуришь, и Саша решил вытереть руки бумагой, заглянул в кабинку, и увидел ещё одну гламурность – на туа-летной бумаге были напечатаны сто-евриковые купюры.

Возвращаясь в зал, Саша прошёл мимо входной двери, не удержался и выглянул на улицу – он до сих пор не мог на-смотреться на Москву. Через дорогу виднелся бульвар. Или парк какой? Если честно, хорошо Москву Саша не знал да-же когда здесь жил всё время. А сейчас как говориться не знал, не знал – да ещё и забыл. Позорище в общем, тоже мне москвич.

Саша достал сигарету, зажёл, затянулся пару раз, смотря

на тёмные силуэты деревьев. Потом вспомнил что, опять же, тут вам не Юта, и в помещениях можно курить – демонстративно зажал сигарету в зубах и отправился обратно в зал.

Войдя в полумрак зала Саша притормозил, чтобы глаза привыкли к темноте, и удивился ещё раз – парочка уже сидела за их столом, причём лысый доберманистый парень – рядом с Аннушкой, а напротив, недалеко от Сашиной коньячной рюмки сидела спутница лысого. Перед спутницей стоял высокий стакан со льдом в какой-то прозрачной жидкости и с листиком мяты, такой же стоял перед Аннушкой. А вот перед лысым стояла коньячная рюмка, сестра-близняшка Сашиной. Впрочем, судя по уровню коньяка, у Саши рюмка тоже была новой – старую-то он почти допил.

– Сашик, это – Евгений, а это – Ольга. Они тоже одноклассники, представляешь какое совпадение... – прошептала Аннушка.

– Дорогая, ты уже рассказала что мы женаты двадцать пять лет, и у нас шестеро детей? – спросил Саша тоном мужа-тирана. По тому, как все вежливо-понимающе засмеялись, и по взгляду, который Аннушка бросила на своего лысого Евгешу в общем было прозрачно что однокласснические отношения уже были разрисованы во всех деталях. Естественно с упором на то что Аннушка с Сашей – просто друзья, и дружба – исключительно плотоническая, а соответственно Аннушка – девушка свободная. Евгений промитировал на сколько это было возможно вежливое вста-

вание, пожал Саше руку, и упал обратно на подушку, совершенно естественно закинув руку Аннушке за спину, а та тоже в свою очередь слегка откинулась назад, и начала что-то негромко говорить, старательно строя глазки.

«Вот как значит...» – подумал Александр. – «Ловка однако подруга. Одним элегантным движением гранички прочертила, разделила компанию пополам, однозначно давая понять кто – с кем».

В общем, против такого Саша вовсе и не возражал. Во-первых, девушка с ним рядом сидела весьма симпатичная, во-вторых – ну не портить же Аннушке рынок? Саша-то уедет обратно в Америку, и неизвестно-когда вернётся, а Аннушке тут оставаться. Вдруг это – та самая большая лысая любовь на всю жизнь? Как в том анекдоте: «– У каждой женщины, внучка, должна быть одна большая любовь на всю жизнь. – Бабушка, а у тебя конечно это был дедушка? – Нет, внученька, у меня это – моряки!».

Саша критически осмотрел Евгения, шушукающегося с Аней, и, пожалуй, остался доволен. На вид достаточно приятный тип. Улыбается хорошо, на Аннушку смотрит правильно – без показного обожания и сиропности, но весьма заинтересованно. Аннушка конечно сама девушка взрослая, в людях разбирается и к сумасбродствам несклонная, однако Саша считал что он на правах старого друга обязан оценить ситуацию. Ну что ж, ещё один простенький тест...

–А не выпить ли нам за знакомство? – сказал Саша по-

громче, чтобы его услышала сладкая парочка на противоположном краю стола.

Потянулись вперед, чёкнулись. Евгений выпил браво, погусарски подняв локоть. До дна выпил, не посмотрел что коньяка в такой рюмке изрядно. Молодец в общем. Коньяк-коньяком, а за знакомство надо до дна. Во всяком случае нам – мужикам.

Саша поставил на стол пустую пузатую рюмку, махнул рукой официантке, выжидательно подпирившей косяк у входа в зал, провёл эллипс пальцем над столом, давая знак повторить коньяка ему и Евгению, потом вопросительно-строго посмотрел на Аннушку, указав взглядом на её уже полу-пустой стакан.

– Сашик, я помню про машину. Это – безалкогольный Мохито. Женя принёс, а то официантку недокричишься. – сказала Аннушка, и посмотрела на лысого Женечку с таким видом, будто он не сбегал в другой зал к бару и принёс напитки, а изобрёл не только безалкогольный Мохито, но и вообще процесс употребления жидкостей внутрь. Впрочем, Евгений отреагировал опять же правильно – щёки не надул, говоря своим видом что-то вроде «Да всегда пожалуйста, я, такой герой, ещё и не это могу!». Так, кивнул слегка и всё. В общем, ещё раз – молодец.

«Ну чтож, осмотр будем считать условно произведённым. Нормальный такой крендель – товарищ Котовский. Пусть Аннушка развлекается...» – решил Саша, и перевёл взгляд

на свою подушечную соседку.

Соседка была чертовски хороша. Как это Саша раньше не заметил? Небольшая, на манекенщицу конечно не потянет по росту, но неестественно-худосочные девчёнки манекенистого типа Саше в общем-то никогда особенно и не нравились, а нравились – разные. А эта была – вот как раз правильная. Да что там правильная – чертовски красивая. Русские девчёнки вообще красавицы, а москвички – особенно, но эта... Как говорится: «Аж зубы сводит.»

«Хорошо что хоть в джинсах, а не в каких-нибудь мягких штанах, а то наверное слишком заметно было бы...» – мелькнуло в голове. – «Странно как, а ведь и парой слов ещё не перекинулись...»

Аннушка и Евгений сидели уже совсем не по-детски обнявшись, и Аннушкины пальцы скользили по бедру лысого, причём отнюдь не с внешней стороны.

– А Вы, Оленька, москвичка? – задал Саша совсем уж дурацкий вопрос. Просто надо было сказать хоть что-нибудь.

– Сашик, мне надо кое-что из машины достать, проводи меня пожалуйста – перебила Аннушка.

Саша неуклюже поднялся с предательской подушки, а Оля покосилась на Сашины штаны, наглядно иллюстрирующие тот факт, что Оля ему действительно нравится, и подняла лукавые глаза, однозначно говорящие что она – девушка наблюдательная, и иллюстрацию заметила и оценила.

«Да чёрт с ней, пусть смотрит, лучше уж так чем никак.

Взрослые же люди-то...» – подумал Саша, перестав сгибаться вперед для маскировки иллюстрации – «Однако всё же странно. Вот же, Москва и отпуск. Как в юности прямо после медленного танца. Или как будто маленькую синенькую таблеточку заглотив случайно».

Аннушка за руку буквально вытащила его из зала, однако к машине не пошла. Развернулась, посмотрела в упор. На щеках румянец, глаза горят. Такой Саша её никогда раньше не видел, он до этого считал что у Аннушки темперамент – средний, ну может – чуть выше среднего, но никак уж не нимфоманка, а тут... Ну надо же.

– Сашик-котик, я сейчас с Женей уеду, ладно? А тебя или Оля подбросит – она на машине, или такси поймаешь, хорошо? – и не дожидаясь ответа: – Спасибо, спасибо, спасибо!

Аня чмокнула Сашу в щёку, метнулась обратно к входу в зал, и энергично замахала Жене рукой. Обменявшись с Евгением вежливыми кивками и посмотрев вслед быстро прошедшей мимо, почти бегущей парочке, Саша хотел было удивиться, но ему откровенно было не до того – Сашу как магнитом тянуло обратно в зал – к Оле. К Оленьке.

Ольга очень правильно посмотрела снизу вверх – так умеют только очень желанные девчёнки, и подвинула к Саше полную рюмку коньяка, очевидно, принесённую официанткой в его отсутствие. Однако рюмку Саша благоразумно брать не спешил – предстояло падение на подушку. Подушка на этот раз показалась чрезвычайно правильной – сейчас они

с Ольгой сидели так, что ближе некуда. Ох, как же чудесно пахли Олины волосы...

Ольга подняла на Сашу большущие глаза.

«А глазищи-то у неё, оказывается, зелёные... или синие? В полутьме на чёрно-белом зрении и не поймёшь...» – подумалась Саше, и тут мысли закончились. Надо было бы сказать что-нибудь умное, но... вот уж воистину бог дал мужчине мозг и сами-знаете-что, но недостаточно крови чтобы использовать оба эти органа одновременно.

– Экая Вы, Оленька, прелесть. – прошептал Саша очередную банальность.

– Сашенька, если уж мы сидим так близко что Вы, как честный человек, скоро будете вынуждены на мне жениться... – улыбнулась Оля. – может перейдём на «ты»?

– На брудершафт? – обрадовался собственной идее Саша, прикидывая, как бы дотянуться до коньячной рюмки не отодвигаясь от Оли. Отодвигаться не хотелось ни на секунду.

Оля сама скользнула змейкой, подхватила коньяк, подала, мимолётно прижавшись грудью к Сашиному локтю. И как ведь правильно прижалась, чертовка, совершенно невзначай, но недвусмысленно и чрезвычайно волнительно. И не успел Саша очухаться от этого ловкого женского шаха-и-мата, как пришла пора пить на брудершафт. Переплели руки, выпили, поцеловались. Поцелуй получился долгий, и Саша просто чуть было сознание не потерял.

– Зажги мне сигаретку, Сашенька...

Саша достал из кармана пачку, оттуда – две сигареты, Прикурил обе, протянул одну Оле. Возбуждение вроде бы начало отпускать, по телу пробежала волна расслабленной истомы.

Ольга курила, изучающе поглядывая на Сашу. Стряхнула пепел, выпустила тонкую струйку дыма, а потом два совершенно неинтеллигентных, но ровных, ловких колечка.

– Сашенька, а похожа я на твоих бывших девушек?

– Похожа, очень похожа на Ларису, ... – Саша говорил и опять сам-себе удивлялся. Речь явно расклинило, и это хорошо, просто замечательно. Но с другой стороны... Ещё со времён щенячьей юности Саша вывел для себя железное правило: никогда не обсуждать, и даже не упоминать ранешних любовей в присутствии любовей нынешних. «Не знаю, не было у меня никого, я тебе мальчиком достался» – и всё тут. Такая простенькая превентивная мера заранее выдёргивала детонаторы из многих будущих конфликтов. А тут вдруг разоткровенничался, да ещё с таким удовольствием. Слова плясали где-то у голосовых связок, ожидая малейшего повода чтобы выскочить наружу. Саше чертовски хотелось чтобы его спрашивали, чтобы дали повод рассказать хоть что-нибудь. Саше уже и секса не хотелось. Верней – хотелось конечно, но где-то на заднем плане, а больше всего хотелось, говорить, убеждать, излагать факты, изливать душу если придётся. Главное – чтобы слушатель нашёлся.

– Сашенька, а как ты вообще в Америку попал?

«Так я же вроде и не говорил что я живу в Америке.» – хотел было ответить Саша, но вместо этого начал рассказывать как поехал посмотреть страну и застрял, что это была вторая самая большая ошибка его жизни, потому что первая была – уйти из армии, и первая она – потому что если бы не было первой – то не было бы и второй, и как повёлся в своё время на идею всесоветского безумия, кинувшись защищать Белый дом а августе девяносто первого, приложив таким образом руки к развалу СССР, и как был в полной уверенности тогда что совершает благое дело, и как получил за это дело иудину «засранку» – медаль »Защитнику свободной России», которой тогда гордился, и как ему за это теперь стыдно. И как старается переехать обратно в Россию, но не решается просто собрать вещи и метнуться в неизвестность, потому что староват для авантюр, а денег для того чтобы переехать безболезненно – нет, и скорей всего не будет. И что переезжать всё равно надо, потому что дети и так на пол-пути к тому чтобы вырасти американцами. И как пытается поддерживать наших в Солт-Лейке в «русском» состоянии, и как его недавно пыталась завербовать американская военная разведка, и почему пыталась...

Причём, «почему» Саша догадался только сейчас – он совершенно кристально, пронзительно понял, к кому из его знакомых американцам скорей всего хотелось подкатиться. Вообще, очень многие мысли оформились в логичные выводы именно в процессе этого рассказа. Вот, раньше на во-

прос зачем он собирает и поддерживает русскую компанию в Солт Лейк Сили, Саша обычно отшучивался, говоря что формирует удобную для себя среду обитания, а вот сейчас, именно сейчас понял, что действительно пытается удержать наших от обамериканивания. Потому что так – правильно. Правильно, и всё тут. И тут же понял (и конечно же немедленно озвучил), почему получается это у Саши не всегда и не со всеми – просто многим нашим некуда вернуться, даже – чисто теоретически, вот и приходится им американцами становиться.

– Это, наверное, как в тюрьме. – увлечённо говорил Саша, где-то боком сознания удивляясь ситуации и самому себе. – Если посадят на время, то будешь камеру ненавидеть и мечтать о времени, когда из неё выйдешь. А если посадят пожизненно, от сразу заметишь что и нары качественно оструганные, и сокамерники милые, и решётки на южную сторону выходят. Потому что нет смысла критически ситуацию оценивать если нет никаких шансов её изменить.

Саша говорил так долго, что даже устал. Потянулся было к коньячной рюмке, где ещё плескалось что-то на доньшке, но Ольга отодвинула рюмку подальше.

– Подожди, Сашенька-дружочек, тебе пока хватит. – и вдруг добавила: – А я бы на американскую разведку поработала.

Сашу эта фраза немного огорчила. И собирался он Оленьку влёгкую пожурить, и объяснить что это – не шутки, по

вместо этого выпалил:

– Ты, Оль, или дура, или сука. – и так и застыл с открытым ртом, не понимая как такое мог ляпнуть, и как теперь исправить ситуацию.

– Успокойся, Сашенька, не волнуйся, это я неудачно пошутила. – Олю, похоже, этот выпад несколько не обидел. – А давай поиграем в ассоциации? Я буду говорить слово, а ты отвечать словом, которое первым придёт в голову. Поиграем?

– Конечно поиграем! – Саша был готов сейчас на что угодно, если при этом можно было говорить. Боясь, что его прервут, затараторил: – Я знаю, это называется «Ассоциативный ряд», это из психологии...

– Не «ряд», а «эксперимент» Не отвлекайся, Сашечка. Итак: Собака?

– Кошка.

– Мачта?

– Радио.

– Ледокол?

– Беленко.

– Беленко?

– Миг двадцать пять.

Саша с трудом останавливался после короткого ответа. Мысль продолжала бежать дальше, и останавливалась только больно ударившись об следующий Ольгин вопрос.

– Боинг?

– Обманка.

– Золото?

– Для дураков.

И тут Оля, вместо того чтобы задать следующий вопрос вдруг прижала палец к губам, и достала из сумочки телефон, светившийся экраном в полутьме.

«Ну скорей же, черепаха тормозная!» – думал Саша. Ему страшно хотелось говорить. Даже кровь прилила к лицу – так тяжело было хранить молчание несколько секунд, которые Ольга бессовестно потратила прильнув ухом к телефонной трубке.

– Сашенька, а почему «Боинг» – «Обманка»?

Саша призадумался, чтобы сказать что-нибудь грациозное и логичное, так чтобы поразить девчушка остротой ума в самое сердце, но вдруг обнаружил что что голос рядом мешает концентрироваться. И понял что голос это – его, Сашин.

– ... а даже если и есть у американцев химический лазер, который можно в этом Боинге разместить, и пусть даже этот лазер может уничтожить стартующую ракету километров с трёхсот, как они его применять собираются? Во-первых, нужен не один Боинг, а минимум три, потому что лазер стреляет только в переднюю полусферу, значит на дежурстве всегда должны быть два самолёта, и ещё один, чтобы их по-очереди менять. Во-вторых, а как они эти Боинги защищать собираются? Авианосцами? Ну вот пусть для примера кружит пара

этих Боингов с лазерами у побережья Северной Кореи, пытаются предотвратить запуск ядерной ракеты по Штатам. И тут с берегового аэродрома взлетают например двадцать корейских истребителей. Или пятьдесят. Это же все истребители с авианосца поднимать надо, верно? А корейцы взлетели, сделали круг в своём воздушном пространстве, да и сели обратно. Значит, и истребители на авианосцы сажать надо, а полоса для посадки там – одна или две. А если северо-корейцы несколько раз подряд это проделают? А если – ночью? Да американцы при ночных массовых взлётах-посадках на авианосцы потеряют больше самолётов чем в воздушном бою. Вот я и говорю, Оленька, про противоракетный Боинг с лазером – дезинформация. Если и есть у американцев Боинг с лазером – то не против ракет, а зачем-то ещё. Я даже не знаю кто на такую противоракетную липу поведётся, разве что...

– Хватит, хватит, Сашенька, я поняла. А вот расскажи мне про...

Вопросы Оля задавала интересные – Саше очень нравилось отвечать. И слушала Оля очень хорошо. Саша говорил и говорил, наслаждаясь моментом, пока не почувствовал, что речь делается медленной, а язык – непослушным. Оля это тоже заметила.

– Устал? – она улыбнулась, наклонилась к Саше, прижалась как до этого, нет, наверное – ещё нежнее, поцеловала в щёку и шепнула на ухо: – Пригласишь меня кофе пить?

Саша зажмурился от счастья, но разлепить глаза уже не смог. Так, с закрытыми глазами и ответил:

– Ага, кофе. А ещё ... – и добавил такие подробности, которые офицер и джентельмен никогда вслух не произнесёт, хотя и думает о них регулярно.

– Назююкался! – констатировала Оля так громко, что Саша даже поморщился не раскрывая глаз. – Пойдём, горе моё...

Резкий рывок поднял Сашу на ноги.

«Надо же, какая сильная крошка... надо расплатиться... и адрес ей сказать: Проспект Мира, дом...» – успел подумать Саша, впрочем, только это и успел – сознание окончательно выработало моторесурс, и Саша, опираясь на плечо дюжего официанта и поддерживаемый Олей с другой стороны, побрёл, изрядно пошатываясь. На полном автопилоте, глядя вникуда полуприкрытыми оловянными глазами.

Пришёл в себя Саша от ощущения холода. Напрягся, попытался открыть глаза. Холод проникал через открытую дверь машины. Именно через эту дверь Оля пыталась его из машины вытянуть и перевезти в вертикальное положение. Саша помог ей чем смог, однако процесс затянулся – ну вот не было у Саши сил, хоть убейте. Уже на ногах, повиснув на открытой дверце машины огляделся. Ну надо же – его родной двор.

– Туда? – Ольга кивнула на угловой поезд. Рукой указать она не могла – обеими руками помогала Саше бороться с

силой тяжести. Саша утвердительно замычал.

Ольга кое-как дотащила совершенно каменного Сашу до подъезда, прислонила к стене, придерживая одной рукой. Другой похлопала по карманам, нашла ключи. Путь от двери подъезда, по ступенькам до лифта, до двери квартиры, и до дивана в Сашиной комнате проходил так же мучительно. На диване Саша облегчённо откинулся назад, понимая что ни скинуть ботинки, ни уж тем более закинуть ноги на диван сегодня ему вряд ли сложится.

Неожиданно свет резанул глаза через закрытые веки. И почти сразу две пощёчины: Холп! Хлоп! Саша разлепил веки на миллиметрик. Перед ним стояла Оля со стаканом в руке. Другую руку она встряхивала, как кошка трясёт лапой, случайно наступив в лужу – видать сильные были пощёчины, ей самой больно. А вот Саше – ни капельки. Только почему-то немного обидно.

– А ну пей! – Оля свободной рукой оторвала Сашину голову от спинки дивана, и поднесла стакан к Сашиным губам. – Пей! А ну пей, дурилка! А то два дня с головной болью проваляешься! Пей, кому говорю!

Саша чуть приоткрыл рот, позволив жидкости протечь внутрь. Да пьёт он, пьёт, чего орать-то? Чтобы не захлебнуться сделал глоток. О боже, гадость-то какая! Саша опустил глаза, и увидел в стакане остатки таблетки. Маленькая чешуйка весёленького салатového цвета носилась по поверхности в стае пузырьков, быстро растворяясь. А вкус... ох, на-

верно керосин вкуснее. Что-то кисло-горькое, да ещё и ацетоном воняет. Саша даже нашёл в себе силы замычать и попытался мотнуть головой, но вредная Ольга крепко прижала Сашин затылок, не давая ему откинуться назад, и посильнее запрокинула стакан. Когда последние капли вылились в совершенно опечаленное Сашино горло, у Саши уже даже хватило сил ругнуться в три загиба.

– Запить дай...

– На. – Ольга взяла с тумбочки очевидно припасённую заранее чашку, подала Саше. Саша сделал маленький глоток – вроде вода. Выпил до доньшка, вернул стакан Оле. Та изумлённо смотрела на него.

– Обратно не лезет?

Саша прислушался к организму. Нет, выскочить обратно это гадкое пойло вроде не собиралось. И мерзкого привкуса во рту не осталось – вода всё смыла.

– Да вроде нет. Что это за мерзость была?

– Что надо – то и мерзость. Правильная мерзость, чудо фармакологии. Потом спасибо скажешь.

– Таковую фармакологию надо известить под корень в рамках уничтожения химического оружия... – беззлобно пробурчал Саша, скинув ботинки, и укладываясь на диван уже во всю длину. Интересные превращения происходили в организме. Силы вроде возвращались, по телу растекалось приятное искрение, зато перед глазами начинали плавать забавные такие розовенькие пятна. Облачка – белокрылые лошадки...

Саша проснулся и сразу вскочил с с дивана. Тело требовало действий, а вот на душе было как-то странновато. Вчера... хмм... вчера? Вчерашний день вспоминался с трудом, фрагментами. И фрагменты эти никак не вязались с нынешним прекрасным самочувствием. Случалось Саше за уже довольно длинную жизнь напиваться и до зелёных чёртиков, так чтоб утром с похмелья было жить страшно, и вчерашние эписторали не помнились вовсе. Как в том фильме : »Товарищ прапорщик, а вы помните как Вы вчера товарища генерала за погон укусили?». А сейчас почему-то отсутствовало желание вспомнить, любой ценой заполнить мучительные пробелы – вместо этого было простенькое чувство что случилось что-то хорошее. Как после интересного сновидения, когда сон уже забылся, а ощущение чего-то славного осталось. Да и самочувствие должно соответствовать вчерашнему перепою, а сейчас Саше хотелось двигаться, пробежаться, или просто порыгать на месте. Только во рту странный металлический привкус, как будто туда копеек насыпали.

Итак, вчера... Вчера Саша познакомился с какой-то умопомрочительно красивой девчонкой... Так? Саша повернул голову, втянул воздух. Плечо пахло той самой непередаваемой комбинацией духов и женской кожи. Угу. Девчонка – соответствует. Была, значит, девчёнка. То, что Саша стоял сейчас совершенно голый – тоже, в общем, гипотезу о девчонке частично подтверждало. Итак, значит – девчёнка, и что дальше?

Саша машинально бросил взгляд на диван, как будто он мог девчёнку до этого не заметить – проглядеть, перемахнуть через неё неглядя, с дивана встававши. Женских вещей в комнате тоже не было. Саше на миг стало невыносимо стыдно – что же это он, позвал девушку в гости, а сам заснул, та и ушла в обидках?

Стоп!!!

В голове моментально прокрутились жуткие истории из криминальных хроник тогдашнего времени, про всяких лохов – вроде Саши. Лохов, которые знакомились с красавицами, выпивали водочки, щедро замешаной на клофелине, а потом находили себя до гола обчищенными. Именно – до гола! – Саша вспомнил что стоит посреди комнаты голышом, и шагнул, вернее – даже скорей прыгнул к своей одежде. Про себя отметил ещё одно несоответствие – дело в том, что за пять лет досыта насладившись уставным порядком, когда в казарме всё было выглажено, выровненно и единообразно покрашено, Саша стал неряхой в мелочах. Например, одежду, которую не надо вешать в шкаф, он просто скидывал кучей на стуле. А сейчас джинсы были аккуратно сложены, и пиджак опять же – не в шкафу (куда Саша его обычно вешал), а на спинке стула висит. И ботинки под стулом стоят, а не в прихожей, где, кстати говоря, им бы – самое место.

Рванул бумажник из кармана джинсов. Деньги в бумажнике были. Было их даже больше чем ожидалось – столько, сколько он взял с собой, минус сумма, предполагаемая

для складчины на встречу одноклассников. Угу, верно, он ведь вчера с одноклассниками встречался, а потом с Аннушкой заходил в кабак. Точно, был кабак – там-то он вероятно с девчёнкой и познакомился. Ну да, там и познакомился. А Аннушка познакомилась с каким-то лысым типусом... А Саша – с Олей. Угу, «Оля» – девушку звали Оля. Саша попытался вспомнить лица – не получилось. Снова посмотрел на бумажник – несколько тысячных рублёвок и резервная стодоллоровка. Даже не разменянные. Что же он, в кабаке не расплатился? Или ещё хуже – расплатился карточкой, но чаевых не оставил? А вот и карточка кстати – целёхонька... Так или иначе – деньги в бумажнике клофелиновую версию однозначно опровергали.

Натянув джинсы, Саша быстро прошёлся по квартире. Теплилась ещё надежда что девчушка проснулась раньше, и, например, курит на кухне. В большой комнате – никого. На кухне – никого. В родительской комнате – никого. Нигде – никого. Саша вернулся на кухню. Чайник холодный, вернее – комнатный, в общем – не включали его сегодня. В раковине посуды нет. Саша дотронулся до тарелки, стоявшей в сушилке над раковиной – совершенно сухая. Ну, значит лакирующего разгуляя вчера не случилось.

Для порядка Саша открыл дверцу и глянул под раковину – в полу-пустом мусорном ведре лежал презерватив. Вот-те нате... Вещдок. Лежит себе вещдок, завязанный узлом, нагло так лежит, выпендрёжисто. А рядом – разорванная золо-

тистая упаковочка, даже прочитать можно «»ondom«» , чтоб кто не дай бог не подумал что это – карамельки какие-нибудь. Саша машинально оторвал лист от лежащей на холодильнике газеты, скомкал и бросил в мусорное ведро чтобы прикрыть непотребство. Мало-ли кто в гости зайдёт? – зачем такие вещи афишировать. Обошёл квартиру ещё раз – теперь искал записку. Не нашёл. Зато на табуретке у входной двери нашёл свои ключи от квартиры. Дверь была захлопнута на автоматический замок.

Саша вернулся на кухню, сел, закурил, поглядывая на дверцу под раковиной, за которой скрывалась мусорка. Вот оно как бывает... С одной стороны – вроде бы маленькая победа, тешащая мужское самолюбие. Есть, как говорится, ещё порох в пороховницах, и ягоды в ягодицах, и влага во влагиалище. А с другой... А с другой – вот Вам, дорогой товарищ Александр Тимофеев ваша очередная женщина. Эмплюс-первая. Имя – Ольга. Фамилия – неизвестна. Род занятий – неизвестен. Внешность – неизвестна. Детали общения – неизвестны. Дожились!

Докуривая, Саша подумал, что может быть, Оля эта забила свой номер в его мобилку? Нехорошо конечно в чужой телефон лазить, но может в Москве теперь мода такая? У зарядного устройства телефона не оказалось, обнаружился он в кармане пиджака. Нового номера Саша нашёл, зато нашёл пропущенный звонок от Аннушки. Нажал кнопку обратного вызова, и вместо приветствия услышал:

– Сашк, а я его выгнала.

– Кого?

– Ну кого-кого – Женю этого...

– Ах да – Женю. – Саша мимолётно порадовался тому что вспомнил ещё что-то из «вчера». —А чего выгнала?

– А не знаю. В какой-то момент увидела у себя дома раздевающегося полу-знакомою мужика, испугалась, да и выставила его.

– Одеться-то хоть позволила? – хмыкнул Саша.

– Не смешно! Странно всё это. Я ведь, Саш, не такая...

– Угу – странно... А я, Ань, вчерашнего вечера откровенно не помню. Вот тут помню, а тут – не помню...

Саша поймал себя на том, что цитируя фразочку из фильма про «помню-не помню», повторяет и действия персонажа, тыкая пальцем в разные места на собственной голове, хотя Аня, находясь на другом конце провода, такой близости к культуре оценить явно не могла. Просто организм был переполнен энергией и требовал хоть каких-то движений. Саша ещё секунду пооценивал свою потребность в действиях и сказал:

– Ань, а хочешь – заезжай перед работой на кофе. На том же ходу и странности обсудим. – и ехидненько добавил. – Только бриться наголо, Аньк, я не буду.

10. Частное лицо

Саша проснулся, открыл глаза и блаженно улыбнулся – картинка виделась просто замечательная. Суперская просто

картинка, хотя и совершенно незатейливая – потолок, стена с жёлтенькими старыми обоями, окно с приоткрытой форточкой, за которой слышен гомон московского двора – «колодца», и шум машин. Вид этот означал что Саша не где-нибудь, а дома, проснулся вот на своём стареньком диванчике, и видит ту самую картинку, которую видел по утрам чаще всего в своей жизни. Правда тут же проявилось и щемящее чувство – отпуск подходил к концу. Коротковастенький отпуск получился. Впрочем, с другой стороны, отпуска – они всегда короткие. Говорят, сам Эйнштейн начинал свои лекции по Общей Теории Относительности примером: «Когда вы проводите время с любимой, то час кажется минутой, а когда сидите на раскалённой плите – то минута кажется часом». Врут, наверное, про Эйнштейна-то, то суть передана правильно – отпуск пролетел как один день, хотя вроде бы и успел практически всё что планировал. Почти со всеми родственниками и друзьями увиделся, а с многими – не один раз. Одноклассники – собирались. Однокурсники – собирались. Даже сослуживцев собрать удалось. Нормально в общем. Однако всё равно – маловато будет...

Поднявшись, Саша прислушался – похоже, в квартире никого, и не одеваясь направился в ванну. Принял душ, радуясь непривычно-сильному напору – везуха тем у кого вода практически бесплатная. После душа побрился, почистил зубы. Утренняя жажда сегодня не мучила – вечер вчера выдался по отпускным меркам достаточно тихий и с алкогольной точ-

ки зрения весьма умеренный. Однако Саша всё равно наклонился к крану и сделал пару больших глотков. Эх, какая же в Москве вода замечательная. Вот в Юте вода бывает двух типов – жёсткая и очень жёсткая. Если её не фильтровать, то в чайнике налёт в палец толщиной чуть ли не за неделю образовывается. И пить нефilterованную конечно можно, вода эта в американских терминах считается водой «кулинарного качества», но... Это уж очень сильно надо хотеть пить чтоб на такое решиться. А некоторые тут, в Москве, воду из-под крана фильтруют. Вот дурачки – не понимают своего счастья.

Одевшись, Саша пошёл в большую комнату – там зарядился мобильный телефон. Самое время им воспользоваться, выстроить планы на день, а при некотором везении – найти кого-нибудь прямо сейчас, чтобы позавтракать в приятной компании. Экранчик мобилки показывал четыре пропущенных звонка, один – от Коли Савенкова, три – от Пети Ступакова.

С Колюней и Петрухой Саша виделся буквально позавчера – Петруха, как наипервейший в их компании массовик-затейник, как раз организовывал встречу сокурсников, а Коля, естественно, в ней участвовал. Встретились в маленьком кабачке около Курского в шесть вечера, а домой Саша попал примерно во столько же, но уже – утра. Москва никогда не спит и выйдя из кабака бывшие курсанты, а ныне – солидные дядечки отправились гулять.

Приключение получилось замечательное, вернее – целая стая приключений. Саша, городской человек, даже в первый раз в жизни покатался верхом на лошади – ночью около Китай-города две молоденькие девчушки из какой-то конной школы зарабатывали деньги, катая прохожих. Вот уж действительно, «Как изменчива природа! – сказал ёжик, слезая с кактуса». Надо было прожить с десятков лет в Юте, где до сих пор не перевелись настоящие ковбои, где даже в черте Солт-Лейк-Сити остались фермы, и лошадок за проволочными заборами видишь каждый день из окна машины, а вот покататься на лошади первый раз – в самом центре Москвы. А с другой стороны – наверняка запомнится навсегда. Вся наша жизнь – это только память, если вспомнить нечего, то как бы и не жил вовсе. А тут – жил явно, причём не просто так – а верхами, да ещё в компании незнакомых кавалерийских девиц и друзей-однокашников.

«Наверно не надо у телефона на ночь звонок отключать, уж лучше бы разбудили...» – подумал Саша, и нажал кнопку обратного вызова. На том конце трубку сняли очень быстро – после первого гудка.

– Привет, Петруха. Звонил?

В ответ Саша ожидал услышать что-то типа «Привет, пиндос – солёный нос», или «Не соскучился ещё по своей Пиндосии?» или что-то похожее, но обязательно что-нибудь с «пиндосом». Слово «пиндос» как синоним к «американец» Пётр очень любил. Саша подозревал что таким образом Пет-

руха напоминал собеседникам о своей службе в Косово, как бы хвастался. Что ж, есть чем – послужить в Косово действительно почётно.

– Привет Сашка. Ты где?

Саша мимоходом удивился отсутствию слова »пиндос«, и непривычно-серьёзному тону известного весельчака Ступакова. Посмотрел на часы – одиннадцать «с копейками». Да уж, поспал, однако, совершенно не по-детски.

– Петруха, я – дома...

– У тебя что, звонок не работает? Открывай, я поднимаюсь.

– И давно ты вот так – под дверью? – опешил Саша, но Пётр уже отключился.

Звонок работал, просто домофон появился уже после отъезда Саши в США, вот наверное и не научилось ещё ухо реагировать на тихое мелодичное пиликанье как на сигнал к подъёму. В «проснутом» состоянии Саша сигнал домофона замечал исправно, а во сне, как только что выяснилось – игнорировал напрочь.

Домофон ожил. Саша нажал кнопку, разблокирующую подъезд, и распахнул дверь квартиры. Двинулся и медленно проплыл вниз лифт в решётчатой шахте. Послышались быстрые шаги – Пётр, похоже, лифта не дождался и побежал на третий этаж пешком.

– Здорово, Петруха! Ты чего-это при полном параде? – спросил Саша, оглядывая Петра в форме полковника Войск

Связи.

– Здорово, Сашок. Я – прямо со службы. На кухню?

– На кухню...

«Что-то явно случилось, Петя просто-таки на себя непохож. Да и чего бы он кинулся меня искать, в форме-то, соответственно, в разгар рабочего дня?» – размышлял Саша, следуя за следуя за Ступаковым, по-хозяйски направлявшегося на кухню первым.

– Петь, ты давно меня у подъезда ждал-то? А ты чего заранее не позвонил-то?

– Позвонил я. Ты трубу не снял. А ждал – полчаса примерно.

– Я не снял, а ты всё равно поехал? – удивился Саша. Вот это было уж совсем нелогично. А если б он в другом месте ночевать остался? А если б он с самого утра уехал куда-нибудь на весь день? С Петром они вчера не созванивались, и тот никак не мог быть в курсе Сашиних планов, какие бы они ни были...

– Приказали – вот и поехал. Ты, Сашок, присаживайся. Поговорить надо.

Саша, застывший посреди кухни, и собиравшийся в зависимости от пожеланий друга или поставить чайник, или достать из холодильника пару пива, вместо этого послушно опустился на табуретку. Пора бы уже ворохнуть тревоге, но что плохого может случиться в отпуске в родном городе? Вместо тревоги присутствовало... какое-то удивление,

пожалуй. Удивление напололам с любопытством.

Петя достал из кармана кителя пачку сигарет, похлопал по карманам, ища спички. Саша привстал, достал с полочки над столом свою пачку сигарет и и зажигалку, дал прикурить Петру, потом вытащил сигарету и сам, ещё раз чиркнул зажигалкой, затянулся. Подвинул ближе блюдечко, служившее пепельницей.

– Угу... Значит так, Саша... рассказываю с самого начала... – Петруха сделал паузу, очевидно прикидывая, как лучше изложить новости, глубоко затянулся, обвёл кухню рассеянным взглядом, медленно выпуская дым.

– Прослушку ищешь, шпион Гадюкин? – хмыкнул Саша. Он уже хотел было добавить про « – Тише, здесь даже стены имеют уши! – Ну, неправда... – сказали стены и густо покраснели.», но осёкся. Слишком неулыбчивое было у Петрухи лицо.

– Нет. Я в общем не скажу ничего такого, чего от меня не ждут, хотя бы потому что ничего не знаю. А вообще, что здесь говорить, что на улице – один хрен. – совершенно серьёзно ответил тот. – Если захотят, и там услышат, а нет – так и тут говорить можно.

– Во как... – удивлённо протянул Саша.

– Вот так! – перебил его Пётр. – Всё по-взрослому. Слушай, не перебивай. Прихожу на службу, меня вызывают к начальнику центра. В кабинете у него – тип в гражданском.

Саша с удивлением заметил, что его однокашник волнует-

ся пожалуй больше чем он сам. Или у Пети просто было уже время подумать и осознать масштабы угрозы? Саше же пока было просто любопытно. Уточнять какого именно «центра» Саша конечно не стал – живя в Штатах предпочитал не знать подробностей о службе кого-бы то ни было. Иметь в голове потенциально закрытые сведения, когда эта самая голова находится на территории Америки – это, знаете ли, совершенно лишнее. Если заинтересуются – запросто знания из упомянутой головы вытрясут.

– Генерал меня представил, – продолжил Пётр. – потом говорит: «Вы тут побеседуйте...», и вышел.

– Из своего кабинета вышел, и вас там оставил? – удивился Саша, примерно обще-генеральские привычки представлявший.

– Вот именно. Мужик этот представился Валентином.

– Валентином... кем?

– Просто Валентином, без отчества и без фамилии. Он нас не намного старше, так что отчество вроде было и лишним. Потом спросил как у тебя дела, как отпуск проходит. А я ему – всё, мол, нормально, всё как планировалось – без происшествий.

Пётр вытащил из пачки следующую сигарету, прикурил от первой, а первую отправил в блюдечко-пепельницу. Сашу такой ход несколько удивил, потому что Петруха курил редко, практически только под рюмочку. И, как только что выяснилось – когда разволнуется.

– Я сначала подумал что это какой-то твой знакомый. Ну, бывший сослуживец в чинах. Только, сам понимаешь, ситуация уж очень необычная – не лепится. Я в кабинете у начальника центра за всю службу там был раз пять наверное. Причём чаще по вызову «на каргалык» – люлей получать. А если и не люлей, то всё равно – по стойке «Смирно», и на пять минут. А тут появляется какой-то Валентин-с-подвыподвертом, совершенно не похожий на свежее-назначенного начальника моего большого начальника...

Александр молча кивнул, совершенно согласный с логическими выводами Петрухи. Вряд ли армия изменилась так сильно, а для тех времён, когда сам Саша был «в рядах» – описанная ситуация совершенно дикая и небывалая.

– Ну так вот... – Пётр заметил паузу и продолжил рассказ. – А потом этот самый Валентин подчеркнул что поручение чисто конфиденциальное. И попросил предупредить тебя что он сегодня зайдёт познакомиться. Дословно так: «Расскажите Александру о деталях нашей встречи, и передайте, что я хотел бы зайти познакомиться, если у него найдётся время.» Сегодня, в полдень. Сюда.

Саша машинально проследил направление Петрухиного пальца, указующего на линолеум пола кухни. Потом взглянул на часы и провёл тыльной стороной ладони по подбородку. Щетина со вчерашнего вечера ещё не отросла, бриться не нужно – время есть.

– Ну, и...?

– Ну и, как видишь, рассказываю о деталях встречи. Да в общем всё, Сашок. Попрощались, Валентин этот вышел, вошёл генерал. Сказал что на дежурстве меня уже заменили, а я – сегодня свободен, и могу убыть выполнять поручение Валентина.

Помолчали, подумали. Саша кивнул в сторону чайника. Пётр отрицательно покачал головой.

– Ты во что такое впутался, Сашка? Или мне лучше не знать?

– Петруха, даже не представляю. Лучше ты расскажи во что я впутался. У тебя было время подумать, а мне ещё переварить надо то что ты тут понарасказал.

Петя затушил очередную сигарету, заглянул в пачку. Сигарет там, похоже, не было. Саша предложил свои. Закурив, Петруха опять демонстративно задумался, вертя пустую пачку в руках.

– Спецпура это какая-то. Только спецслужба может к генералам двери ногой открывать.

– Ну, в общем и целом – логично. Хотя, наверное, возможны варианты. В наше-то смутное время. Может, это какой-нибудь партнёр по бизнесу. Твой генерал параллельно со службой ничем не приторговывает?

– Нет, Сашок. – криво усмехнулся Петя. – До такого мы, слава богу, ещё не опустились. Ты слишком много своей жёлтой прессы читаешь.

– Не моя это пресса, а ихняя. Да и не читаю. Я – нашу

читаю.

– Ну да, ну да... Как ты там говорил... «Куда русский пришёл, там американцу делать нечего»? – в первый раз с начала встречи Петя улыбнулся.

– Ага. Сам, между прочим, фразочку придумал. – Саша улыбнулся в ответ.

– Сашк, я не говорю что не бывает генералов у которых бизнес на стороне. Просто в данном конкретном случае это – действительно большой генерал – это во-первых. Во-вторых, в нашу контору даже большой генерал не проведёт человека со стороны – слишком много вопросов это вызовет. Что, опять же, работает на версию о спецуре. Спецур – они, как известно, везде вхожи.

Саша кивнул – действительно всё логично, тут не поспоришь. Да и Петру явно со своей горушки виднее про вхожесть в его заведение.

– А ещё, и самое главное: генерал вёл себя... как бы это объяснить... ну, подчинённо, что ли...

– Я понял. – кивнул Саша. – По течению этой твоей утренней встречи спецслужба подходит. А вот по результатам – нет. Разведке я явно не нужен. Не допустят меня никогда к американским секретам с таким-то поведением.

– С таким поведением тебя не то что в штатовские «почтовые ящики» не возьмут, а скоро вообще выгонят из твоей Пиндосии. – хмыкнул Петруха, захаживавший на сайт русского Солт-Лэйка, и Сашины статейки почитывавший.

– Точно. – Саша решил не реагировать на «твоей», порадовавшись «Пиндосии» – значит у Петрухи настроение выровнялось. – Да меня в общем и с хорошим поведением не взяли бы. Один добрый приятель там – Боря, тоже наш, русский, и тоже из военных кстати – Харьковское авиационно-техническое заканчивал, пытался устроиться в режимное подразделение какой-то конторы, которая коммуникациями для военных занимается. Так его не взяли, причём сказали, что не возьмут вообще никогда. Чтобы там работать надо чтобы твои родители родились в Америке. Представляешь, чтобы президентом быть – надо в Америке родиться, так сказать, лично. А чтоб работать с секретами – нужно чтоб ещё и родители. Вот мои дети теоретически в президенты США годятся, а работать в этой конторе – нет.

– Ты лирические отступления на потом оставь – времени мало. И ежу понятно – не допущен ты к американским секретам. Давай дальше...

– Ну так вот, разведку, соответственно – вычёркиваем. Теперь контрразведка. Про встречу в кабаке через дорогу я тебе уже рассказывал? – Саша ткнул пальцем в окно, потом сообразил что это окно выходит во двор, а не на Проспект Мира, и переприцелил палец в противоположную сторону.

– Рассказывал. Если только это была контрразведка, а не твой пьяный бред.

– Тоже верно. Однако согласись – в данном случае не те методы. Контрразведка не ходила бы ко мне знакомиться, да

ещё через тебя. Она бы сама меня на беседу пригласила, чтоб страшней было.

– Скорей всего. – кивнул Пётр. Посмотрел на пачку, которую вертел в руках, словно не понимая откуда она взялась. Открыл, заглянул внутрь для верности, и смял пустую коробочку. Обвёл глазами кухню, вопросительно поднял брови, ткнув большим пальцем себе через плечо – в сторону раковины. Саша кивнул, потянулся, не вставая с табуретки, и приоткрыл дверцу мусорки. Пачка ловко влетела в ведро, стукнулась о противоположную стенку, и зашуршала на дне выстилающим ведро пакетом.

– Сабонис! Или теперь говорят «Майкл Джордан»?

– А могли бы.. – продолжил Петя, не давая сбить себя с темы. – ...не только в гости пригласить, а ещё и привезти с подходящим случаем почётом. Навели бы про тебя справочки тихонько, а там и решили как приглашать. Но уж во всяком случае воткрытую знакомиться бы сами не пошли.

– Ну да, навели бы справочки тихонько... – Саша посмотрел на дверцу мусорки, вспомнив про «вещдок». Однако решил выводов не делать, и догадками сейчас с Петрухой ими не делиться. Не оформились ещё догадки.

– Соответственно, контрразведку тоже вычёркиваем. – Петя потянулся было за следующей сигаретой, но передумал. – Остаются всякие специализированные конторы, УБОП, налоговая, и прочие там. Сейчас спецслужб в любом министерстве развелось как котов недушенных. Но их мож-

но вычеркнуть по тем же причинам, что и контрразведку.

– Да и к генералу вашему они наверное не смогли прийти как к себе домой?

– Думаю, не смогли бы. – подтвердил Петя.

– Ну, и кто тогда подходит?

– А никто не подходит. Одно радует – криминал какой-нибудь к нашему генералу тоже как к себе домой не придёт. Это – явно Государство. Всё. – Петруха посмотрел на часы, хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся. – Пора! Удачи тебе, Сашка.

Домофон запиликал ровно в двенадцать ноль-ноль, плюс-минус минута. Часы у Саши сверялись с американской Системой Единого Времени. Тут, в Москве, часы конечно не слышали радиопередатчик штатовского СЕВа, попискивающий каждый час в Колорадо, но сильно отстать или убежать вперед за время отпуска тоже не могли.

«Точность – последний довод королей.» – подумал Саша, нажимая кнопку, открывающую дверь подъезда. – «Или нет, точность – вежливость королей, а последний довод королей – пушки.»

– Здравствуйте, Александр Владимирович. Меня зовут Валентин Борисович, можно просто Валя. Полковник Ступаков очевидно предупредил Вас о моём визите?

– Можно просто Саша. – ответил Саша, пожимая протянутую руку, и мельком подивившись несоответствию приятельского «Валя» и официальному «полковник Ступаков». –

Проходите пожалуйста.

Незнакомец, а вернее – теперь уже знакомец Валя снял плащ, повесил его на вешалку и на секунду замялся, глядя под ноги. Жест этот Сашу удивил, и, в общем-то порадовал. Александр подсознательно ожидал что человек, умеющий выгонять генералов из их собственных кабинетов, барственно пойдёт вперед как кабан сквозь камыши, а этот – глядите-ка – ведёт себя так как и положенно воспитанному россиянину в слякотном месяце марте.

– Ботинки можно не снимать – всё равно тапочек нет. На кухню, в комнату?

– Саша, а у Вас в комнате курят? Нет? Тогда лучше на кухню...

Саша усадил гостя на то же место, где ещё минут десять назад сидел Петруха, нажал кнопку электрического чайника. Тоже уселся, подвинул к Валентину только что опустошённое блюдечко-пепельницу, и пачку сигарет, на которой сверху лежала зажигалка. Чайник, низко загудел, готовясь закипеть.

– Спасибо. – Валентин тоже достал сигареты и положил на стол. – Видите-ли, Саша... Или так: я ведь не на много старше, может, будем на «ты»?

– Да запросто! – вот не хотелось Саше первым говорить «ты», по-этому вместо «Как скажешь!» он и выбрал нейтральное «запросто». Гость в общем и целом производил приятное впечатление, вот только немножко, совсем чуть-

чуть ломали непонятки, с этим самым гостем ассоциированные. Саша прислушался к собственным мироощущениям и опять подивился тому что любопытства до сих пор больше чем волнений. То-ли за последнее время во всяких странных моментах Саша уже своё отволновался, то-ли опять сыграло чувство защищённости – в России Саша чувствовал себя Дома, так или иначе – страха не наблюдалось, и Саша даже мысленно себе поаплодировал.

– Я слышал ты в Юте живёшь, в Солт-Лейк-Сити, верно? Вот и решил я к тебе обратиться с одной просьбой. Вернее, с просьбочкой...

– Ты, Валентин, кого представляешь-то? – не очень долго думая ляпнул Александр, перейдя на том же ходу внутренний барьер, сопротивляющийся панибратскому «ты».

– Саша, я представляю исключительно себя. Валентина Борисовича как частное лицо.

– Угу, а зачем через Ступакова-то?

– В смысле, зачем через его начальника? Чтобы ты, Саша, убедился, что человек я серьёзный. Из тех кому можно доверять.

– Как говорил папаша Мюллер: «Доверять нельзя никому. Мне – можно!»? – усмехнулся Саша. – Ты Валентин, как серьёзный человек и частное лицо ведь наверняка знаешь про мои... про то что ко мне РУМО прилезло?

– Знаю. Ты же всем об этом рассказываешь. – Валентин осторожно кивнул.

– Ну да, всем рассказываю. Так вот, я теперь – та самая пуганая ворона, которая куста боится. Давай вот как: скажи-ка, кто был начальником моего НИИ в девяносто втором году?

– В смысле? – не сразу понял Валентин.

– У тебя мобилка с собой?

– Конечно...

– Валентин, а давай ты вот сейчас позвонишь, спросишь, а потом мне расскажешь кто был начальником 38го НИИ в девяносто втором. Я ведь не прошу произнести в программе «Время» что-нибудь типа «Над Катманду пронёсся ураган». Я, Валя, уже понял что ты человек серьёзный. Но вот генерала этого я не знаю. А может он... хм... на Моссад какой-нибудь там работает, или на мафию, или на массонов с розенкрейцерами, или на ещё кого-нибудь такого.

– Саша, ты же понимаешь что как частное лицо я не могу знать кто был начальником какого-то НИИ в каком-то борodatом году.

– Да что вы, блин, заладили, «частное лицо», «частное лицо» ... – слегка озлился Саша, надо заметить, не любивший когда его считали полным дураком.

– Подожди, – прервал его Валентин. – всем будет удобнее, если я останусь просто частным лицом. Я потом объясню.

– Ну как частное лицо – про мой НИИ знать не можешь, – не сдавался Тимофеев. – а вот как человек серьёзный, со связями – как раз можешь.

Аверин задумался на пару секунд. Хмыкнул, достал мо-

билку, нашёл номер. Ухмыльнулся, глядя на собеседника.

– Ну ты, Саша, ... жук! – и уже в телефонную трубку: – Володя? Выясни кто был начальником тридцать восьмого НИИ Министерства Обороны в тысяча девятьсот девяносто втором году. Срочно. Да, по вчерашнему. И это тоже. Всех. Ага, жду.

Отключившись, Аверин убрал телефон в карман.

– Придётся подождать.

Саша кивнул, соглашаясь. Конечно придётся.

– Чаю? Кофе?

– Нет, спасибо. – отрицательно покачал головой Валентин. – А почему спросил про начальника тридцать восьмого НИИ?

– А потому что если вы – Держава, ... кхм... Вернее: если ты – серьёзное частное лицо со связями, то вам ничего не стоит набрать телефон ГУКа. – Саша сделал паузу, глянул на Валентина, собрался с мыслями, и продолжил: – Ну не откажут же вам там, верно? Позвонить в ГУК, да и выяснить фамилию. А если вы – неизвестно-кто, то затрахаетесь искать человека, который вам такую информацию выдаст в сжатые сроки.

– Ну, я примерно так и подумал, я в общем-то тоже не пальцем деланный. – усмехнулся Аверин. – А почему именно про тридцать восьмой НИИ спросил?

«Вот как, ишь ты – не пальцем деланный...» – подумалось Александру. – «А лёд-то, похоже, растаял. И не обиделся он

вовсе...»

Валентин нравился Саше всё больше и больше – приятный дядька.

– А потому что служил я, считай, только в Училище и в этом НИИ, – ответил Саша. – в Училище со мной Ступаков учился, а в НИИ – не служил. Спроси я про кого-нибудь в Училище – вы бы из Ступакова эту информацию бы запросто выудили, по-скольку если я какую-то фамилию оттуда помню, то и он, скорей всего – тоже.

– Неплохо. – одобрительно кивнув сказал Валентин.

– Ох, Вы мне льстите! – ухмыльнулся Саша, подмигнув. – У меня тоже вопрос есть...

– Да небось и не один. Спрашивай.

– Почему я?

– По трём причинам, Саша. Живёшь ты в Юте, человек ты – проверенный, и обратиться мне больше не к кому. Нету больше никого чтоб и в Юте, и доверять можно было.

– Проверенный, говоришь? – прищурился Саша, и изготовился сказать гадость.

В кармане Аверина тренькнул телефон. Валентин Борисович поднял руку, показывая что нужна пауза, другой рукой достал телефон, поднёс к уху.

– Слушаю... Да. Да. Спасибо. – и уже обратясь в Саше: – Начальником тридцать восьмого института министерства обороны в тысяча девятьсот девяносто втором году был генерал-лейтенант Подорожников.

Саша кивнул. Искомая фамилия эта была нужна ему скорее для проформы, для успокоения души. И так понятно, что если Валентин после вопроса о фамилии начальника НИИ не распрощался, и не попытался от ответа увернуться, а, напротив – позвонил и запросил информацию, то нужная фамилия будет вырыта и доставлена. И ответ уж всенепременно будет правильный.

– Только вот что... – продолжил Валентин. – Проверка такая наверняка подействовала бы против, как ты говоришь, против «массонов с розенкрейцерами», а серьёзные западные разведки наверняка на твой НИИ посматривали, и фамилию начальника могли знать. Любой генерал – фигура заметная. Надёжней было бы попросить назвать фамилию начальника рангом пониже. На всякий случай: начальником управления у тебя был полковник Сухоруков, а начальником отдела – полковник Окунев.

– Угу. – неопределённо ответил Александр, мельком вспомнивший что выражение «массонов с розенкрейцерами» он сплагатил у Арсена, и так не решив для себя: отнестись к словам Валентина как к демонстрации возможностей, щелчку по носу, или доброму совету. – Учту на будущее.

– Ну так вот, – продолжил Аверин, убрав телефон в карман. – возвращаясь к теме. Насчёт «проверенный»... Я, Саша, хочу извиниться...

– За девчушку?

– За девчущку... – Валентин покойно опустил глаза, демонстрируя раскаяние.

– Не за что извиняться – я не помню практически ничего. Перед Аней извинитесь лучше. – буркнул Саша.

– Однако уже помнишь что девчущка всё-таки была, и даже связываешь это с нашим сегодняшним разговором. Потом вспомнишь больше. Память постепенно вернётся. Впрочем, когда вернётся – увидишь что вечер прошёл в общем неплохо. Я понимаю, что это не совсем этично – без спросу применять химию против своих, но ещё раз – не было другого выхода. Необходимо было получить от тебя правдивые ответы, а время ограничено. Извини.

Александр всмотрелся в лицо собеседника – похоже, тот говорил совершенно серьёзно.

«А вот интересно, они тогда доказательство удачности вечера хорошо положили на видное место, или плохо выкинули?» – подумал Саша, но уточнять не стал.

– Что касается Анны, – продолжил Аверин – те же причины. Не было другой гуманной возможности оставить вас с Олей вдвоём в тот момент без... хм... без «приворотного зелья». Евгений ей кстати позвонил на следующий день, но она встречаться не захотела. Так что обошлось без разбитых сердец.

– Валёк, а чего-это вы такие розовые и пушистые? – спросил Саша, и удивился выскочившей фамильярности. Однако продолжил: – Вы же крендели-то такие... зубастые и реши-

тельные!

– Ну, во-первых, ты действительно не враг и даже не противник, ты – наш, неудобство тебе и твоим друзьям были причинены исключительно по необходимости. Я же извинился.

– Ладно, проехали, извинения приняты. А во-вторых?

– А во-вторых, мне действительно нужна твоя помощь, Саша.

– И лучше по-доброму, без принуждения? – сказал Саша и тут же прикусил язык – тема была уж больно скользкая. Вот совершенно не хотелось Саше выслушать то, что теоретически за этим могло последовать – вариации о том, что случится если «по-доброму» не получится.

– Принуждать тебя никто не собирается. Чисто теоретически – у нас и средств сейчас нет для этого.

«Врёт ведь, мерзавец этакий, но всё равно приятно.» – подумал Саша – «Наверняка есть средства на меня надавить, у меня же большая часть жизни – тут. Как всё-таки легко верить в то, во что верить хочется.»

– Так что если захочешь отказаться – никто тебя неволить не будет, – продолжил Валентин. – пожмём руки и разойдёмся.

– Нда... – без выражения протянул Саша. – кроме шуток?

Было Саше над чем подумать. Спецслужбы ведь и знамениты тем, что они – хозяева своего слова. Могут – дать, а могут – обратно взять. Всяким разведкам, контрразведкам, и

прочим подобным конторам в общем-то за то и платят деньги, чтобы ловчее вводили противника в заблуждение. И не только противника, если это идёт на пользу делу.

– Слово офицера. – совершенно серьёзно ответил Аверин.

При всей своей благо-приобретённой циничности, вот к таким вот выражениям Саша относился серьёзно. Даже готовую выскочить очередную колкость про «частное лицо в чинах» – проглотил. Сидел молча и слушал дальше.

– До сюда понятно? – спросил Валентин, очевидно чтобы поставить логическую точку в объяснениях условий сотрудничества.

Саша молча кивнул. Конечно понятно. Чего ж тут непонятного может быть? – Валентин сказал что дело добровольное, а Саша – услышал. Можно дальше.

– Ну раз понятно, дай-ка я тебе изложу суть просьбочки... – сказал Валентин Борисович, довольный Сашиной реакцией. – я бы хотел попросить тебя о небольшом одолжении. Племянница моего близкого друга едет в Юту. В Солт-Лейк-Сити. А ты там давно обретаешься, ходы-выходы знаешь. Помоги ей пожалуйста на месте обустроиться. Посоветуй как правильно квартиру снять, где машину купить... С ребятами познакомь, город покажи. Помоги, если по ходу вопросы возникнут. Хорошо?

Саша кивнул, и вопросительно приподнял брови. Аверин молчал.

– И... всё? – не выдержал Саша.

– Ну да. Всё. Я же говорил – даже не просьба, а маленькая просьбочка.

– Угу, угу... – Саша спазировал, думая как-бы изложить мысль поделикатнее, а потом мысленно махнул рукой, и выдал «как есть», без купюр и без цензуры. – А вы, ребята, вообще отдаёте себе отчёт в том, что живу я сейчас – в Америке, в непосредственной досягаемости американского государства? И что там – в этой самой Америке есть ЭфБиАй, в смысле – ФэБэЭр, полиция всякая, и прочие организации, которым может опечалить то, что я выполняю просьбы, вернее «просьбочки» разведки, пусть даже и такие пустячные? Вы что, если что случится, меня на сбитого американского лётчика Пауэrsa обменивать будете? Или как? – сказал Саша с некоторым вызовом, но без особого куража. Сформировалось уже у него к Валентину некоторое... доверие что-ли? – Я ведь, ребята, буду не ваш, не кадровый. Не сотрудник, а агент. Не служивый, а завербованный.

Саша поймал себя на том, что говорит о сотрудничестве как о свершившемся факте, и хотел уже было добавить что-нибудь перечёркивающее своё поспешное «буду», но Валентин уже поднял руку, показывая что идея ему ясна, можно не продолжать.

– Ну, во-первых, говоря чисто-гипотетически, любая спецслужба мира своих не бросает, кадровый это сотрудник, или нет.

При словах «чисто-гипотетически» Саша криво усмех-

нулся.

«Прям как в американской судебной системе, или в рекламе какой.» – подумал он. – «Если бы Валентин мне это не устно рассказывал, а дал почитать в напечатанном виде, то внизу мелким, совершенно нечитаемым шрифтом было бы написано что результаты нетипичные, и не надо пытаться воспроизвести их в домашних условиях. А это на человеческом языке означает – каждый сам за себя, и никто на себя никакую ответственность брать не собирается.»

– Я серьёзно. – добавил Аверин, очевидно усмотрев недоверие в Сашиной гримасе. – Ну, для примера: почему ты думаешь у любых современных военно-воздушных сил есть развитая система спасения сбитых пилотов?

– Лётчиков. – машинально поправил собеседника Александр. – Пилоты – гражданские, а военные – лётчики. А спасают их, уж извини за цинизм и меркантильность, потому что офицеры ВВС – они же самые дорогие в производстве, их терять невыгодно. А мы, кстати, были по стоимости вторые. Потому что в моё время час машинного времени стоил сто рублей, а час полёта истребителя – сто двадцать. – и добавил во избежание исторических конфузий: – Полновесных советских рублей.

– Ну, может быть и по-этому тоже. – частично согласился Валя. – Но главное-то не в этом. Главное – в том, что служба спасения делает лётчиков храбрыми. Решительность – она же всегда обратно-пропорциональна угрозе, верно? А

служба спасения угрозу для лётчика уменьшает. Понимает лётчик, что если не дай бог придётся катапультироваться, то прилетят вертолёты со спецназом, супостата отодвинут, а его, летуна – и на чужой территории отыщут, выручат, и домой отвезут почти с комфортом. То-есть, получается, что служба спасения серьёзно улучшает эффективность авиации – боец в воздухе меньше опасается того что случится если его собьют, вот и действует куражнее. И в разведке ситуация очень похожая. Разведчик должен быть уверен, что контора его никогда не бросит, напротив, будет за него биться до конца.

– Ну, с кадровыми разведчиками может быть так и есть. – нехотя сказал Саша. – Но я же не сотрудник какой-нибудь, как ты говоришь, «конторы». Вот вцепится в меня американское правосудие, так за меня-то кто биться будет, да ещё и так чтобы «до конца»? Как же, будет кто-нибудь копыя ломать за человека, который помог какой-то там племяннице друга в Юте обжиться.

– С агентами ситуация схожая. Разведке нужно чтобы агенты действовали исходя из уверенности что их не бросят, так что и агентов спецслужбы защищают наравне с «родными» сотрудниками, исходя опять же не из человеколюбия, а из голого прагматизма. – ответил Валя, и добавил улыбнувшись: – Конечно, опять же рассуждая чисто гипотетически.

– Угу, то-то в американских новостях всё время мелькает что то там то тут китайского шпиона арестовали. – буркнул

Саша скептически прищурясь. – Или вовсе даже и не шпиона, а напротив – агента. Американца, который на китайскую разведку работал.

– Ну а про российских разведчиков или агентов ты часто такие новости читаешь? А думаешь разведывательная активность в последнее время уменьшилась? Просто такие вопросы между нами и американцами решаются тихо, по-соседски, без шумихи в прессе.

– А с китайцами почему не решаются тихо и по-соседски? – спросил Александр из чистого любопытства.

– Не знаю. В каждой избушке – свои игрушки, и в китайской фанзе – тоже. Американцы в своей прессе хвастаются что китайского шпиона поймали, а китайцы – в своей, что поймали американского. Потом, скорей всего, тоже находят компромиссы. Это в военное время тайная война ведётся без всяких правил и со смертоубийствами, а в мирное – всем рано или поздно приходится договариваться.

Если честно, про то, что американская пресса может просто не упоминать факты задержания американцев в Китае, Саша как-то и не подумал. Обратил внимание на то что в последнее время частенько проскакивают в новостях статьи о китайских шпионах, а вот о том, что может быть видит только половину истории – как-то и в голову не пришло. Асимметричность же в шпионских скандалах Александр для себя объяснял том, что в гораздо более обществе закрытом Китая контрразведке работать проще. Вот, наверное, и попадаются

американцы реже, просто потому что в Поднебесной американских разведчиков куда меньше, чем китайских в Америке. А ведь если призадуматься, то объяснений можно найти множество, и на любой вкус. Может быть, центральные американские новости про аресты американцев в Китае помалкивают в тряпочку, а российские новости – они же предпочитают перепечатывать статьи именно из англоязычных источников. А может быть китайцы нарочно у себя шпионские скандалы не афишируют из каких-то хитрых соображений. Например, чтобы показать всему миру что Китай всюю уже играет с «большими мальчиками», и в Америке успешно и (главное) практически безвозмездно ворует секреты.

– Ну так вот, а во-вторых, – продолжил Валентин, будто и не прерывал себя рассуждениями о службах спасения и китайских шпионах: – Во-вторых, тебе по большому счёту вообще ничего не угрожает. Никто же не просит тебя угнать Боинг с химическим противоракетным лазером.

Почему Валя усмехнулся, говоря про лазер, Саша не понял, однако и уточнять сейчас не стал – наверно какая-то их внутренняя шутка.

– Ты же оказываешь услугу своему знакомому, частному лицу. Просто помогаешь устроиться племяннице знакомого твоего знакомого. Ничего криминального.

– Да что ж вы заладили про частное лицо-то? Любому ж дураку понятно что тут отовсюду разведывательные ушки торчат! Что ж я, Валя, не понимаю что ты из разведки, из

СВР?

– Саша, подчёркиваю, это просьба не разведки, а моя. Лично моя. Как я уже сказал, ничего криминального ты делать не будешь, так что официально, по закону преследовать тебя будет не за что. Ну допросят тебя. И ты честно, без утайки расскажешь им чистую правду – ты просто помогаешь племяннице знакомого твоего знакомого обустроиться в Штатах. И тебе поверят, потому что это – правда. Ну хорошо, попадутся тебе какие-нибудь неправильные допрашивающие. Какие-нибудь новички, которые визуально не могут определить врёт человек, или нет. Или просто дураки. Максимум что после этого может произойти – ну поставят тебя под полиграф.

Аверин сделал паузу, но Саша конечно знал что «полиграф» – это официальное название детектора лжи, и коротко кивнул Валентину чтобы тот продолжал.

– И полиграф этот честно покажет что на вопрос: «Помогаете ли Вы, Александр Тимофеев, иностранной разведке?», ответ «Нет!» – совершенно правдивый. А ты, Саша, соответственно, помогаешь именно частному лицу.

«Ну что ж, грациозно» – подумал Саша.

– Работаю ли я на разведку? – продолжил Аверин. – Да чёрт его знает. Ты, Саша, этого наверняка не знаешь. То, что я офицер, ничего не говорит. Ты например – тоже офицер. А может, кстати, и работаю на разведку. Или работал когда-либо. На разведку кто угодно работать может. У тебя, Саша,

пол-группы из Училища распределилось в ГРУ – они тоже на разведку работают, или, хотя бы – работали, верно? Вне зависимости от того в разведке я или нет, тебя попросила помочь не разведка, а лично я, и опять же не как потенциальный разведчик, а как частное лицо.

– Ну, в общем логично... – подумав, сказал Саша. – а если они мне – вот так же, пентотал подсунут?

– Пентотал, Саша, сыворотка правды очень старая, и кстати, применяется внутривенно. Но вопрос я понял, «Что будет, если кто-нибудь применит химию, делающую человека очень разговорчивым?» – кивнул Аверин, и ухмыльнулся. – А ты думаешь, ты Оле пел американский гимн, и пускал слезу при виде звёздно-полосатого флага?

Саша чуть посмурил лицом, и Виктор поспешно добавил:

– Да не волнуйся, не волнуйся, взгляды у тебя по американским понятиям либретарианские – это такое анархистское недоверие к правительству. В тюрьму за это не сажают, но и в НАСА работать не возьмут. А что касается наших с тобой дел – всё то же самое как и с полиграфом.

– Ну, в общих чертах понятно... – сказал Саша.

– Кстати, о принадлежности к разведке... Саша, а почему ты решил что я из СВР? Подожди, дай сам догадаюсь... – Валя выдержал театральную паузу. – Потому что я не знал что ГУК – это Главное Управление Кадров минобороны, а все армейцы это знают, верно? Соответственно, я не воен-

ный, не из ГРУ, а значит – именно из СВР?

Сказано это было с таким триумфаторскими прищуром, что покажи Валентин в следующую секунду язык, Александр бы ни капельки не удивился.

«Эка цаца!» – восхитился про себя Саша, но тут же нашёлся, и ответил как можно небрежнее, указав взглядом под стол:

– Да нет, Валь, просто у тебя на голенище левого сапога азотистый глинозём, который встречается только в Ясенево.

Валентин Борисович не удержался и инстинктивно бросил-таки быстрый взгляд на свои итальянские ботиночки, а потом расхохотался так открыто и заразительно, что и Саша конечно же не удержался, успев впрочем продавить сквозь смех:

– Один – один?

– Один – один. – подтвердил Валя отсмеявшись, а потом добавил уже совсем серьёзно. – И вот ещё что... Кнута нет, зато есть пряник. Я, Саша, как ты уже понял, частное лицо очень влиятельное, и могу входить в неплотно закрытые двери. Что тут, что там, в Америке. Что практически в любой другой стране. Если понадобится, и в Антарктиде. И, что немаловажно – умею быть благодарным. Ну что, взаимопонимание достигнуто?

– Достигнуто.

– Вот и славно. – Аверин посмотрел на часы, словно сверяясь с расписанием беседы. – Ты подумай пока, время тер-

пит, мгновенный ответ не требуется. Я потом позвоню. Сам понимаешь, афишировать наш разговор не надо. Со Ступаковым поговорю сам. А ты пока отдыхай, вы же вроде сегодня с братцем-Борей и Мишей Алексеевым в баню собирались?

– Ну надо же... – ответил развеселившийся Саша. – Как всё-таки полезно что у нас частные лица так хорошо информированы. Сам-то я про сегодняшнюю баню и забыл! Спасибо что напомнил. Валь, а о чём подумать-то, пока время терпит?

– Я же говорю, ты можешь и отказаться.

– Ага, ага... Тебе не к кому больше обратиться. Я как бы – последний вариант. И тем не менее я могу и отказаться. Интересная ситуация получается... – не спеша сказал Александр, размышляя вслух. – Ведь вы могли мне любые вопросы задавать, и получать правдивые ответы. Вроде как мне в голову заглянули. Экстренное потрошение мозгов устроили.

– Ну так, глянули одним глазком. – отшутился Аверин, уверенный, что по поводу такого вопиющего нарушения «прайвиси» Тимофеев возмущаться уже не будет. – Ещё раз извини, старина.

– Да хватит извиняться, я же говорю – всё, проехали. Я не о том... Получается что ты же, Валя, наверняка знаешь, что я соглашусь помогать, так ведь? – Саша подмигнул собеседнику. – Трудно быть богом.

– Поясни. – сказал озадаченный Валентин Борисович.

Книги Стругацких он любил и знал неплохо, а уж классику «Трудно быть богом» и подавно, но вот аналогия никак не просматривалась.

– Ну как же, почти в любой религии: и всемогущий бог, и свобода воли у человека. Творец как-бы дал человеку свободу выбора: что – делать, а что – нет. Но благодаря тому, что бог всемогущий, он великолепно знает что будет дальше. Вот и получается, что свобода воли совершенно надуманная. Фиктивная. Вот и ты сейчас говоришь, что я могу согласиться, а могу и отказаться, а сам-то небось уже прекрасно знаешь что я соглашусь.

– Но я ведь не ищу лёгких путей, вот и рассказал тебе всё, чтоб интереснее было. Теперь интрига усложняется, потому что я знаю что у тебя в голове, а ты знаешь что я знаю... – рассмеялся Валентин. А потом добавил более-менее серьёзно: – Не преувеличивай возможностей технологии, Саша. Никто не может знать согласишься ты помочь или нет. Ты и сам наверное ещё не знаешь. Вообще – думай, отдыхай, догуливай отпуск. Потом свяжемся.

Уже в дверях, глядя в спину спускающегося по ступенькам гостя, Александр крикнул :

– Валь, а имя-отчество хоть настоящие?

11. Не шпионка, а разведчица

День начинался так себе. Вернее, это наверное не день начинался, отпуск заканчивался, по-этому и настроение было не очень-то развесёлое, даже скорей откровенно хандрёж-

ное.

Вчера поздним вечером Саша (как говорилось в старом добром мультике, «изрядно ошипанный но непобеждённый») сменил самолёт на такси в Международном аэропорту Солт-Лейк-Сити. После пятнадцати минут дороги, обнимашек-целовашек с домашними, непременно раздачи подарков от бабушек и дедушек, а также стакана водки, предусмотрительно привезённой через пол-света из Первопрестольной, время суток и состояние организма соответствовали необходимости пересыпать часовые пояса.

Проснувшись рано утром, Саша курил, смотрел на совсем уже весенний сад, и прислушивался к ощущениям. Начало приходить осознание того, что текущая смена обстановки – не очередной виток цепочки отпускных приключений, а их окончание. Завтра – рабочий понедельник. Начало очередной (что характерно – рабочей) недели. За которой последует ещё одна. И ещё одна. Всё – праздник кончился.

А ещё, сегодня предстояла встреча с Ларисой, встреча, которой Саша очень хотел и немного побаивался. С одной стороны – он по Лариске соскучился, а с другой – за три недели они, как обычно, успели друг от друга слегка потыкнуться, так что будет как всегда. А всегда получалось так что после Сашиного отпуска в Москве, или Ларискиного в её родной Ухте, Сыктывкаре, и той же Москве (Лариска была та ещё лягушка-путешественница), отношения начинало изрядно потряхивать. А потом такие потряхива-

ния перерастали в короткую, но интенсивную войну. До сих пор этакие войны заканчивались замирениями через ослепительные всплески взаимной приязни, а вот чем закончится в этот раз? Впрочем, может они и держатся столько лет вместе именно благодаря этим болезненным падениям и захватывающими дух взлётам? Или, может быть потому, что никто никому ничего не должен, и их отношения держатся именно на отношениях?

В очередной раз поразмыслив над закономерностями, вернее, над отсутствием закономерностей любви, Саша решил, что уж лучше будем считать что «на отношениях», чем на «на взлётах и падениях», а то какая-то морально-психологическая садо-мазо получается. А ещё подумал, что если бы писатели строчили романы о том, как оно в жизни происходит на самом деле, не преуменьшая и не преувеличивая, то-есть буквально и документально – то никто бы не стал такие книжки читать. А писателей, драматургов и прозаиков всяких живо перепрятали бы в психушки с диагнозом «паранойя, вылившаяся в гипертрофированные фантазии», почему-то в жизни всё получается гораздо сложнее и нелинейнее, чем в книгах.

Покручинясь ещё какое-то время по поводу отъезда из Москвы, окончания отпуска, грядущих трудовых будней и вероятной войны с Лариской, Саша решил что трудное дело жаления себя-любимого надо передоверить если не профессионалам, то хотя бы любителям-добровольцам. Вот и

собрался наведаться к другу Арсену. Выгреб из ещё неразобранной сумки несколько московских сувенирчиков, заботливо упакованных матушкой. Позвонил, предупредил о том что выезжает. Да и, собственно, выехал, дивясь тому что теперь опять приходится ездить за рулём, а не пассажиром.

По приезду впрочем выяснилось, что жалеть свежеприбывшего никто не собирается. Арсен открыл дверь, как-то торопливо обнялся с Сашей, и начал, возмущённо жестикулируя :

– Ага, прибыл, геноссе! Слушай, мон колонэль, что это ваши опять устроили, а?!

«Ну вот, сегодня, похоже, жалеть будем вовсе не меня...» – обречённо подумал Саша. Открыл бутылку пива из батареи, заранее выставленной на столе, подвинул к себе кружку, и приготовился слушать.

Саша знал Арсена достаточно хорошо, и был уверен, что ничего трагического не произошло. В ситуациях, что называется «угрожаемого периода» Арсен как раз вел себя спокойней чем обычно. А вот такое типично южное возмущение, да ещё и демонстративный армянский акцент (которого у всю жизнь говорившего по-русски и армянского вовсе не знающего Арсена отродясь не бывало) означали исключительно то, что Сашин приятель собирался побороться за вселенскую справедливость. В какой конкретно части вселенной эта самая справедливость подвергалась ущемлению – тоже было достаточно прозрачно. Именно в таком контек-

сте «ваши устроили», или «ваши начудили», или «у ваших зашкалило» скорей всего относилось к какой-нибудь подсистеме российской бюрократии, в отличие от «нашей» – советской, которая таких устроений, начудений и зашкалений конечно никогда бы себе не позволила. Вах!

– Представляешь, сегодня утром собираюсь я обновить российский загранпаспорт, – тем временем продолжил Арсен. – иду на сайт генконсульства чтобы документы распечатать. И тут выясняется, что теперь в Сан-Франциско надо и бумаги подавать лично, и паспорт забирать лично. А чем плохо было как раньше – по почте? Что я им, любимая дочка Рокфеллера? Или у меня самолёт собственный есть? Это сколько же надо на билеты потратить чтобы просто паспорт получить, а?

Про такие драконовские порядки обновления паспорта Саша ещё не слышал, и уж конечно вовсе им не обрадовался. Действительно, так в Сан-Фран не налетаешься. Делать это конечно надо всего раз в пять лет, но всё равно – неприятно два раза туда и обратно мотаться, просто чтобы бумажки из рук в руки передать. И денег жалко, и времени.

– А я тебе больше скажу, комрад панцерзольдат... – многообещающе проговорил Арсен, и сделал тщательно выверенную и как-бы совершенно естественную паузу, от которой Саша ещё больше уверился, что Арсеново возмущение не сиюминутное, а если и не отрепетированное, то уж точно хорошенько продуманное заранее.

– ... а скажу я вот что: это нововведение с паспортами – не бюрократическое головотяпство, а продолжение политики по выдавливанию наших отовсюду и возвращения их в Россию. Жизнь нам хотят осложнить до невозможности, вот что! Придумал кто-то эту самую программу по возвращения соотечественников, и теперь приводит её в действие не мытьём так катаньем, работоспособность её доказывает – очки набирает. А пора уже мыслить во-первых государственно, а во-вторых – хотя бы на два хода вперед.

Саша однозначно собирался поспорить, однако понимая что Арсен хочет доиграть свою как-бы экспромтную речь до конца, пока молча слушал, изредка кивая, и ждал момента для контратаки, как всегда выискивая дырочки в логике приятеля.

– Нет, ты пойми меня правильно, месье бригадный генерал, – южный человек сбавил обороты, переходя очевидно от части пафосно-эмоциональной к части логической. – программа-то эта, по переселению соотечественников, в принципе вещь правильная, и кое-где, очевидно, нужная. А кое-где – и откровенно необходимая, там где наших военными и политическими средствами защитить не получается, а защищать надо. Там, где нашим жить невозможно, и надо бежать. Естественно, переселение наших в Россию из таких мест обеспечить нужно и должно. Но вот из комфортабельно-колбасных стран (типа Америки или Германии) люди по этой программе не поедут. Ведь не поедут? Вот например

ты, мистер лейб-вахмистр, не поедешь ведь?

Саша опять кивнул – не поедет конечно. Читал от в Инете про программу эту. Нормальная такая программа, если рассматривать её как средство помощи беженцам. Слава богу что нашлись-таки умные головы и программой такой узаботились. Но если под пятой точкой не припекает, и за дверью не собрались люди, готовые тебя резать, то дважды подумаешь прежде чем этой программой воспользоваться. А то и трижды. И после раздумий скорей всего всё равно не воспользуешься – проще своими силами переезжать.

– Вот и я не воспользуюсь. – Арсен тоже кивнул. – А вот теперь скажи-ка мне, как разведчик разведчику... – и тут, очевидно опамятовшись за свою душевную чёрствость перебил сам-себя. – Сашик, а как у тебя в отпуске-то... кхм... без происшествий?

Про разговор с частным лицом Вале́й-свет-Борисовичем Саша Арсену рассказывать конечно не стал. Во-первых, потому что отнёсся к этому разговору серьёзно, и не собирался об этом разговоре рассказывать абсолютно никому. А во-вторых, потому что отнёсся к этому разговору настолько серьёзно, что близким людям уж точно рассказывать не надо. Есть, знаете ли, такая категория знаний, что лучше бы таких знаний в головах близких людей не было – исходя именно из соображений безопасности близких людей и их голов.

– Не, Арсенище, никаких неприятностей и непоняток. А про прочие отпускные приключения потом расскажу, когда

впечатления улягутся и отсортируются.

– Ну да, ну да... – Арсен похоже и правда опечалился своему конфузу.

– Как разведчик разведчику... – подсказал Саша.

– Ну так вот, как разведчик разведчику, хочу спросить, а нужно ли вообще всех русских перемещать в Россию? – Арсен вернулся на заранее намеченную колею разговора. – Или, если затрудняешься, сформулирую по-иному: например, возможна ли серьёзная конфронтация между США и Мексикой?

– Ах вот ты про что... – хмыкнул Саша. – Ты про «пятую колонну»? Про то, что в Америке сейчас столько мексиканцев, что агрессия против Мексики не получится, потому тут, внутри Америки уже примерно двадцать процентов латиноамериканцев живёт? Так вот, господин есаул, ключевое слово как раз «двадцать процентов». Нас-то куда как меньше. Нас всего примерно три миллиона «с копейками» – чуть больше одного процентика. Тут ближе аналогия не с мексиканцами, а с японцами перед второй мировой. Если какая буза начнётся – нас быстренько как японцев интернируют, а то и перемочат. Ну ладно, про «перемочат» – наверное перебор, но за колючую проволоку запихнут так же легко как япошек после Пёрл-Харбора.

Саша хотел уж было напомнить приятелю про недюжинную решительность и предприимчивость, проявленную прагматичными американскими властями сразу после нача-

ла войны с Японией.

Решительность выразилась в том, что японцев (не размещаясь на всякие там демократические, гуманистические, и прочие общечеловеческие ценности) по-быстрому запихнули в лагеря. Причём сделали это не взирая на пол, возраст, наличие американского гражданства и былых заслуг. Даже ветераны Первой Мировой, родившиеся уже в Америке, и воевавшие в американской армии против кайзеровской Германии быстренько обнаружили себя за колючкой – достаточно было японского происхождения.

А предприимчивость интернирования была в том, что японцев посадили, что называется «с конфискацией», отобравши всё чем они владели. Однако говорить про детали интернирования Саша передумал. Арсен и сам историю знал неплохо, уж лучше пусть доозвучит свою идею до логического финала.

– А вот и нет! – Арсен рубанул ладонью по воздуху, словно рассекая неуклюжий Сашин аргумент и сбрасывая остатки в логический мусор. – Японцев по лагерям тогда сидело всего примерно сто десять тысяч человек. Да и не в цифрах дело, сеньор кавалергард. Я же не про открытую войну говорю. Сам же понимаешь что прямая, полномасштабная бойня между нами и Штатами – это ядерный Армагеддон и всеобщий пипец. А вот не прямое, скрытое соперничество, пихание локтями и коленями, укусы и щипки – будет продолжаться всегда.

– Согласен, во всяком случае до тех пор пока не появится третьей силы, против которой придётся дружить. – кивнул Саша. – Например Китай оперится и затворничать прекратит, Евросоюз перестанет быть аморфной фигурой. Ну, или марсиане какие-нибудь прилетят.

– Верно. – продолжил Арсен, пропустив провокационных марсиан мимо ушей. – Итак, мы с тобой установили, что соперничество между странами будет всегда, меняться будет только его интенсивность. Дальше. Согласись: Америка сейчас сильнее остальных стран. Именно Штаты сейчас главный игрок международной политики.

Можно было бы поспорить из патриотических соображений, или просто из вредности. Сделать оговорки про ничем не обеспеченный доллар, про то, что все материальные ценности давно уже делаются в Китае, или ещё к чему-нибудь придраться, но Александр и тут в очередной раз выжидательно кивнул.

– Да. Главный. – Арсен поставил ещё одну логическую точку. – Америка сейчас, вне зависимости от того нравится кому-то это или нет – самая значимая страна мира, и для России – главный конкурент. И России надо бы действовать гибче и элегантнее, используя все средства, и исходить не из эмоций, а из прагматических соображений. Ситуация такая, какая она есть. А есть: в Америке сейчас – три миллиона наших. Можно, например, на всё посмотреть под другим углом. Вот сколько бы например Россия готова была бы запла-

тить за то, чтобы в стране, которая для России – главный соперник, один процент населения вдруг сделался абсолютно про-российский? А?

Саша и тут на вопросительное «А?» не поддался. Слушал дальше, предполагая что приближается заключительная речь, ради которой Арсен действо и затеял.

– Вот именно! – продолжил Арсен, словно Саша не промолчал, а безоговорочно согласился. – А ничего платить и не надо. Есть уже в Америке этот самый безоговорочно про-российский процент – наши, которые тут живут. Наши. Советские. Просто не надо их отталкивать. Если оттолкнуть, закрыть двери обратно – начнётся вялотекущий процесс обамериканивания. А если будет у наших хотя бы очень удалённая, даже вовсе уж призрачная перспектива вернуться когда-нибудь потом – так наши нашими и останутся. У нас же, Саша, культура, если так можно выразиться, прилипчивая. Посмотри, люди, которые ещё в советское время приехали, двадцать, тридцать лет назад – по-русски говорят. Дети их – говорят, даже супруги американские – тоже уже говорят. Какой к чёрту «Америка – плавильный котёл»? Это мы Америку сами переварим. А теперь подумай: разве не создаёт присутствие такого количества наших в этой стране стратегических выгод для России? Просто не надо смотреть на русских в Америке как на полу-предателей, которые, когда наша страна выкарабкивалась из страшных Девяностых, гамбургеры да чизбургеры жрали. Мол, тогда отсиделись, а те-

перь ещё и теперь возвращаться не хотят.

«Вот, однако, на какие глубокие мысли может подвинуть человека необходимость подавать бумаги на паспорт лично, а не по почте.» – веселился про себя Саша, слушая пламенную речь товарища. Ну просто чудо как хорош был Арсен в своём отрежиссированном гневе. Порозовел аж, рукой воздух рубит в такт словам. Дай сейчас Арсену в эту руку шашку, да размести перед ним вместо пивных бутылок каких-нибудь бюрократов пожирнее, из тех, кто программами зарубежных соотечественников занимаются... Ох как полетели бы головы, весело поливая пейзаж фонтанами чиновничьей крови. Саша даже на всякий случай незаметненько отодвинул бутылки от Арсенова края стола поближе к своему – от греха, чтоб азартно жестикулирующая танкистская длань безвинные алкогольные ёмкости на пол не смахнула и не разбила вдребезги.

Надо было бы уже задать для подначки какой-нибудь каверзный вопрос, чтобы Арсен не очень-то задавался, но ничего в голову не приходило. Была возможность предположить что необходимость личных поездок в Сан-Фран вызвана утилитарными соображениями, а не кознями бюрократов. Ну, может быть скоро паспорта будут биометрические, вот и надо присутствовать лично, чтобы биометрику с тебя сняли. Однако разговор уже давно от как-таковых паспортов ушёл – прозевал Саша правильный момент. Слишком уж мелочно смотрелось бы это биометрическое уточнение рядом с Арсе-

новой геостратегией.

В общем-то, и поспорить Александр собирался исключительно чтобы подхлестнуть красноречие товарища. Прав был Арсен, ох как прав. Саша и сам об этих вопросах призадумывался, но так до конца и не додумал. Слишком уж глобальные вопросы-то. На них если и найдёшь решение – то только расстроишься, потому что всё равно ничего сделать не сможешь. Ни сам ситуацию не изменишь, ни до сильных мира сего не достучишься. Совершенно согласен был Саша – зря матушка-Россия не обращает внимание на огромный потенциал наших, раскиданных в дальних заграницах. Конечно же наших, устроившихся в толерантных и благополучных Америках да Германиях. Но ведь со стратегической точки зрения три миллиона наших в США не менее важны чем сотни тысяч в Эстонии, и гораздо больше сделать могут, чтобы мировую политику в российских интересах довернуть. Да, собственно, и не должно быть дилеммы «или-или», или поддерживать тех, или этих. Как раз и тех и других, и третьих и всех остальных, тем более что стоять такая поддержка будет сущие копейки. Более того, может ещё и доход в российскую казну приносить. Например, можно создать при МИДе...

– Или, если желаешь, сэр штык-юнкер, поговорим о преимуществах нам с тобой родных и социально-близких. – прервал Арсен Сашины размышления. – Вот скажи-ка мне, почему Моссад так успешно работает во всём мире, а?

– Если бы были успешные, то мы бы о них не знали. –
звернул Александр. – Про секретные разведывательные опера-
ции люди узнают лет через сто, или вообще никогда.

– Вовсе нет! – парировал Арсен. – Вернее: не совсем.
Операции по добыванию информации – да, секретные и тай-
ные. И узнают о таких только в случае провала. Но ведь
есть же и силовые акции, а они – всегда на поверхности. За-
хват или ликвидация врагов государства, ненавязчивое «за-
имствование» всяких нужных штучек, и всё такое прочее.
Я тут недавно в Интернете порылся, исследование провёл.
Знаешь сколько всего накопал? Моссад даже однажды орга-
низовал угон ракетных катеров из Франции, когда тамош-
ние законодатели наложили эмбарго на экспорт оружия во-
юющим странам. А устранения палестинских генералов по
всему миру – считай и вовсе не событие, так, каждодневная
мелочь.

– Неужто так прямо взяли и угнали катера? И Франция
стерпела? – подивился Саша, об этом случае не слышавший.
А потом внутренне улыбнулся и ещё раз похвалил себя за
догадливость. Всё верно: сегодняшняя Арсенова пламенная
речь – это конечно же как-бы сиюминутный экспромт, спро-
воцированный неуклюжестью российской бюрократии. Од-
нако поддержанный предварительными вдумчивыми иссле-
дованиями.

– Ну, катера-то были для Израиля построены, и даже
оплачены, так что чисто технически они уже были израиль-

ские. Их только вывозить нельзя было из-за эмбарго. Да не в них дело. – отмахнулся от катеров Арсен. – Катера – это так, один эпизод из многих. Я это к тому, что Моссад легко и непринуждённо оперирует практически везде. И ведь, согласись, если израильская разведка может практически в любой стране силовые акции проводить, то и со сбором информации у неё уж точно никаких проблем нет. И всё почему?

– Почему?

– Потому что Моссаду работать легко. Они же везде на местную еврейскую диаспору опираются. Вот и получается, что у еврейской разведки везде сочувствующие находятся, а если нужно – то и помощники.

– Ну, евреям проще, у них идея сионизма есть. – ответил Саша. – А нашим как? Идеи коммунизма нет теперь. Многонационального СССР, который «единая общность – советский народ» – тоже нет. Панславенизм – идея вообще никакая: что же нам, поляки и чехи – братья, а татары, грузины и армяне – не братья?

– Не «панславенизм» а «панславизм». Идея объединения всех славян называется «панславизм». – поправил Арсен между делом. – А вот с сионизмом, дорогой, тоже всё не просто. Сионизм – это ведь идея возрождения еврейского государства на исторической родине. То-есть, все правильные сионисты должны собрать вещички, да и двигать на Ближний восток. Однако Израиль хотя иммиграцию поощряет, но не форсирует. Наоборот, поддерживает евреев там, где они

живут в данный момент. Ну и, конечно же, в своих целях использует. Больше того тебе скажу, дорогой, есть даже такой лозунг: «Не еврей для Сиона, а Сион для еврея», то-есть где еврей живёт – там Сион и есть. Ну, примерно как твоё любимое «Куда русский пришёл, там американцу делать нечего». Есть над чем подумать, верно? И чему поучиться.

Дослушать мысль про творческое развитие идеи сионизма и приложении её к пост-советским реалиям не довелось – в кармане завибрировал телефон. Саша посмотрел на незнакомый номер, высвеченный мобилкой, поморщился, и решил не отвечать на вызов. Здесь, в Америке, он терпеть ненавидел поднимать трубку, если не знал кто звонит. Все «свои» давным-давно в телефонной книжке, и номера их определяют. А «чужие», незнакомые, с хорошими новостями звонят чрезвычайно редко, причём на мобилку – и подавно. Хорошо хоть в последнее время телемаркетерам американские федеральные власти хвоста накрутили – больше не беспокоят предложениями купить чудо-пылесос, или тайм-шер на Бермудах. Но всё равно, незнакомый номер – это или напоминание оплатить какой-нибудь счёт, или какая-нибудь подобная гадость. Короче: пусть оставят сообщение, а там видно будет – перезванивать им или нет. Впрочем, номер – местный, так что вряд-ли это кредиторы.

Помнил Александр и о словах кренделя из РУМО – «До скорой встречи». Теоретически, тот скорее позвонит туда, куда звонил раньше – на домашний телефон, и номер у это-

го Стива Сильвера – вайомингский, но чёрт его знает как получится практически. Вот если позвонит – то и пусть на автоответчик наговаривает, соответственно – у Саши будет время подумать и правильное решение принять. Ну, если не самое правильное решение – то хотя бы продуманное. Как говорил старина Клаузевиц, немец на русской службе и папа стратегии: «Внезапность – главный залог победы». Впрочем, это он наверное с Сунь-цзы собезьянничал. Так или иначе, как раз элемент внезапности-то Саша этому самому мизераблю пирату-Стиву дарить вовсе не собирался.

Не забыл конечно Саша и о Валентине, и о своём обещании помочь по мере сил. Надо заметить, обещание это теперь казалось не то чтобы жутко поспешным или безрассудным, но... было у Саши чувство, что хоть немножко – но погорячился. Одно дело – принять решение помогать своей стране, находясь как раз в этой самой своей стране и под её защитой. А вот делать это, находясь в Америке – дело совсем другое. Верней, помогать не стране конечно, а «частному лицу» – Саша усердно приучал себя к мысли что это именно «частное лицо».

Телефон пискнул, давая понять что для Саши оставили новое сообщение голосовой почты. Набрал «»123«» Саша начал выслушивать длиннющие инструкции, проговариваемые металлическим голосом. Сколько же можно напоминать что для прослушивания сообщения нужно нажать клавишу «»1«»?! Вот уж во-истину: «Сделайте систему, которой смо-

жет пользоваться дурак, и только дурак захочет ей пользоваться». Впрочем, тут дело конечно не в удобстве системы даже для дураков, тут – наоборот, умнейшие дядьки из телефонных компаний сделали систему, приносящую деньги. Послушал абонент дурацкие сообщения лишнюю секунду, а абонентов каждый день – миллионы, вот драгоценные минутки и набежали, минутки – они же денег стоят.

– Здравствуйте, Александр. – приятный голос прервал Сашины размышления о зверином оскале капитализма. – Это Мария, ваш номер мне дал друг моего дяди. Мой телефон...

Номер телефона Саша пропустил мимо ушей – он на мобилке определился, а да и если понадобится – всегда ещё раз сообщение прослушать можно.

Друг моего дяди? Ну да, ведь Валентин говорил «племянница моего друга». Никаких паролей конечно не было, пароли – это, знаете-ли, у всяких там шпионов, а не у «частных лиц», не делающих ничего противозаконного.

Саша нажал кнопку обратного вызова, и после пары гудков ответил тот же женский голос.

– Алё?

«Ну надо же, как московское "аканье" радует слух. Не иначе – под старость становлюсь сентиментальным.» – умильно подумал Саша, и ответил: – Здравствуйте, Маша, это Тимофеев.

– Здравствуйте, Александр. Мы можем встретиться?

– Да запросто. Когда Вам, Машенька, удобно?

– Вас не затруднит прямо сейчас? Вы сможете подъехать? А то я пока без машины... Это где-то в центре. Рядом с моим отелем есть парк с паровозиком.

Парк «с паровозиком» Саша знал. Малюсенький такой парк, а вернее – почти скверик находился почти в самом центре деловой части Солт-Лейк-Сити. В качестве достопримечательности там стоял старинный маневровый паровоз – прямо декорация фильма про Дикий Запад, однако – настоящий. Как эту историческую достопримечательность в парк затащили – для Саши оставалось загадкой, потому что рельсов рядом не было, и, судя по планировке города, не было никогда.

– Не затруднит. Я смогу быть там через... Через сорок пять минут.

–Замечательно. Спасибо. До встречи. – сказала Маша и отключилась.

Ну вот, собственно говоря – началось. Если честно, то что именно «началось» – до Саши дошло только сейчас. А ещё дошло то, что они не обговорили ни место встречи, ни как они узнают друг-друга. Ну, с местом более-менее понятно – парк маленький, и разминуться там сложно. Но сейчас, в воскресенье, в четыре часа дня народу там должно быть изрядно. Что же, ходить и кричать по-русски «А ну, кто тут Маша?». Или она его в лицо знает?

«Кстати, частные лица обычно не опознают других частных лиц по предварительно заготовленным фотокарточ-

кам.» – подумал Саша, попрощавшись с Арсеном и заводя машину, и тут же запретил себе думать в этом направлении.

До парка Саша доехал раньше чем планировал – говоря «сорок пять минут» не сделал поправку на почти полное отсутствие машин на улицах в выходные дни. В парке (как и должно быть) гуляли обыватели с детишками. Впрочем, картина была для провинциальной Америки достаточно необычная – многие мужчины были в галстуках.

В американской глубинке галстук можно увидеть на двух типах людей – или на банкире, или на продавце автомобилей. Рабочая униформа у них такая. И обоим галстук нужен для респектабельности. Банкиру – как символ железобетонной непоколебимости финансовой организации, которую он представляет. У продавца машин ситуация сложнее. Нет за ним финансового института, и потенциального покупателя надо убедить что доверять можно и нужно продавцу лично. Что американская поговорка «Продавец машин способен на такие низости, что может даже проползти под ящерицей» – это выдумка клеветников и завистников. Так или иначе, галстучники обоих типов существуют только в будни, по выходным дням тут вообще почти все бизнесы закрыты, так что банкиры и продавцы машин превращаются в обычных безгалстучных людей. А в местности, населённой мормонами, в воскресенье проявляется третий тип человека с галстуком – граждане мужского пола, направляющиеся в церковь, или, как сейчас – из церкви возвращающиеся. Милейшие, в об-

щем-то, люди, в богобоязненности своей не пьют ни алкоголя, ни кофе, ни чая, не курят, не воруют и не шумят. Хорошо иметь таких соседей. Главное, чтобы было с кем общаться кроме них, в противном случае соседство делается смертельно опасным – запросто от скуки можно умереть. Первые несколько лет в Америке у Саши советских знакомых практически не было, и время это до сих пор вспоминалось как страшный сон. Это потом появился вебсайт русского Солт-Лейк-Сити, а вместе с ним друзья-приятели, и жизнь наладилась.

– Здравствуйте, Александр.

Саша обернулся, и быстренько оглядел Марию не без практического мужского интереса. Девушка была весьма симпатичная, правда на Сашин вкус – мелковатая. Мелковатая не геометрическими размерами конечно, а возрастом – на вид её было чуть за двадцать. Ну, может быть – двадцать пять, но никак не старше. А геометрические размеры как раз были самые что ни на есть нормальные, вернее – средние. Средний рост, нет, пожалуй – чуть выше среднего. Не худышка, не толстушка – правильного такого телосложения. Лицо с этакой пикантной восточинкой, наверное замешалась пару поколений назад горячая кавказская кровь. Впрочем, в кого из нас всякая кровь не замешалась? – всего за десять поколений в создании каждого индивидуума участвуют одна тысяча двадцать четыре человека, и уж в нашей-то многонациональной России у каждого записного русака найдутся и

польские, и грузинские, и татарские и еврейские предки, да и вообще какие хотите. Тут, в Америке, Маша пожалуй сошла бы за отпрыска полу-англосаксонского полу-южноамериканского брака. Или, скажем, за аргентинку или очень светлую бразильянку.

– Здравствуйте, Машенька. – Саша наклонился и поцеловал протянутую для рукопожатия руку. Вот не мог он привыкнуть к этому типично-мужскому приветствию, обычно практикуемому американками, и отвечал на женские рукопожатия рукопожатиями только в бизнес-ситуациях, когда перед тобой не женщина, а заказчик. Да, собственно, и не собирался привыкать – нечего баловать, пусть они сами окультуриваются.

– Пройдёмся? – Маша по-хозяйски взяла Александра под руку и они неспеша пошли по дорожке, пересекающей парк.

– Как добрались Машенька? – спросил Саша просто чтобы с чего-нибудь начать.

– Нормально, без приключений. В Атланте, правда, полдня просидела – рейс задержали. А сюда добралась вчера ночью, проспала почти двенадцать часов. Извините, Саша, в номер не приглашаю, там жуткий беспорядок.

– Может быть, хотите кофе? Какой-нибудь атомный, чтобы кофеина больше чем воды? Тут на соседней улице кафешка. – спросил Саша, не по наслышке знающий как оно – летать через десяток часовых поясов. Да и сам, собственно, прилетевший сюда почти одновременно с Машей, только

Саша – через Нью-Йорк, а Маша, как теперь выяснилось – через Атланту.

– Да нет, спасибо, я – нормально. И вообще, мне кажется, проблема временной акклиматизации сильно преувеличена.

– Почему-то в эту сторону лететь всегда легче. – сказал Саша с видом знатока.

– Ага, мне говорили, даже объясняли что-то про полёты по вращению земли, и против вращения. Вот буду возвращаться обратно – проверю.

– Так Вы, Машенька, в Америке первый раз?

– Первый. Папа прислал за американским образованием.

– В Ю-оф-Ю? – спросил Саша, и, не увидев в глазах девушки понимания, добавил: – Ну, в Юниверсити оф Юта, в местный ютинский университет. В разговоре обычно сокращают до «Ю-оф-Ю».

– Ну да, в Университет Юты. А что, тут университетов несколько?

– Тут их – три, не считая всяких мелких частных шарашкиных контор.

Если честно, но про ютинские университеты, да и вообще про штатовское образование Саша не знал практически ничего – так, нахватался верхов в разговорах со знакомыми, причём в основном не со студентами, а со своим поколением – с профессорами. Как говорится: «Америка – это страна, где русские профессора учат китайских студентов.» Самому Саше учиться в Америке в общем не требовалось – совет-

ского образования хватало. А на то, чтобы поучиться не из необходимости, а так, «для фана» не было свободных денег. Цены на образование в Штатах ой как кусаются, если нет у тебя государственного гранта как у особо-одарённой личности. У Саши гранта конечно не было, да и попытаться такой грант получить уже поздно – перебор годочков-то. И одарённости особой не было. И времени лишнего. Забавно конечно было бы взять – да и выучиться на геолога, или наловчиться проектировать микропроцессоры, но... Теперь уже наверно в следующей жизни.

– Надо же, папаня-олигарх не предупредил. – прервала Маша Сашины образовательные мечты. – Хотя, выбора у меня всё равно не было.

– А папаня – что, действительно олигарх? – прищурился Саша весьма скептически, прикидывая, куда же погибается эта история.

– А как же! – улыбнулась Маша. – Футбольных клубов у него конечно нет, но человек – весьма состоятельный. Вот приехала бы я сюда не студенткой, а, например, по рабочей визе – пришлось бы каждую копеечку считать.

Саша кивнул. Сам он как раз и приехал по такой – по рабочей визе. И многие его знакомые. Каждую копеечку, конечно, не считаешь, но уж точно не роскошествуешь, потому что компания, которая тебя в Штаты ввезла, имеет на тебя все права, и платить больше узаконенного минимума не станет – всё равно ты от неё пять лет никуда не денешься. Типа

– рабство. И грин-карту тебе делать не спешат, грин-карта, это как раз тот «Юрьев день», когда своего крепостничего на иного доброго барина поменять можно. Делать грин-карту тебе начинают только когда видят что ты готов хлопнуть дверью и уйти «как есть» – или в другую компанию за новой рабочей визой, или в нелегальные эмигранты, или ещё куда-нибудь. Может и есть хорошие импортёры мозгов, которые людям на рабочей визе и зарплату повышают исправно, и грин-карту со всем усердием делают, но вот Саше попались не хорошие, а обычные.

– А студентка с богатым папой может тратить гораздо больше, не вызывая ненужного любопытства. – продолжила Маша. – Мне ведь, Александр, по роду занятий тратить надо много, я – шпионка.

– У них – шпионы, а у нас – разведчики. – машинально поправил задумавшийся Саша, до которого смысл последних слов дошёл не сразу. – Что!?

Сначала показалось что он ослышался – очень уж не хотелось верить ушам. Однако, поглядев на Машу с чертенятами в глазах, Саша понял – нет, не ослышался, произнесено было именно это слово. Ужасно неприятное слово, когда стоишь себе прямо по середке северо-американского континента. Читением прав арестованного отдаёт словечко, знаете-ли, и сроками с двузначными цифрами минимального количества лет заключения. Мысли, понёсшись было вскачь, вдруг поскользнулись, и с размаху грохнулись на пятую точку, вы-

светив резюмирующую фразу: «Вы что там, в Москве – совсем офигели?!»

Маша, похоже, примерно такой реакции и ожидала. Успокаивающе улыбнувшись, она покрепче взяла Сашу под руку, и шагнула вперед, так что Саша, при словах «Я – шпионка» будто налетевший на стену, вынужден был возобновить мирную прогулку.

– Ничего страшного, Александр. – продолжила Маша негромко, придвинувшись поближе и заглядывая Саше в глаза. – Нет, именно «шпионка», потому что то, чем я занимаюсь – обычно называется «Промышленный шпионаж». Именно «Промышленный». Я работаю на одну большую, вернее, очень большую интернациональную корпорацию – на её российское представительство, и по мере сил собираю сведения для своего работодателя. Обычная бизнес-практика, ничего незаконного. Вы уж извините что я Вам всё это рассказываю. Понимаю, что без некоторых знаний жить легче, как говорили предки «Многия знания – многия печали». Детали я рассказывать не стану – именно для нашего общего душевного спокойствия. Зато теперь, когда род моих занятий обозначен, некоторые просьбы будут видеться более обоснованными. Вернее – менее странными. Да не смотрите на меня уже так удивлённо, Сашенька, не болтаются у меня за спиной парашютные стропы.

«Ай-да Валя свет Борисович, ай-да сукин кот. Просто и красиво, ничего не скажешь. А эта, психологиня малолет-

няя, ведь наверняка фразочку огорошивающую заранее подготовила, отшлифовала да отрепетировала. Интересно, зачем, а? Тоже мне, радистка Кэт с Матой Хари в одном флаконе. Молодая, но ранняя. » – подумал Саша. А вслух сказал:

– За промышленный шпионаж в тюрьму сажают. Не так как за обычный – политический там, или военный, но всё-таки это – деятельность незаконная. А то, чем Вы, солнце моё, собираетесь заниматься, называется «Конкурентная разведка». Так что всё-таки «разведчица».

– Верно, – улыбнулась Маша. – просто не все знают термин «Конкурентная разведка», вот я и объяснила как... попроще. Ну что, взаимопонимание достигнуто?

– Достигнуто, достигнуто... – ответил Саша, пытаюсь вспомнить кто из знакомых частенько использует эту фразу. – А фотку мою для визуального опознавания Вам, конечно, большая интернациональная корпорация выдала? У которой российское представительство?

– Да нет, всё гораздо проще и приземлённее. Я вас сразу узнала по фоткам на сайте. Погуглила «русские в Юте», и нашла. Я же студентка прилежная.

«Вот чёрт – как просто с фоткой-то! Мог бы и сам догадаться...» – подумал Саша.

– Рассказывайте, Машенька, чем нужно помочь. Друг Вашего дяди говорил что-то про машину и жильё?

– Ну, это потом. Глобальные проблемы предлагаю решать по-одной, и исключительно в порядке поступления. А пока

– если есть время, отвезите меня пожалуйста в какой-нибудь магазин электроники.

– Детали для радики покупать? – хмыкнул Саша. И поймал себя на том, что до того как пошутить даже не оглянулся чтобы убедиться что до прочих гуляющих достаточно далеко. Ох, до чего же приятное объяснение – невинный промышленный шпионаж. Нет, даже не так – совершенно законная конкурентная разведка. Никаких тебе треволений.

12. Эвристики

Супервизор дежурной смены департамента HLSUA сидел и ждал окончания смены. Прошло уже больше семи часов с тех пор он оставил свою Тойоту на охраняемой стоянке возле неприметной группы зданий в северной части городка Форт-Мид, расположенного ровнёхонько между Балтимором и Вашингтоном, прошёл два поста проверки, предъявив удостоверение сотрудника Агенства Национальной Безопасности, и принял смену.

АНБ, Агенство Национальной Безопасности, хоть и является конторой весьма специфической, всё же входит в структуру Пентагона, а армейские порядки схожи под любыми широтами, так что сегодняшняя смена Супервизора по своей функциональности несильно отличался от службы какого-нибудь дежурного по станции связи Российского Флота в Игарке, или дежурного по посту наблюдения Стражей Исламской Революции в окрестностях Кереджа. У начальника дежурного может быть творческая работа, и у подчинённо-

го дежурного – может, а у самого дежурного – нет. Задача дежурного по любому объекту – следить чтобы всё было хорошо, всё работало как надо. Ну и конечно – служить мальчиком для битья, тем самым «стрелочником» если что-то случилось, когда тот самый начальник демонстративно выясняет, как же это дежурный допустил такое, и почему это он не следовал должностной инструкции. Впрочем, у Супервизора возможностей оказаться виноватым было даже больше, чем у большинства дежурных по чему-нибудь военному, потому что начальников у Супервизора было целых два: департамент HLSUA принадлежал АНБ, но оперативно подчинялся Министерству Национальной Безопасности США – «»Department of Homeland Security«».

Супервизор посмотрел на часы – секундная стрелка еле еле двигалась. Из подвала доносился привычный гул охлаждающей системы, обеспечивающий нормальную температуру суперкомпьютера, пожиравшего электроэнергию, достаточную для не самого маленького посёлка. А может быть – и нескольких суперкомпьютеров – на других этажах здания Супервизор никогда не был, и не знал что там происходит – секретность есть секретность. Однако, если оперировать доступной информацией, то компьютер, на один из мониторов сейчас смотрел Супервизор, в этом здании скорей всего не одинок. Блоки систем охлаждения, однажды виденные Супервизором в подвале, явно предназначены не для одной вычислительной установки. Да и не зря его суперкомпью-

тер называется «»4«». Вот так вот, не «Дип Блю», не «Роад Раннер», а всего лишь «»4«» – не нужно «Четвёрке» громкое имя, потому что рекламировать её никто не собирается. Не упомянута она в списке пятисот самых быстрых суперкомпьютеров мира, хотя если бы упомянули – то легко вошла бы в первую полусотню. Уж кто-кто, а Супервизор это знал наверняка, потому что упрощённый тест пиковой производительности «Четвёрки» проводился каждую неделю – частенько и в его, Супервизора, дежурство. Наверняка, были у АНБ куда более быстрые компьютеры, но «Четвёрка» не была остриём кибернетической борьбы, ведомой Агентством Национальной Безопасности уже больше пятидесяти лет. Не расшифровывала «Четвёрка» телефонные разговоры потенциальных террористов, перехваченные спутникам где-нибудь над Пакистаном, и не взламывала дипломатические коды Китая. Занималась «Четвёрка» сугубо рутинной работой, была одной из многих «рабочих лошадок» АНБ, вернее, в данном конкретном случае – сторожевой собакой.

#Рейс: 5332; пассажиров: 213; .....максимальный уровень угрозы: низкая.

#Рейс: 762; пассажиров: 254; .....максимальный уровень угрозы: низкая.

#Рейс: 453; пассажиров: 198; .....максимальный уровень угрозы: низкая.

Супервизор откинулся в кресле, и посмотрел на фальш-потолок, покрытый звукопоглощающими панелями. Выше

панелей, скрытые от посторонних глаз исключительно эстетическими побуждениями, змеились кабели, трубы систем охлаждения суперкомпьютеров, и воздухопроводные короба. А вот одинаковые панели выглядели откровенно скучно. Сегодня всё было скучно до зубовного скрежета. Бывают же смены, которые тянутся убийственно долго – вот как сегодня например. Супервизор опять посмотрел на экран, не сильно надеясь что картинка его развлечёт – видел он всё это уже тысячи раз.

#Рейс 673; пассажиров: 278; .....

Двадцать лет назад Супервизор, ещё будучи студентом, изучал программирование на компьютерах, размерами напоминавших «Четвёрку», а производительностью – процессор внутри современного мобильного телефона. Тогда преподаватель не уставал повторять, что на действие пользователя компьютер должен ответить меньше чем за десять секунд, иначе пользователь начнёт волноваться, молотить по кнопкам и звать на помощь техников и операторов. Много воды утекло с тех пор, теперь у большинства пользователей нет ни своих техников, ни операторов, а компьютер как раз – свой, персональный. И производительность у него примерно в сто раз больше, чем у всех компьютеров, использовавшихся в американской Лунной программе. Однако прав ведь был тот преподаватель, сухарь академический – сейчас точки, появляющиеся на экране с улиточьей скоростью, Супервизора откровенно раздражали. Пару раз кликнув «мышкой» тот пе-

реключил трассировку с «Сокращённая» на «Расширенная». Стало чуть веселее.

Рейс 673; Франкфурт-Чикаго; пассажиров: 278; Ожидаемое время посадки: 16:20, осталось 02:18

Пассажиров проверено: 96, максимальный уровень угрозы – низкий;

Проверяется: Зиммерман, Хельга, изображений:1, записей: 0; (Франкфурт– Сан-Франциско)

Гражданство: Германия, событий:0, уровень угрозы – низкий,

Ассоциированные: Франция, событий:0, уровень угрозы – низкий,

Супервизор смотрел на проматывающийся список стран Евросоюза, примерно представляя что он увидит дальше – картинка была насквозь знакомая. И результат тоже получился ожидаемый – как в тысячах случаев проверки граждан Германии, виденных Супервизором раньше.

Что такое правила 002 и 032 Супервизор конечно не знал. Его дело – следить за тем, чтобы «Четвёрка» работала нормально, подгоняя технарей если что-то сломалось, и реагировать, если суперкомпьютер выудит что-то интересное. А если бы и смог узнать что это за правила – не стал бы любопытничать. Меньше знаешь – крепче спишь, знаете-ли. Однако догадаться в общих чертах нетрудно. «Четвёрка» наверняка применяет эвристики чтобы сократить диапазон поиска, не захлебнуться в так называемом «комбинаторном взры-

ве».

Любой компьютер, обладай он бесконечным временем или бесконечной производительностью, всегда бы выигрывал в шахматы. Верней так: он всегда бы выигрывал в шахматы, играя белыми, и всегда бы проигрывал, играя чёрными против такого же суперкомпьютера, потому что белые ходят первыми. Загвоздка в том, что нет бесконечно-быстрых компьютеров, а обычным компьютерам для того, чтобы просчитать все возможные комбинации хотябы на двадцать ходов вперед потребуются годы. По-этому шахматный компьютер применяет эвристики – правила, не требующие доказательств. Например, все знают что в начале шахматной партии крайние пешки двигать нет никакого смысла, соответственно – компьютер и не просчитывает ходы крайними пешками, экономя время. Вот и «Четвёрка» сейчас увидела что пассажирка Хельга Зиммерман – уроженка тихой Германии. Страны, ассоциированные с Германией – тоже тихие. Событий, потенциально интересующих АНБ с этими странами не связано. Вот и решила «Четвёрка» глубокий поиск не проводить, оставив уровень угрозы минимальным. Просто создала новую запись в базе данных, положив туда дату, анкетные данные, и фотографию этой самой Хельги, полученную скорей всего во время сканирования паспорта, да и перешла к проверке следующего пассажира.

А запись в базе данных – пусть лежит, авось когда-нибудь пригодится. На нашей маленькой планете живёт все-

го-то шесть миллиардов человек. Уже лет двадцать как АНБ старается иметь досье на абсолютно любого жителя земли – благо, технически возможности для этого есть. Вычислительным возможностям Агентства может позавидовать не то что любая другая специальная служба, а и любая страна. И непременно позавидовала бы, если бы об этих возможностях знала, однако то, что происходит внутри Агенства Национальной Безопасности – информация только для особо-посвящённых. Не афиширует АНБ своих возможностей, бюджета, и вообще старается держаться «в тени» – всего три процента американцев о существовании АНБ слышали. В шутку английскую аббревиатуру АНБ – «NSA» расшифровывают как «No Such Agency» – «Агентство, которого нет».

Проверяется: Кохренко, Олег Игоревич, изображений: 1, записей: 0; (Сан-Франциско)

Трассировки проверки выходцев из СССР Супервизор тоже видел неоднократно, и, предвидя массу информации, сменил детальность трассировки на «среднюю». У этих ребят после поражения в Холодной Войне из одного большого государства появилась пятнадцать мелких, да ещё и россыпь непризнанных территорий, которые тоже в списке ассоциированных стран фигурируют. Да и Россия в этом списке будет, а разведка российская в последнее время активизировалась, соответственно – и событий будет много.

проверка проверка изображений.....

Ну что ж, результат предсказуемый, и это – надолго. Запи-

си для этого украинского парня нет, значит в Штаты он въезжает впервые. Вот был бы тут раньше – «Четвёрка» сверила бы его нынешнюю фотографию с предыдущей, убедилась что он – это действительно он, опустила бы уровень угрозы до «низкого», и побежала бы дальше по списку пассажиров. А создание именно первой записи для гражданина дикой страны – всегда процедура долгая, извольте ждать.

Обработка изображений – вообще процесс, требующий больших вычислительных мощностей, а следовательно дорогой и длительный. И начали его использовать на заре кибернетики именно те, кто денег не считает – военные. Как только появились спутниковые фотографии – нашлись и умные головы, догадавшиеся применить компьютер для обработки снимков из космоса. Качественно просмотреть фотографию куска поверхности размером триста на триста километров – дело весьма непростое. Человек может устать и сделаться невнимательным. А компьютер, хотя и туповат для того чтобы принять окончательное решение, всё же может подсказать куда именно человеку смотреть, вроде «В таких-то координатах вижу колонну техники на дороге.» , или «Вижу открытую крышку шахты баллистической ракеты.» А человек потом уже разбирается, колонна грузовиков это, или колонна танков, и открыта шахта для подготовки к пуску, или это просто тень от облака.

проверка проверка изображений.....найдено 1 совпадений, вероятность:88.79%

Вот это уже интересно. Супервизор открыл окно визуального контроля и увидел две фотографии. С первой, чёрно-белой, на Супервизора смотрел человек лет тридцати пяти. Нижний угол перекрывала печать с буквами на каком-то странном, скорей всего славянском языке. А в середине – какая-то вилка, составленная из прутиков. Или перевёрнутая готическая буква? Чёрт их, европейцев, разберёт... Данные ниже соответствовали тому, что Супервизор видел в трассировке – Олег Игоревич Кохренко. Добавилась дата, когда изображение было получено – сегодняшняя, и место – Франкфурт. Источник изображения указан не был, незачем раскрывать оперативные каналы, но судя по дате, названию авиаперевозчики, и месту – похоже фотография была отсканирована служащими авиакомпании при регистрации билета. С времён начала борьбы с терроризмом очень многие американские компании добровольно сотрудничают с государственными службами, устанавливая дополнительное оборудование и обязывая персонал это оборудование использовать.

Вторая фотография была цветная, на ней похожее, а скорей всего – то же лицо на неровном фоне. Супервизор кликнул по изображению, чтобы увидеть фотографию целиком. Картинка развернулась – человек стоял на фоне тёмного эллипса. Скорей всего, он входил в самолёт, изнутри которого и был сделан кадр. Слева в кадре в полу-профиль стояла улыбающаяся стюардесса в непривычной форме. Над-

пись под изображение была гораздо длиннее : «15е февраля 2004, Доха, Катар; (возможно) Савенский Эрик Эдуардович. Гражданство: Казахстан; Ассоциация: Россия; Событие: SVR_K_040213; уровень угрозы – высокий».

Что такое «»R_K_040214«» Супервизор же знать не мог, опять же – каждый знает только то что ему положено. Однако, будучи человеком неглупым, конечно же догадался, что аналитики АНБ предположили что событие это связано с Россией, соответственно, или Службой Внешней Разведки или с ГРУ, произошло оно в Катаре, и, судя по уровню угрозы – событие было весьма серьёзное. Супервизор слышал что-то такое краем уха – где-то на Ближнем Востоке, наверное как раз в Катаре русские подорвали какого-то борца за независимость Чечни. А может – и не русские. А может и не борца за независимость – а террориста, кто ж их теперь разберёт. И фотография говорила в пользу такого предположения, скорей всего авиакомпания была Саудовская, или ещё кого-то из друзей Америки. Настоящих друзей – тех, кто на просьбы помочь откликнулись и специальную технику в самолётах установили. То, что это не «Савенский Эрик Эдуардович», а «(возможно) Савенский Эрик Эдуардович» тоже указывало на то, что фотография была сделана не в момент предъявления документов. Фотографировали всех подряд, а потом сверяли со списком пассажиров, вот методом исключения и получился «возможно» Савенский Э.Э. , и этого «возможно» это было достаточно большим, чтобы включить

его в список проверяемых. Хотя, Савенский это или нет, уже не важно. Важно то, что лицо пассажира, летящего в США, с вероятностью примерно 89 процентов совпало с лицом человека, называвшего себя совсем другим именем, и возможным участника операции противника – российской разведки.

Окошко результатов на экране компьютера всплыло на передний план и обронулось красной каймой, подчёркивая необходимость немедленных действий – до прибытия самолёта в Сан-Франциско осталось два часа. Супервизор пощёлкал мышкой, отправляя изображения к опознавателям.

Опознаватели, официально числящиеся техниками, были «низшей кастой» АНБ. Уровень допуска даже не позволял им находиться в этом здании, так что в лицо их Супервизор даже никогда и не видел, и не представлял, где находятся их рабочие места. Дело в том, что происхождение основателей было таким, что выдать им допуск серьёзного уровня секретности не было никакой возможности. Опознаватели не были американцами по рождению, более того – они должны были вырасти, и даже жить до последнего времени за пределами США – на Тайване, в Индии, в «чёрной» Африке, и прочих подобных, вовсе неамериканских местах, чтобы надёжнее опознавать соотечественников. Конечно, отказывать в работе негру потому что он не может успешно опознавать китайцев – совсем не политически-корректно, но АНБ – организация эффективная, и найдёт обходные пути когда обстоятельства этого требуют. А обстоятельства требуют со-

вершено однозначно, для европейцев все азиаты – на одно лицо. А для азиатов – европейцы. Даже для белого американца, всю жизнь живущего с стране со смешанным населением, вероятность ошибиться опознавая американского негра – в четыре раза выше, чем опознавая белого. Вот и приходится серьёзным конторам набирать специальный штат опознавателей.

Результаты от опознавателей вернулись ожидаемые: все, кроме одного – воздержались. Один – подтвердил идентичность изображённых на фотографиях лиц. Супервизор со спокойной совестью отправил информацию в Федеральное Бюро Расследований – контрразведка проходила по их ведомству. До конца его смены оставалось совсем немного.

В региональном отделении ФБР в Сан-Франциско сообщение о прибытии франкфуртским рейсом нежелательной персоны суеты отнюдь не вызвало. До посадки самолёта оставалось семьдесят минут, а от офиса ФБР в центре города (на Голден Гейт Авеню) до Международного аэропорта Сан-Франциско – меньше часа езды при самом плохом раскладе. Если дежурная бригада наружного наблюдения ФБР всё же будет опаздывать, то интересного пассажира всегда можно притормозить на паспортном контроле. А самое главное, международный аэропорт – объект стратегический, и в наше беспокойное террористическое время там всегда дежурят два Специальных Агента. Именно так: «Специальных Агента» – с большой буквы, такой титул носят кадровые опера-

тивники ФБР.

Однако из-за аварии, перегородившей автостраду 101, еле-еле успели. Оставив в каждой из машин по два человека, а сами машины отправив а разные концы терминала, на который прибывал франкфуртский рейс, Старший группы наружного наблюдения поднялся в офис Администрации Безопасности на Транспорте – своего помещения у ФБР тут не было. Агенты, прибывшие с ним, неспеша отправились на свои позиции – взятие подозреваемого под наблюдение в аэропорту было для них делом отнюдь не новым, неоднократно отигранным и на учениях и на практике, так что каждый знал свою роль, и добавочных инструкций не требовалось.

– Привет, Фил! – кивнул Старший одному из агентов дежурной смены аэропорта, сидящим перед пультом видеонаблюдения – Нашёл?

Агент гордо осклабился и кивнул с нескрываемым самодовольством, развалившись в кресле с наполеоновским видом. Рядом на стульчике притулился офицер Администрации Безопасности на Транспорте, на рабочем месте которого наверно сейчас и восседал Фил. Офицер был седой и толстоватый, своей простецкой внешностью напоминавший тюленя. Или моржа? Нет, скорей всё-таки тюленя, у моржа хоть клыки придают грозности, а тюлени – увальни, им только мячиками в цирке жонглировать. Судя по тому, что тюлень был единственным транспортником, которого не выгнали из

помещения – он был каким-то начальником с их стороны. Отсутствующе-сосредоточенное выражение глаз тоже работало на это версию, выдавая тёртого служаку. Такие глаза понимающему человеку недвусмысленно говорят: «Я службу знаю, по-этому и подчиняюсь, хотя и считаю что вы все – козлы». Ничего, пусть привыкает транспортник, в таких делах ФБР – номер один. И не в таких ситуациях, кстати, тоже. Шпионов да террористов ловить – это вам не лифчики из чемоданов вытряхивать, не в ботинки заглядывать и не зажигалки отнимать.

– Ну? – Старший прибавил металла в голос, и зыркнул на Фила. Пора уже было поставить на место этих аэропортовских, пригревшихся тут вдали от начальства, и позабывших о субординации. Сейчас оперативное командование – именно у Старшего группы наружного наблюдения, потому что он руководит операцией, а дежурная смена аэропорта ему подчиняется.

Фил понял что пожалуй переборщил с панибратством, сел попрямее, и указав на экран, покрутив трекбол дистанционного управления камерой. Камера приблизила фокус, крупным планом показав человека, стоящего в очереди к одному из пунктов паспортного контроля. Человек вёл себя пожалуй правильно – вовсю крутил головой с чуть ошарашенным видом. Нормальное поведение для человека, первый раз приехавшего в Штаты, и оттого испытывающего лёгкий культурный шок. А ещё, удивление окружающим – очень хорошая

мотивировка для того, чтобы как следует оглядеться и выявить потенциальные «хвосты». Впрочем, если этот человек – действительно русский разведчик, то он прекрасно понимает что никаких «хвостов» до паспортного контроля не будет – некуда из этого помещения деться, кроме как пройти мимо тумбочки, предъявить паспорт с визой, услышать »Добро пожаловать в Соединённые Штаты Америки«, и уже только потом попасть под наблюдение.

– За последние пятнадцать минут четыре рейса разгрузились, – сказал Фил с видом кота, принёсшего хозяину свежестловленную мышь. – а зале больше тысячи человек. Но я его почти сразу опознал. Вот он, голубчик.

– Молодец. Отличная работа! – сказал Старший, помня о том что доброе слово и кошке приятно, особенно после того как статус-кво восстановлен, и все понимают кто тут главный. – Как он?

– Ничего примечательного, босс. Пришёл в зал пять минут назад, встал в очередь. Декларацию таможенную, похоже, ещё в самолёте заполнил, вон она – у него в руках. Да, чуть не забыл: багаж он получать не будет – нету у него багажа, я проверил через авиакомпанию. Только эта сумка.

Старший одобряюще кивнул. На экране были прекрасно видны и листок декларации в руках, и большая спортивная сумка, стоящая рядом на полу. Очередь продвинулась на одного человека, и объект, поленившись наклоняться, подвинул её ногой вперед. Вроде бы сумка – полная, в принципе –

с такой мужчина может и прожить в чужой стране. Это женщинам нужна гора нарядов, а мы, самцы – существа неприхотливые.

Старший достал из кармана распечатку, прихваченную в офисе и наскоро изученную в машине. Олег Игоревич Кохренко, украинец, место рождения... год... виза одноразовая, на три месяца, выдана киевским посольством США шесть дней назад. Цель поездки – бизнес. Приглашение от бизнес-партнёра, Миколы Пономаренко, гражданина США.

«Когда же они, штабные крысы Вашингтонские,» – подумал Старший. – «научатся оперативные материалы готовить? Неужели непонятно, что адрес приглашающего надо указывать, хотя бы для того чтобы наружка могла прогнозировать куда объект направится...»

– Фил, позвони в офис, спроси что есть по этому. – Старший для наглядности ткнул пальцем в распечатку. – По бизнес-партнёру. Меня интересует адрес. Они уже должны были что-нибудь выкопать.

– Да, босс...

В кармане старшего задрожал мобильный телефон, поставленный на режим вибрации. Посмотрев на номер звонившего, Старший удивлённо поднял бровь – звонили именно из офиса ФБР Сан-Франциско. Выслушав сообщение, Старший поблагодарил, причём не из присущей американцам вежливости, а именно от всей души, и, отключившись, задумался на пару секунд, ухмыльнувшись своей удаче. Не

будет ни судорожного проталкивания через около-аэропортовские пробки в попытках не упустить вёрткие такси, ни выщегивания у полиции вертолётa, ни черепашьего переползания за еле-плетущимся автобусом. Впрочем, удача была скорей всего не причём, или почти не причём. Просто нашёлся в команде, разрабатывающей объект, какой-то лобастый очкарик, ну или там очкастый лобастик, обзвонил несколько компаний, представился с указанием конторы, на которую трудится, да и задал правильный вопрос. А компании, знаете ли, в свете борьбы с терроризмом гораздо гибче относятся к вопросам неприкосновенности информации о клиентах, особенно когда спрашивает ФБР, а фамилия у клиента – иностранная.

Старший повернулся к офицеру-транспортнику, и, указав на экран, где мялся в очереди объект, спросил:

– Сколько у нас есть времени до того как он пройдёт паспортный контроль?

– Не уверен, сэр. – ответил транспортник. – Предполагаю – через минут пятнадцать. Может быть – двадцать. При такой загруженности...

– При необходимости мы можем его задержать?

– Безусловно, сэр.

– Как?

Транспортник, похоже, не понял вопроса. Всесильное ФБР интересуется, как задержать человека? Разве это не то, чем они вообще занимаются – задерживают людей?

«Откуда ж вас таких набирают, из уволенных ночных сторожей супермаркетов?» – подумал Старший начиная терять терпение. – Уточняю: как его задержать на какое-то время, чтобы это не вызвало подозрения?

– Мы можем отправить его в «отстойник», это – отдельная комната в левой части зала. Туда помещают людей, с документами которых возникли проблемы. – мгновенно ответил Тюлень, сориентировавшийся на удивление быстро.

– Много людей проходит через этот ваш отстойник?

– Это зависит от ситуации.

– Не важно. Немедленно набейте отстойник людьми. Самыми разными, чтобы наш клиент не чувствовал там себя в одиночестве, и не думал что придрались именно к нему. Если у Вас не хватает полномочий, передайте своему начальнику что это – мой приказ. Волна внутренней связи обычная?

Транспортник кивнул, неприятно сощурившись. Наверное обиделся на «нехватает полномочий». Да и чёрт с ним. Старший достал рацию, и убедился что вторая частота его «уоки-токи» выставлена на волну Администрации Безопасности на Транспорте.

– Без моего приказа, нашего клиента – Старший кивнул в сторону экрана. – не трогайте, внимание к себе не привлекайте, не пяльтесь на него. А лучше вот как – вообще уйдите из поля зрения. Если клиента надо будет задержать и препроводить в отстойник – я с вами свяжусь. Идите.

Провожая взглядом удаляющегося почти бегом офицери-

ка, Старший подумал, что на будущее в бригаде при работе в аэропорту надо будет иметь одного агента в форме транспортников. Или, ещё лучше, переодеть одного из местной дежурной смены – им всё равно делать нечего. Для таких вот поручений своего человека иметь, а то ведь напорет тюлень этот, если и правда объект попридержать придётся.

Едва транспортник скрылся за дверью, Старший набрал номер специального агента, оставшегося в одной из машин, дежуривших снаружи. Коротко передав информацию, полученную из центрального офиса, Старший добавил: – Хватай Гаджет, и вперёд, Майк. У тебя примерно десять минут.

Фил, слышавший разговор, одобрительно качал головой, однако весь его вид говорил: «Везёт же вот таким вот дуракам».

Машина отвезла Майка ко входу в терминал, и тот, буквально выдернув сумку из багажника, бегом побежал у крылу, в котором располагались кампании, предоставляющие автомобили в рент. Однако, метров за двести перешёл на шаг, восстановил дыхание, поправил галстук, и вообще принял благопристойный, стандартный вид, растворившись в толпе пассажиров и служащих. Привлекать к себе внимание – дело неблагодарное, потому что неизвестно, не подстраховывает кто-нибудь объект, не ведёт ли контр-наблюдение.

Найдя нужную компанию, Майк вошёл в офис, мило улыбнулся пожилой паре в очереди, и по-хозяйски прошёл мимо стойки в служебное помещение, прикрыв за собой

дверь. Менеджер к счастью был на месте, что упрощало, а главное – ускоряло задачу Майка. Жетон ФБР (как всегда) подействовал магически – сублильный парнишка за менеджерским столом открыл было рот, потом закрыл, сглотнул, не найдя подходящих слов энергично кивнул, демонстрируя что в полной мере оценил значимость ситуации.

– У вас есть заказ на машину, для мистера Кохренко. На сегодня. Машина готова?

Парнишка кивнул.

– Сообщите мне регистрационный номер и марку автомобиля. – значительно сказал Майк, стараясь чтобы фраза звучала как можно казённое.

Менеджер, сделав картинное лицо заговорщика, ткнул пальцем в строчку на экране дисплея. Запомнив данные машины, зарезервированной для объекта, Майк хотел уже было склеить театральную рожу злодея. Ну хочется менеджеру поиграть в шпионов – на здоровье, пусть будет прямо как в кино, пусть наслаждается. Однако вовремя подумал, что случись какая неприятность при оформлении документов на машину, и менеджеру придётся вмешиваться – с клиентом общаться, или, по крайней мере на него смотреть. А при нынешнем понимании ситуации парнишка будет выглядеть неестественно – на объект будет смотреть как на Бин-Ладина, а сам будет ходить гордым фэйсом Баффало Билла, поражающих мексиканцев сотнями в битве при Аламо. В результате такой неестественности объект насторожится. По-этому

Майк просто беззаботно подмигнул парнишке-менеджеру, и выкатил самую наглую ложь, на которую был способен:

– Мистер Кохренко – наш друг, борец за демократию, лидер своей страны. Вернее – неформальный лидер, по-этому не может быть принят как официальное лицо. Однако я хочу убедиться что с его машиной всё в порядке.

На лице менеджера отразилась целая гамма чувств, от гордости от причастности к великой тайне, до... до тревоги?

«Ой нехорошо получилось, теперь ещё подумает что в машине – бомба» – подумал Майк, и поспешно добавил со значением : – Наш друг должен получить самую хорошую, качественную машины. Вы меня понимаете?

– Наша компания на протяжении многих лет предоставляет клиентам самые... – начал было парнишка заученную тираду, но Майк прервал его:

– Да-да, именно по-этому мы и порекомендовали именно вашу фирму. Но – служба есть служба, мне необходимо лично проверить машину. Выход на стоянку – сюда? – и уже в дверях добавил: – Я думаю, Вы понимаете, что этот разговор должен остаться в тайне. Спасибо за сотрудничество.

И вышел, с трудом сдерживая рвавший наружу смех.

Выйдя через заднюю дверь офиса на стоянку, Майк сразу нашёл автомобиль, предназначенный объекту. Мимолётно порадовавшись тому, что объект не скупердяйствует – машина была высокосидящим внедорожником. Посмотрел на часы – предположительно, у него было минимум шесть

минут, если прикидывать с запасом на всякие случайности. Рассусоливать времени нет, но и суетиться не надо.

Майк достал из сумки плоскую коробку, размером с четыре пачки сигарет, сложенных вместе. Из коробки торчали два длинных провода с клеммами – «крокодильчиками». Если прикрепить эти провода к электропроводке автомобиля, то Гаджет сможет работать очень долго, однако на такую роскошь сейчас времени нет – ничего, проживёт и на батареях. Именно из-за батарей Гаджет и был таких объёмным, через-чур большим для наших микроэлектронных времён. Впрочем, в больших размерах был и свой плюс – при визуальном осмотре Гаджет не ассоциировался с электронной хитрушкой, скорее походя на деталь автомобиля. При электронном осмотре Гаджет тоже обнаружить было не просто, если искать электронику – полупроводниковые переходы диодов и транзисторов, то-есть производить обычный поиск электронных «жучков» – то любой современный автомобиль электроникой напичкан так, что жучковый детектор будет реветь как пожарная машина и светиться как рождественская ёлка. А если искать источник радиосигнала, то и тут скорей всего ничего не найдёшь, потому что большую часть времени Гаджет молчит как пленный индеец. Разговаривает только когда его попросят – получив условленный радиосигнал, отвечает коротким – всего в две сотых секунды, сообщением о своих координатах. И снова молчит до следующего запроса.

Майк отрезал провода с «крокодильчиками» и отправил их в сумку. Потом достал большой кусок полиэтилена, развернул, и положил перед передним бампером, слегка задвинув под машину. Снял пиджак, сложил изнанкой наружу, положил на капот, туда же отправил сдёрнутый с шеи галстук. С сожалением посмотрел на почти новую рубашку, вздохнул, понимая что она скорей всего будет безнадежно испорчена, подвинул ногой сумку поближе – так, чтобы до неё можно было дотянуться. И, крикнув, полез под машину. Ещё раз порадовался тому, что автомобиль этот – внедорожник с высоким клиренсом, так что не надо шарить рукой вслепую – места для того, чтобы , лёжа на спине засунуть верхнюю часть тела под передок более чем достаточно. Осмотрелся – нда...

«Ах, как мало ценим мы наших друзей, неформальных лидеров и борцов за демократию – машина-то грязенькая.» – хмыкнул про себя Майк, ещё раз с удовольствием вспоминая эпизод в офисе, и предвкушая удовольствие от пересказа такого коллегам за кружечкой пива. Машина, впрочем, не была грязной – она просто не была абсолютно новой. У любой машины накапливается грязь и под капотом, и на днище, просто там машины никогда не моют – ведь грязюка там глаза не мозоли и, в общем, никому не мешает.

Майк отложил Гаджет, отругав себя за то что опять полез под машину с устройством в руках. Сколько уже раз это делал, пора бы привыкнуть что сначала надо очистить поверхности, а устройство – потом. Пошарил, на ощупь достал

из сумки современно-изогнутый контейнер с моющей жидкостью, и квадратную губку, мимолётно вспомнив что жена Синтия просила помыть окна веранды на выходных. Выбрал место для Гаджета – так, чтобы он крепился к металлической детали, но значительно выступал внутрь полого пластикового бампера. Крепить его целиком под металлом нельзя, иначе Гаджет не услышит сигнал от спутниковой системы GPS, не сможет определить своё местоположение, и на запрос о таком ответит полной белибердой. Пару раз пшикнув моющим средством, протёр поверхность губкой, плотно сжал губы, чувствуя как капельки разбрызгавшейся струйки очистителя падают на лицо. Протянул руку за Гаджетом, убедился что развернул его правильно – сторона с выдавленной буквой «А» – «антенна» будет расположена под радиопрозрачным пластиковым бампером. Гаджет глухо клацнул, примагничиваясь. Майк посмотрел на часы – прошло три минуты – в общем, очень даже неплохо. Оглядел устройство ещё раз, и остался недоволен. Новенький Гаджет, прилипший к вымытому пятну, на фоне окружающей грязи явно мозолил глаза – смотрелся как тыква в стае дикобразов. В общем – выглядел Гаджет совершенно чужеродным предметом, не дай бог кто заглянет совершенно случайно.

Быстренько посетовав про себя на тяготы и лишения службы в Агентстве, и пробурчав англоязычный аналог русской поговорки «Говорила мне мама – учись на гинеколога, и руки в тепле и всегда при деле», Майк опять на ощупь по-

лез в сумку, нащупал пакет, внутри которого находился цилиндр, и подтащил пакет к себе.

Цилиндрический предмет был обычным аэрозолем, содержащим растительное масло для готовки, хозяйки по всему миру поливают им сковородки, чтоб не пригорало. Вот только когда они поливают сковородки, струя направлена вниз, а не вверх, соответственно и капельки масла не оказываются на лице, волосах, и рубашке – Майк чувствовал, что даже ресницы сделались липкими. А ведь это ещё не всё. Майк достал из того же пакета пакетик поменьше, щедро зачерпнул оттуда горсть земли, прикрыл глаза, и жестом сеятеля сыпанул на устройство, покрытое маслом. Протёр лицо рукавом рубашки – ей всё равно терять нечего. Открыл глаза, увидел что земля удачно прилипла к маслу, но граница грязи между устройством и окружающим пейзажем всё ещё просматривается. Чертыхнулся – теперь уже в голос, снова зажмурился и сыпанул земли ещё раз. Всё. Хватит.

Выйдя со стоянки через выезд для автомобилей, Майк завернул за угол, быстренько протёр лицо и руки заботливо припасённой гигиенической салфеткой, позвонил Старшему с докладом, а потом – напарнику, оставшемуся в машине. Напарнику придётся подбирать его прямо тут – не ходить же по улицам таким чёртиком, политым очистителем, маслом, и присыпанным землёй. Майк, стараясь держать пиджак и сумку на отлёте – подальше от грязнущей рубашки, принялся дожидаться машины. Ему очень хотелось надеяться, что

труды не пропали даром – объект воспользовался рентгеновской машиной, и Гаджет исправно работает.

Гаджет работал исправно. Объект двигался в Сан-Франциско, а группа наружного наблюдения – за ним, примерно в пяти милях – за пределами прямой видимости, раз в пять минут активируя Гаджет и получая новые координаты. Когда в городе объект сошёл с автострады около Шестнадцатой Улицы, частота запросов была сокращена до двух минут, и одна из машин группы приблизилась – в городе очень просто затеряться. Через несколько минут Старший собрался уже было дать команду на смену ведущей машины, опасаясь что первая уже намазолила глаза объекту, но тот внезапно прекратив блуждания по улицам, нырнул в подземную парковку. Теперь, вместо того чтобы оттянуть назад первую машину, и выдвинуть вперед следующую, пришлось бросить всю автомобили группы к парковке, посадить людей, направив их к разным выходам. Если объект собирался избавиться от потенциального «хвоста», сменив машину или ускользнув пешком – то лучшего места и представить себе нельзя. Людей, чтобы наблюдать все выходы в любом случае не хватало, не было прозрачно и к каким выходам направить агентов в первую очередь – в подземной парковке

Под землёй Гаджет не получал сигнал спутника GPS, и был совершенно бесполезен, так что в какую часть парковки направилась машина объекта – можно было только гадать. Старший провёл двадцать очень тревожных минут – его лю-

ди доложили о том, что заняли позиции для наблюдения за порученными выходами, после чего звонки прекратились. Это означало то, что агентам доложить просто нечего – объект мимо них не проходил. На двадцатой минуте Старший решил что подождёт ещё десять минут, и пошлёт машину внутрь – искать автомобиль объекта, плюнув на риск «засветиться» – попасться на глаза объекту, или кому-то из его сообщников, если тем вздумается организовать контр-наблюдение. Лучше уж этот русский парень заметит слежку, чем получит слишком большую фору, да и растворится без следа. А если объект оторвётся окончательно, догадайтесь, кто окажется виноватым? – вот то-то...

Однако, на двадцать второй минуте Гаджет выдал осмысленные координаты, соответствующие западному выезду из подземной парковки. Машина группы наружного наблюдения, высланная чтобы установить визуальный контакт с объектом, доложила что автомобиль – тот же, и парень за рулём – соответствует. Старший украдкой перевёл дыхание – всё возвращалось на круги своя. Машины группы подобрали пеших наблюдателей, и двинулись вслед за объектом, вышедшим на автостраду, или, как говорят в Америке «Интерстэйт» I-80, ведущий на северо-восток.

Быстро темнело, и Старший очень надеялся, что объекту не вздумается заночевать в каком-нибудь одиноком мотеле у дороги. Если такое случится – группе придётся ночевать в машинах, не селиться же всей толпой в тот же мотель. А

Старшему перспектива ночёвки в машине вчетвером совершенно не улыбалась. Уж лучше так – подрёмывать на переднем сидении рассекающего ночь автомобиля, и надеяться, что для длительной остановки объект выберет городок побольше, где найдётся хотя бы две гостиницы. Впрочем, объект останавливаться на ночлег пока не спешил.

Вполне возможно, в этой подземной парковке случился быстрый контакт, и объект получил что-то от какого-нибудь сообщника, или что-то передал. А может – просто схватило у честного украинского бизнесмена живот, вот и поехал он искать где-бы припарковаться да и в туалет зайти. Чем больше Старший размышлял над поведением объекта, тем больше казалось, что ФБР пустышку тянет. Его дело, конечно, маленькое, дали задание: организовать наблюдение за парнем, въехавшим в Штаты как украинский бизнесмен, но предположительно ассоциированный с русской разведкой – вот он и организовывает. Почему большие боссы из высоких кабинетов в ФБР решили что этот тип непременно русский шпион – Старший не знал. Но парень-то ведёт себя естественно, не проверяется – не пытается обнаружить слежку всякими хитрыми маневрами. Взял машину в рент, причём заметьте – зарезервировал её заранее и на своё имя. Не пытается оторваться от потенциального «хвоста» непредсказуемыми финтами. Не пытается »раствориться» – сойти за местного чтобы не привлекать внимание. Даже машину ведёт как приезжий.

Американцы, при езде по автострадам делятся на три большие категории. Первая – юнцы, тинэйджеры, недавно получившие права, носящиеся с сумасшедшими скоростями, и частенько погибающие в катастрофах. Вторая – старички и старушки, которые всегда едут со скоростью двадцать миль в час, невзирая на то, что минимальная разрешённая скорость – сорок, чем вызывают нешуточный страх у прочих автомобилистов, которым приходится уклоняться от практически стоящих на их пути машин. Третья категория – все остальные, которые обычно едут со скоростью, равной ограничению скорости обозначенной на дорожных знаках, плюс девять. Если превышать скорость на девять миль в час, то полицейский теоретически может и остановить, но оштрафовать ещё не имеет права – ограничится замечанием и отпустит. Вот и ездит вся «взрослая, но не старая» Америка, руководствуясь правилом «плюс девять». А этот украинский парень едет ровнёхонько со скоростью, на дорожных знаках указанной – Старший специально по данным Гаджета проверил. Так только иностранцы катаются. Причём: законопослушные иностранцы.

Была и ещё одно косвенное доказательство, указывающее на то, что объект – именно тот, за кого он себя выдаёт. Простекало оно из личности Миколы Пономаренко – того самого субчика со смешным восточно-европейским именем, приглашение от которого и послужило основанием для выдачи визы Олегу Кохренко, ныне именуемому «объект». ФБР ко-

нечно же в контакт с этим мистером Пономаренко не вступало, и про приглашение не спрашивало. Во-первых, если это действительно русский шпион, который послал приглашение другому шпиону (что маловероятно потому что просто глупо), то контакт с ним будет означать что другой шпион – раскрыт, о чём тот безусловно будет оповещён, и слежка потеряет смысл. Во-вторых – бесполезно про приглашение спрашивать. Приглашение, выписанное кому-либо приглашающего ни к чему не обязывает – вот и выписывают такие приглашения все кому не лень. Может – они через Интернет знакомы. Может – друг попросил. А может – друг, с которым знакомы только через Интернет. А ослы из Государственного Департамента на основе таких писуллек выдают визы кому ни попадя, вынуждая хороших парней из ФБР трястись ночью в машине, пересекая пустыни Невады. Хорошо хоть досье на этого Пономаренко успели получить до того как выехали из Северной Калифорнии в Неваду. Естественно, никто не озаботился украсить невадскую пустыню телефонными вышками, и мобильная связь прекратилась, а вместе с ней конечно же пропал и Интернет.

Досье, в общем-то, было тощенькое и неинтересное. Родился, учился, работал, получил пару штрафов за неправильную парковку – ничего особо примечательного. Однако жил этот Микола Пономаренко именно в Денвере, в направлении которого и двигался сейчас объект, а за ним – и группа наружного наблюдения ФБР. Правда, тут же возникает во-

прос: почему объект не отправился в Денвер, штат Колорадо на самолёте, вместо того чтобы рулить от самого Сан-Франциско? Тут, если поискать, тоже логичные объяснения найдутся. Может быть – так дешевле, а может объекту по автостраде хотелось прокатиться, небось таких на Украине нет? Может – у них там и асфальта-то нет.

Старший группы очень надеялся что они благополучно проведут объект до Денвера, передадут его тамошней группе ФБР, отдохнут денёк в большом городе, да и отправятся обратно. Денвер конечно не такой красивый как родной Сан-Франциско, но дарёному Денверу в зубы не смотрят – почему бы не попутешествовать за казённый счёт?

Объект надежды Старшего не оправдал – проскочил поворот на Денвер и отправился дальше на восток. Следующим большим городом в том направлении был Солт-Лейк-Сити, штат Юта.

13. Китайский Фук

Специальный Агент ФБР Глен Пирсон сидел в своём домашнем офисе, и, глядя на экран компьютера, выбирал фотографию. В принципе, подойдёт любая, Глен просто перелистывал фотки, лениво кликая мышкой чтобы дать себе время подумать. Картинки сменялись практически мгновенно – со скоростью, непривычной для пользователя персонального компьютера. Компьютер перед Гленом стоял совершенно обычный, и, в общем-то довольно старенький – в наше время любая электроника стареет мгновенно. А вот опе-

рациональная система была достаточно редкой, это был Кноп-пикс – облегчённая версия бесплатного Линукса, загружающаяся с одного CD. Не то чтобы Глен был фанатом Линукса, или тем более – простенького Кноппикса, просто загрузка с CD гарантирует что у тебя в компьютере не завелась какая-нибудь хитрая шпионская программа, тырящая данные и пересылающая их кому-следует. А то ведь посадит Отдел Внутренней Безопасности, или прочее подобное ведомство программного «жучка» в компьютер – на всё. А с Кноппиксом – сажай – не сажай жучков, операционная система загрузится чистенькая – ровнёхонько такая, какой она была прожжена на CD.

Использовать Кноппикс предложил как раз Китайский Фук, сволочь желтомордая, с хозяевами которого Глену и предстояло связаться. Давненько никто наврное китаёзу так не называл. Приехал в Штаты он как Ли Мин, а получив американское гражданство сменил фамилию на Джонс – целиком ассимилироваться ему захотелось, гадёнышу. «Ли» – имя достаточно американское, а более американской фамилии чем «Джонс» и придумать трудно, однако Глен, думая о человеке, который сломал ему жизнь, про себя всегда называл его не иначе как «Китайский Фук».

Родом Глен был из малюсенького городка, хотя, наверное, трудно назвать городком поселение, несколько тысяч жителей которого в основном работают на окрестных фермах. В таких городках богатые люди не живут. Не были исключе-

нием и родители Глена. Однако, перезаложив дом, отец нашёл деньги на то чтобы отправить Глена учиться, гордясь тем, что его сын будет первым в истории Пирсонов обладателем университетского диплома. Университет был плохонький, не Гарвард и не Принстон, но всё же это был Университет, а больше Глену и не надо. Теперь главная задача – получить диплом юриста, а дальше всё пойдёт как по маслу.

Юридическое образование Глен получал не в надежде обеспечить справедливое правосудие для всех, и не в погоне за сиюминутным «длинным долларом». Не то чтобы Глен не верил что американское правосудие обеспечивает справедливость для каждого – конечно верил, попробуйте найти молодого американца, который не верит. Это став постарше и поциничнее Глен понял, что перед правосудием все равны, но люди с деньгами всё же несколько равнее. А вот в «длинный доллар» зарабатываемый адвокатами, с самого начала верил неособенно. Глен был практичным юношей, и понимал, что если семьдесят процентов адвокатов нашей маленькой планетки собрались в Соединённых Штатах, то денег на них не напасёшься. Обыватель просто слышит о самых громких делах. Засудил кто-нибудь табачную компанию на два миллиарда, а адвокат получил свою скромную долю – три процента. Вот и кажется, что адвокаты как сыр в масле катаются, и вся жизнь у них намазана шоколадом в два пальца толщиной, самое сложное в ней – не запутаться в нулях, подсчитывая сколько это – три процента от двух миллиардов, а

– нет. Такой счастливчик – сокол-триумфатор, победитель табачных баронов – один на сотни тысяч. А вот у остальных – доход весьма скромный, потому что «лосёнок маленький – на всех не хватит». Понимая это, Глен в частные адвокаты и не собирался. Глен собирался поработать на штат, или на федеральное правительство в аппарате прокурора. Деньги – те же что и на частных хлебах, а то и лучше. А главное, работа в прокурорском аппарате – идеальный трамплин для политической карьеры. А вот тогда придут и деньги, и власть.

Там, в университете, Глен и увидел первый раз китайчёнка с классическим именем Ли Мин. После того, как США приложили все усилия чтобы дружить с Китаем против СССР, китайские студенты хлынули в американские университеты да колледжи, и буквально за пару лет перестали быть диковинкой. Посмотревши на Ли никто бы не усомнился что тот как раз один из них, из новых китайцев. Маленький, очкастый, бедно и не по-американски однотонно одетый, постоянно демонстрирующей в улыбке белейшие кривоватые зубы, Ли как будто выпрыгнул из комикса, где американский супергерой борется против азиатских злыдней.

На смешную внешность Ли накладывался ужаснейший английский. Вернее, грамматически английский был неплох, но всё портил непривычный, какой-то булькающий акцент. Сам Ли пытался объяснить, что такой акцент – признак породистости, потому что родной язык его – мандаринский, а не кантонский как у простолюдинов в диких провинциях

Китай, однако не у многих студентов хватало терпения до-слушать корёжащие ухо объяснения.

Дразнили Ли конечно же немилосердно. Мелкий, очка-стый азиат, не способный поддержать разговор, но тем не менее таскающийся хвостиком за популярными студентами и судорожно пытающийся подружиться хоть с кем-нибудь – лучший объект насмешек и придумать трудно. Дети – вооб-ще существа жестокие, а студенты первого курса – как не крути, всё ещё дети. А в Америке – особенно, американ-цы вообще взрослеют поздно, впрочем, надо заметить что взрослеют поздно они не от того что тупые, а от того, что могут себе это позволить. Называли Ли и «мандарином», и банально – «китаёзой», и даже «джапом», что уж было совсем нечестно, потому что «джапами» принято дразнить исключительно японцев. Такое разнообразие обидных про-звищ продолжалось до тех пор, пока однажды доведённый до отчаяния Ли позабыв китайскую вежливость не бросил в лицо обидчикам «Фуки ийа!». Дразнильщики даже не сра-зу поняли что услышали искажённое «Fuck you!», зато когда поняли – посмеялись вволю. С этого дня все прочие клички были забыты, осталась только «Китайский Фуки».

Впрочем, со временем китаец адаптировался. Всё что нас не убивает – делает нас сильнее, так что недружелюбие окру-жения даже наверное пошло ему на пользу. Со временем ан-глийский его улучшился, да и приноровился парень к аме-риканской специфике – ведь в каждой культуре есть свои

неуловимые тонкости, просто нужно время чтобы ими проникнуться. В общем, прижился Ли, и даже обзавёлся друзьями. Ну, может быть если не друзьями, то хотя-бы добрыми знакомыми, потому что американские университеты – это не советские институты, тут друзьями обзаводиться куда сложнее – система образования по-другому устроена. Каждый студент изучает то что ему нужно, набирая так называемые «кредиты», так что нету никаких учебных групп. Учатся, например, все на юристов, но в общеобразовательных дисциплинах кто-то берёт курс математики, а кто-то – истории искусств. Ли как раз напирал на технические дисциплины, и ведь прав оказался, стервец.

Однажды Ли подошёл к Глену, и отозвал его в сторонку – поговорить. Дело было в пятницу после ланча, и Глен подумал что этот отзыв в сторонку закончится приглашением на студенческую вечеринку «для своих». Но приглашения обычно достаиваются именно «свои», а они с Ли никогда не были «на короткой ноге». Кроме всего прочего, и свои и чужие знали, что на вечеринки Глен – не ходок. Сам Пирсон это объяснял тем что не хочет быть случайно арестованным, безнадёжно испортивши себе биографию. Ни одна студенческая вечерушка естественно без пива не обходится. А пить в Америке можно только с двадцати одного года. Вызовут, как водится, соседи полицию, и заметут копы всех подряд. Поди доказывай потом что ты не верблюд, потому что в отличие от всех прочих присутствующих алкоголь не употреблял. А бу-

десь доказывать слишком усердно – окажешься виновным в нарушении общественного порядка и сопротивлении полиции. Плакала тогда работа в аппарате прокурора – там, знаете-ли, преступники не нужны. По-первости друзья уверяли Глена, что если бы прокурорские брали бы на работу только людей с абсолютным отсутствием арестов, то работать бы было совершенно некому, однако Глен был непреклонен. Был у Гленовской непреклонности и ещё один тайный источник, гораздо более приземлённый, и совершенно ничего не имеющий с образцово-показательной законопослушностью. Просто не было лишних денег на студенческие вечеринки. Вообще ни на что не было.

Впрочем, Ли тогда Глена на вечерушку не позвал. Вместо затратного вечернего мероприятия Ли предложил нечто со знаком «плюс» – организовать общий бизнес. Приведя Глена в студенческий кафетерий, усадив за столик и усевшись напротив, Ли принялся излагать одну идейку, для убедительности вырисовывая план сражения на салфетке. Идея была простая как грабли и грациозная как теорема Пифагора. Это было время бума персональных компьютеров. Тут и там как грибы после дождя вырастали малюсенькие, живущие программированием фирмочки, частенько оперирующие из гаражей или подвалов своих небогатых основателей. Какие-то из фирмочек исчезнут, какие-то со временем вырастут в слонов и китов бизнеса, но все они работают с программами – с интеллектуальной собственностью, а зна-

чит нуждаются в услугах юристов. А ещё – все они слишком маленькие для того чтобы иметь собственный юридический отдел в штате компании. Вот и придумал мудрый Ли брать такие фирмы на «абонентное обслуживание», организовать своего рода удалённую юридическую помощь. Платит такая фирмочка небольшие деньги раз в месяц, зато если юридическая услуга понадобится – у фирмочки этой как бы и есть свой адвокат. Адвокат правда не совсем её – он общий, вернее – разделяемый по времени между несколькими компаниями.

– Ну чтож, Ли, идея неплохая. Очень даже неплохая. – сказал Глен, дослушав китайца. – Однако есть одна маленькая, но неприятная тонкость – мы с тобой ведь ещё не адвокаты. А для того, чтобы заниматься юридической практикой надо получить дипломы, а потом и сдать экзамены штату. А до дипломов нам ещё почти год.

– Верно. – согласился Ли совершенно спокойно, ни чуть не обидевшись за то, что Глен излагает истины, известные каждому первокурснику. – Но, во-первых, для многих работ не надо быть дипломированным адвокатом, например для патентных исследований, регистрации торговых марок и тех же патентов, да мало-ли для чего... Практически, адвокатом надо быть только для того, чтобы представлять интересы компании в суде. Это как раз будет «во-вторых»: ну так вот, во-вторых, чтобы представлять наших клиентов в суде, мы сможем поднать другую адвокатскую контору. Это будет

работать как страховка. Наши клиенты платят нам каждый месяц, а если у клиентов случаются потребности в юридической помощи – мы из накопленных денег наймём настоящую адвокатскую контору. Если, конечно, случай серьёзный и сами мы не справимся.

Глен промолчал, подумал ещё – и не нашёл слабых мест в плане Ли. Кроме одного.

– План, пожалуй, действительно хорош. – произнёс Глен выбирая слова. – Но ты зря обратился ко мне. С чего ты взял что у меня есть деньги чтобы организовать такую компанию? Поищи себе другого партнёра, Ли.

– Ты не понял, Глен. Деньги у меня есть. Вернее – деньги но открытие фирмы даёт друг моего отца.

Глен действительно не понял. Если у Ли есть и план и деньги, зачем ему вообще партнёр понадобился? Зачем делиться?

– Как ты наверное заметил, я – китаец. – без обычной вежливой улыбки продолжил Ли. – Я – чужой. Чужим обычно подсознательно не доверяют. Особенно в денежных вопросах. А ты – классический белый американец. Ты – идеальное лицо компании. Юридической фирме всё равно понадобится кто-то вроде тебя. А тебя я знаю давно, и доверяю тебе. Учишься ты хорошо, неприятностей с законом у тебя никогда не было. Вот я и предлагаю тебе организовать совместный бизнес. На первые расходы у меня есть пять тысяч. Если понадобится – то будет больше, друг моего отца – человек

состоятельный, и давно хотел вложить деньги в Штатах. А наши доли в компании – пятьдесят на пятьдесят. Ну что, по рукам?

Конечно по рукам, отчего ж нет? Мелочь, а приятно. Это как в лотерею немножко выиграть. Нет, даже не как в лотерею – когда покупаешь лотерейный билет, то предполагаешь что можешь и выиграть, а тут... Тут – как будто тебе позвонили и сказали: «У Вас в Австралии умер четвероюродный прадедушка, и помянул Вас в завещании.» Нет, опять не так, потому что так – незнакомого прадедушку всё же жалко. Это – как если бы тебе позвонили и сказали: «Ваш прадедушка жив-здоров, просил предать Вам привет и пять тысяч. А если понадобится – то будет и больше.»

В общем, это был Шанс, и Глен его упускать не собирался. Ли Мин – компаньон весьма приемлимый, не хуже других. Во-первых, он, Глен, этому Ли действительно нужен. Во-вторых, пятьдесят процентов компании – это просто замечательно. Если честно, Глен согласился бы и на пять процентов, учитывая то что от него самого не требуется ни цента. Пять тысяч – деньги не великие конечно, но для Глена на момент – совершенно недостижимые, а ведь даже одному дарёному доллару в зубы не смотрят. Не получится, ну не взлетит идея, разорится компания – Глен ничего не теряет. А получится – и деньги появятся, и опыт. Впрочем, опыт появится в любом случае, тут отрицательный результат – тоже результат.

Получилось. Первое время Глен носился как белка в колесе, открывая счета, подыскивая помещение для офиса, водя на ланчи потенциальных клиентов и занимаясь прочей необходимой рутинной. Спать удавалось в лучшем случае по четыре часа в сутки, что для молодого организма вовсе уж мало, однако приходилось терпеть, потому что учёбу никто не отменял, и надо было совмещать университет и бизнес. А примерно пару месяцев всё наладилось. Не то чтобы компания купалась в деньгах, но невеликая прибыль была. «Break-even» – точку безубыточности, когда расходы компании равны доходам, прошли уже на третий месяц.

А вот через пол-года заработали приличную сумму «одним куском». Какой-то дальний родственник того самого китайца, который изначально дал деньги на открытие компании, уже порядочное время жил в Америке. И вот этот родственник собрался жениться и покупать дом. Многочисленная родня в Китае, что называется «накидала денег в шапку» – молодожёну на обзаведение. Единственной проблемой было – как эти деньги перекинуть из Китая в руки будущего главы семейства и счастливого домовладельца. Будущий домовладелец прибывал в Америке без официальных эмиграционных документов – был нелегальным эмигрантом. И, как объяснил Ли, вследствие своего не совсем законного статуса, не имел банковского счёта, а соответственно не мог получить денежный перевод. Это потом, уже работая в Бюро, Глен узнал что нелегальные эмигранты и счета открывают,

и дома покупают, и налоги платят. А тогда не было у Глена резонов сомневаться в словах компаньона, по-этому и согласился пойти на небольшую уловку, тем более что уловка вовсе не смотрелась незаконной, зато куш обещала весьма приличный.

План был простенький: одна китайская компания заказывает фирме Глена и Ли патентное исследование – стандартную проверку, существует ли уже некий патент или нет. Исследование должно получиться сложным, и, следовательно – дорогим, но реально делать вовсе ничего и не нужно, потому что заранее известно, что исследование закончится неудачно. Потом китайская компания за исследование честно расплачивается, переводя деньги на счёт компании – исполнителя заказа. Глен деньги обналичивает и часть передаёт тому самому китайскому родственнику лично в руки. А другая часть этой немаленькой суммы остаётся Глену и Ли – так сказать «за хлопоты».

С китайским родственником Глен встретился в номере отеля – тот жил в другом городе, и приехал за деньгами на пару дней. Получатель денег принял из Гленовых рук увесистую пачку долларов. Рассыпался в благодарностях, но дважды пересчитал купюры, а потом и предложил пойти в ресторан чтобы отметить удачную транзакцию. Глен вежливо отказался – у него уже были планы на вечер, тоже отметить сделку, но отнюдь не с этим китайцем. Глен с недавних пор встречался с очаровательным белокуро-голубоглазым суще-

ством по имени Джессика.

Училась Джессика на первом курсе того же университета, и за год учёбы ещё не успела растерять очаровательной провинциальной наивности. Родом она была из захолустного мормонского городка Орем, что чуть южнее Солт-Лейк-Сити, так что и местная около-университетская клубная жизнь казалась ей ослепительным неоновым Бродвеем. В общем, у Глена были очень хорошие шансы поразить девушку в самое сердце прямо на первом свидании, а с его долей «отката» с передачи денег китайцу – и подавно.

Вот так этот незначительный эпизод с китайским родственником и закончился. Глен не вспоминал о нём почти целый год, и наверное никогда бы и не вспомнил, если бы не специальные обстоятельства... Юридическая компания Глена и Ли работала как раньше, ни шатко, ни валко ещё несколько месяцев – до самого университетского диплома. Ещё до окончания университета Глен разослал своё резюме в офисы прокуроров всех пятидесяти штатов США и в федеральные службы. Самый лакомый ответ пришёл из ФБР – Глена пригласили на собеседование. Пройдя несколько этапов – психологические тесты, полиграф, и даже побегав на время и поотжимавшись на счёт для проверки физической подготовки, Глен был принят в Бюро и отправился на пять месяцев в городок Куантико штата Вирджиния – в Академию Федерального Бюро Расследований.

Учёба давалась Глену легко – не растерял ещё универси-

тетских навыков, умел за ночь перелопатить гору учебников. Да и интересно было, и принадлежность к всесильному Бюро грела душу. Любой служивый человек знает – «в системе» отнюдь не чувствуешь себя безвольным винтиком, наоборот, ты – часть чего-то большого, могучего и клыкастого. И ФБР в этом смысле – не исключение. Немного отравляла существование мутность перспективы в вопросах, что называется «личной жизни» – уж очень Глен скучал по Джессике. Раньше, когда та прозрачно намекала что не против бы и выйти за Глена, он подумывал, не бросить ли эту девчонку с её библейскими жизненными принципами. А вот уехал далеко – сюда, на Восточное Побережье, и только так понял как страшно Джессикку потерять.

Некоторая неясность была и в том, что делать с общей с Ли юридической компанией. Бюро участия агентов в коммерческих проектах отнюдь не поощряет. Можно было бы конечно и просто подарить Ли свою долю в фирмочке, но – жалко немножко. Ведь не просто так – а целых пятьдесят процентов, пол-царства. Хоть и хиленький доход, а приносит – не в убыток работает.

Решение, как водится, пришло в голову неожиданно-негаданно – подсознание переваривает проблему на заднем плане, а потом: нате вам ответ на блюдечке с голубой каёмочкой. Ещё и какое решение, покрывающее обе проблемки как бык овцу. Глен решил жениться на Джессике. А что – девица красивая, умненькая, учитывая мормонское происхождение

ние – наверняка замечательная мать для будущих маленьких Пирсонов. Правда, из небогатой семьи – неприятно конечно, но не смертельно, дочерей Рокфеллеров на всех не хватит, да и выходят дочери эти за людей своего круга – за всяких там сыновей Ротшильдов. И Бюро, кстати, официальные отношения поощряет, справедливо полагая что семейные агенты по бабам бегают меньше, соответственно – о работе думают больше. Вот по окончании Академии положен отпуск – на том же ходу можно и обвенчаться, и Медовый Месяц провести на Гавайях, ну или там в Лас-Вегасе. Потом Глен получит распределение в какой-то из региональных офисов ФБР, а они, знаете-ли, в лесу не стоят, а совсем напротив – расположены в самых больших городах. А в больших городах – университеты, соответственно Джессика сможет доучиться. И ещё одна маленькая приятность: именно на Джессику – на новоиспечённую миссис Пирсон можно будет переоформить владение половинкой той самой юридической компании – вот доход и останется в семье.

Ли встретил Глена чрезвычайно приветливо, обнял, поздравил с помолвкой. Глен с удовольствием подумал что американская культура – действительно вселенский правильный горн, и рано или поздно переплавит и китайскую демонстративную холодную вежливость. Глен тоже был рад видеть Ли. Друзьями они не были, зато были давними приятелями, и достаточно удачными компаньонами. Впрочем, Глен был сейчас вообще пребывал в приподнятом настрое-

нии, он только что стал Специальным Агентом – Академия ФБР позади, а впереди отпуск, медовый месяц, блистательная карьера, и радужная перспектива на ближайшее обозримое будущее.

– Проходи, старина Глен, садись, нам надо поговорить...

Собственно говоря, как раз чтобы поговорить Глен и зашёл, хотя, если честно, сейчас уж вовсе не хотелось обсуждать денежные вопросы владения компанией – не то настроение. Но, надо – значит надо, всё равно когда-то это делать придётся – нечего откладывать.

В комнате работал большой телевизор. Ли, оставшись в университете пост-доком, продолжил жить по-студенчески, и обстановка отличалась спартанской простотой. Или восточной простотой? Так или иначе, телевизор был самой дорогой деталью в этой комнате, и, пожалуй, смотрелся лишним. Они сели по разные стороны низенького журнального столика и Ли убрал громкость на телевизоре до нуля. На новостном канале дикторша беззвучно открывала рот, делая демонстративно испуганные глаза, за её спиной в который уж раз камера проезжалась по остаткам самолёта, дгорающим рядом со взлётно-посадочной полосой. Надпись под картинкой – место катастрофы, общее число пассажиров на борту, количество «пропавших без вести» – и ему ясно, что если человек пропал без вести в горящем самолёте, то вероятность того что он отыщется живым и здоровым, мягко говоря, невелика. Глен недовольно покосился на экран –

картинка с места катастрофы раздражала его, никак не подходила к оптимистическому настроению, да и просто отвлекала от предстоящего разговора.

– Ли...

– Подожди, Глен. Можно, я первый? – улыбнулся Ли одними губами. Глядя на эту улыбку, Глен вдруг явственно почувствовал, что сейчас случится что-то неприятное. Никто не излагает хорошие новости вот с таким лицом.

Ли встал, взял с подоконника тонкую пачку фотографий, вернулся к журнальному столику, сел, аккуратно положил пачку перед Гленом.

– Что это? – спросил Глен, и, не дожидаясь ответа, быстро просмотрел карточки. Фоток было пять штук, стандартного формата, приемлемого качества, но чёрно-белые. На фотографиях был он, Глен, стоял и смотрел как другой человек пересчитывает деньги. Большую пачку денег. Глен даже не сразу понял, что второй человек – тот самый китаец, которому Глен передал деньги от родственничков из Поднебесной – на свадьбу и покупку дома. А обстановка заднего плана весьма напоминала номер гостиницы, где всё и происходило.

– Два дня назад я получил эти картинки по почте. – сказал Ли.

– Что это? – машинально повторил Глен, хотя уже прекрасно понимал что это. Это – шантаж. Фотографии, сделанные скрытой камерой и присылаемые по почте – это всегда шантаж. Только какой-то странный. Они что же, гады, ду-

мают что могут шантажировать Специального Агента ФБР? Или его друга? Страх не было, но было ощущения тоски. Тоски и неизвестности.

– Конверт сохранился? Где у тебя телефон? Сейчас они у нас... – начал было Глен, снова почувствовав себя гончаком, агентом ФБР. Однако осёкся. Он вдруг понял, что оказался в межвременье, некому докладывать об этой непонятке – Академию уже закончил, а к новому месту службы ещё не прибыл.

– Глен, а может нам не спешить? – осторожно сказал Ли после небольшой паузы. Глен не ответил – он думал.

– А, Глен? Разобраться в ситуации... Ведь мы не знаем что и кто за этим стоит. Вот например... – Ли взял фотографию. Глен заметил что пальцы у Ли подрагивают – видно перенервничал за два дня.

– Вот это – ты, а это – агент китайской разведки. И мы ему деньги передаём. Отмытые деньги! – голос Ли сорвался на фальцет, а палец, которым он для иллюстрации своей речи тыкал в фотографию, дрожал уже совершенно недвусмысленно.

– Успокойся, Ли. Всё будет хорошо. Господь не выдаст, свинья не съест. – сказал Глен, успокаивая товарища. Логика сейчас была бессильна, Глен и не пытался её использовать. Сейчас надо бы дать китайцу холодной воды, пока не пришлось хлестать его по щекам чтобы вывести из истерики. Однако Ли, похоже, успокаивался сам-собой. Смотря пря-

мо перед собой, Ли сделал несколько глубоких вдохов-выдохов, сглотнул, встал, и прошёлся по комнате. Истерического взрыва не последовало.

– Хорошо, Глен, давай так... – сказал Ли. – Ты поезжай в отпуск, а я тут буду смотреть в оба. Если что-то случится, если это действительно шантаж, то я тебе сразу позвоню.

Отпуск у Глена получился отвратительный. Волнение крепло каждый день. Молодая супруга конечно же заметила озабоченный вид Глена, но он не мог ей объяснить что случилось. В результате Джессика сама начала злиться, и конфликт между супругами грозил завалиться в неуправляемый штопор. Глен конечно же не сидел сиднем в покорном ожидании звонка от Ли. Он сам звонил китайцу каждый день, а частенько и дважды – утром и вечером. А Ли бесцветным голосом объявлял что никаких новостей нет, всё по-старому. Только в последний день Гленовского отпуска Ли ответил по-другому.

– Есть новости, Глен.

– Что случилось?! – Глен поймал себя на том что практически кричит в телефонную трубку.

– Не по телефону. – спокойно ответил Ли. – Не волнуйся, Глен, ничего страшного, но не по телефону. Приезжай. Нам надо поговорить.

В квартире Ли ничего не изменилось, только на телевизоре стоял видеомаягнитофон. Истощённый длительными волнениями Глен, наверное, и не заметил бы его вовсе, но ви-

деомагнитофон был дорогой игрушкой – как и любая электроника, недавно ставшая доступной для покупателя. Такая роскошь в глаза бросается сразу.

– Устраивайся поудобнее, Глен, – сказал Ли, указывая на кресло перед телевизором. – На этот раз нам надо поговорить ... хмм.. действительно серьёзно.

– Куда уж серьёзнее. – мрачно ответил Глен. Его удивляло и даже пожалуй немного настораживало необычное спокойствие его компаньона, плохо вязавшееся с истеричностью прошлого разговора. Может быть, Ли узнал что никакого шантажа и не было? Хотя... если были фотографии, то конечно есть и шантаж.

Ли подошёл к телевизору и включил его. По экрану пошла серая рябь. Ли нажал кнопку и на видеомагнитофоне, потом вернулся к креслу по другую сторону журнального столика от Глена. Видеомагнитофон зажёл зелёный светодиодик, и заурчал своей миниатюрной механикой, очевидно готовясь начать воспроизведение. Рябь на экране телевизора сменила чернота, потом появилась картинка. Глен и Ли сидят практически там же где и сейчас, только на столике между ними – пачка фотографий, а на экране телевизора – кадры новостей о катастрофе. Глен машинально повернул голову, оценивая где могла находиться камера. Ну конечно – вон в том шкафу, съёмка очевидно велась просто через приоткрытую дверцу. А на экране Ли потрясал пачкой фотографий перед лицом Глена.

– Вот это – ты, а это – агент китайской разведки. И мы ему деньги передаём. Отмытые деньги!

– Успокойся, Ли. Всё будет хорошо. Господь не выдаст, свинья не съест.

Всё. Эпизод закончился – экран телевизора снова наполнила чернота.

– Это действительно был агент китайской разведки? – бесцветным голосом спросил Глен. Не то чтобы ему это было сильно интересно – теперь всё было уже неважно. Мир Глена разрушился.

– Думаю, да. – ответил Ли. Мог бы и не отвечать – и так ясно, что кто-то к разведке причастный.

– А что если я тебя, сволочь желтомордая, сейчас застрелю, а потом застрелюсь сам? – спросил Глен. Он блефовал – не было у него с собой пистолета, да и слова такие надо говорить порешительнее, похищнее, особенно если хочешь чтобы их восприняли всерьёз. А сил на это у Глена не было. Ни на что не было.

– Глен, пожалуйста не волнуйся. Ничего необратимого не произошло. Нет никаких поводов для беспокойства. – ответил Ли совершенно буднично.

– Или, например, – продолжил мысль Глен. – сейчас возьму тебя за шкирятник, и отведу в Бюро.

– А что это изменит? – похоже, Ли испугался контрразведки не больше чем перспективы расстрела на месте. – Чем это улучшит твоё положение? Ты знал, что ты передаёшь гряз-

ные, незаконно обналиченные деньги агенту китайской разведки. Знал ты об этом давно – с самой даты крушения того несчастного самолёта. И не доложил. Ведь не доложил? Это – преступление, дорогой мой Глен. Твоя карьера в ФБР будет закончена, закончена позорно. Подумай о своих родителях, подумай о Джессике и будущих детях. Подумай о себе наконец. Зачем же ломать себе карьеру и всю жизнь?

– Моя карьера и так сломана, зато тебя, гада, посадят лет на двадцать. – устало ответил Глен.

– Глен, я ведь даже не кадровый разведчик. Я просто патриот своей страны, меня просили помочь – и я помогаю. Таких как я в Америке десятки тысяч. Что изменится от того что я попаду в тюрьму? Моей стране просто надо окрепнуть, Глен. Окрепнуть, чтобы сбросить коммунизм.

«Ну да, дружок, если ты и не профессиональный разведчик, то профессионалы тебя хорошо поднатаскали,» – отрешённо подумал Глен, совсем недавно изучавший принципы вербовки. – «Сначала кнут – компромат, а потом – пряник, что-то чтобы эго потешить, и совесть успокоить. Ишь, борец с коммунизмом нашёлся»

– Тебя не попросят делать ничего, что принесёт вред Соединённым Штатам, Глен, и все твои услуги будут щедро вознаграждаться...

Из предложенных мест службы Глен выбрал захолустный Солт-Лейк-Сити. Коллеги выбор поняли, и одобрили – в маленьких, но быстро растущих городах легче продвигаться по

службе, да и супруге Джессике полегче будет – её родители живут поблизости, и университет в Солт-Лейк-Сити очень хороший. Однако Глен выбрал Солт-Лейк-Сити совсем по другой причине – там не было китайского консульства. Где консульство – там и резидентура, где резидентура – там и контрразведывательные операции ФБР. Там и сведения о таких операциях в головах Специальных Агентств, и интерес разведки к этим головам. А в Солт-Лейк-Сити Глен делался китайцам совершенно неинтересен – как человек, утративший разведывательные возможности. Глен очень надеялся, что его оставят в покое. Более, того, для себя Глен решил, что если китайцы проявятся, он ответит решительным отказом – карьера в ФБР не стоит того, чтобы продавать душу дьяволу.

Служба в Солт-Лейк-Сити, Юта началась откровенно скучно. О шпионской активности тут и слыхом не слыхивали, соответственно контрразведка тут была вовсе не нужна. Не было необходимости и в борьбе с организованной преступностью, в связи с полным отсутствием таковой. Однако город рос, и ситуация начала меняться. В Юте правительство штата обладает монополией на оборот алкоголя, соответственно, доступ молодёжи (всех, кому меньше двадцати одного года) к алкоголю сильно затруднён, а чаще всего вообще невозможен. Вот такой парадокс – можешь пойти в армию с восемнадцати, и умереть за свою страну, а вот бутылку вина купить – нет, не можешь. Но свято место пусто не

бывает – молодняк всегда найдёт как бы химически разве-селиться, и нишу алкоголя заняли наркотики. Подпольные метамфетаминовые лаборатории (где в подвалах из бытовой химии варили искусственный аналог кокаина) плодились как грибы, а в горах туристы чаще и чаще натыкались на посадки марихуаны. В принципе, борьба с незаконным оборотом наркотиков – это епархия не ФБР, а АТФ («»Alcohol, Tobacco, Firearms«» , «Алкоголь, Табак, Огнестрельное оружие»), однако работы Глену всё равно прибавилось, потому что увидев новый рынок, в Солт-Лейк-Сити организовали свои филиалы молодёжные банды из Лос-Анжелеса, продающие дурь по всей стране. В Юте впервые появились гангстеры. Именно «гангстреры», потому что людей типа Дона Корлеоне в Америке называют «мобстер», а «гангстер» – это подросток в бандане цветов своей банды, и с дешёвым пистолетом за поясом штанов, чудом держащихся на бёдрах.

Глен никогда не был идеалистом, и не питал надежд на полное искоренение преступности в обозримом будущем. На его участке работы – в противодействии молодёжным бандам, живущим торговлей наркотиками, надежд на полную победу у Глена тоже не было. Спрос рождает предложение, и пока люди готовы платить за наркотики – найдётся кто-нибудь, готовый эти наркотики людям продавать. Наркотики – безусловно зло, но зло «тихое». А вот уличная война между конкурирующими бандами – зло громкое и сиюминутно опасное для окружающих, попадающих под шальные пули.

По-этому все свои оперативные и агентуристские таланты Глен направлял в первую очередь на предотвращение уличных войн. Даже в планировании рейдов ФБР против наркоторговцев, он старался добиваться равного ослабления банд. Именно равного, потому что слишком велик соблазн для менее пострадавших начать войну и добить тех, кого ФБР и полиция «пощипали» сильнее.

Однажды, для предотвращения такой уличной войны, Глен даже пошёл на должностное преступление. Через своих информаторов он получил сведения о том, что одна из банд готовит молниеностную войну против другой, и даже выписала «убойную команду» из Лос-Анжелеса. А по каналам ФБР пришло сообщение о выезде в Солт Лейк двух гангстеров, ассоциированных именно с этой бандой. Война грозила быть жестокой и кровавой, опасной для мирных обывателей, нарушающей устоявшийся баланс сил, и серьёзно портящей показатели борьбы с преступностью.

Немного поразмыслив, Глен решился. Он поехал в магазин подержанной электроники, и купил за наличные старенький, но рабочий принтер. Напечатал коротенькое письмо с указанием целей людей из Лос-Анжелеса, примет, предположительного времени и места прибытия. Напечатал адрес на ничем не примечательном конверте. Заклеил письмо, не оставив на бумаге отпечатков пальцев. Потом старательно уничтожил файл черновика, применив специальную программу, не просто стирающую файл, но и прошивающую ну-

лями место на диске, где этот файл размещался. Разбил молотком печатающий механизм принтера, и отвёз его на свалку в другом конце города, по пути бросив в почтовый ящик письмо, адресованное главарю банды, которая должна была подвергнуться нападению.

Киллеры из Лос-Анжелеса были расстреляны из четырёх пистолетов до того, как они успели выйти из машины у мотеля, в котором предполагали остановиться. Дело получилось громким, но Глен ни секунды не жалел о содеянном. Начнись уличная война – трупов было бы гораздо больше, и отнюдь не все убитые были бы преступниками, выбравшими такую жизнь, и потому в общем-то и смерть такую заслужившими. Да, Глен совершил должностное преступление, разгласив служебную информацию врагу, но он выбрал из двух зол меньшее, и скорее всего таким образом спас не одну жизнь. Как сказал классик: «Делайте добро из зла, потому что его больше не из чего делать».

Ли звонил Глену раз в год, поздравлял с Рождеством. Если честно, поначалу Глен боялся этих звонков, с самого рождественского утра с тревогой поглядывая на телефон, а в процессе разговора с нетерпением ожидая слов прощания. Ли никогда не упоминал ни эпизода с деньгами, ни с телевизором, ни спецслужб вообще. Болтали ни о чём, и Глен оставался дружески-вежливым, подсознательно предпочитая не дразнить гусей. К тому же Ли был компаньоном Джессики, к которой перешла Гленова половина юридической компании.

Компания кстати жила, много денег не приносила, по оставалась «в плюсе», да и Джессике было чем заняться.

Так продолжалось несколько лет, пока однажды служебное рвение Глена не было отмечено повышением – он стал заместителем начальника Полевого Офиса ФБР Солт-Лейк-Сити. Радовался новой должности и прибавке к жалованию Глен всего два дня. На третий позвонил Ли, и обрадовал старого друга тем, что он сейчас проездом в Юте, так почему бы университетским товарищам не вспомнить молодость и не обновить дружбу, встретившись в каком-нибудь баре.

Повесив трубку, Глен крепко задумался. Он был практически уверен, что Ли в Юте «проездом» отнюдь не случайно, Ли приехал по его, Глена, душу, особенно если связать этот приезд с назначением, после которого Глен будет иметь доступ ко всей, абсолютно всей информации, проходящей через региональный офис Бюро. Ещё в начале службы Глен решил отказаться от сотрудничества с китайцами... если конечно это – на самом деле китайцы. Впрочем, это не важно – китайцы или нет, но с вражеской разведкой Глен сотрудничать не собирался. Вернее, молодой Глен не собирался, а вот теперь расклады немножко изменились, чем выше взлетел – тем больше падать. Одно дело – молодой зелёный сотрудник ФБР не доложил о попытке вербовки на компромате, произошедшей пару недель назад. Совсем другое – кадровый матёрый агентиче не докладывал о шпионской активности больше десяти лет. За первое можно вылететь из ФБР

как пробка из «Вдовы Клико», за второе – карьерой не отделаешься, можно плотно и надолго сесть в тюрьму. А ведь была шпионская деятельность. Был вербовочный подход? Был. Пусть Глен и не подписывал тогда никаких договоров кровью на пахнущей адской серой человеческой коже. Вообще ничего не подписывал, молча поднялся и ушёл. Но ведь Ли, который чётко проговорил что »просто помогает своей стране« остался в Штатах, и наверное продолжал продолжал помогать своей чёртовой стране всё это время. И человек, которого Ли недвусмысленно назвал китайским шпионом, тоже в поле зрения ФБР не попал, а если и попал, то не благодаря докладу Глена Пирсона, которому по службе положено против таких субъектов бороться.

В общем, когда Ли чётко обозначил, что во-первых дьявол душ обратно не выдаёт, во-вторых, от Глена не понадобится ничего кроме информации, и то эпизодически, в-третьих – услуги будут щедро вознаграждены, ответ у Глена был уже готов. Просто не было другого выхода.

По первости Глен старался отделяться дежурными отписками, однако когда в своём отчёте он не упомянул контрразведывательный циркуляр, полученный офисом буквально накануне, то получил в ответ коротенькое послание без признаков китайской вежливости, отнюдь – с погромыхиванием металла. В сообщении недвусмысленно намекалось, что если Глен и далее будет утаивать информацию, то сотрудничество с ним будет прервано самым радикальным

способом. Глен почти не сомневался, что если что китайцы утопят его не моргнувши ухом, просто чтоб другим неповадно было. Разведки ничего не забывают и не выбрасывают, сохранилась у китаёз и та треклятая видеозапись, и предыдущие сообщения, и, скорей всего, запись весьма недвусмысленного разговора с Ли в баре – теперь для этого и спецтехника не нужна, нажал кнопочку на мобильном телефоне – и записывай на встроенный диктофон что вздумается.

Однако, как ни странно это грозное сообщение Глена скорее успокоило. Оно означало что были у китайцев и прочие источники информации, в других полевых офисах, а скорее всего и в головном офисе ФБР, иначе как бы они так скоро о новом назначении Глена узнали? Впрочем, любая разведка в первую очередь старается пропитать своими агентами главного врага – контрразведку, так что ничего удивительного в наличии прочих китайских агентов в ФБР нет. Однако, теперь Глен получил документальное подтверждение тому, что ничего нового он китайцам не сообщает, и совесть его немного успокоилась.

Надо заметить, что и китайцы свою сторону договора выполняли исправно. Обычно через три дня после сообщения от Глена, в юридическую фирму Джессики обращалась за патентным исследованием новая фирма из Малайзии, Индонезии, или, например, Австралии, и оплачивала услуги чуть щедрее, чем они того стоили. Глен заметил несомненное соответствие ценности переданной информации и размера де-

нежных поступлений. Со временем, жизнь наладилась, душевное равновесие восстановилось, а страх ушёл. Человек – скотинка гибкая, и привыкает буквально ко всему, главное – найти оправдания своим поступкам, добиться мира с собой, а дальше стерпится-слюбится.

Вот и сейчас, Глен отправил сообщение о передаче в зону ответственности офиса ФБР в Солт-Лейк-Сити некоего Олега Кохренко, предположительно ассоциированного с русской разведкой, и теперь ждал ответа. Если ответ не появится в течение пятнадцати минут, можно выключить компьютер до следующего сеанса связи.

Для шифровки использовался метод LBS, реализованный простенькой бесплатной программкой. Глен выбирал фотографию, и программа прятала сообщение внутри изображения, раскидывая по псевдо-случайным местам зашифрованные буквы, превращённые в цветные точки. Как ключ шифрования использовалось название последней статьи за вчерашний день одного из популярных общедоступных новостных вебсайтов, так что ключ каждый день был новый и непредсказуемый. Потом фотка со спрятанной в ней депешей выкладывалась на сайт-фотохостинг, откуда была видна любому пользователю Интернета, просто надо знать куда смотреть. Обратные сообщения приходили таким же путём – на том же фотохостинге Глен искал картинку, оставленную пользователем, а псевдониме которого была цифра, равная сегодняшнему числу плюс номер дня недели, и пытался рас-

шифровать сообщение в фотографии, выложенной последней. Расшифрованное сообщение существовало только в памяти компьютера, так что после выключения оно исчезало бесследно. Фотки со старыми сообщениями Глен стирал, или заменял оригинальными – немодифицированными, так же поступали и его китайские «друзья по переписке».

Ответное сообщение пришло на двенадцатой минуте: «Упомянутое лицо нейтрализовать». Глен выбрал новую фотографию, зашифровал короткое «Уточните» – в секретной переписке не место экивокам и вежливостям, чем короче сообщение, тем меньше шансов взломать шифрующий код. Если, конечно, вообще удастся обнаружить сам факт переписки.

Нажав мышкой кнопку отправки, Глен вскочил с со своего замечательного кожаного компьютерного кресла, и начал мерить комнату шагами, не в силах усидеть на месте. Проходя мимо стола, Глен сходу тыкал пальцем в кнопку мышки, курсор которой был наведен на линк обновления странички, где должна была появиться фотка с ответом, хотя и сейчас было понятно, каким будет этот ответ. То-ли у китайцев к русским очень большие счёты, взаимная бойня, война разведок, то-ли русские вот-вот добудут нечто, до чего сами китайцы дотянуться не могут, вот и стараются помешать русским всеми доступными средствами. В любом случае, такие задания явно выходят за рамки простого предоставления информации... Что им, Специальный Агент Пирсон – хитмэн,

убийца по найму? Киллер какой?

Да и потом... Если это война разведок, то китайцам важно не просто уложить этого русского парня на шесть футов в землю, Им важно сделать так, чтобы русские были в курсе, что сделали это именно китайцы. Мол, «смотрите, у нас и в Америке длинные руки». А это ведёт к косвенной засветке его, Глена. Если же русские и китайцы просто толкаются локтями в попытках украсть что-то важное, да так толкаются, что дело доходит до смертоубийства, и решение об этом смертоубийстве принимается почти мгновенно и без колебаний, то это нечто важное скорей всего находится совсем неподалёку, на его, Гленова, территории. А это значит что вскорости объём услуг, требуемых китайцами, серьёзно увеличится. Впрочем, услуги такие будут оплачены соответственно. А с другой стороны, если призадуматься, кто такой этот русский парень? Он – шпион, враг Соединённых Штатов!

Ответ пришёл ожидаемый – та же фраза что и в предыдущем сообщении, но обтекаемое «нейтрализовать» заменено недвусмысленным «уничтожить». Отправив подтверждение получения депеши, Глен выключил компьютер, и выдернул шнур из розетки, чтобы обесточенная память наверняка сбросилась. Глен был хорошим оперативником, и план в голове сложился сам-собой буквально за пару минут. Вернее – это был старый план, адаптированный под нового противника. Этому русскому парню придётся побыть стрелком, наня-

тым конкурирующей бандой. Скорей всего, в этой ипостаси ему ходить очень недолго, потому что со времён расстрела киллеров из Лос-Анжелеса гангстеры стали только зубастее.

14. Экстремальный туризм

Олег в очередной раз выглянул в окно, с должным любопытством оглядев маленькую площадь перед отелем, между делом как-бы невзначай мазанув взглядом по парковке, где стояла его машина. Он предпочитал называть себя Олегом даже в мыслях, раз уж в нынешних документах значится «Олег» со смешноватой, но тем не менее абсолютно незапоминающейся украинской фамилией. По слухам, фамилии такие генерятся специальной компьютерной программой, но это – епархия отдела подготовки документов, а он, Олег – оперативник, и его о таких тонкостях конечно никто оповещать не будет. Вот и замечательно, в любой организации, имеющей дело с секретами, меньше знаешь – крепче спишь. Какие есть на момент имя-фамилия – на такие он будет отзываться, и биография от зубов отскакивает вплоть до детских воспоминаний, и цели приезда в США, и официальные планы на ближайшие дни, и события последних недель в родной Украине. Именно «в Украине», а не «на Украине». По нормам русского языка правильно именно «на Украине», но Олег (по легенде хоть и восточный украинец, но всё же украинец) должен говорить именно «в ...».

На площади перед отелем всё было хорошо. Вернее – нормально. Ничего похожее на наружное наблюдение Олег не

увидел. Впрочем, грамотную наружку и при пристальном наблюдении незаметно, тем более, что пристального наблюдения Олег себе позволить не мог. Не пялятся украинские туристы на окружающий пейзаж десятками минут, не наблюдают за поведением прохожих, и не пытаются в оптику разглядеть людей в окнах домов и в автомобилях. Да и лучи солнца, уже клонившегося к закату, падали под неудачным углом, не позволяя увидеть есть ли в припаркованных автомобилях пассажиры или нет. А впрочем, наружку практически невозможно обнаружить, оставаясь на месте. Разве что спровоцировать. А вот спровоцировать сейчас точно никого не нужно. Главное, что внедорожник Олега был на месте.

Содержимое багажника и не давало Олегу покоя уже второй день. Подобное чувство наверное возникает у человека, далёкого от бандитско-ментовских игрив в «казаки-разбойники», которому необходимо провезти абсолютно криминальный «ствол» на другой конец большого города. Вроде бы и всё нормально, не оттопыривает пистолет карман, и маршрут намечен, и никто непосредственно на тебя не охотится, а всё же беспокойно. Много в нашей жизни неприятных, абсолютно непредсказуемых случайностей. Попадёшь в чужую драку, проверят документы в метро, машина ударит на перекрёстке – да мало-ли что. А найдут на тебе этот пистолет – и жизнь радикально изменится, явственно разделившись на «до» и «после». Вот и волнуется такой пистолетоноситель, начинает бегать глазками при виде мили-

ционеру, обливаясь холодным потом обходит по дуге граждан в подпитии, на каждом переходе смотрит по десять раз влево-вправо, пытаясь обнаружить зазевавшихся водителей, проскакивающих на красный свет.

Олег отнюдь не был новичком в «казаках-разбойниках», только в шпионско-контрразведческих, более того, начальство считало его одним из лучших, да и сам он справедливо считал себя настоящим профессионалом. Так что конечно глазками не бегал, и воровато не оглядывался, но внутреннее напряжение оставалось – чертовски обидно было бы провалиться просто потому что какая-нибудь шпана угонит машину, покатается и бросит, а полиция – найдёт и содержимым багажника поинтересуется. Или даже не угонит, а просто разобьёт стекло, надеясь поживится магнитолой и вещами, оставленными в салоне и багажнике. Или... Таких «или» можно много напридумывать. Стоянка не охраняется, потому что практически нету в этом городе охраняемых стоянок, и освещается плохо, потому что незачем ночью на припаркованные автомобили светить – деньги тратить. Да и как-бы ничья она, стоянка-то, ей и постояльцы отеля пользуются, и посетители ресторанчика напротив. С одной стороны, много новых людей и машин – не примелькаешься. Наверное, люди, выбиравшие место где Олег должен остановиться, руководствовались и этим соображением. А с другой – какая-нибудь рассеянная американская бабушка треснет своим Кадиллаком по Олегову багажнику – и всё. Много их сюда, ба-

бушек и дедушек приезжает, особенно после полудня, когда ланч уже закончился, а ужин ещё не начался, вот ресторан и предоставляет скидку пожилым, чтобы повысить посещаемость за счёт тех, кому на работе сидеть не надо.

Волнительный груз появился в багажнике Олегова внедорожника во время плановой остановки в Сан-Франциско. Никаких паролей и отзывов, типа «бомба – Борисоглебск» конечно не было. Въехав в подземную парковку, Олег покружил по условленному этажу, и нашёл машину с нужным номером. Это был пароль. Остановившись позади этой машины, Олег вышел, открыл багажник, село обратно на водительское место не закрывая двери, посмотрел на часы, закурил, и наклонившись вправо, открыл «бардачок» и начал что-то искать там. Это был отзыв. Сзади послышался глухой звук от тяжёлых предметов, устанавливаемых в машину, а потом Олег услышал хлопок закрываемого багажника – всё, передача произошла, можно рулячить дальше.

Олег не знал кто обеспечивал и осуществлял передачу, и не видел лица контакта. Может быть, это был оперативник из резидентуры генконсульства Сан-Франциско, а может быть какой-нибудь нелегал – безымянный боец невидимого фронта. Да что там лица контакта – даже содержимое багажника Олег осмотрел, только добравшись до пункта назначения – до Солт-Лейк-Сити.

Содержимое, естественно, было совершенно ожидаемое. С братьями-близнецами этих устройств Олега познакоми-

ли специалисты технического отдела в Ясенево. В багажнике стояли два аккумулятора. Совершенно обычные автомобильные аккумуляторные батареи, примерно такая же как притаилась под капотом внедорожника. Ничего шпионского в аккумуляторах не было, они должны были просто служить источником энергии для остальных устройств, сейчас покоившихся в простой картонной коробке прикрывающей странноватые хитрушки от любопытных взглядов.

Ещё в коробке обнаружился набор проводов. Были тут и силовые кабели, с характерными «крокодильчиками», явно предназначенные для подсоединения к клеммам аккумулятора, и тонкие, компьютерного вида проводочки, назначение которых – передача данных. Мысль о компьютерном назначении проводочков подтверждал и ноутбук, лежащий рядом. Компьютер был из дорогих – та небьющаяся модель, которую используют полицейские департаменты и армия США. Однако на всякий случай цифровой зверёныш был ещё и обернут в пузырчатую пластиковую плёнку, чтобы защитить теоретически ударостойкую, но нежную технику от случайных повреждений от тряски на дорожных ухабах. Бережёного, как говорится, бог бережёт, нет событий невозможных, есть маловероятные.

В такой же пузырчатый полиэтилен был обернут и «Колокол». В отличие от компьютера и аккумуляторов, это было устройство явно нестандартное, и на вид диковатое и странное. Больше всего «Колокол» пожалуй походил на великан-

ский футуристический шлем, обвешанный всякой добавочной оптикой и электрикой. Или на миниатюрную корабельную зенитную установку со снятой пушкой. Сходство дополняло серое, антибликовое покрытие, а вот вместо пушки рядом лежал длиннющий объектив. Ещё один объектив – панорамный, был закреплён наверху, на «макушке» устройства. Оптика была инфракрасная, способная видеть в темноте.

Этот самый «Колокол» и был сердцем всей системы, а ноутбук – её мозгом. И работало всё это примерно как раз как корабельная автоматическая пушка, только не в радиолокационном диапазоне, а в инфракрасном. Камера за панорамным объективом посылала в компьютер картинку каждую секунду. Специальная программа анализировала изменения в изображениях, и находила фрагменты, похожие на быстро движущиеся воздушные цели. Потом компьютер подавал сигналы на сервомоторы «Колокола», нацеливая на найденный объект длиннофокусный объектив, и делала снимки, пока размер цели на картинке не делался меньше определённого предела – дальше фотографировать не было смысла, всё равно качественного снимка не получится.

В условленные дни Олег после захода солнца должен был устанавливать «Колокол» на заранее выбранных площадках на горе чуть западнее Базы Хилл, присоединять аккумулятор и ноутбук, убеждаться, что объективы ориентированы в правильном направлении и не закрыты травой и кустами. А дальше – ждать, время от времени слушая жужжание сер-

вомоторов. Места для «Колокола» выбирались из соображений безлюдности, и видимости воздушного пространства. А ещё близости к дорогам, потому что не по всякой местности даже вездеход сможет проехать, а по горам ночью пешком не очень-то погуляешь. По-этому, кстати, «Колокол» и лежал просто в коробке – не было в рюкзаке никакого смысла. Перед рассветом надлежало отсоединять кабели, перекидывать полу-разряженный аккумулятор на свою машину – там и зарядится на обратном пути. На случай, если аккумулятор разрядится слишком сильно и не сможет провернуть стартер внедорожника, у Олега как раз и был второй аккумулятор, запасной и целиком заряженный. Потом Олег должен был возвращаться в отель, опять оставляя «Колокол» в багажнике. Очень хотелось бы конечно во избежание неприятностей забрать «Колокол» в номер, однако мужик, каждый вечер выходящий из номера с большущей и достаточно тяжёлой ношей, вызывает, мягко говоря, ненужное любопытство у окружающих, а главное – у сотрудников отеля. Вот и приходилось забирать с собой только ноутбук, чтобы зарядить его батарею от гостиничной розетки, а все хитрушки оставлять в машине на парковке.

Среди хитрушек был ещё небольшой термитный заряд, позволяющий надёжно уничтожить всю технику за несколько секунд, сжигая своими двумя с половиной тысячами градусов всё что горит и расплавляя то, что не горит, а плавится. Конечно, применение этого заряда – крайний случай, но

обнаружение «Колокола» контрразведкой – это уже по-всякому шпионский скандал, так что уж лучше расплавить совершенно секретную технику, и компьютер вместе с ней – хуже не будет.

А ещё в багажнике притаились всякие полезные мелочи: мобилка (как же мы десять лет назад без них жили?), аварийный медицинский комплект, прибор ночного видения, и уж совершенно нешпионский револьвер – большущий восьмизарядный Смит-и-Вессон триста пятьдесят седьмого калибра.

Вообще-то, шпионских пистолетов, или там, например, револьверов – не бывает. Разведчик с оружием – это уже ЧП. Разведчик должен работать головой, деньгами, личным обаянием, а если дело дошло не то что до стрельбы, или просто до ношения оружия – значит, всё идёт более чем плохо, а скорее – просто отвратительно. Никакой, даже самый суперменистый профессионал не отобьётся от Государства, с его контрразведкой, группами захвата и вертолётами. Если у разведчика в кармане огнестрел – это обычно означает, он в чрезвычайной опасности, и на него идёт охота. В принципе, и в случае охоты, как ужасно это не звучит, в большинстве случаев, если уж тебя загнали в угол и бежать совершенно некуда – то лучше сдаться, чем обнажать ствол. Незачем устраивать шпионских скандалов с воем прессы, дипломатическими нотами, парламентскими запросами, и при этом злить спецслужбы противника. Однако, револьвер у Олега

был не для того чтобы отстреливать коварных ФэБэЭрровцев или полицейских. Это был так называемый «горный ствол» – оружие повышенной убойности, предназначенное для защиты от диких животных, в данном случае – от пум, или, как их тут называют – кугеров, в достаточном количестве населяющих горы Юты. Вот посчитали умные головы где-то в Ясенево, что вероятность наскочить во время ночных прогулок на эту зверюгу, обладающую убойной силой восьмидесяти-килограммовой кошки – выше чем вероятность засветить оружие при прочих случайностях, вот и оказался револьвер в багажнике вместе с основным снаряжением. Револьвер по сравнению с современным автоматическим пистолетом – штука архаичная и почти музейная, однако по надёжности последний легко побивает, потому что в случае осечки можно просто нажать на спусковой крючок ещё раз, не озабочиваясь извлечением бракованного патрона. А количество зарядов при встрече с пумой на короткой дистанции не так уж и важно.

Весь вчерашний день Олег, что называется, «обживал местность» – просто на всякий случай, скорее по привычке, чем по необходимости. В первый день никаких активных действий не планировалось хотя бы потому, что надо было отдохнуть после долгой дороги за рулём, и перейти на «ночной график жизни». А ещё нужно было дать охолонуть местным спецслужбам, если те насторожились на приезд иностранца – пусть проверят документы, посмотрят на новичка

издали и успокоются. Если у спецслужб ничего серьёзного на Олега нет – то после таких нехитрых мероприятий его оставят в покое. Вот и пришлось с видом туриста погулять по окрестностям, посмотреть на достопримечательности, удивлённо похлопать глазами и пощёлкать красоты дешёвым фотиком.

Солт-Лейк-Сити Олегу понравился. Ему вообще нравилась Америка. А чего тут такого? Никакого парадокса в этом нет, ну приходится ему сейчас против Америки работать, ну и что? Это любить надо одну страну – свою, а нравиться могут многие. И то, что задание Олега Штатам наверное во вред – это, уж извините, как говорят герои американских же боевиков «ничего личного». Да и вообще, находясь на задании, надо к стране пребывания относиться позитивно, тогда и вести себя будешь соответственно – меньше подозрений вызовешь, совершенно не актёрствуя и не напрягаясь. А что? – нормальная такая страна Америка, милая и для жизни удобная. Не Европа конечно, но на этой планете есть страны куда хуже.

Так уж случилось, что работать Олегу обычно приходилось как раз в таких «куда хуже» странах, особенно в последнее время. В Европе – совсем чуть-чуть, а тут, в Штатах, Олег вообще бывал только два раза, да и то мельком. Первый раз – в далёкие, «дотеррористические» времена, когда на въезде в Штаты ещё не снимали отпечатки пальцев у каждого встречного-поперечного, Олег прилетал сюда вооб-

ще без задания. Включили его тогда в экипаж российского самолёта стюардом. Вот и погулял Олег (хотя звали его тогда и не Олег) по Нью-Йорку один денёк с пилотами и стюардессами, дожидаясь обратного рейса. Просто для того, чтобы если в Америке работать придётся – не удивлялся, и не чувствовал себя как среди инопланетян.

Второй раз был Олег в Штатах пять с половиной лет назад, но тоже буквально «на минутку». Въехал со стороны Канады с твёрдой ксивой. Впрочем, документы не понадобились – никто их и не проверял, даже машину не остановили, махнул таможенник рукой лениво «проезжай» мол.... Не было у таможенника ни желания напрягаться, ни необходимости это делать – один белый джентельмен едет в гости к другим белым джентельменам. Там проверки выборочные, а Олега-то чего проверять, морда европейская, номера вancouverские. Таких тут каждый день тысячи шныряют в обе стороны, граница практически чисто условная. Приветливо улыбнувшись таможеннику, и через пару часов неспеша доехав до вызубренного адреса в Портланде, Олег вошёл в почтовое отделение, открыл привезённым из Канады ключиком абонентский ящик номер-такой-то, и вытащил из него объёмную, но лёгкую коробку. Коробка была фабричной упаковкой магнитолы, а наклейка с адресом превратила коробку в почтовую посылку. Пока донёс коробку до машины – уж точно не скучал, потому что девяносто процентов провалов приходится как раз на моменты контактов и проверки тай-

ников. Если случилось уж что-то совсем экстраординарное, и контрразведка про этот абонентский ящик знает, то брать будут именно сейчас, на горячих уликах. Однако не взяли, и после слежки Олег не обнаружил, хотя и основательно покрутился по городу, прежде чем продолжить операцию.

Впрочем, продолжать-то было почти нечего. Доехал до условленного места на побережье, остановился, начал перегружать коробку в багажник, на полпути понял что багажник закрыт а руки заняты коробкой, картинно чертыхнулся (хотя этого можно было и не делать – камер там быть не должно), поставил коробку на крышу машины, убедившись что наклейка с адресом смотрит ровнёхонько на большой ангар, стоящий за проволочным забором, ограждавшим территорию складов военно-морской базы Портланда. Потом заглянул обратно в салон, дёрнул рычажок, открывавший багажник, попутно нажав несколько раз кнопку на стандартном кликере – такие обычно открывают автоматические ворота гаража. Вот, собственно, и всё. Убрал коробку в багажник, доехал до другой почты. Там, предварительно тщательно отодрав старую наклейку, написал адрес другого абонентского ящика на коробке, да и отправил посылку в другой конец Штатов. Что было в коробке Олег конечно не знал и не интересовался. Верней, в коробке-то была скорей всего именно магнитола, а вот внутри магнитолы было что-то раскудрявое и продвинутое, замеряющее по радиосигналу от кликера то-ли радиоактивность, то-ли ещё что...

Вернулся в Канаду тогда Олег тем же путём, абсолютно без приключений. Приятно работать в стране, где почта работает как часы, а посылки принимаются в запечатанном виде. Впрочем, жить в стране где почта работает как часы (разве что время не показывает), наверное, тоже приятно. Чисто теоретически приятно, потому что убедиться в этом Олегу тогда возможности не представилось. А вот теперь – ещё и как представилось, целый день можно, верней – нужно туриста изображать.

Вот Олег и изображал. Пошалтался по магазинам с видом выходца из бедной Восточной Европы, старательно переключая выражение лица с «У нас у самих такого сколько хочешь» на «Я бы это и даром не взял». Кое-где поудивлялся. Удивляться в общем-то пришлось через силу – в советское время наверное от такого зрелища можно было и в обморок упасть, а сейчас в России выбор получше. Ну, может и не во всей России конечно, но в городах масштаба Солт-Лейк-Сити, например в Калуге (где Олег родился) – примерно так же. А вот цены в Америке куда как ниже, во всяком случае на ширпотреб – всякие майки, джинсы и кроссовки.

А с джинсами ещё и конфуз произошёл. Увидел Олег джинсы знаменитой, самой-самой что ни на есть американской марки, и хотел было купить презент сынишке, но посмотрел на этикетку, и очувствовался. Джинсы оказались точной копией тех, что продаются в России – сшиты в Индонезии из индийского хлопка. Вот и получается, что един-

ственная ценность этих джинсов – это то, что куплены они в настоящей Америке. А вот как раз о том, где они куплены рассказывать будет нельзя. Не принято у разведчиков говорить о том, куда их посылали в краткосрочные командировки.

Пужинать Олег отправился в тихий, что называется «семейный» ресторан. Конечно, куда интересней было бы пойти в питейное заведение, потому что какое уж впечатление о стране без разговоров с аборигенами, а бар для этого – самое подходящее место. Однако общения с местными рекомендовалось избежать, потому что начнут интересоваться, спрашивать про жизнь, про Украину, и вообще (как это принято у людей в подпитии) про всё подряд. А зачем легенду лишней раз на прочность проверять, если задание контактов с местными не требует? Да и полицию дразнить – это лишнее. Полиция – она же любит охотиться там, где резвятся водители «под шафэ», разъезжающиеся из баров и клубов. Вот и нечего даже трезвому Олегу попадать под проверку документов и «дутьё в трубочку», особенно учитывая содержимое багажника.

Так что ужинал заморский гость мистер Кохренко молча, с соответствием с классикой советского рока «Я сегодня один, я человек невидимка, я сажусь в уголок...», и изучал страну почти бесконтактным способом. Получалось занимательно. Ведь сколько не готовят тебя мудрые всезнающие инструкторы – каждой детали они тебе не расскажут. Вот например

не рассказали что ресторанные порции в Америке – совершенно нечеловеческого размера. С одной стороны – иллюзия изобилия создаётся, а с другой – американцам явно не помешало бы похудеть. Олег в себя эту порцию запихнул с огромным трудом. Пришлось – была у него ещё с армии привычка ничего не оставлять в тарелке, за это и пострадал. Сидел теперь как удав, дышал через раз, и даже ремень на одну дырочку ослабил. Обозревал окрестности в пределах ресторана зала. А посмотреть, если честно, было на что – картина для русского глаза непривычная, как зал ожидания космовокзала, набитого пришельцами. Американцы, сидящие за соседними столиками были одеты так пёстро, что аж рябит. Кто-то сказал, что Америка – это страна, пришедшая к прогрессу, минуя культуру – умный мужик был, однако. Вроде же и не фаст-фуд, а настоящий ресторан, с официантами, а местные одеты как-то... по-домашнему что-ли. Некоторые даже в шортах и шлёпанцах, несмотря на отнюдь ещё не летнюю погоду. А с другой стороны – может так и надо? Олег и сам, если честно, в большинстве случаев предпочитал джинсы и свитер костюму с галстуком. Вот, через столик сидит тётка в обтягивающей майке. Глядя на тёткины формы складывается впечатление что кулинарные привычки у аборигенки как у Олега – тоже, наверное, немерянные американские порции доедает до крошки, причём, судя по фигуре, делает это уже лет пятьдесят или сто. Ей бы телеса скрывать, а не демонстрировать, а тётка не парится, не комплексует, сидит

себе таким весёлым бегемотиком, и выглядит счастливой.

Решив, что новых впечатлений на сегодня достаточно, Олег расплатился и направился к выходу, однако, проходя мимо тупичка с туалетами, немного разочаровался в приятной для жизни стране Америке. На стене висела табличка с понятными всем выпуклыми знаками «мальчик», «девочка», и ещё одним, изображавшим инвалидное кресло на колёсиках. Последний обозначал что туалеты сделаны так, что и люди в инвалидных колясках могут ими пользоваться – никаких тебе высоких, непреодолимых для колеса порожков, и кабинки достаточно большие чтобы коляску вместить. Что, в общем, ещё раз подчёркивало что Америка – страна правильная, заботящаяся о тех, кто сам о себе позаботиться не в состоянии. А вот под знаками виднелись ряды рельефных точек. Олег даже вспомнил как это называется – код Брайля, алфавит, читаемый на ощупь, для слепых. И тут от показушной двуличности стало немного противно. Что ж, они действительно думают что слепой ища туалет будет ощупывать стенки чтобы прочесть эту надпись?

«Они бы ещё на дорожных указателях значения кодом Брайля продублировали – пусть все видят как Америка об инвалидах заботится...» – раздражённо подумал Олег, выходя из ресторана.

Машина была на месте, и полоска грязи перечёркивала щель между дверью багажника и кузовом над левым углом номерного знака (там, где Олег её и оставил) – значит ба-

гажник не вскрывали. Оставалось доехать до отеля, а потом бродить по Интернету и смотреть телевизор до самого утра. Олег собирался бодрствовать как можно дольше, чтобы завтра как можно дольше спать – пора было переходить на ночной стиль жизни.

Когда Олег проснулся, Солнце уже почти закатилось, самое время было собираться – до выбранного на сегодня места возле Базы Хилл ещё доехать надо, а темнеет в горах быстро. Олег отключил ноутбук от розетки, блок питания на всякий случай уложил в компьютерную сумку. Отключил от зарядки и мобилку. Единственный номер, который мог ему понадобиться – аварийный контакт, был надёжно запомнен. Олег получил этот номер по имэйлу, читая письмо от как-бы любимой девушки, как-бы оставшейся на Украине. Номер конечно был зашифрован простеньким кодом, надо было просто прибавить два к каждой чётной цифре, и отнять один от каждой нечётной, и добавить спереди код Солт-Лейк-Сити – аварийный контакт был где-то здесь, в городе. Вроде мелочь – а приятно, теоретически – помощь близко, хотя, конечно лучше было бы этим номером никогда и не пользоваться и помощь не запрашивать.

А любовные письма, кстати, были чертовски хороши – умеют же разведчики когда захотят. В ответ Олег, не сильно напрягая писательский талант, отправлял письма попроще, типа «целую, помню, люблю» и всё такое прочее, конечно же включая в текст обговорённые заранее кодовые комбинации

слов, на момент означающие что у него всё хорошо, операция проходит без происшествий, строго по плану.

Почту Олег проверял через вэб-интерфейс сервера, расположенного в России – ничего подозрительного в этом нет, большинство украинцев пользуется российскими вэб-ресурсами, а то, что сервер физически находился в России, гарантировало то, что отправителя американской контрразведке проверить невозможно. Так что письма скорей всего отправлялись Олегу прямо из Москвы, или из Москвы на Украину, а оттуда – Олегу через Москву, чёрт его знает как оно на самом деле работает. Олег не был специалистом в компьютерных финтифлюшках, просто дружил с Инетом на уровне несильно продвинутого пользователя.

Выходя из отеля, Олег кивнул дежурно улыбнувшемуся портье, и, одной рукой придерживая болтающуюся на боку сумку с ноутбуком, другой открыл стеклянную дверь. Парковочное место прямо у выхода пустовало – это была инвалидная парковка, каждое общественное здание в Америке обязано обеспечить удобные парковки людям, которым трудно передвигаться. Запаркуешься тут, если у тебя нет специального номерного знака, или на зеркале не висит табличка, изображающая кресло на колёсиках – штраф.

А вот на следующем парковочном месте стояла машина, мельком Олегу не понравившаяся. Верней, не понравилась конечно не сама машина, а люди, сидевшие в ней. Два молодых щенка латинистого вида, с колючими, вызывающими

взглядами. Это в больших городах не принято встречаться глазами, упрёшься в кого-нибудь взглядом, тут же запросто нарвёшься на вопрос «Ну, а тебе чё надо?!», а тут, в ютинской патриархальности, такой взгляд выбивался из общего ряда, и потому настораживал. На голове у того, что на водительском сидении – красная бейсболка, повёрнутая козыльком назад. У второго – бандана, опять же красная. Участники малолетней бандочки что ли? Два шпанёнка, откровенно нарывающихся на скандал? Или просто демонстрирующих друг-другу свою крутизну. А может и не два, а больше – задние стёкла машины были затемнены, и что там – неизвестно. И машина припаркованна неудачно, что называется «к лесу – задом, ко мне – передом», вернее к отелю задом, а передом – как раз к выезду, так что можно стартовать быстро – не пятятся с парковочного места. Некоторые, конечно, так и паркуются, хвастаясь водительским искусством втискиваться кормой в промежутки между другими автомобилями, но, опять же, в сочетании со взглядом пассажиров добавляет пару градусов в шкалу настороженности.

Олег мимоходом улыбнулся, как это принято у местных аборигенов, и, слегка кивнув, пошёл к своей машине. Перевесил сумку с компьютером на правое плечо – подальше от дороги. Вот так-то лучше, с одной стороны – никакой агрессии, никакого вызова, нет у них причин из машины выскакать и Олегу морду бить. С другой – пусть видят, что Олег их, гопников, заметил, и нет у них шансов разогнать-

ся, взвизгнув шинами, и, проезжая мимо, сорвать с Олега плеча компьютерную сумку.

Пройдя через два ряда припаркованных машин, и подойдя к своему внедорожнику, поставленному так, чтоб из окна отеля был виден багажник, Олег полез в карман за брелоком с ключами и кликером. Нажал на маленькой коробочке кнопку, под которой в пластмассе был выдавлен открытый замок. Машина мявкнула, мигнув фарами, показывая что сигнал от кликера понят и двери открыты. Тут же стрелка на внутренней шкале опасности качнулась от отметки «Внимание» к риску «На готове», и задрожала, готовясь ринуться дальше – в той стороне, где стояла машина с агрессивными латиносами, послышался звук запускаемого двигателя. Олег глянул – и стрелка перескочила на отметку «Опасно!» – теперь шпанята не смотрели на него. Они неумело, а потому, казалось, демонстративно не обращали на него внимания, смотрели в стороны, всеми показывая что Олег им совершенно неинтересен. Машина шпанят двинулась, причём не в сторону Олега, а к выезду с парковки, однако облегчённо вздохнуть было рано – не выезжая на улицу машина остановилась, напрочь выезд заблокировав.

Олег уже практически однозначно понимал, печёнкой чувствовал, это – по его душу. Не понимал – почему? Эти дошколята – явно не служба, не контрразведка и не полиция, им, наверное, и восемнадцати ещё нет. Да и не работает так контрразведка, если это, конечно, не провокация – вынудить

на драку, полиция арестует, проверит документы, проверит машину. Или действительно какая-то бандочка? Но почему – Олег не успел никому оттоптать большие мозоли. Совпадение, случайность? – тоже вряд ли, судя по поведению ждали именно его. А дальше времени думать уже не было.

На водительское место в такой ситуации Олег залезать конечно же не стал. Что толку, если автомобилю ехать некуда? – выезд-то заблокирован. В такой ситуации машина – мышеловка, лучше уж остаться на своих двоих, сохранив возможность маневра. Олег скинул с плеча компьютерную сумку, поймав её на лету за ремень, шагнул к багажнику и открыл его, как бы собираясь отправить сумку туда. С пассажирского места машины противника – а что это был именно противник Олег уже практически не сомневался, вылез невысокий парнишка, и неторопливо, однако – как-то напряжённо пошёл в сторону Олега, очень неприятно пряча за спиной правую руку. Он всё так же смотрел в сторону, а вот водитель опустил стекло и демонстративно пялился. Приотпустилось стекло и на пассажирском месте позади водителя. Так, значит их всё же больше двух. Олег открыл багажник, бросил туда сумку с ноутбуком, освобождая руку, и, стараясь контролировать боковым зрением приближающегося типа, начал рыться в коробке.

– Dude, is it your car?

Что за дурацкий вопрос? Конечно же это Олегова машина, можно подумать что он открыл чужую, и укладывает туда

свои вещи... Однако, вопрос к месту, теперь Олегу не нужно смотреть на приближающегося парня краем глаза, теперь можно повернуть голову и смотреть как следует.

Олег не успел. Рука уже нащупала в коробке рукоятку револьвера, удобную такую, эргономичную рукоятку, обретенную для смегчения отдачи мощного патрона, но правильно ухватиться за неё не успела. Мелкий гопник шагах в пятнадцати, не дожидаясь ответа на свой вопрос, уже выдернул из-за спины правую руку, удерживая горизонтально, по-гангстерски, небольшой пистолет.

Время споткнулось, и потекло очень медленно – как патока, как обычно и случается в секунды смертельной опасности. Говорят, люди, рядом с которыми упала граната, успевают увидеть, как заряд разрывает корпус, как змеятся трещины по оболочке, как медленно, словно нехотя отделяются осколки, подпираемые мутными облачками детонирующего тротила. Правда, рассказать потом об этом могут весьма немногие. Гранаты сейчас конечно не было, был чёрный зрачок ствола. Казалось, Олег сейчас увидит как затвор начинает откатываться назад, и ствол покидает пуля, вращаясь в спиральях уплотнённого воздуха – экая бекмамбетовщина.

«Мелкая Беретта, или Таурус, или что-то совсем дешёвое, в калибре двадцать два, двадцать пять, или тридцать два» – машинально отметил Олег, всё ещё пытаясь вытащить из коробки свой револьвер и повернуть ствол в сторону угрозы – «На такой дистанции если не в голову, то может и с ног не

собьёт».

Пистолет в руке шпанёнка резко треснул два раза до того как Олег успел ответить. Олег получил удар в левую руку повыше локтя, и обнаружил себя сидящим в багажнике. Вернее, полу-лежащим, только коробка с «Колоколом», упёршаяся в спину остановила движение назад. Револьвер Олега после ответного выстрела оказался смотрящим в небо – какая же жуткая отдача у этого оружия. Олег скомпенсировал – опустил ствол в сторону поля боя.

Шпанёнок лежал нешевелиясь, откинутый попаданием метра на три. Олег был уверен, что правки не требуется – противник неопасен. Экспансивная пуля триста пятьдесят седьмого калибра при попадании в тело сплющивается, раскрывается, увеличивая диаметр более чем в два раза, превращая плоть в фарш и осколки костей. Не даром военные такие пули использовать не могут – всякие-там международные конвенции запрещают негуманные боеприпасы. А главное – такая пуля не пробивает тело, и не уносит свои килоджоули дальше – она отдаёт цели всю свою энергию, так что если жизненно-важные органы и не задеты, клиент всё равно надёжно отключен банальной контузией, общим сотресе-нием организма, энергия-то у пули – как у грузовика. Вот и малолетний бандюк лежит как бесформенная кукла, будто с грузовиком столкнувшись, как минимум накаутированный массой пули, помноженной на квадрат скорости. Только кисть руки у него, у шакалёнка, дёргается, что, опять же, ни

о чём ни говорит, может – убит, может – ранен. Но в любом случае – в ближайшее время больше воевать не будет.

А вот второй бандит, сидевший на водительском сидении, напротив, зашевелился, ожил. Вытянул в окно грабку с каким-то автоматическим пистолетом, да и шмальнул пару раз в сторону Олега. Олег почти не услышал звука – после грохота Смита-и-Вессона уши были словно проткнуты веретеном, вытянутым из прессованного тонкого, почти ультразвукового писка. Хорошо хоть перед выстрелом автоматически открыл рот, а то ведь так и оглохнуть можно.

Пули ушли левее метра на четыре – из такого положения прицельно стрелять без подготовки невозможно, разве что случайно можно попасть. Испытывать удачу бандита Олег вовсе и не собирался. Олега учили стрелять интуитивно, то есть не совмещать прицел с целью, а просто указывать оружием на то место, куда должна попасть пуля. Сейчас она должна была попасть в нижний правый угол водительского окна. Лучше бы было стрелять чуть ниже – верхняя часть тела водителя подвижнее, и может изменить положение, а вот пятая точка надёжно покоится на сидении, да и ногам некуда деться. Но стрелять через дверь машины Олег не решился – как раз из-за экспансивных пуль, которые, встретившись с металлом могут изменить направление, а то и вовсе фрагментироваться и не пробить дверь.

Пуля попала куда надо – водитель резко пропал из проёма окна, как будто сбитый внутрь машины гигантским щелч-

ком, а вот пассажир, сидевший сзади, напротив, появился – выскочил через дверь с противоположной стороны и припустил за угол, вжимая в плечи голову в такой же красной бандане. Олег проводил его стволом, и только тут понял, что серьёзно ошибся. Нельзя было отвечать на огонь водителя. Тот, скорей всего, или вылез бы наружу, и тут его можно было бы чисто положить, или, что ещё вероятнее, ударил бы по газам, разблокировав выезд с автостоянки. Теперь же Олег остался без колёс – его внедорожник заперт, а за рулём бандитской машины лежит мёртвый или тяжело раненый гопник, которого быстро не вытащить. А если и вытащить, то вещи в неё быстро не перегрузить. С одной-то рукой.

Олег посмотрел на левую руку. Пуля вlepилась в бицепс. Судя по сотрясению, швырнувшему Олега внутрь машины, не только вlepилась в бицепс, но и попала ровнёхонько в середину плечевой кости. Гипотизу подтверждала тупая боль в суставах руки, в ключице, и в солнечном сплетении. Даже челюсть ныла – сотрясенье было ещё то ещё, хорошо хоть ствол у малолетнего бандюка был скромного калибра, да и стрелял он так как в фильмах показывают – держа пистолет горизонтально можно попасть разве что в длинную сторону амбара, и то, что маленький гадёныш зацепил-таки Олега – нелепая случайность. Впрочем – хватит, пора действовать, ещё немножко, и местные аборигены преодолеют крепко вбитый в них страх перед стрельбой на улице, и высунут любопытные мордашки. Полицию наверное уже вызвали.

Олег машинально посмотрел на часы. Рука чуть шевельнулась, но ответила такой болью, что Олег охнул. Ух как больно-то! И это сейчас, когда адреналин в крови маскирует неприятные ощущения. А что будет когда адреналин разложится и боль усилится? Вот что будет: болевой шок будет. Олег положил револьвер рядом с собой, скинув пару маленьких кубиков автомобильного стекла. Весь багажник был словно градом усыпан осколками стекла задней двери багажника – очевидно туда попала вторая пуля, сестра-близняшка той что сейчас сидела в левой руке Олега. Правой рукой неуклюже полез в коробку, вытащил сумочку аварийного комплекта, стараясь вообще не шевелить левой рукой. Чёрт, всё равно больно. Ничего, сейчас мы это устраним, во всяком случае на какое-то время. Олег открыл чёрный футляр, заняло это, казалось целую вечность, хотя и требовалось всего-то отстегнуть одну кнопку на ремешке, стягивающем две половинки сумки. Невозможно придумать контейнер, который было бы удобно открывать одной рукой, хорошо если его возможно открыть, об удобстве делать что-нибудь одной рукой вообще речи не идёт.

В первой секции сумочки аварийного комплекта, прижатые широкой резинкой устроились четыре шприц-тюбика. Когда-то похожий шприц-тюбик лежал в аптечке каждого советского солдата. Потом подкатили разруха, наркомания, и прочая перестройка и торжество демократии. Солдатики поняли, что в этом шприце-тюбике – промедол, а промедол

– ближайший родственник морфина, как и героин например. А офицеры поняли, что такую игрушку в руках солдата оставлять нельзя. Вот и перекочевали шприцы из аптек солдат в карманы командиров взводов, откуда и доставались, чтобы спасти от болевого шока раненых бойцов. В шприце Олега был троюродный внук промедола – антишоковый препарат нового поколения. Промедол делает человека счастливым, сонным и медленным, а сонным и медленным разведчику быть нельзя, даже когда он ранен. Особенно когда он ранен.

Олег сдёрнул зубами защитный колпачок со шприц-тюбика, собрался с духом, и уколол себя в левое плечо, чуть выше пулевого пробоя, прямо через одежду. Несмотря на готовность, чуть не заорал от боли в голос. Куда комфортнее конечно было бы уколоть себя, например, в бедро, и подождать пока лекарство подействует, но времени на ожидание не было – до того, как из отеля посыплются любопытные, а потом появится полиция оставались единицы минут, и то если не случится досадной случайности, вроде патрульной машины на соседней улице, или героя, не расстающегося с Кольтом и мечтающего прославиться и попасть в выпуск новостей.

Попытавшись пошевелить левой рукой, Олег убедился, что использовать её нельзя, но и боли уже нет. Рука будто онемела. А рукав, кстати, уже изрядно пропитался кровью, надо поскорее перевязать, а то вытечет пара-тройка литров, и никакая химия из шприца не поможет, мигом сделаешься

вялым как снулая рыба, а после и сознание потеряешь. Но с перевязкой придётся подождать, сначала надо сделать то, что надо сделать.

План действий для такой ситуации у Олега был. Вернее, конечно же не для такой ситуации, никто не мог предсказать бессмысленное нападение какой-то шпаны, потерю машины и ранение. Был план действия для «наихудшей ситуации», вот его-то и предстояло осуществить, применив минимум фантазии для адаптации к существующим реалиям. Фантазировать было практически не о чем – всё было просто, как брюква. Валя Аверин, с которым Олег работал и раньше, и который руководил этой операцией, объясняя Олегу каким должен быть результат в «наихудшей ситуации», сказал что-то вроде «Вся слава – военным». И ещё подмигнул с видом «для знатоков штучка». Знатоком Олег как раз не был, он знал что нужно сделать, а для чего это делается – лучше и не знать, Если попадётся, то знающую голову вывернут на изнанку, и знания эти извлекут. А сейчас как раз Олег был чрезвычайно близок к тому чтобы попасться – надо спешить.

Олег встал, зацепил здоровой рукой за коробку, и вытащил её из багажника, постаравшись чтобы она упала набок. Коробка глухо ухнула об асфальт тяжёлым «Колоколом». Ну что ж, его прецизионной механике и оптике работать уже повсякому не придётся. Кстати об оптике – это важно. Олег, наклонившись, вытащил из коробки длиннофокусный объектив, который был плотно уложен рядом с «Колоколом», и

потому не выпал. Кинул на асфальт толстый и длинный цилиндр, обёрнутый в пузырчатый пластик. Быстро огляделся – свидетели пока не спешили выглядывать из отеля, и на улице вблизи любопытствующих прохожих пока не видно. И камеры безопасности отеля сюда не смотрят – Олег это заранее проверил, когда по привычке «обживался на местности». Но ведь окна... Ох чёрт, из окон отеля наверняка уже пялятся любопытные. Ну что же, тогда так, всё должно быть натурально... Олег сделал шаг вперёд, сделал вид что оступился, наступив на объектив, развернулся, со злостью треснул по нему ногой. Зашуршав обёрткой, объектив покатился под припаркованную напротив машину, подальше от коробки и её содержимого.

Ещё раз нагнувшись, Олег, зацепил правой связку проводов, отметив про себя, что левая, раненая рука болтается как сосиска. Ох, а как бы пригодилась сейчас вторая грабка... Наступил ногой на петли проводов, присел, со второй попытки выдернул силовой шнур с «крокодильчиками» на концах, повесил на шею. Тут всё мотивировано, провод нужен для того чтобы перемотать руку повыше раны и остановить кровь. Олег пнул связку посильнее – чтобы тоже оказалась подальше от коробки. Теперь – самое главное.

Олег вытащил из коробки полиэтиленовый пакет, и вытряхнул из него содержимое – две пиротехнических шашки и пластиковую разделочную доску. Вернее, предмет только напоминал пластиковую доску, однако был гораздо тяжелее,

потому что пластик был только снаружи, а внутри – смесь порошков оксида железа и алюминия, более известную как «Термит». Олег приподнял за край коробку – всего-то на пару сантиметров, потом задвинул пластиковую доску под край коробки, как раз под «Колокол». Потом поднял одну из пиротехнических шашек, положил её на выступающий краешек термитной доски, прижал ногой, и выдернул чеку. Шашка, как должно, зашипела, выпустив чёрный дым, и сразу за ним – язык белого, ослепительно яркого пламени. Такие шашки входят используются по всему миру, опять же для того, чтобы поджигать термит, правда, в мирных целях – для сварки рельсов, труб, и толстых проводов. Шашка развивает высокую температуру, а вот термит, в свою очередь, создаёт температуру просто страшную. Всё. Олег протянул руку над микроскопическим пока ещё пожаром, достал из багажника сумку с ноутбуком, и поставил её вниз, подпирая цилиндр шашки. Впрочем, это уже лишнее – пластмасса, в которую был упакован термит, очевидно была специальной, и уже всю горела сама. Через тридцать секунд термит разгорится всей массой, испарив ноутбук и наверняка расплавив «Колокол», не важно, целиком или частично, если есть внутри какие-то технологии, которые надлежит держать в секрете – им точно не уцелеть.

Оставалась ещё одна деталь. Уже чувствуя ногами жар костерка, Олег ещё раз протянул руку в багажник и достал Смит-и-Вессон. Поколебался секунду. Положи он револьвер

в термитный огонь – и оружейный металл тоже будет расплавлен. Нет револьвера – нет улики. Впрочем, если Олега поймают, судить его будут не за стрельбу, судить его будут за шпионаж. Да и стрелял-то он как раз ровнѐхонько в целях необходимой самообороны, в сугубом соответствии с американскими законами.

А ещё Олегу абсолютно не хотелось оставаться без ствола в ситуации, когда на него, вроде бы мирного гражданина, ни с того ни с сего прыгают гадѐныши с пистолетами. Бандюганы приходили именно по его душу, Олег был практически в этом уверен. В общем, решение принято – револьвер нужно сохранить. Вот разве что обезличить на случай если придётся применять ещё раз, чтобы две стрельбы нельзя было связать между собой.

Олег зажал ствол револьвера между колен, большим пальцем здоровой рукой слегка оттянул курок, а указательным пальцем провернул барабан до последней, восьмой позиции, занятой патроном. Потом оттянул курок назад до щелчка. Последний патрон, находившийся сейчас под ударником, был специальный. Нет, это не был последний патрон «для себя», или противо-вампирная серебрянная пуля. Пуля была как раз титановая, вернее, в обиходе её называли титановой пулей, а сделана она скорей всего из какого-то сплава значительно прочнее оружейной стали, а может быть из новомодной керамики.

Чтобы не царапать канал ствола, пули покрывают мед-

ной или латунной оболочкой. В результате не пуля царапает ствол, а ствол – пулю. Именно эта особенность и используется чтобы связать пулю и ствол – достают пулю, например, из трупа, потом отстреливают контрольную из оружия, потом смотрят на обе пули под специальным микроскопом, и сравнивают царапины. Если царапины одинаковые, то и вылетели пули из одного и того же ствола. Титановая же пуля сама царапала ствол, изменяя его уникальный отпечаток. А по гильзам револьвер всё равно не опознаешь – они в барабане остаются.

Олег направил револьвер вверх и нажал на спусковой крючок. Спуск получился совсем мягкий – револьвер уже был взведён, а вот грохот опять пришиб начавший уже было возвращаться слух. Что ж, даже полезно, если какие-то любопытные уже осмелели настолько чтобы выйти поглазеть, то этот выстрел их пыл поумерит. А вот приезд полиции, конечно же, выстрел не задержит – надо поспешать.

Олег нажал на спуск ещё два раза, и револьвер дважды сухо клацнул, прокручивая ячейки с битыми патроны. Засунув оружие за пояс брюк сзади и прикрыв пиджаком, Олег оглянулся напоследок. Объектив и провода лежали метрах в пяти и не должны были пострадать, даже если займутся машины, припаркованные в одном ряду с внедорожником Олега. А вот Олегова машина скорей всего сгорит. Жаль, хороший был конёк, через пол-Америки провёз.

Олег понимал, что вряд ли ему доведётся работать в Шта-

тах ещё раз – его отпечатки пальцев остались на паспортном контроле при въезде в страну, и в номере отеля, а машина, которая вот-вот сторит, однозначно его с этими отпечатками связывает. Впрочем, сожалеть о том, что в Америку путь заказан, можно будет только после того как Олегу удастся из Америки выехать.

Сняв с шеи силовой шнур с «крокодильчиками», Олег быстро пошёл к выходу с парковки, по пути наматывая провод на непослушную левую руку у самого плеча.

15. Прятки

Саша сидел в патио, курил, смотрел на серебряную рюмочку, наполненную виски (как обычно – до половины), и размышлял, выпить её, третью, или не надо. Наверное, выпить, а то голова так и не отключится от программизма, не перейдёт в правильное, спокойно-умиротворённое состояние, в котором и должна прибывать после того как сегодняшний рабочий день закончился, а завтрашний ещё не начался.

День получился преотвратнейший. Фирма, в которой Саша трудился самым главным и единственным программистом, жила тем, что приторговывала всякой всячиной на популярном Интернет-аукционе. И вот этот самый аукцион никого не предупреждая поменял интерфейсы, и Сашины программы перестали работать. Верней, аукцион-то наверное предупредил, и загодя, и не один раз, но кто же письма от них читать будет? Письма-то они иногда и по несколько раз в день шлют, всё о том какие они там распрекрасно-замеча-

тельные, как конференцию разработчиков провели, да какое у них на будущее планов громадье – фигня в общем. Так что если их письма все читать, то только это на работе и успеешь, на программирование времени не останется. Вот и прозевал Саша обновление, оттого и носился по строчкам кода как общеизвестный веник, внося правки. Оттого и пришёл домой так поздно. В Америке рабочий день обычно – с восьми до пяти. У Саши график работы в общем-то был гибкий, никто утром в дверях с секундомером не стоит, однако гибкость эта почему-то предпочитает загибаться не в сторону укорочения рабочего дня, а сторону удлинения – вот как сегодня. Пришёл с работы – а на небе звёзды. Романтика типа.

Под такие невесёлые мысли Саша решительно сграбастал рюмочку со стола, одним глотком (как водку) осушил, и со стуком поставил на место. Стуку рюмки в вибрацией отозвался телефон в кармане. Саша вытащил мобилку – автоответчик высветил «Masha – P». «P» – это наше «П», «Племянница», чтобы отличать племянницу Валентина Борисовича от другой Маши, номер которой был в Сашином телефоне был обозначен просто «»Masha«».

Номер Машин Саша записал в мобилку несколько дней назад, когда они ездили покупать Маше телефон, компьютер, и прочие необходимые студентке штуки. Звонил пару раз, спрашивал как дела, и нужна ли помощь с извозом. Маша вежливо оказывалась – то-ли сидела у себя в гостинице, то-ли вызывала такси, то-ли пыталась освоить местные авто-

бусы, ходящие строго по расписанию, зато примерно раз в час. А может Саша был у неё не единственным знакомым в городе.

– Привет, Машенька! – вот любил Саша называть абонента сразу по имени, используя преимущества определителя номера.

– Привет, Саша. Приезжай пожалуйста.

Э-хе-хе... Ну вот когда выяснилось что третью рюмку пить и не надо было. Саша подсчитал как-то что по ютинским нормам содержания алкоголя в крови водителя (и его, Сашиному, живому весу) две рюмки – это ещё норма, это – трезвый. А вот три – уже на грани. И не то чтобы Саша никогда не водил машину пьяным – конечно водил когда обстоятельства обязывали. Как-то, в очередной раз навсегда поссорившись с Лариской, прыгнул в машину, и ехал закрывая один глаз – потому что если смотреть двумя глазами в таком состоянии – то картинка двоится и рулить вообще невозможно. Однако, естественно, за пределом форсмажорных обстоятельств Александр кататься «под шафэ» отнюдь не стремился. И не то чтобы после третьей рюмки водить тяжело – нормально, а уж с нашей русской печенью – и вовсе не заметишь. Но вот впилится в тебя какой-нибудь идиот, подскочит полиция, заставят дыхнуть в трубочку – и всё. А день сегодня кстати – как раз такой чтоб неприятности притягивать.

– Машенька, я конечно не в том состоянии, в каком хороший хозяин собаку за руль не посадит, но всё же... А до

завтра никак не терпит? Что случилось-то?

– Нет, не терпит. Что случилось расскажу на месте. Приезжай пожалуйста как можно скорее. Встретимся там где и в первый раз.

– У паровозика?

– Ага, у паровозика. Поспеши, Сашенька. – сказала Маша и отключилась.

Показалось Саше, или Машин голос действительно подрагивал? Тоже мне, шпионка-разведчица, деловая колбаса... А с другой стороны, если у конкретно этой девушки дрожит голос – ничего хорошего такое дрожание не предвещает. Это как бегущий генерал, который в мирное время вызывает удивление, а в военное – панику.

Саша встал, пошарил в карманах, нашёл пачку жвачки, развернул пластинку и закинул в рот. Хитрую машинку, измеряющую содержание алкоголя жвачка не обманет, а психологически всё ж полегче. Машинально похлопал себя по карманам ещё раз. Телефон на месте, бумажник (а в нём – права) на месте, ключи от всего, включая машину – на месте. Можно ехать. И тут телефон завибрировал снова.

– Да, Машенька? – сказал Саша, предвкушая то, что сейчас услышит. Или ситуация рассосалась сама-собой, или отложились по крайней мере до завтра. Или сейчас разрешится по телефону – спросит Маша экспертную оценку по какой-нибудь сугубо американской ситуации, Саша ей всё объяснит, да и займётся допиванием вискаря. Однако услышал

Саша нечто совсем неожиданное.

– Тимофеев, оружие есть?

– Есть...

– Отлично... Захвати, ладно? – коротко бросила Маша и отключилась.

Саша аккуратненько прикрыл рот, распахнутый было под напором целой кучи готовых выскочить вопросов, да и уселся обратно на стул – ситуация внезапно сделалась незаурядной, и требовала некоторой работы мысли.

Оружие у Александра конечно было – разве что за исключением Калифорнии, везде западнее Миссисипи оно есть буквально у каждого дурака. Потому что покупается тут оружие почти как хлеб – заполнил бумажку, заплатил денег, потом продавец позвонил в полицию и убедился что у полиции к тебе претензий нет, вот и всё. И сделался ты обладателем чего-нибудь убойного и страшенького. А ещё оружие есть у каждого дурака потому, что у любого дурака (кроме вот этого) оружие уже давно есть, и надо чем-то стреляющим обзавестись просто на всякий случай, вроде как для баланса сил. Чтобы не оказаться, как тут говорят: «Тем парнем, который пришёл с ножом на перестрелку».

Была у Саши даже лицензия на скрытое ношение ствола – тоже на всякий случай. Лицензию эту Саша получил в основном для того, чтобы было удобнее ездить стрелять в тир, не озабочиваясь в соответствии с законом раскладыванием оружия и патронов в два разных, причём закрытых на ключ

ящика. А вот постоянно ходить со стволом под мышкой Саша никак не собирался – незачем. Пистолет – он, знаете-ли, от другого пистолета совершенно не защищает. Вот подойдёт к тебе кто-нибудь, тыкнет стволом в нос – и вместо того чтобы за своим стволом полезть, отдашь бумажник как миленький. Если, конечно, инстинкты самосохранения у тебя на месте, и здравомыслие присутствует, а суицидальные настроения, напротив, отсутствуют напрочь. А вот когда грабитель бумажник твой заполучит, и свой пистолет спрячет – так и стрелять в него уже по местным законам уже нельзя, потому что применять оружие на поражение можно только когда твоей жизни угрожает немедленная опасность, а когда в тебя пистолет не направлен, то уже как бы нету её – опасности-то, вот такой парадокс. Да и то, все эти соображения работают только если грабитель по-джентльменски будет требовать у тебя бумажник вместо того чтобы вспомнить о том, что внезапность – главный залог победы. А то ведь вспомнит, подойдёт сзади и стрельнет прежде чем бумажник из твоего кармана вынуть.

В общем, Саша исходил из соображения, что чтобы противостоять неожиданной атаке пистолета нужен вовсе не пистолет, а бронежилет. Да вообще, пистолеты для самообороны носят только те, кто реально воевать не собирается. Кто собирается – носит штурмовую винтовку, или вообще на танке ездит.

Однако кое-какое оружие у Саши всё же было – не при-

стало советскому офицеру быть без ствола, тем более что закон местный разрешает. Была старушка-трёхлинейка с клеймом «Тульский, Императора Петра Великого оружейный завод, 1916г.». Был и (опять же) тульский револьвер системы Наган аж двадцать девятого года выпуска – довоенный, пристрелянный, и в прекрасной форме. Ужасный архаизм по нынешним береттово-глоковым временам, однако надёжное оружие. Недаром производился пятьдесят лет подряд, а ведь ни царская Россия ни Советский Союз никогда денег на разработку оружия не жалели. Короче говоря, вопрос «Что брать?» – он как бы и не стоял – конечно Наган. Вопрос был в другом – брать ли вообще что-нибудь... да и ехать ли?

Саша подумал минутку, и решил: и брать, и ехать. Службе... простите – корпорации, которую представляла Маша он доверял. И, конечно же, понимал, что дураков там не держат. Дур тоже. Ну не попросят же они Сашу палить кому-нибудь в затылок, или там, например, тыкать револьвером в лицо. Прекрасно эти люди понимают что Саша – не боевик. Нету у него оперативной подготовки, а чайника в боевую ситуацию совать – себе дороже выйдет. Конечно, вопрос – «А зачем тогда оружие?» от таких логических рассуждений никуда не делся, однако Саша решил подумать об этом по пути.

Вернувшись в дом Александр открыл стенной шкаф, нагнулся и достал маленький несгораемый чемоданчик. Чемоданчик под ключом служил для защиты Нагана не столько от пожара, сколько от шаловливых ручонок сынули Коляна, ко-

торый был ещё маловат для того чтобы выработать в нём здоровое уважение к оружию, но достаточно взрослым и сильным чтобы зарядить, взвести курок, и нажать куда надо. Ну, или для того чтобы привести друга постарше и начать хвастаться огневой мощью папы.

Отперев замок, и откинув тяжёленькую крышку, Саша быстро вытащил револьвер, тускло сверкнувший воронёным металлом, и коробку патронов. Потом, воровато оглянувшись, Александр закрыл чемоданчик, вытащил из замка малюсенький ключик, и засунул свою миниатюрную оружейку обратно в шкаф – нехватало ещё чтобы жenuля Катя или дочка Натаха увидели всё это и поинтересовались – куда это в такое время принято ходить с оружием? Быстро, но по мере сил стараясь не шуметь, Саша спустился в подвал, выпал пол-коробки патронов прямо на ковёр, откинул дверцу барабана, и зарядил револьвер. Посмотрел на остаток патронов, подумал, и засунул с десятков в карман россыпью. Глупо конечно, Наган в боевой обстановке не перезарядить, с чем начал стрельбу – с тем и закончишь. Да, собственно говоря, и не собирался Саша с кем-либо перестреливаться. А с другой стороны – запас карман не тяготит, патроны есть не просят – пусть уж будет.

Патронную коробку положил под диван. А вот кобуры для скрытого ношения в запасе не было – пришлось засунуть Наган сзади за пояс и прикрыть свитером. Посмотрев на часы и про себя обозвав себя капушей, Александр направился к

выходу из подвала, однако через пару шагов ругнулся вполголоса, и развернулся обратно. При каждом шаге Наган грозил то-ли высыпаться наружу через ремень, то-ли нырнуть внутрь джинсов.

Саша глянул на себя в зеркало. Так и есть – плюс ко всему длинный ствол совершенно неприспособленного для ношения таким манером оружия совершенно недвусмысленно проглядывал сквозь штаны, словно тонкий прямой хвост. Хвост. Железный хвост. Саша поймал себя на том, что при этой мысли совершенно по-гиеньи подхихикул. Ну вот, началось. Внутреннее напряжение, как ты его не скрывай, как не хорохорься – всегда выскочит наружу, причём обычно именно таким способом – беспричинной весёлостью. Подойдя к зеркалу вплотную, Саша заглянул своему отражению в глаза. Ну что же, неприкрытой паники не наблюдается – уже неплохо.

Сами с собой разговаривают только откровенные психи, по-этому, всё так же глядя самому себе в глаза, Саша проговорил сугубо про себя:

– Ну что, Сашок, ты отдаёшь себе отчёт в том, что ввязался в игры, в которых при неблагоприятном исходе ты сядешь за шпионаж, а при благоприятном – не выиграешь ничего, просто останешься при своих?

Судя по кривой улыбке и лёгкому, почти незаметному кивку, отражение текущую ситуацию прекрасно осознавало. Саша понимающе подмигнул в ответ, и отвёл глаза – надо

поспешать.

Вытащил револьвер из-за пояса – так его носить всё равно нет никакой возможности. Наган по пути наружу пребольно царапнул мушкой по тому месту, где у Сашиных далёких предков хвосту быть и полагалось. Быстренько сменив свитер на водолазку и пиджак, Саша примостил оружие просто в боковом кармане – без всяких суперменских выкрутасов. Попытался достать – вышло скверно, револьвер вёл себя как связка рыболовных крючков, цепляясь за материю то курком, то мушкой, то ещё чем-нибудь. Однако лучше уж так, чем сзади за поясом – хоть не потеряется. Да и сидеть с заткнутым за ремень оружием почти невозможно, а машину, знаете-ли, ни стоя ни лёжа вести не получится.

Проезжая по пустым улицам, Саша пытался проанализировать ситуацию, прикинуть – зачем он так срочно понадобился, да ещё и при оружии. Даже музыку выключил, чтобы лучше думалось. А ещё чтобы не отвлекаться – почему-то сегодня на улицах было изрядно полицейских машин, что Сашу, в его «третье-рюмочном» химическом состоянии души совершенно не радовало. И вели себя полицейские машины как-то необычно, не сновали туда-сюда с деловитым видом, очевидно отвечая на вызовы, а стояли у больших перекрёстков, помигивая огнями на крышах. Так полиция действует когда столкновение случилось, стоят, отгораживая трафик от столкнувшихся автомобилей, пока не выяснится кто виноват и битые машины не эвакуируют. Однако сегодня около

полицейских машин никаких столкновений не было – Саша специально присматривался – ни помятых машин, ни даже осколков стекла на асфальте. Субботник по борьбе с пьяными водителями у них что-ли? Или ловят кого?

В общем, ничего конкретного по пути так и не придумалось, вернее – придумалось слишком кудряво и разнообразно. Очень уж мало данных, и, как результат – изобилие вариантов ответа. Вот и было решено по возможности использовать старое доброе солдатское правило «Если ничего не можешь сделать – постарайся хотя бы не волноваться». Ещё курсантом Саша вычитал это правило в какой-то из книжек, и с тех пор старался применять по мере сил. Получалось не всегда. Сейчас тоже получалось неочень, оставалось утешать себя тем, что парк «с паровозиком» близёхонько, и после встречи в Машей ясности безусловно прибавится. Что бы там ни было, а неизвестность неприятнее всего.

Однако встретиться у паравозика не довелось. Саша уже парковался на стоянке у паровозного скверика, когда телефон в кармане снова заявил о себе.

– Тимофеев, ты далеко?

– Уже тут, красавица, буду буквально через минуту.

– Обстоятельства изменились. объезжай парк, и встреть меня с противоположной, с северной стороны.

– Ну хорошо... – Саша бросил телефон на пассажирское место, перекинул рычаг автоматической коробки на задний ход, по привычке огляделся в поисках препятствий. Препят-

ствий не было – по позднему времени его машина была одна-одинёшенька.

Объехав скверик, Александр встал просто у тротуара – специальной стоянки, предназначенной для посетителей сквера тут, похоже не было. Вообще, странноватое это было место. Справа – сплошная стена кустов, огораживающая благопристойный, ухоженный, образцово-показательный скверик. А слева от дороги – старые домишки, маленькие, изрядно захламлённые дворики, автомобили, которые, похоже, не ездят последние лет десять или больше. Грязь и беднота. А самое удивительное – в темноту ответвляется несметное количество узеньких изогнутых улочек, что для Солт-Лейка большая редкость. Тут всё движение спланировано как сетка, с улицами, пересекающимися под прямыми углами, а тут... Просто Лукоморье какое-то. Наверное, ещё севернее скверика есть или ручей, или овраг, в общем – естественное препятствие, не позволяющее тянуть улицы по прямой с севера на юг, да с запада на восток, вот и получилась этакая змеистость проезжих путей.

Саша мигнул пару раз дальним светом, чтобы обозначить своё местоположение, потом выключил двигатель, и вышел из машины. Наган в кармане пиджака, тяжело качнувшись хлопнул по бедру, словно напоминая что сегодня всё – взрослому.

На улице Маши не было видно. Саша чертыхнулся, обошёл машину, открыл пассажирскую дверь, взял с сидения за-

бытую мобилку, положил в левый карман (чтоб об револьвер не поцарапать), и оглянулся ещё раз. Не видать ещё Красной Армии... Вход в скверик нашёлся быстро – тропинка вела напрямёхонько в аккуратную арку, выстреженную в сплошной стене кустов. Как только глаза привыкли к темноте, Саша обнаружил свою визави – девушка бежала с противоположной стороны, как раз оттуда, где Александр припарковался сначала. Хорошо так бежала, умело. Опытный глаз сразу различает – бежит человек, переходящий на вялую рысь раз в год в попытке настигнуть автобус, или же бегун накатал технику упорными тренировками. У Саши глаз был как раз опытный – сам в своё время побегал от души. Был в Советской армии такой неформальный девиз «Стрелять как ковбой и бегать как лошадь». Стрелять – это кому как повезёт, а бегали-то в армии изрядно, а курсанты (сиречь будущие офицеры) уж и подавно.

Вот и Мария сейчас бежала красиво. Не как спасающая свою жизнь испуганная кошка, не как потрясающая прелестями героиня пляжного мериала, а как профессионал, покрывающий максимальное расстояние за минимальное время с оптимальным расходом сил. Даже висящая на плече и прижатая локтем полупустая спортивная сумка грациозности бега нисколько не мешала. Саша даже залюбовался сначала, а потом опомнился, любоваться перестал, и, придерживая утяжелённый револьвером карман, потрусил навстречу.

– Привет! Давай-ка... – Саша принял у девушки сумку,

оказавшуюся умеренно увесистой. – А чего ты оттуда-то? Я же как раз в той стороне скверика только что подъезжал, мог бы как раз там тебя и подобрать...

Маша хмуро взглянула на Александра, очевидно собираясь ответить что-то весьма едкое, но, очевидно передумала. Такое выражение навверное бывает у матери, собравшейся было отчитать отпрыска за неумение решить квадратное уравнение, а потом решившей погодить, и утешившей себя тем что отпрыск в свои четыре года хоть цифры знает.

– Надо же было убедиться что ты без «хвоста». Если бы за тобой следили, то потащились бы сюда. – Маша махнула рукой в сторону, откуда пришёл Саша, и куда они теперь вместе направлялись быстрым шагом. – Тут объект за пределы видимости отпускать нельзя, слишком много маленьких улочек в разные стороны, запросто уйти можно. А ринулись бы за тобой – тут я их на контр-наблюдении и вычислила бы.

– Угу, ясно. А кого боимся-то? – спросил Александр, весьма озадаченный перспективой слежки, всякими «хвостами» и «контр-наблюдениями».

– Никого. Вернее – никого конкретного. Всех.

– Слушай, красавица... – это предельно-размытое объяснение Сашу изрядно разозлило. И так волнительно. Да чего там волнительно – страшно. А тут ещё эта шпионка малолетняя туману напускает. – Может ты уже объяснишь...

– Обязательно объясню. – Маша указала на машину. – По пути. Садись.

Саша обошел автомобиль, собираясь галантно открыть для Марии дверь, но девушка направилась к водительскому месту.

– Я поведу. А ты будешь штурманом.

– Чего-это вдруг ты поведёшь? – на всякий случай про бурчал Саша, совершенно в общем-то не возражавший против такого расклада. Девушка вроде совершенно трезвая, а он – смотря как посмотреть. Да и вообще, любил Саша чтоб его возили. Столько нового на улицах увидеть можно, если на дорогу не отвлекаться. Машину водить – удовольствие только когда машина – роскошь. А когда она – средство передвижение, причём – единственное, и то и процесс вождения превращается в необходимость, и значительную часть привлекательности от этого теряет.

Однако Маша на вопрос отреагировала совершенно неожиданно. Остановилась, старательно поспотрела на Сашу вупор (насколько можно смотреть вупор находясь с другой стороны автомобиля), вздёрнула подбородок и четко проговорила:

– Значит так. Давай-ка обозначим ситуацию. Во время этой операции я – старшая. Я говорю, а ты – делаешь. Что смогу – объясню, но – потом. Ясно?

Ишь ты, «операция». Конечно Саше было ясно, и в «старшие» он уж никак не рвался. Есть, знаете-ли, серьёзная разница между начальником и старшим, и разница эта служивым людям безусловно понятна. Разница такая же как меж-

ду благами и ответственностью. Когда производят в начальники, говорят обычно что-нибудь типа: «Товарищ Тимофеев, Вы назначаетесь начальником объекта, в связи с чем Вам присваивается внеочередное воинское звание, и выдаются персональный автомобиль с водителем, плюс госдача в Барвихе.»

А вот в старшие выходят совсем не так триумфально. Когда назначают старшим, то речи мёдом отнюдь не сочатся, и звучат скорей как: «Вашей группе ставится задача остановить наступающий танковый батальон противника. Вот вам две гранаты. Старший – товарищ Тимофеев.» Да и вообще, как Саша может быть старшим, если он вообще не знает о чем, собственно, текущая ситуация?

– Ясно! – озвучивать эти мысли Саша конечно не стал. Просто ответил «Ясно!», закинул Машину сумку на заднее сиденье, а сам полез на «штурманское» место.

– Аккуратнее с сумкой, там компьютер. – бросила Мария, пододвигая своё сиденье поближе к рулю. Потом запустила двигатель, и приоткрыв дверцу (чтобы под потолком салона загорелась лампочка) принялась изучать приборы управления.

«Ну вот, значит до магазинов она всё-таки как-то добиралась без моей помощи. Вместе-то мы покупали настольный компьютер, а в сумке наверняка ноутбук, причём из самых маленьких» – отметил Александр, разглядывая девушку. Похоже, стрессовые ситуации Маше только на пользу. Го-

ворят, раньше средневековых рекрутов, прежде чем распределить по родам войск, изрядно пугали. Тех, кто от испуга бледнел, определяли в лучники. Тем, кто краснел – выдавали мечи для ближнего боя. Маша была явно из меченосцев. Или она от бега так раздумянулась? В глазах чёртики, и в движениях появилось какая-то уверенная лаконичность. А может она всегда такая, и у Саши просто не было времени это заметить?

Разобралась с управлением Маша быстро – наверное, водила раньше что-то похожее на старенький Сашин «Исудзу», ласково именуемый то «Зюзей», то «Изей».

– Ну что, поехали? – теперь Маша смотрела на Сашу со всем возможным дружелюбием. Задержалась взглядом на оттопыренном правом кармане, и понимающе кивнула.

– Поехали. – согласился Александр, и машина немедленно тронулась.

«Ишь ты, шмакодявка, старается конфликт сгладить, небось думает что пересолила с определением старшинства.» – одобрительно подумал Саша. – «По крайней мере сержантский синдром у неё отсутствует, уже хорошо...»

Бывает у новоиспечённых начальников такая штука, именуемая знающими людьми «сержантский синдром», это такое неудержимое ежесекундное желание постоянно доказывать кто – начальник, а кто – дурак. Проходит со временем, но до того как пройдёт – серьёзно осложняет отношения.

– Саша, едем мы сейчас к Хидден Холлоу. А оттуда идём к

офисному зданию, которое от Хидден Холлоу у западу. Знаешь это место?

– Примерно знаю.

Место это Саша знал – не офисное здание конечно, а само (или «сам»?) Хидден Холлоу, совсем недалеко от своего дома. Малюсенький заповедничек местного значения, прямо в центре города. Зелёный пятачок буквально двести на двести метров, ручеёк там, деревца всякие, птички поют – пастораль. И расположено это место очень удачно – «за спиной» плотного ряда магазинов, окружающих небольшую плазу, и близко и совсем не на виду. Чтобы попасть в этот островок зелени надо подняться по неприметной лесенке между двух совершенно урбанистических кирпичных стен, никак у случайных прохожих с зелёным местом отдыха не ассоциирующихся. Сам-то Саша обнаружил это место совершенно случайно. Рассматривал в Инете карту прилегающей местности, и увидел маленький парк с романтическим названием прямо за регулярно посещаемым зоомагазином. А когда в следующий раз поехал с детьми покупать корм для аквариумных лягушек дочки Натахи – обошёл здание, поднялся по лестнице на дюжину ступенек, и нашёл почти никому неизвестный кусочек тихой прохлады, скорее даже не парк и не сквер, уж слишком не по-американски запущено было это местечко. Получился маленький карманный лес со странным именем, которое можно перевести и как «Спрятанная пустота». Однако рассказать всё это Маше можно будет потом, если

это самое «потом» вообще случится.

Саша развернулся на сидении боком к движению, фронтом к водительнице, и как можно решительнее сказал:

– Ну? Может объяснишь уже что происходит?

– Сашенька, ты не волнуйся... – начала Маша. – ничего страшного в общем пока не случилось.

– Слушай, не телись уже, а? – Саша от внезапно выплеснувшегося в злость напряжения даже не мог вспомнить как надо говорить подгоняя собеседника, «телись» или наоборот «не телись», да и вообще, стоит ли такие вещи озвучивать малолетним особам женского пола. – Что ты, ей-богу, как в плохом сериале? «Ах, не волнуйтесь», «Ах, вы не так поняли»... Скажи уже что случилось и всё. Не отвалится от меня кусочек, я не гимназистка, я – офицер. Ну? Раз, два, три – излагай!

Маша излагать не спешила, сидела надувшись, да ещё и обиженно прищурилась глядя на дорогу. Александр хотел было прикрикнуть на неё ещё разок чтобы подхлестнуть красноречие, однако девушке пауза понадобилась просто чтобы сформулировать ситуацию.

– Сегодня напали на нашего сотрудника. На моего коллегу. Нападение было бестолковое, непрофессиональное, но серьёзное. Напали внезапно, и стреляли на поражение. Пытались убить. Не напугать, не захватить, а именно убить.

– Угу... – протянул Саша, и чуть не добавил «замечательно». «Замечательно» конечно не про «пытались убить», а

про то что наконец-то хоть какая-то ясность прорезалась. – До сюда понятно. И ...?

– Сотрудник ранен. Сумел уйти. Сейчас мы едем его забирать. Кто наш противник, и чего ожидать дальше мы не знаем.

– Ясно. – сказал Саша, которому было отнюдь не всё ясно. Вернее – почти ничего не ясно. Однако инстинктивно повертел головой во все стороны. Ничего подозрительного конечно не увидел, но на всякий случай потянулся к карману, и не без труда вытянул револьвер. Провозился с обнажением ствола секунд десять наверное, да ещё и подкладку порвал. Повертел в руках хищную чёрную машинку смерти, покосился на Машу, да и устыдился. Фу, театральность какая, понты дешёвые. Плюс ко всему ожидаемого чувства защищённости оружие так и не принесло, только неуклюжести добавило.

– Саш, большие «пушки» в карман класть лучше всего стволом вверх. – совершенно буднично сказала Маша – Тогда пистолет можно вытащить за спусковую скобу, а револьвер – за ствол. Потом конечно перехватывать придётся, зато в кармане не застрянет, выскочит как по маслу. А в машине... ты ведь правша? Тогда удобнее всего так: положи ствол на сидение и прижми сверху левой ногой, так чтобы рукоятка была между коленями. Так в случае чего можно оружие взять в руку незаметно, не наклоняться под сиденье и не тянуться к «бардачку». И снаружи не видно вооружён ты или

нет.

Саша так и сделал. Действительно удобно.

– Учили тебя, красавица, таким штучкам?

– Да так... – скромно ответила Маша. – Нахвталась по мелочам там и тут.

Александр нахмурился – снова ворохнулось раздражение. Тоже мне, «нахвталась». Такими вещами нахвататься нельзя. «Ах милая подруга детства, что-это у тебя под ляжкой? Ах, так это револьвер? Ах, ты всегда так едешь на утренний кофе? Ах, так удобнее?» Тьфу ты! Сколько же можно к нему, к Саше, как к дурачку относиться? Как у них это называется, «использовать втёмную» что ли? Или нет, «втёмную» это про другое... Впрочем – не суть...

Как-то враз пришло понимание что это – серьёзно. К ноге прижималось боевое оружие. И в оружии этом под бойком боевой же патрон ждёт своего часа. И притаился он в гнезде револьверного барабана не для того чтобы владелец этого самого по-всамделешному заряженного револьвера мог щёки надувать и гордиться какой он мачо, а потому что вполне возможно оружие это применять придётся для защиты собственной драгоценной жизни. И, заметьте, применять не в какой-нибудь ничейной пустыне, или, скажем, на Марсе, а в стране со строгими законами, силовые органы которой могут отнестись к правилу «война всё спишет» без должного пиетета.

Все вроде бы в курсе что иногда в людей попадают мол-

нии, кирпичи падают на голову, автомобили их переезжают, и прочие неприятности случаются. Бывает что и стреляют в людей. Только всегда в других – каждый считает что с ним, с центром-то мира, ничего плохого случиться не может. А вот сейчас Саша совершенно явственно осознал что где-то совсем недалеко есть некие личности, которые в Сашу за что-то так сильно не любят, что буквально убить готовы. Вроде ничего им не сделал, а они (гады) не только убить готовы, но даже вполне возможно готовность свою реализовать в конкретных делах постараются. Постараются Сашу убить. Или вот эту козявку, которая сидит слева с независимым видом, и вместо того чтобы детально и вдумчиво объяснить что собственно происходит, отвечает что, видите-ли, «нахваталась по мелочам».

– Слушай, подруга, может ты мне уже расскажешь подробно во что мы с тобой вляпались, а?

Маша молчала, глядя на дорогу. А Саша решил её пока не торопить – был у девушки вид задумчиво-размышляющий. Скорей обдумывала что и как рассказать, чем готовилась молчать как пленный партизан.

Остановились на светофоре. Саша про себя отметил, что уже почти приехали – пара блоков осталось. А потом обратил внимание на включённую правую мигалку и сказал:

– В Юте под красный можно поворачивать направо. Само-собой, пропустивши поперечный трафик.

– Ага, спасибо. – Маша глянула влево, туда, откуда попе-

речный трафик и должен был бы появиться, однако по позднему времени дорога была совершенно пуста. Повернула, перестроилась в средний ряд.

– Куда дальше?

– На следующем светофоре – опять направо, а потом не разгоняйся, надо будет свернуть на плазу, я покажу где.

– Надо же, местная специфика, направо под красный... – протянула Маша, и без паузы добавила: – Сашк, ты пойми меня правильно, я тебе рассказываю что сама знаю, и ... и что рассказывать необходимо. Лишние знания тебе же ни к чему, верно? Ну скажу я тебе например что я из военной разведки Занзибара, и пытаюсь здесь украсть секрет вечного двигателя. Как говорят в Одессе: «а оно вам надо?» Столкнёмся с законом, начнут тебя трясти, и придётся тебе или меня закладывать, или садиться за создание препятствий правосудию. Слышал про такую статью? Всё что надо знать сейчас – так это то, что у нас неприятности. Соответственно, держать глаза широко открытыми, а оружие – готовым к действию. Какие это неприятности, кто враг, и чего ожидать я и правда сама не знаю. Правда не знаю. Ну что, без обидок?

– Без обидок. Не спеши, нам в тот поворот. Приехали. Паркуйся в повосточнее. – сообразив что у Марии тут чувство сторон света могло еще и не выработаться, Саша показал. – Вот там паркуйся.

Про «создание препятствий правосудию» Александр конечно слышал. И, надо сказать, упоминание этой статьи эн-

тузиазма Саше отнюдь не прибавило. Удобная такая статья, на все случаи жизни. С одной стороны – конечно не шпионаж, а с другой – и сроки сопоставимые, и посадить по ней можно кого угодно за что угодно, не особенно судебную систему напрягая, что, собственно, из названия статьи и следует. Помешал правосудию каким угодно способом – пожалуйте в камеру.

– Машунь, ну и где твоя занзибарская контора? Как так случилось, что я, чайник с антикварным Наганом, получил-ся основной боевой единицей? Где кавалерия из-за холмов? Где ж ваши занзибарские мочилы со Стечкиными, чтоб как в кино? Куда твой Валентин Борисович смотрит? – и сварливо резюмировал:– Лучшего я был мнения о занзибарских спецслужбах.

– Всё предусмотреть невозможно. А пока помолчи. – ответила Маша и заглушила двигатель.

«Вот чёрт, сначала надо было осмотреться, а потом уже машину глушить. » – запоздало спохватился Саша – «В машине работающий двигатель поважнее пулемёта будет.»

Фары сразу потухли, и с последним стуком японского мотора тишина просто-таки ломанулась в уши. Плаза, весьма оживлённая днём, сейчас была почти пуста, только на другой стороне, метрах в ста кучковалось несколько машин, принадлежащих наверное какой-нибудь команде ночных уборщиков, готовящих магазины к завтрашнему рабочему дню. Почти все окошки в зданиях, окружающих торговую пло-

щадь, были погашены, а из техногенного шума присутствовало только далёкое ворчание грузовиков на автостраде I-80, проходящей примерно в километре южнее.

Саша добросовестно присмотрелся и прислушался, положив ладонь на тёплое дерево рукоятки револьвера, однако понимал, что непосредственной опасности скорей всего нет. Ну, а если и есть, то обнаружить таковую просто хорошенько приглядываясь и прислушиваясь вряд ли получится.

– Пошли.

После хлопков закрываемых дверей джипа, тишина, казалось, сделалась ещё громче. Саша воспользовался советом и запихнул Наган в нагрудный карман рукояткой вниз. Ствол ёрзал по ключице, а тяжесть револьвера тут же перекосила пиджак до полного неpotребства. Вспомнил, что очень давно не курил, и уже полез было в карман, но тут же отдернул руку. В разведке, дозоре, или секрете курят только самоубийцы, лучшего способа обнаружить себя огоньком сигареты, и запахом дыма даже придумать трудно. Разве что у себя на груди мишень фосфоресцирующей краской нарисовать, да и дудеть в какой-нибудь свисток чтобы не забыли на твою скромную персону внимание обратить.

Фамилию препода тактики, бившего в курсантские головы эту немудрящую аксиому Саша не запомнил. Худющий, высокий такой был подполковник, с красным лицом, будто навсегда обожжённым афганским солнцем, и с удивительно тихим голосом. А ещё почему-то запомнилась его присказка:

«Врываемся в окопы, где штыком, сапогом, и матом уничтожаем противника». Удивительная всё-таки штука человеческая память...

– Ищем офисное здание западнее Хидден Холлоу. – шёпотом напомнила Маша, поправляя на плече давешнюю спортивную сумку, которую на этот раз отдать отказалась, а Саша не особенно и настаивал.

– Думаю – вот оно. – Александр показал на прямоугольный силуэт на фоне ночного неба.

– Точно офисное? Какое-то оно... маленькое.

– Откуда я знаю? – огрызнулся Саша. – Вот там, где темно – скверик этот, Хидден Холлоу. А там – запад. А вот это – здание. Хочешь, подождём до утра, постучимся, и спросим есть ли там офисы?

– Ладно, пошли посмотрим.

Саша провёл спутницу по лестнице, а вот как только вошли в тень деревьев, пришлось поневоле остановиться. Как бы не старались режиссёры, показывая в фильмах партизан, спецназовцев, и прочих краснокожих следопытов, гордо шествующих к цели по лесу тёмной безлунной ночью – враки всё это. Без приборов ночного видения передвигаться по лесу невозможно, даже когда это не лес вовсе, а парк, и и красться надо не по тропинкам, протоптанным зверьём, а по бетонными дорожками. Впрочем, дорожки шириной от оных тропинок не сильно отличались, и ветки деревьев надёжно переплетались над головой, отсекая свет города и ленивое

помогивание звёзд. Привыкай, не привыкай к темноте – всё равно не видно ни зги.

Саша всё же попробовал привыкнуть. Закрыв глаза, медленно посчитал про себя до десяти, открыл. Картинка практически не изменилась – та же темнота.

– Машунь, а может – обратно в машину, объедем этот чёртов парк, и припаркуемся прямо у здания?

– Нет. – отрезала Маша, вжикнув молнией, и, судя по звуку, роясь в сумке. – Там нет парковки, машину придётся ставить прямо на улице. Надо идти с этой стороны.

– Как это у офисного здания и нет парковки? – проворчал Саша, спорить как-бы и не собиравшийся. Он как раз нащупал в кармане зажигалку, и подумал, что теперь можно пойти и через парк. Был у Александра опыт хождения через ночной лес, правда было это весьма давно, в ныне знаменитой Красной Поляне, что близ Сочи, где располагалась турбаза Министерства Обороны. В тогдашней вынужденной ночной прогулке из осветительных приборов тоже нашлась только зажигалка. Как выяснилось путём проб и ошибок, подсвечивать путь удобнее всего не огоньком, а периодическими вспышками кремня, и держать зажигалку надо над головой и чуть сзади, чтобы свет попадал на тропинку впереди, а не в собственные глаза. Конечно, ни о каком скрытном передвижении с таким проблесковым огнём над головой не может быть и речи. Тогда, в Красной Поляне, скрытность была не нужна, а вот сейчас...

– Не знаю как нет парковки. Может и есть парковка, только подземная. А может шлагбаумом перекрытая. Всё, пошли. Зажмурься!

Саша послушно зажмурился, но от чертовски яркого (после абсолютной темноты) света перед глазами всё равно замельтешили красные круги.

– Запасливая ты...

– А я ещё и вышивать умею, и крестиком... – буднично ответила Маша дежурной шуткой, перекладывая фанарь в другую руку, чтобы половчее застегнуть сумку. – Готов?

– Готов. – заметив, что начал говорить громче, (как в общем-то людям и свойственно при увеличении яркости света) Саша перешёл обратно на шёпот. – Слушай, подруга, а ведь мы с тобой с этим фонарём смотримся как мишень для ночных стрельб...

Девушка, сделавшая уже было пару шагов в сторону горбатого мостика, обозначившегося в луче света, развернулась, задумалась на пару секунд, а потом, глянув на Сашу, проговорила совершенно буднично и спокойно:

– Сашик, мы здесь не для того чтобы воевать. Мы здесь чтобы просто забрать нашего товарища. Войнушка у нас тут может получиться или если вели нас, или если его и не отпускали, и сейчас используют как живца. Если у нашего противника хватило умения это сделать, то совершенно неважно видят нас сейчас или нет, верно? Всё равно других вариантов у нас нет. А теперь пошли, мы и так много времени по-

теряли. Я – впереди, дистанция – шага четыре. Иди спокойненько, смотри, слушай. – а потом подмигнула и добавила: – Не волнуйся, всё будет хорошо. И я тебя умоляю, не пали во всё что шевелится, ладно? Особенно в людей в форме, с рациями и дубинками.

– Нас что, полиция ловит?

–Нет, не полиция. Верней, полиция сейчас ловит не нас конкретно, а всех подряд – после той перестрелки, в которой ранили нашего сотрудника. Однако сейчас мы если чего и опасаемся, то не полиции. Всё, хватит разговаривать. – и сказала ещё раз: – Всё будет хорошо.

«Ну что же, если не полиции – уже приятно. Если полиция нас не ловит, то и контрразведка наверное тоже не ловит, а то "контрики" бы и полицию подключили. Однако... перестрелка, говоришь?» – подумал Саша, на всякий случай старавшийся ступать потише. Хотя и понимал что хоть крадись на цыпочках, хоть, напротив, топай как слон, да ещё и строевую песню распевай – их-то с фонарикам потенциальный вражина издали заметит. На цыпочках с такой иллюминацией есть смысл передвигаться только если противник абсолютно слепой и без собаки-поводыря.

С точки зрения логики Маша конечно была совершенно права, если их тут ждут, то и гранатомёт погоды не сделает. Тем не менее шествовать как бычку на заклятие прикрывшись одним фатализмом вовсе уж не хотелось, и Саша, с прищуром Плохиша покосившись в спину девушки, выта-

щил Наган из кармана, перехватил поудобнее, да и понёс в согнутой руке, прижав к груди и прикрыв пиджаком – вроде бы и за пазухой, и в ладони. Палец на спусковой крючок предусмотрительно укладывать не стал – наслушался в своё время историй вот про таких же робингудов повышенной боеготовности, которые спотыкались, инстинктивно сжимали кисть, а потом при некотором везении отделялись взысканиями по службе за неаккуратное обращение с оружием, а при отсутствии оногo везения – простреливали что-нибудь жизненно-необходимое себе или идущему рядом товарищу.

Ещё через сотню шагов Маша фонарик выключила – они прошли парк почти насквозь, и свет улицы (проходящей должно быть с другой стороны искомого офисного здания) падал дорожку и окрестные кусты в количестве, достаточном чтобы можно было передвигаться не сильно опасаясь наскочить глазиком на сучок. Ещё через десяток метров стало совсем светло. Силуэт идущей впереди девушки явственно выделялся на фоне неровного прямоугольника – там, где дорожка выныривала из кустов. Александр инстинктивно сдвинулся к краю тропки – туда, где тень была погуще, однако под ногами так беспардонно заскрежетали сминаемые прошлогодние листья, что пришлось поспешно отступить обратно на твёрдый бетон.

– Ну? – прошептал Саша, подойдя к Марии, оглядывающей небольшой треугольник асфальта между линией кустов и стеной дома.

– Видишь что нибудь?

Саша ничего примечательного не видел. Впереди – стена здания, стоящая косо к границе скверика. Судя по разметке на асфальте, покрывающем видимую часть площадки за углом здания, там – малюсенькая парковка. А за ней, наверное, улица. Свет идёт именно оттуда, наверное перед зданием как раз и есть фонарь уличного освещения, которые вдоль улиц и принято ставить. Саму улицу отсюда не видно, и шума машин нет. Однако что им тут в такое время делать, машинам-то? На асфальте вокруг – ничего примечательного. На здании (Саша запаздало вскинул голову, вспомнив про камеры) – тоже ничего, только тёмные окна. Саша посмотрел по сторонам – вдоль линии кустов тоже ничего не нашлось. А что в кустах – чёрт его знает. Если смотреть со света в темноту – никогда ничего не разглядишь. Они с Машей сейчас на свету, а в кустах – та самая крошечная темень и есть. Там теоретически хоть батальон спрятать можно, а при желании и некоторой ловкости – хоть с боевыми машинами. Нет там конечно никакого батальона, но с другой стороны чтобы скрутить или просто расстрелять одну малолетнюю разведчицу и одного неизвестно-кого в общем-то батальон и не требуется.

– Ничего примечательного не вижу. – шепнул Саша, оглядываясь то на левую то правую стены кустов. – Торчим тут как муравьи под лупой...

Все угрожаемые направления в поле зрения держать было

невозможно, и между лопаток всё время было зябко оттого что в спину пялилась неизвестность. Саша с трудом боролся с искушением отступить обратно в уютную темноту скверика, где он и сам сделается невидимым.

– И я ничего... – как бы задумчиво ответствовала Маша, глядя уже не на площадку, а обратно вглубь парка, в сторону откуда они только что пришли.

– Обойдём здание?

– Нет. Было сказано – западная часть Хидден Холлоу, а здание – граница зоны поиска. В любом случае с той стороны слишком светло, и прятаться там негде. Давай обратно.

Луч фонаря вновь зашарил по кустам, без особенного, впрочем, успеха. А что тут увидишь? Видимость вдоль тропинки – на сколько мощности фонаря хватит, а вот в сторону, перпендикулярно тропинке – метр с обеих сторон, да и то с натяжкой. Кусты уже подёрнулись весенней липковатой листвой, да и не кусты это вовсе. Это – молодые коленчатые побеги смешного дерева «Американский клён», которое почему-то во времена Сашиного детства любили сажать рядом со школами в московских новостройках. И сами эти американские клёны разбросаны в живописном беспорядке – там, где из таких же побегов и выросли. Между стволами и пучками побегов – кое-где извилистые узенькие проходы, а кое-где и нет, сплошная стена зелени, вернее в ночном, монокромном зрении – сплошная стена серости.

Маша водила пятном света по ведомой только ей системе,

а Александру оставалось за пятном следить, надеясь углядеть что-нибудь, что девушка просмотрит. Они медленно шли обратно по дорожке. Через несколько метров обнаружилось развилка, которую по пути сюда Саша не заметил. А потом ещё одна. Земляных, небетонированных тропинок можно было и не считать.

– Стой, так можно до утра искать и всё равно не найти. Держи! Свети сюда... – Маша отдала фонарик, опустила сумку прямо на бетон, присела рядом и зарылась в сумочное нутро обеими руками.

Неловко приняв фонарик левой рукой, Саша посмотрел на правую, вооружённую. Разжал ладошку – деревянные щёчки рукоятки Нагана потемнели от влаги.

«А ручки-то потеют...» – уничижительно подумалось про себя – «Трусичка зайка серенький...»

Хотел было гордо убрать револьвер в карман, но потом решил что глупо будет... нет, даже не погибнуть конечно, а именно – проиграть по-глупому из-за дешёвого позёрства, и оставил оружие в руке. Странное это было чувство – стоять посреди города со стволом наголо.

А Маша тем временем нашла что искала, выпрямилась, и в очередной раз удивила – в каждой руке девушка держала по мобилке. Телефончики были похожие, из простеньких недорогих «раскладушек». Сунула один в луч фонаря, недовольно поджала губы, и почти неглядя отправила пластиковую коробочку обратно в расстёгнутый зев сумки – не тот.

Открыла второй, глянула на экран. Александр успел порадоваться что у девушки очень вовремя нашёлся фонарик, и не пришлось смекалку проявлять. Хорош был бы гражданин Тимофеев (а с виду в общем-то умный человек) щёлкая зажигалкой в потугах рассеять темноту вспышками кремня, в то время как надёжный и удобный источник света теперь у каждого с собой – экран мобилки.

– Нет сигнала. – поглядывая на телефон, Мария сделала несколько шагов вперед, назад, вернулась у сумке и опять отрицательно покачала головой. Потом глянула через плечо вдоль дорожки, видимо решая в какую сторону в поисках сигнала полезнее направиться.

– Тут такое и в городе бывает. То у одного, то у другого оператора в сервисе дырка. Сейчас... – отдав фонарик обратно, Саша освободившейся левой полез за своей мобилкой, благо хранилась она как раз в левом кармане.

– И думать забудь! – отрезала Мария, но потом, увидев недоумённый Сашин вид, пояснила: – Хочешь свой, личный телефон засветить? Мы же не знаем кто против нас играет и какие у них возможности. Да и полиция на дыбках, землю носом роет. Кто знает, может и контрразведка каким-нибудь боком замешана. А вот у этих возможности как раз известно какие. Гигантские у них возможности. Если интересуются, то прослушают, а потом и запеленгуют. Или сейчас хотя бы запишут, а прослушают позже, сделают выводы, и по номеру телефона выйдут на тебя, сам понимаешь – это проще

простого. Мне и с этого-то, «чистого», свежкупленного телефона звонить не хочется. Думаешь, если бы звонить можно было, я бы лазила тут по кустам в темноте?

– А если нельзя звонить, то...

– А у тебя есть варианты получше? – перебила Мария, поднимая сумку. – Вот то-то! Пошли искать сигнал.

Сигнал искать пошли в сторону здания, и нашли почти сразу, шагов через несколько.

– Чего он трубу-то не берёт? – спросил Саша, слушая длинные гудки вызова, звучавшие черезчур громко в ночной тишине.

– Не знаю. Может батарейка села. Может, телефон уже уничтожил. Может сознание потерял. А может, захвачен или убит. – жёстко ответила Мария, дождавшись когда гудки сменились голосом автоответчика.

Чем больше предлагалось ответов, тем они меньше нравились Саше.

– А может, его кто-то ещё уже подобрал? Ну, какие-нибудь наши...

– Нет, если бы была возможность столкнуться тут с нашими, меня бы предупредили. Были бы тут другие наши, я бы, Саша, тебя не привлекала. Нет тут сейчас других наших, Сашик, кроме нас. Нам самим надо...

– Ну да. – кивнул Саша понимающе, ничуть впрочем не ободрённый тем что наших тут нет и не ожидается. Интересно, а дальше как? Ну, положим, найдётся сейчас этот ране-

ный Машин коллега, а дальше что делать? Конечно, возможны варианты, но ни один из приходящих на ум как-то не радовал.

Маша набрала номер ещё раз.

«Если с первого раза тот парень трубку не снял, то вряд ли снимет и со второго.» – пессимистически прикинул Саша. Потом глянул на сосредоточенно звонившую девушку, и решил сделать хоть что-нибудь полезное, например заняться боевым охранением. Отошёл на пару шагов, огляделся и прислушался – просто так, на всякий случай. Не верилось уже как-то что их будут захватывать или убивать. То-ли отбоялся, то-ли какая-то подсознательная логика включилась. Если уж до сих пор на них не напали, то и дальше скорей всего ничего не случится. Да и окружающий пейзаж смотрелся теперь как бы привычно и буднично. Те же кусты, та же темнота. Далёкие машины шумят где-то на пределе слышимости, ручеёк позвякивает по камням, и... Или показалось?

Саша закрыл глаза, чтобы отключить лишние раздражители и оставить только слух. Затаил дыхание, даже услышал биение собственного пульса, потом медленно повёл головой влево-вправо, чтобы определить направление. Нет, вроде бы не показалось. В один прыжок вернулся к Маше.

– Дай телефон.

– Зачем? – Мария трубку не отдала, и протянутую Сашину руку напрочь проигнорировала. Даже сделала какое-то произвольное движение, будто хотела телефон к себе при-

жать, словно побоялась что силой отберут.

– Тогда нажми повторный вызов.

– Да зачем?!

– Нажми, говорю! – Саша поймал себя на том, что не хочет объяснять «зачем» исключительно потому, что если объяснить, то шикарного первооткрывательского триумфа не получится, а потому переборол себя и добавил, кивнув на тёмные кусты: – По-моему, я звонок слышал.

Маша надавила на «Повторный вызов», а потом наглухо прикрыла ладонью спикер своей мобилки. Теперь уже оба явно различали в кустах ответное электронное пилика-ние.

16. Жмурки

Саша в охотничьем азарте почти вырвал в Марии фонарь и направил на звук. Световое пятно опять упёрлось в кусты, но теперь хоть было понятно где искать. Посветил справа, слева, поднял руку повыше.

– Видишь? Вон же! – поймав себя на том что указывает на фигуру человека (сидящего у дерева метрах в пяти) не чем-нибудь, а стволом револьвера, Саша оружие поспешно опустил, но азарта не умерил – Ну вон же! Свети давай.

Поспешно пихнув фонарик обратно в руки Маше, Александр, и ринулся к ближайшему проходу в стене кустов настолько поспешно, на сколько позволяла темнота. Однако в проход нырнуть не успел.

– Стоять!!! – выпалила Маша. Сказано это было негром-

ко, но так хлѣстко и страшно, что Саша встал как вкопанный, инстинктивно пригнулся – почти присел, и завертел головой в поисках опасности. Даже под ноги себе на всякий случай глянул. А потом непонимающе оглянулся. Маша подошла, наклонилась к самому уху, и зло прошептала сквозь зубы:

– Ты что, совсем дурак? Ты куда лезешь, а? Или у тебя об условиях встречи оповестили? Ты как с ним «обнюхиваться» собрался? Хочешь от нашего же, от своего офицера пулю получить, болван этакий? Ты понимаешь, как человек на тебя, такого резвого, реагировать должен?

«Ишь козявка какая... Видали мы, знаете ли, карликов и покрупнее!» – обиженно подумал Саша, видя что Мария, прежде чем исчезнуть в кустах, ещё и этакое гаденькое движение сделала, будто собиралась замахнуться да и шлёпнуть его ладошкой по лбу как маленького. А потом понял, что злится исключительно от собственного стыда. На себя злится. Действительно ведь, побежал вперед, идиот восторженный, вместо того чтобы думать. Тоже мне, «Чип и Дэйл, спасатели – вперед!» И не просто ведь в кусты ломанулся, а ещё и с револьвером наперевес. И правда мог бы легко на выстрел нарваться. Парень этот конечно скорей всего без сознания, иначе давно бы себя обозначил, но ведь по-всякому бывает...

Пятно Машиного фонаря, подрагивая, задержалось на сидящей фигуре, поплясало вокруг, потом поползло по земле в обратную сторону.

– Ну, как там? – как можно более бодрым голосом спросил Саша, глядя как девушка выбирается обратно на дорожку.

– Спит наш найдёныш.

– Спит?! – переспросил обескураженный Александр.

– Ну да, спит. – ответила Маша буднично, а потом похоже решила ответить на все возможные вопросы одним махом: – Спит после анти-шоковой инъекции, по реакции зрачков на свет легко определяется. Проспит ещё часов десять – пятнадцать. Ранение в руку, проникающее или слепое – не знаю. Потеря крови, полагаю, умеренная, если бы пуля задела плечевую артерию – умер бы минут за десять. А если жив до сих пор, то и дальше всё будет нормально.

Что такое слепое ранение Саша представлял. Это когда не насквозь, то-есть пуля остаётся внутри, что, строго говоря, не есть хорошо, потому что пулю эту ещё извлекать надо. Всё остальное тоже было более-менее прозрачно. Однако ясности в главных вопросах это никак не прибавило. Например в вопросе «А что дальше?»

– Машк, а что дальше-то?

– Дальше-то? – рассеянно переспросила Маша, будто думая о чём-то своём. – Дальше-то мы нашего найдёныша со всей возможной осторожностью переместим в машину. Пошли. Наган-то убери, тебе сейчас обе руки понадобятся.

Найдёныш спал сидя на земле, как-то очень уютно и домашнему привалившись правым плечом к стволу дерева, опустив голову, и вроде бы даже тихо посапывая. Лица его

Саша как следует не рассмотрел (да и не пытался), заметил только необычную бледность, то-ли от потери крови, то-ли просто спектр фонарика так цвета искажал. А смотрел Саша вовсе не на лицо спящего, а на левую руку.

«Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу...» – проскочила в голове дурацкая мысль. А потом ещё: – «Если это умеренная кровопотеря, то какая же неумеренная?»

Левая рука в гармонию мирного сна никак не лепилась, потому что была согнута и прижата к боку, будто лапа динозаврика. По бицепсу рука эта была перемотана какой-то тряпкой, то-ли подкладкой, то-ли фрагментом рубашки, то-ли ещё какой-то импровизацией на тему бинта. Чем была эта импровизация «при жизни» сейчас на взгляд было никак не определить, потому что и повязка, и рукав, и согнутая в запястье кисть были буквально загипсованы бурой застывшей кровью. Да что там кровью – кровищей. А ещё был запах. Скверный запах, мёртвый. Саша даже сразу вспомнил откуда такой бывает, запахи – они всегда близко к воспоминаниям. Лет двадцать назад стоял курсант Тимофеев в наряде по столовой, и выпало ему тогда чистить от брызг мяса большую колоду, на которой поворота рубили туши. И запах от этой колоды – плахи шёл точно такой же.

– Надо бы перебинтовать, но боюсь трогать. Запросто может опять потечь. – пробормотала Маша. И добавила уже погромче: – Давай-ка бери его – и пошли быстрее. Нечего тут больше делать. Подожди-ка. Давай пиджак, а то весь кровью

перемажешься.

Самым сложным оказалось найдёныша на плечо взвалить. Не было у Саши опыта перемещения совершенно бесчувственных тел. Пришлось по-борцовски схватить за воротник, присесть, перевалить парня на плечо, и подняться, а там уже дело пошло значительно легче.

– Подожди секундочку... – притормозила девушка пыхтящего Сашу, потом пошарила лучём света по земле. – Всё, двинулись. Я первая.

– Оружие-то его где? – запоздало поинтересовался Саша, представив себе реакцию этого парня, если он всё же отчётся и обнаружит себя в позе барашка на чьём-то плече.

Маша не оборачиваясь молча похлопала рукой по сумке.

По пути к машине санитар-эвакуатор немного упарился, зато и замёрзнуть в зябком ночном воздухе не успел. Шёл быстро, но по возможности мягко, стараясь ношу не растряссти и раненую руку не беспокоить. Успел конечно пару раз вспомнить про то что «старость – не радость» – были времена когда на спор поднял по лестнице аж на десятый этаж одноклассницу Юльку Кашину. Правда Юлька тогда ехала у Саши «на закорках», да и сам он был на третьем курсе – в пике физической формы.

Когда вышли из скверика и спустились по ступенькам, Маша фонарик выключила и убежала вперед.

«А подстелить-то ведь нечего.» – вспомнил Саша, услышав жестяной звук открываемой дверцы. – «И чехлов нет.

Измажем заднее сидение кровью. Пиджак что ли подстелить изнанкой вверх? Или нет, лучше водолазку снять и подстелить, она всё равно уже кровью запачкана...»

Однако Мария открыла не заднюю дверь, а багажник, вернее задний отсек внедорожника «Зюзи». Саша хотел было удивиться, но пока переводил дыхание, уже услышал ответ:

– Полиция на боевом взводе. Остановят на блоке, заглянут в салон – что ответим? А без причины машину обыскивать вряд ли будут. – и, сбросив сумку, принялась помогать. – Сажай его сюда. Теперь закидывай ноги. Аккуратней...

– Маша, так что дальше? – повторил Саша сакраментальный вопрос, как только найдёныш со всеми доступными предосторожностями был уложен на пластиковый пол багажника. Всё ещё восстанавливая дыхание, оглядел площадь на предмет случайных свидетелей загрузки в багажник бездыханного тела. Дыхание восстанавливаться не спешило, то-ли от изъятий физической формы, то-ли от волнения. Зато на плазе вроде бы никого не было, во всяком случае Саша никого не увидел. Посмотрел на девушку, и по её реакции понял что она, скорей всего, тоже никакой угрозы не усмотрела. Иначе, небось, не стояла бы с раздумчивым видом, а прыгнула бы в машину и ударила по газам.

– Давай-ка отъедем... – ответила Маша, вновь совершенно недвусмысленно направляясь к водительскому месту. – Хотя нет, погоди-ка. Кофту снимай, на изнанку её, и пиджак

сверху.

– Это не кофта, это водолазка. – проворчал Саша, стягивая не то чтобы очень грязную одежду через голову, и думая, что Машино поколение может такого названия и не знает. Может, они такие штуки вообще уже называют на американский манер «тёртл-нэк», что в переводе означает «черепаший шея». Прорвались же в речь всякие «креативные директора», «медиа-подкасты», и прочие там «чикен нагетс». Параллельно порадовался тому, что если на водолазке крови немного, и вся она свернувшаяся, то значит и транспортировка раненого прошла как надо – рана не открылась. Вывернул водолазку и без всякой брезгливости одел – тоже мне, подумаешь, кровь.

– Ты, Саша, не бойся, – поворачивая ключ в зажигании продолжила Мария. – всё самое главное мы уже практически сделали. Теперь будем убегать и прятаться. И ждать кавалерию. – потом подмигнула. – Занзибарскую. Не бойся, не бросят нас.

Саша уже и не боялся – отбоялся, сколько ж можно бояться. Человек – он, знаете-ли, ко всему привыкает, и к страху тоже. Так, скорей – поволновывался немного.

– Угу, может, расскажешь куда бежать и где прятаться? Ты, красавица, учитывай что машина эта старенькая, и на большие дистанции не бегаёт – спотыкается. Пятнадцать лет машинке-то. Не знаю даже, добежит она до следующей долины или нет.

– Из долины нам выскакивать нельзя. – насупившись ответила водительница. – Выходы из долины – это узкости, бутылочное горлышко. Там, на перевалах, полицейские блокпосты почти наверняка стоят. А по ночному времени, когда машин мало, вполне возможно у них там хватит бойцов чтобы каждую проходящую машину проверять, без исключений. Конечно, за перевалами наверно и полицейская тревога не объявлена, и никто никого не ищет и не ловит, но рисковать не хочется. Да и не надо нам туда. Погоди-ка...

Маша очень-очень плавно затормозила, вероятно оберегая пассажира в жёстком багажнике. Саша огляделся, и ничего необычного в окружающем не заметил. Так, обычная тёмная улочка, узенькая – не из оживлённых. Ни одно окно не светится, как тут обычно и бывает – стандартный, ночной пейзаж Солт-Лейк-Сити, ничего примечательного. Вот разве что мусорные баки выдвинуты. Раз в неделю по улицам проходят мусоровозы, и специальной клешнёй поднимают и высыпают в кузов баки. Чтобы манипулятору – клешне было удобнее, хозяева домов эти самые баки с вечера вывозят на дорогу и оставляют у бордюра. А на следующий день (после прохода мусоровозов) уже пустые баки откатываются обратно к дому. Саша и сам так делал – во вторник вечерам вытаскивал два бака на колёсиках, один – зелёный, для обычного мусора, другой – голубой, для всяких там пластиков, бумаги, и прочих перерабатываемых материалов, а в среду после работы забирал. В общем – бакам этим не удивился. Маша,

похоже – тоже знала что это, и зачем. Обернулась, выдернула с заднего сидения свою сумку изобилия, и бросила себе на колени. Потом вытащила из бокового кармашка два телефона и флакончик-«пшикалку». Быстренько выцарапав из обоих «раскладушек» СИМки, девушка безжалостно переломила аппараты, согнув их в обратную сторону.

– А зачем сломала? – любопытствовал Саша.

– А затем что обыватели слишком честные. Ещё отнесут в полицию – зачем баловать-то? – деловито ответила Маша, и, ссыпав остатки телефонов в небольшой пакетик, осведомилась: – Ножик есть?

Ножика у Саши не было, и Мария воспользовалась своими маникюрными ножницами: ловко используя их как рычаг, сломала и обе СИМ-карты. Покалеченные карточки-микросхемы сунула в карман, пояснив:

– Потом выкинем...

Зачем Маша переломала СИМки, Саша спрашивать не стал, и так понятно – это она электронные следы замечает. Вернее – отвязывает их с Сашей от этих электронных следов. А вот то, что Маша делает это именно сейчас, немного насторожило. Значит – не исключает возможности, что неведомый супостат их с этими карточками поймает. Саша даже на всякий случай осмотрелся по сторонам, и пощупал локтем револьвер сквозь карман. Ничего подозрительного конечно не заметил – та же сонная улица.

Маша тем временем пшикнула из флакончика в пакетик,

потрясла содержимое, пшикнула ещё пару раз, опять потрясла. По салону потянуло знакомым запахом жидкости для снятия лака.

– Ацетон? – Саша знал, что ацетон и другие обезжиривающие растворы хороши для уничтожения отпечатков пальцев.

– Ага, ацетон. Плюс ещё кое-какая бытовая химия. Чтобы сделать невозможным анализ ДНК. – Мария опять ободряюще подмигнула. – На всякий случай.

Потом девушка вышла из машины, и отправилась к одному из мусорных баков. Что она там делала, Саша видеть не мог, по-скольку та ушла назад – в сторону кормы машины, избегая света фар. Впрочем, и смотреть не стал, и так понятно – остатки телефонов из пакетика вытряхивает, аккумулятористка.

– Маша, так куда мы едем-то? – проявил настойчивость Саша как только малолетняя разведчица вернулась. – Или это секрет? Может, мне ещё и глаза закрыть? Или мешок на голову?

– Нет, не секрет конечно. Едем в каньон Миллкриск. Это совсем близко должно быть, минут пятнадцать отсюда. Там есть площадки для кемпинга. Мы с тобой туда не спеша доедем, и будем изображать влюблённую парочку, пока кавалерия не появится. – Маша глянула на часы. – Всё закончится ещё до рассвета.

Саша хотел уже было облегчённо вздохнуть. И по поводу

того, что этого раненого партизана заберут не через месяц, а почти немедленно. И потому, что прятаться надо не, например, в его, в Сашином родном доме, а в Миллкрик. Но не вздохнул.

– В Миллкрик?!

– Ну да... – Маша покосилась удивлённо, и повторила: – Встреча каньоне Миллкрик. Это на восточной окраине.

– Я знаю, где это. Я там, красавица, между прочим почти каждую неделю бываю. Как раз там русские по субботам собираются. Маша, там нет никакого кемпинга. Верней – есть, но не круглосуточный, и только летом. А в десять вечера оттуда рейнджеры всех выгоняют, ну, это такая лесная полиция. Маша, этот каньон – собственность города. Это не лес для туризма, это – практически парк. Ты ничего не перепутала?

– Может, это ты что-то перепутал? – ответила девушка после минутного молчания. – Там же палатки, я сама видела...

– Сверху что-ли видела, на фотках из космоса? – криво усмехнулся Саша. – Да, бывает что и ставят там палатки. Привозят с собой и ставят на пару часов – детей потешить. Бывает, что и на Ар-Ви приезжают, это... – попытался вспомнить как сокращение «Ар-Ви» расшифровывается, но так и не вспомнил – ну, это автобусики такие жилые, типа – дома на колёсах. И костры жгут непременно. Только на ночь рейнджеры всех выгоняют к такой-то матери. Ты уж поверь старому Миллкриковскому волку, я – знаю.

– Я поняла. – сухо ответила Мария, и замолчала. Потом опять глянула на часы, и решительно повернула к обочине. – Значит, поедем не в Миллкрик, а куда-то ещё.

– А запасного плана нет? Какого-нибудь «Плана Би»? – поинтересовался Александр бесцветным голосом. Под ложечкой крепло неприятное чувство неизвестности. Даже скорей не неизвестности, а ... беспомощности какой-то, что-ли? Вроде бы всё шло относительно хорошо, и даже приближалось к удачному финалу, и тут на тебе – форс-мажор. Причём форс-мажор заранее тщательно спланированный.

– Это и был «План Би». Или ты думаешь у нас по плану было чтобы в нашего сотрудника какие-то отморозки палили? Не журишь, Сашка, сейчас свяжемся, объясним ситуацию, дадим время подумать, и смастырят нам и «»План Би«», и вообще какой хочешь, до самого «Плана Зи».

– Погоди-ка...

Совсем не улыбалась Саше перспектива очередного плана, придуманного «издали». Вполне вероятно что придумывают такие планы очень умные люди. Даже не то чтобы «вполне вероятно», а наверняка умные. Умнейшие. Но ведь с Миллкриком накололись уже. Сидят в своём безопасном далеке, и планируют войну по глобусу, а не по взводной двухвёрстке – ну не видно им мелочей оттуда.

– Машк, а твоей кавалерии всё равно в какой каньон приезжать?

– Поясни.

– Поясняю. Миллкрик на ночь закрыт, зато есть следующий каньон к югу, «Биг Коттонвуд» называется. Там как раз есть места для кемпинга. Для настоящего, круглосуточного кемпинга. Нам ведь что-то типа этого нужно? Полиция никого по позднему времени не выгоняет, да и вообще скорей всего не патрулирует. Кругом – туристы, и сильно выделяться мы не будем. Каньон этот буквально в двадцати минутах от Миллкрика. Что скажешь? Покатит тебе такой «План Зи»?

– Сейчас узнаем. – девушка в очередной раз глянула на часы и задумалась.

– Звонить будешь?

– Нет, звонить не будем. Если делать это со всеми предосторожностями, то слишком долго получится. Давай сюда сумку.

На этот раз из чрева сумки появился специфического вида портфельчик. Маша вжикнула молнией, откинула клапан, и показался ноутбук. Маленький, из породистых и дорогих. Саша и сам на эту модель было облизывался, но потом подумал что для него, для программиста, гламур не сильно важен, для него компьютер – это в первую очередь «рабочая лошадь». Вот и купил модель нормальных габаритов, раза в два побольше той, что лежала сейчас на Машиных коленях, зато и раза в четыре дешевле при равной мощности.

Увидев, что девушка вводит пароль, Александр старательно отвернулся. Въелась ещё в армии привычка на чужие па-

роли демонстративно не смотреть.

– Что делать знаешь? – Маша пихнула компьютер на Сашины колени, а сама медленно повела машину по тёмной улочке.

Саша посмотрел на окошко открытой программы, и понял что знает. Он и сам это делал раньше, когда какие-нибудь его компьютерные проекты балансировали на грани закона. Когда вроде бы всё легально, но почему-то засвечивать свой интернетовский адрес не хочется – просто так, на всякий случай. Тогда Саша тоже брал портативный компьютер, и ехал искать бесплатного, как-бы ничейного подключения к Интернету. Подключения такие конечно не ничейные – очень даже «чейные», просто хозяева этих подключений или растяпы, или добрые самаритяне.

Быстрый Интернет входит в дома по кабелю, а потом до самих компьютеров обычно провода никто не протягивает – беспроводным подключением пользуются. Причём дальности такого беспроводного канала хватает и для того, чтобы подключиться к сети не из самого дома, а, например, сидя в машине у тротуара. Конечно, чтобы подключиться нужно знать пароль, если владелец сети не поленился такой пароль установить. А в Америке сети такие – почти в каждом доме, и примерно одна сеть из десяти паролем не закрыта. Кое-кто из сетевладельцев ленился, кое-кто – не знает как это сделать, а кое-кто нарочно позволяет подключиться к сети всем желающим, благо за объём передаваемых данных уже давно

денег не берет. Вот и раздают такие добрые люди свой неиспользованный трафик, а бывает что и на стене дома специальный знак рисуют, обозначающий на коде хобо что-то вроде «хозяин дома покормит бесплатно».

Сам Саша этих хобо никогда не видел, да и перевелись они уже наверное в наше прагматичное время. Читал только, что были раньше в Америке такие бродяги путешественники хобо – вроде наших бичей. Да, если честно, и знака этого, «хозяин дома покормит бесплатно и Интернетом попользоваться даст» – тоже не видел, только читал про такой знак в одной статье, посвящённой компьютерному андеграунду. А подключаться к халявному беспроводному Инету предпочитал не у частных домов (чтобы хозяев не подставлять) , а у кафешек – те подключение бесплатно раздают, чтобы посетителей приманивать – вот пусть и не обижаются, знали что делают.

Сейчас, впрочем, было не до чистоплюйства, и не до поисков ночного кафе. Маша неспешно вела машину, а Александр периодически нажимал мышкой на линк «Обновить список доступных сетей». Не прошло и пяти минут, как нашлось подключение, не защищённое паролем. Сигнал был слабенький, но устойчивый.

– Сашик если не трудно, погуляешь пару минут? – сказала девушка, останавливая машину и принимая у Саши компьютер.

– Погуляю. Секретничаете.

Когда Саша вышел из машины, Мария заглушила двигатель и выключила фары, однако ожидаемого всплеска темноты не случилось – на западе вставала луна. Сам диск ещё не показался из-за кромки горы, но света, отражённого от облаков уже вполне хватало.

Саша огляделся, и машинально полез за сигаретами. Чиркнул зажигалкой, и только сейчас понял, как хотелось курить всё это время. Надо же, а ведь забылось как-то за хлопотами. Затянулся пару раз – и голова закружилась как после первой утренней сигареты. Потом ещё раз огляделся по сторонам, не увидел ничего примечательного, но на всякий случай переместился в тень машины. Мало-ли кому приспичит, например, подняться по малой нужде, и по пути ещё и в окошко выглянуть. Тогда на странного типа, покуривающего среди ночи на чужой улице могут среагировать и не вполне адекватно. Верней – вполне адекватно по местным меркам: вызовут полицию, пускай стражи закона с незнакомцем разбираются. Пришпоренный такими мыслями, Саша побыстрее прикончил сигарету чтобы не светить красным угольком, да и бросил окурочек в сточную решётку, так удачно обнаружившуюся прямо у заднего колеса автомобиля. Мимолётно порадовался, что и следа своего пребывания тут не оставил – окурочек наверняка унесла журчащая внизу вода. А потом так же мимолётно понурился, подумавши что с такими приключениями недолго и какую-нибудь манию преследования заработать. И тут ещё и вздрогнул от звука открываемой

дверцы машины, прозвучавшей в ночной тишине совершенно оглушительно.

– Сашик, садись назад.

Назад так назад. Саша уселся справа, отметив что сумка переключалась на переднее пассажирское место. А ещё лампочка под потолком машины не зажглась когда дверь была открыта. Маша наверное нарочно выключила, чтобы не демаскировать. Молодец девчонка. Дьявол – он же в мелочах...

– Наговорилась?

– Держи-ка... – Мария полу-обернулась назад и протянула Саше металлическую плоскую флягу, напрочь проигнорировав вопрос.

– Что это?

– Держи, держи... Наркомовские сто грамм.

Саша принял флягу, покрутил в руках – ничего особенного, обычная фляжка. Такие тут везде продаются, как бы для охоты, хотя на самом деле конечно – скорее подарочный сувенир. Кто ж с такой железякой на боку охотится будет? Взвесил на руке, потряс – фляжка была наполнена, что называется – «под завязку», даже не булькает. Отвинтил крышку, понюхал.

– Водка? Какие же это наркомовские сто грамм – то спирт был.

– Не привередничай. И радуйся что не спирт – запивать нечем.

Саша хмыкнул, лихо опрокинув фляжку сделал большой

глоток. Сморщился, проглотил. Протянул фляжку обратно, отметив между делом что в Америке пьёт водку внутри машины в первый раз в жизни. Видать – день такой, сегодня вообще многое происходит в первый раз.

– Пей, пей... – девушка флягу не взяла. – Надо выпить примерно половину.

Саша сделал ещё пару глотков, а вот на третьем глотке ситуация ему нравится перестала.

– Машунь, может быть ты озвучишь уже – до чего ты со своими начальниками договорилась? Что тебе там сказали такого, если ты меня водкой теперь поишь? Какие-такие новости с пьяных глаз лучше воспринимаются, а? Водка зачем?

– Нету никаких новостей. Действительно, едем в Биг Коттонвуд, а не в Миллкрик, а дальше всё идёт по плану. Пей давай.

– Ну а водка-то зачем? – упрямо переспросил Саша, отхлебнув, впрочем, ещё разок.

– Ох, горюшко... – Маша вздохнула и терпеливо объяснила: – Водка тоже по плану. Почему ты думаешь машину веду я, а не ты? Потому что если нас полиция для проверки остановит, то женщина за рулём настораживает меньше. Женщина – она мать, хранительница очага, но уж никак не боец. И уж тем более женщина, везущая домой своего пьяного мужчину. Ну, допил до половины?

– Долго-ли умеючи... – мрачно ответил Саша, не испытывавший никакого удовольствия от впихивания в себя стакана

водки за минимальное время. Встряхнул полу-пустую флягу, булькавшую теперь гораздо звонче. – Обливаться водкой будем?

– Лить водку на одежду – это дешёвое пижонство, всё равно запах выветрится через пять минут. – ответила Мария, бросая флягу обратно в сумку-самобранку. – Обратно не лезет?

– Не, не лезет. Никогда не лезет. – ответил Саша не без некоторого самодовольства. – Случаи когда «хорошо пошла, обещала вернуться» за всю жизнь могу пересчитать по пальцам одной руки.

– Жаль, жаль. Рвотного у меня с собой нет. А «два пальца в рот» сможешь?

– Не могу... – Сашино самодовольство мигом улетучилось. – Не работает у меня рвотный рефлекс. А зачем это?

– А затем что запах желчи очень правильно сработает на легенду если копы заглянут в салон. Опять же, у полицейских будет гораздо меньше желания тебя вытаскивать и осматривать. Кому же интересно с заблёванным клиентом возиться?

– Ага. Писаться будем на том же ходу? – мрачно сказал Саша, решивши вульгаризм проигнорировать и той же монетой не отвечать.

– Надо будет – будем и писаться. – ответила Мария, и отвернувшись, готовясь трогаться. – Ладно, не дуйся. Надутых ветер сносит. Ты, Сашик, ложись во всю длину. Так тебя издали не видно будет, и вблизи имиджу пьяного мужа

соответствует. Спишь чутко? Запомни: если нас останоят для проверки, то я тебя бужу, ты садишься и продолжаешь спать сидя. Глаза не открывай. Меньше игры на публику – меньше шансов выглядеть ненатурально. Просто сиди и типа спи. Только сесть надо будет обязательно, иначе могут прицепиться с вопросами: «А что-это с ним? А не нужна ли вам помощь?», ну и всё такое прочее... Договорились?

– Да не собираюсь я спать. – проворчал Саша, укладываюсь на сиденье. – Уснёшь тут, как же... Маш, а Маш?

– Чего? – девушка ответила с задержкой, как обычно и отвечают люди, голова которых занята вождением машины, а не разговором.

– А ты не боишься что твой сеанс связи с центром могли засечь?

– С... центром? – фыркнула Мария после некоторой паузы.

– Ну да, с ним. С центром. – упрямо подтвердил Саша. Лениво ему было доказывать своё право быть «чайником». Ну есть наверное у Машиной организации свой внутренний сленг для обозначения командования, может и шуточки есть какие-нибудь про то что «центром» это называют только в фильмах про Штирлица, ну и что? Саша вовсе не из их конторы, и сленга не знает не потому что был двоечником. Маша небось тоже не знает, например, что в некоторых военных училищах свою «альма матер» принято называть «система». Это уж, знаете-ли, кто на что учился.

– Ну, теоретически могли засесть связь с... центром... – паузы между словами делались всё длиннее. Или это только казалось? – А практически, вряд ли. А если и обнаружили факт связи, то пока расшифруют – всё уже закончится.

– Ну да, ну да...

Саша смотрел на светлые и тёмные фигуры на потолке салона. Когда очередной уличный фонарь был ещё далеко, тени начитались как параллельные линии, а потом расширялись, превращаясь в треугольники или трапеции, и медленно поворачивались. А после и вовсе исчезали, сменялись новыми. Маша вела машину всё также аккуратно, без резких поворотов и торможений. Двигатель старенького «Исудзу» уютно урчал.

– Сашик, вставай.

Подняв глаза на голос, Александр увидел неожиданную картину. Над головой под странным углом располагалась Маша, и, потянувшись вниз из темноты, трясла его за плечо. Потом чувство гравитации тоже проснулось, и Саша сел на сидении, вернув реальность в правильное положение. Потёр ноющую шею – судя по ощущениям спал без подушки. Ну конечно – собственно, без подушки и спал.

– Где мы? – машинально спросил Александр, услышал свой скрипучий обезвоженный голос, и покривился. Потом провёл языком по дёснам, и полез в карман за жвачкой. А до преть решил не только от разговоров воздержаться, но и дышать в сторону от девушки – во рту было именно так как

и должно быть после стакана водки и сна с нечищенными зубами.

Да и вопрос получился дурацкий. И так понятно «где», если слева, справа и спереди в рассеянном лунном свете видны исключительно стволы хвойных деревьев. Оглянулся, и тут же присел пониже на сидении, чтоб голова не торчала – сзади, всего метрах в пяти совершенно явственно чернела угловатая коробка явно техногенного происхождения. Микроавтобус наверное.

– Санечка, это – свои! – упредила вопрос Маша. – Наши! Всё!

Саша ещё раз потёр шею, не совсем понимая как реагировать. Вернее, что наши – это хорошо, даже просто замечательно. Вот только как-то оперетточно всё вышло. Заснул, проснулся, и – занавес.

– Пойди-ка погуляй пока. – потянула Мария за рукав. – Незачем вам видаться, верно? Давай-давай. Держи-ка вот фонарик...

Снаружи было чертовски холодно, аж челюсть прыгала. Как всегда в таких случаях, организм спяну не успел проснуться и разогреть себя обменом веществ. Или чем он там, цаца нерасторопная, себя обычно греет?

Саша вылез из машины, оглянулся на микроавтобус ещё раз, и улыбнулся. Хороший такой автомобильчик, страшненький. За стёклами – темно, что внутри делается, и сколько там народу – непонятно. Увидишь такую штуку ночью, и

заставят обстоятельства близёхонько пройти – не раз небось оглянешься, и между лопаток настороженность холодной лапкой проведёт. А сейчас эта штука – на его, Александра Тимофеева, стороне. Не эсминец конечно, и не танк, а всё равно приятно.

Понимающе кивнув в сторону микроавтобуса, Саша зажёл фонарик, предусмотрительно направив его под ноги, и пошёл куда-то в сторону от дороги, под горку, туда, где слышался шум ручейка по камням. Везло Саше сегодня на ручейки и фонарики.

На ручеёк наткнулся метров через десять. А не наткнулся бы – всё равно бы наверное остановился – достаточно уже расстояния чтобы с бойцами из микроавтобуса не пересечься. Пошарил лучём света по земле – ничего интересного. Утопанные тропинки, как большому организованному кемпингу и положено. Летом тут ежедневно сотни человек толкуются. Это сейчас не сезон...

Вспомнив о туристах, Саша посветил вокруг уже повыше, но не нашёл ни палаток ни автомобилей. То-ли не видно потому что далеко и за деревьями, то-ли Маша выбрала правильное, вовсе безлюдное место. Зато нашёл большой валун на берегу ручья. Сел было, да тут же вскочил обратно. Холодно, чёрт! Обратил внимание на то что холоднящий камень изрядно зарос мхом везде, кроме самой верхушки. Небось регулярно полируется туристическими попами. Значит, впереди вид симпатичный, достойный длительного си-

дения с созерцаниями. Или позади?

Обернувшись, Саша ничего достойного созерцания не заметил, разве что луну. Луна была неприятная, низкая, большущая, и главное – полная. Не любил Саша полную луну. Странно, вроде рак по гороскопу, как-никак – водяной знак, и в полную луну должен прилив сил ощущать, а нет. При виде полной луны неприятно было Александру на открытом месте стоять, хотелось отойти в тень, а может даже и окопаться. Боязнь открытого пространства, по-научному «Агорафобия» называется – Саша специально в Википедии посмотрел. Клаустрофобия – боязнь замкнутого пространства, а агорафобия – открытого. А может, про луну и отдельная какая фобия, мания или патия есть...

Саша нахмурился было на луну, прислушался к собственным чувствам, и почему-то обнаружил что никакого дискомфорта не испытывает. Странно. Вообще, странный сегодня день. Вернее – ночь.

Тут совсем рядом со стороны ручья шумнуло так, что Александр автоматически скатился за револьверный карман, перебросив фонарик в левую руку. Посветил на звук – луч запутался в кустарнике, а вот звук повторился – будто лопатой провели по веткам. Потом раздались три тяжёлых шага, и на закуску – могучий выход.

Этот выдох Сашу окончательно успокоил. Лось. Ну конечно – лось. Лосей здесь как грязи. Небось туристы их тут прикармливали, а потом любовались гармонией природы, па-

раллельно полируя задницей камушек. Саша и сам в этом каньоне видел сразу трёх лосей года четыре назад, когда вывозил семейство на пикник. И не то чтобы лоси тогда сильно понравились. Особенно вблизи, и особенно когда расстояние до лося меньше чем до ближайшего дерева, а на руках у тебя ребёнок. Большие они, блин, как бульдозеры, и ещё глаза... Не умильные коровьи безобидные глазаньки, а злобненькие такие, что называется «с прищуром». Полные непоколебимой веры в собственную боевую мощь, и этакой дикой, изначальной сумасшедчинки...

Сейчас, впрочем, до лося этого сохатого не было никакого дела. Ну и пусть себе сидит за кустами да за ручьём – чай не хищник. Тем более что за спиной хлопнули дверцы машин, запустился двигатель, а потом и фары зажглись. Прямоугольник микроавтобуса попятился, дополз до развилки, развернулся, и двинулся куда-то, быстро исчезнув за елями. Почти сразу и шум двигателя перестал различаться, размытый плеском ручейка. Саша пошёл обратно не дожидаясь пока его позовут.

– Всё, Сашуля, поехали обратно в город – деловито сказала Маша. – Мою сумку – назад, сам – на переднее сидение. Легализуемся. Соответственно, револьвер разрядить, и – в багажник его, по-скольку ты у нас официально пьяный и оружие носить не имеешь права. Нечего дразнить судьбу, не хватало ещё на мелочи какой-нибудь попасться. Нам ещё мимо полиции ехать...

Замечанию о полиции Саша молча подивился, и оказалось – зря. У устья каньона лениво помигивала красным и синим притулившаяся у обочины машина. Рядом просматривалась фигурка человека, облокотившегося на багажник. Маша заранее сбросила скорость и на малом ходу двинулась мимо полицейского в стандартной синей форме и в годах. На лице блюстителя порядка отчётливо читалось что бессонная ночь для него началась не только что. Нехорошее, в общем, лицо, и особо многообещающее на человеке, обладающем властью – усталое, нервное и злое. Когда тот посветил в салон, держа фонарик на полицейский манер – над головой, как нож для удара сверху, Саша немного напрягся. Однако полисмен (вернее, теперь по нынешнему, полит-корректному – бесполое «офицер полиции») кивнул Маше как старой знакомой, криво усмехнулся Саше, и махнул рукой, словно прогоняя машину. Саша тоже кивнул в ответ, изображая умеренную приветливость.

– Чего-это они? – спросил Александр, когда сине-красное мерцание осталось позади.

– Старые знакомые. Уже виделась я с ними на пути «туда». – ответила Маша, поглядывая то на дорогу то на приборы. – Этот каньон, Биг Коттонвуд, он – сквозной а не тупиковый, выводит из Солт-Лейка в... Хайбер-Сити?

– Хйбер-Сити.

– Ну да, в Хйбер-Сити. Соответственно, если полиция блокирует эту долину, то и пост должен был быть у въезда

в Биг Коттонвуд.

– А чего же ты меня не разбудила? Договорились же, что...

– А не понадобилось. – беззаботно перебила Маша. – Ты спал с таким херувимским выражением лица, что полиция умилилась и пропустила нас без лишних вопросов.

– Угу. —только и смог сказать Саша, пытаюсь разобраться в эмоциях. С одной стороны, совершенно явственно наступило облегчение, что называется «задним числом». Не поймали на полицейской проверке – вот и славно. Правда, до сих пор и не знал Александр что проверяли, но ведь так или иначе – повезло, не поймали.

Другая сторона была эмоций была странная и непривычная. Опять казалось Саше, что проспал он самое интересное. Никогда Саша не гонялся за адреналином, не искал приключений просто так, ради самих приключений. Но ведь и в жизни сделал не так много значимого (тоже мне российский офицер!) – а пора бы. И вот сегодняшняя ночь была именно значимая, причём, похоже, самые важные моменты Саша бессовестно продрых как сурок.

А ещё была третья эмоция, уж и вовсе обидная. Закрадывалась мысль, что Маша не разбудила его, полагая что от Саши бодрствующего не больше пользы чем от Саши спящего. Или даже так: от Саши спящего просто будет меньше неприятностей чем от Саши бодрствующего. Как будто он истерик какой, и вообще ненадёжный тип. Или сдаваться побежит,

или в полицию стрелять начнёт, или ещё что-нибудь похуже вытворит.

– Машк, а вот честно – чего ты меня не разбудила?

– Сашик, ну а зачем? У тебя специальной подготовки нет, а у меня – есть. И опыт есть. Я знала что делаю. Если бы было нужно – разбудила бы.

«Так и есть.» – уныло подумал Саша – «Нет тебе, Тимофеев, доверия. И толку от тебя никакого нет. И полезнее всего для разведки ты когда спишь зубами к стенке. Но девка-то... Ай какая девка! Молодец! С одним раненым в отключке, и одним пьяным, спящим и вообще бесполезным, а – прорвалась. Всё сделала сама. Кремень! Железная леди.» А вслух сказал:

– Ну и куда мы теперь?

– Поехали куда-нибудь кофе попьём. Нам надо подождать примерно три часа.

– Время-то уже под утро, все кофеюшники закрыты давно, самые поздние до часу ночи работают. Разве что подождать пока они снова откроются для ранних пташек... – сказал Саша, глянув на уже светлеющее небо. И добавил как можно равнодушнее – А что будет через три часа?

– Тогда давай подождём пока откроются. А через три часа, Сашик, будет ясно, сумели ли наши вывезти найдёныша из страны.

Каким образом можно вывести человека из самого сердца Соединённых Штатов за три часа – для Саши было со-

вершенно непонятно. Ну хорошо, пусть «вывезти из страны» – это не только пересечь физическую границу с Мексикой или Канадой. Тут надо принимать в расчёт и пересечение воображаемой границы между например нашим калифорнийским консульством в Сан-Франциско, и самим городом Сан-Франциско. Шагнул с улицы в ворота – и формально ты уже в России. Как потом из этой маленькой России в настоящую Россию выбираться – это уже другой вопрос. Могут, к примеру, вывезти в большом ящике дипломатической почты, которая согласно международным правилам никакому досмотру не подлежит. Или могут временно присвоить дипломатический ранг, прикрыв иммунитетом – арестовать дипломата нельзя, можно только выслать, что, собственно, и требуется. Ещё проще, если пересекать границу между американской пристанью и нашим кораблём. Саша слышал, что кораблей есть статус экстерриториальности, то-есть корабль – это всегда территория России. Или то только военный корабль?

В любом случае, корабли – они на море, а ближайшее море – это Тихий Океан, опять же возле Калифорнии. Ни до Калифорнии, ни до той же Мексики на машине никак за три часа не доскакать, что туда, что туда ехать – это часов двенадцать, никак не меньше. До всяких прочих морей, сухопутных границ, и всяких там посольств с консульствами – ещё дальше. Остаётся самолёт, но вот каким образом можно протащить на борт человека, который и на ногах-то не стоит – уж

вовсе непонятно. Тут же не рейс самолётика-«кукурузника» между Старыми и Новыми Васюками, тут – международный аэропорт, куда и не войти даже без тщательнейшего досмотра на предмет бомбы в ботинках, трусах или под париком. Так что самолёт тоже не катит. А что остаётся? Ничего?

Про то как всё-таки можно выскочить из Юты за три часа, Саша спрашивать не стал – девчонка всё равно небось не скажет. Тем более, что был вопрос и поважнее.

– Маш, так что будет, а что если не сумеют за три часа найдёныша вывезти?

– Да не волнуйся...

– А я и не волнуюсь! – перебил Саша, внезапно окрысившись что его сегодня всё время задвигают в угол. То возят сонного как куль, то паникёром считают.

– Вот и не волнуйся. – продолжила Мария, будто и не заметив выпада. – Во-первых, почти наверняка эксфильтрация прошла по плану, а во-вторых, в любом случае всё нормально будет. Говори, куда ехать-то? Где нас ждёт утренний кофе?

Саша хотел было заметить что-нибудь поехиднее, вроде того что он и словов-то таких как «эксфильтрация» не знает. Ну, или что определение «всё нормально» у человека живущего тут, и у заезжей разведчицы могут несколько отличаться, потому что если эта самая эксфильтрация не пойдёт по плану, то местная контрразведка этого так не оставит. Однако пока выбирал вариант, вспышка раздражения прошла так

же быстро как и началась. Хотел было мысленно пожурить себя за дурную вспыльчивость, да пожалел. Всё же и ночь бессонная, и водка без закуски, и, как ни крути – страхи да волнения. Всё это стабильности психики никак не увеличивает. В общем, решил с серьёзными вопросами погодить до кафешки.

Кафешка «Грин Хаус Эффект» была наверное ближе всего. А может и не ближе, просто это заведение было знакомым и лично симпатичным, потому как Сашиного от дома на расстоянии пешего перехода.

– По Хайлэнду ещё три или четыре светофора. – прикинул маршрут Александр. – А потом на запад, в смысле – налево. Я покажу где...

– По Хайлэнду?

– Ну да, по Хайлэнд Драйв, это улица по которой мы сейчас едем.

Светофоров до нужного поворота оказалось не три и не четыре, а пять. Зато заведение оказалось в совершенно точно предсказанном состоянии – в закрытом.

Саша вышел из машины, поёжился от холода, закурил, отметив что точности в движениях убывает буквально на глазах, потому как и адреналин разлагается, и сушняк утренний, и колотун руки раскачивает. Втащил себя на низенькую деревянную веранду, на которой и зимой и летом стояли столики под большими зонтиками. Подошёл к двери, дёрнул на всякий случай – закрыто конечно. Вон, и бумажка с расписа-

нием за стеклом. Саша глянул на часы – откроется через час почти. Мельком подумал, что как бы не пошли дела, а через пару часов надо будет домой отзвониться, пока там тревогу не подняли по поводу пропажи папани. Огляделся. Солнце ещё не показалось из-за горушки на востоке – высокая она, горушка-то. Но светло уже так что непонятно зачем уличные фонари горят. Птички чирикают по утреннему времени, и машины шумят погуще – это особо невезучие местные жители на раннюю работу торопятся. Хотя, по нынешней экономике – скорее всё же «везучие местные жители», потому что невезучие – они без работы дома сидят. Птички опять же... или про птичек уже было? Хорошее, в общем, утро, и Саша бы им непременно наслаждался, если бы спал побольше этой ночью. А сейчас к наслаждению душа не лежала. С похмелья вообще жить страшно и не хочется, даже напротив – всё живое ненависть вызывает. А тут ещё и страшно захотелось пить, казалось – открой рот, потом пошевели языком – и с губ песок посыплется. Всё, так существовать больше никак невозможно.

Саша полуприкрыл глаза, направив взгляд вдоль носа, а внимание – в противоположную сторон, внутрь себя. Встал поустойчивее, медленно вдохнул, а потом выдохнул не быстро и не медленно – как удобно, стараясь не думать совершенно ни о чём хоть пару секунд, и не напрягать ни одной мышцы. Ну, конечно, кроме мышц нужных чтобы не упасть самому, и не уронить сигарету, всё ещё дымившуюся в ру-

ке. Получилось. Не силён был Александр в медитации, и на тренировках по Вин-Чуню относился к «медитационным по- сиделкам» как к трате времени, как к необходимому злу. А тут – гляди-ка, действительно получилось. Дрожь мгновенно ушла. А главное – картинка изменилась. Нет, не эйфория... позитивный взгляд на мир что-ли? Надо же, и правильное утреннее солнышко вот-вот выглянет из-за весьма приятной на вид горушки, и птички чирикают весело и мелодично. От жизнерадостно шумящих невдалеке машин ветерок приносит лёгкий запах работающих двигателей. Любил Саша такой запах – бензина, мокрого асфальта, молодой листвы – получалось совсем как в Москве майским утром. Затянулся – ах, какая вкусная сигарета попалась. Александр с наслаждением, смакуя каждую тягу, докурил. Потом, минуя ступеньки, спрыгнул с веранды, и пружинящей походкой направился обратно к машине.

На коленях у Маши опять возлегал ноутбук. Когда Саша открыл дверь, девушка на секунду оторвалась от экрана, глянула, и удивлённо приподняла бровь.

– Экий ты свеженький. А я думала тебя похмелять придётся. Второе дыхание?

– Типа того. – неопределённо ответил Саша. – А ты, я гляжу, Интернет поймала?

– Ну да, комп включила, и сразу коннект обнаружился. Они наверное на ночь в кафе сеть не выключают. – Маша снова опустила голову к экрану и зацокала по клавиатуре –

Посиди пока, Сашик, я быстренько. Ладно?

– Да хоть до рассвета... – благодушно ответил Саша, глянул на восток ещё раз, и подумал что с этой стандартной фразочкой он, похоже, чуток опоздал. – По-любому кофе не будет ещё примерно час.

– Угу... – промычала Мария, всё так же уткнувшись в экран, и то печатая что-то, то водя пальцем по сенсорной панели, заменяющей мышку.

Саша огляделся, подумывая, чем бы себя занять. Получалось, что вроде бы и нечем, разве что ещё покурить. Или поспать. Хотя, если сейчас заснуть, то наверняка проснёшься с раскальвающейся головой. Закрыл глаза, снова открыл: в общем, получалось что с закрытыми глазами живётся комфортнее, значит заснуть в принципе получится.

– Машк, а Машк... – сказал Саша неожиданно даже для самого себя. – А что будет если у ваших бойцов выскочить из страны не получится, а?

– Если не получится... – повторила Мария раздумчиво, а потом убрала руки с клавиатуры, и повернулась к собеседнику. – Если не получится, Сашик, то побежим. Сам понимаешь, если наших возьмёт контрразведка, то через какое-то время выйдут на меня. Ты же в курсе достижений современной химии, понимаешь, что молчать не получится. Знают про меня знают немного, только то, что было необходимо чтобы организовать встречу. Практически, только приметы. Но и этого хватит чтобы зацепить, если пройти по этому го-

родку мелким гребнем. Людей у ФБР в Солт-Лейк-Сити мало, но ради такого случая пришлют столько, сколько нужно. Тем более что тут скоро начнётся крупная контрразведывательная операция.

– Ох чёрт! – процедил сквозь зубы Саша, оглушённый внезапной догадкой. – Номер! Номер машины...

Ну конечно, в каньоне было темно, но ведь когда включились фары микроавтобуса, не могли наши оперативники не разглядеть номер Сашиного Исудзу. И наверняка этот номер запомнили, если верить тому что в шпионских книжках пишут про нечеловеческую наблюдательность и феноменальную память разведчиков.

– Ну, номер-то я пакетом прикрыла. Вон тем. – Маша показала на скомканный белый полиэтиленовый пакет, валявшийся у Саши в ногах. – А вот наклейку «СССР» с заднего стекла надо будет снять – слишком приметная. Если, конечно, наших всё-таки перехватили.

Мария глянула на часы, потом на экран ноутбука. Потом выжидательно посмотрела на собеседника. Тот кивнул, мол – до сюда понятно, вопросов нет, и можно излагать дальше.

– Ну так вот, соответственно, если мы получим сигнал о том, что наших арестовали, – продолжила Маша, кивнув на ноутбук. – то я не сильно торопясь соберу вещички и полечу домой.

Ещё раз кивнув, Саша подумал что всё пока логично, и даже как бы ожидаемо.

– А вот дальше то, что касается лично тебя, слушай и запоминай, Сашик. Если мне выехать из Штатов не удастся, то ты получишь на свой телефон СМСку. Отправителем будет значиться номер из пяти единиц. Это адрес интернетовского сервиса, позволяющего отправлять сообщения на мобилки. В сообщении будет номер твоего телефона. Запомнил?

– Запомнил, чай не совсем дурак, это у меня просто лицо такое. – буркнул Саша. – Отправитель – единички, сообщение – номер моего телефона. Ну и что делать когда это получу?

– Не «когда» , а «если». Если ты такое сообщение получишь, это значит что меня взяли. Соответственно, выйдут и на тебя. В таком случае, Саша, уезжай из страны. Посадят тебя за шпионаж или нет – не знаю. Может и обойдется, а может – и нет. В любом случае жизнь тебе осложнят очень серьёзно, так что проще уехать. Денег я тебе оставляю. Резерв времени у тебя будет наверное день или два, так что с этим не тяни. Дома встретим, поможем. Ну, что понурился?

Саша молчал. Ну как ей объяснить что в сорок лет собраться и ринуться на другую сторону планеты, пусть даже и домой – мероприятие весьма болезненное? Для неё, для Маши, тут – работа. Ну, может быть тут ещё и приключения. Тут она на охоте, развлекается, воюет влѣгкую – почти в своё удовольствие. Ну и параллельно очки зарабатывает, карьеру делает. А вот база, место где эта разведчица малолетняя привыкла жить, у неё как раз в Москве небось. Ну,

или где-то рядом. Там у неё вся жизнь. А у Саши жизнь пока здесь. Тут – дети, которые между прочим ходят в школу. Тут – крыша над головой, и работа, которая за эту крышу платит. Хочется конечно жить дома, в Москве, но как же вот так вот, рывком...

А может так и надо – рывком? А то ведь собираться переместиться из Штатов домой можно вообще остаток жизни. Сидеть на своём бэк-ярде, почёсывая пузо, смотреть как собственные русские дети с каждым годом превращаются во взрослых американцев, и мечтать лениво: «Ну, если не в этом году перееду домой, то уж в следующем-то уж наверняка... Вот только разбогатею чуток, и метнусь стремительным домкратом. Ну, если не в следующем году, то через один уж точно. Или через два.» А тут р-р-р-раз – и всё! В конце-концов, найдётся и где жить, и где работать, и дети максимум через год к языку преподавания адаптируются. Чёрт, а всё равно ведь страшновато перед таким большим скачком, перед радикальной переменой судьбы. Перед локальной логической катастрофой. Не каждому доводилось уехать откуда-нибудь навсегда, взяв с собой кусок предыдущей жизни в объёме не превышающем собственную тягловую силу. Как беженцу какому-нибудь, у которого за спиной уже и дом горит, и враги затворами автоматов лязгают да штыки пристёгивают.

Да и вообще, чего теперь теоретизировать-то? Уже не важно, хорошо это или плохо – случилось так как случилось.

Не осталось, похоже, у Саши выбора. Делать вид что ничего не происходит уже не получится.

– Чего улыбаешься? – спросила Мария, увидев Сашину кривую ухмылку.

– Да так, вспомнил старый анекдот, про объявление в зоопарке «Страусов не пугать, пол – бетонный!» – ответил Александр. – Как из Штатов-то выезжать придётся?

– Ещё не знаю. Скорей всего, или на машине через мексиканскую границу, или самолётом через Латинскую Америку. Ждём инструкций. – Мария кивнула на компьютер. – В любом случае вас встретят и помогут. Ну, или «тебя» – полагаю, что близким твоим сейчас ничто не угрожает, не станут их использовать как средство давления. Так что их можно и потом вывезти, без всякой спешки.

– Уверена?

– Спорить на свою левую ногу я конечно не буду, но по логике вещей скорей всего именно так. Контрразведка вообще о твоём существовании сможет узнать когда меня допросит. Соответственно, узнают и о том что ты человек практически случайный. В этом-то, Сашик, как раз основное преимущество твоей ситуации...

– Это в чём же?

– Да в том, что с одной стороны ты в орбите наших интересов, соответственно Служба будет тебя защищать. Если контрразведка попробует на тебя давить грязными средствами, то мы ответим тем же. Ну например попробуют они

твоих детей не выпустить из Штатов – и мы устроим что-нибудь похожее. Скажем, найдём наркотики в сумочке какой-нибудь московской подружки штатовского дипломата. И американцы об этом прекрасно знают. А с другой стороны, ну не представляешь ты ценности для американских спецслужб, значит и ввязываться в грязные игры ради того чтобы тебя достать им смысла нет. Так что...

– Машк, ну ты-то откуда такие вещи знать можешь? – перебил Саша с досадой. – С чего это вашей, как ты говоришь «Службе» за меня биться? Сама сказала: я для вас – человек случайный. Да и если собираются ваши большие боссы там за меня типа сражаться насмерть, ты-то как в этом можешь быть уверена? Ты же вроде не генеральша пока...

– Будут. – уверенно сказала Мария. – Будут биться. Потому что мы своих не бросаем. И потому что никому не позволяем играть против себя грязными методами, во всяком случае – безнаказанно. Да и вообще, ни одна серьёзная спецслужба такого себе позволить не может. Один раз спустишь с рук – остаток времени будут об тебя ноги вытирать все кому не лень.

Саша на всякий случай скептически хмыкнул, но спорить не стал. В приятные вещи вообще легко верить.

Справа причалил старенький красный пикап, из которого вышел здоровенный дед с совершенно седой шевелюрой и такой же бородой. Глянул на Сашу, кивнул приветственно, а потом демонстративно скосил глаза на девушку, и ещё

раз кивнул, на этот раз с видом знатока, ободряющего выбор. Саша помахал ладошкой в ответ, и мимикой обозначил «Хеллоу» – в слух проговаривать смысла не было, всё равно из автомобиля не услышит.

– Знакомый? – осведомилась Маша.

– Угу. Грек. Мирный грек. – ответил Александр. А потом подумал что знать песни Высоцкого этой шмакодявке не по годам, добавил: – И правда грек. Зовут Билл, русским представляется как «Василий». Четверо сыновей. Любит хвастаться двадцатилетними любовницами, а ещё рассуждать о том, как он буквально на днях уедет из Штатов, купит кусок земли на каком-нибудь греческом островке в Эгейском море, и будет выращивать виноград. Я к нему должен буду приезжать с девчонками из Москвы, а он меня, соответственно, вином поить и в море купать.

– То-то борода у него такая... эллинская. – заметила Мария, провожая взглядом деда, направляющегося к зданию кофейшки. – Хозяин заведения?

– Ну да, потому его и знаю. Минут через десять можем смело попытаться выклянчить кофе.

– Так и сделаем. Нам бы внутрь пересесть надо, к розеткам, а то у меня батарея садится. Не работает у тебя подзарядка, а? – Маша кивнула на провод, тянущийся от ноутбука к гнезду автомобильного прикуривателя.

– Чего ж ты хочешь, подруга, машине-то сколько лет... – Саша открыл дверь – Пойду покурю. Потерпит чуть-чуть

твоя батарея?

На улице уже не было вовсе никаких остатков ночи. Освещение – дневное, и шум машин дневной. А может так просто казалось: привыкли уже глаза к пейзажу и уши к фону. Давешние птички куда-то улетели по своим пернатым делам, или просто уже и не слышно их за шумом машин. Вдоль дороги пробежала ранняя аборигенша. Как это принято у бегунов: с волосами «хвостом» на затылке, в маленьких наушниках, и с плеером, притянутым широкой эластичной повязкой к бицепсу. Увидела Сашу, кивнула, а потом неодобрительно покосилась на сигарету. Саша кивнул в ответ, и затянулся с демонстративным наслаждением, и мило улыбнулся, типа: «Подумаешь, какая цаца. Не нравится – не кури, а другим не мешай, жертва пропаганды.»

Не успел прикончить и половины сигареты, как изнутри машины послышался стук. Отлепившись от дверцы и наклонившись, Саша увидел, пассажирку, требовательно молотящую по стеклу своей двери пальцами одной руки, и делающую призывные движения второй. Затянувшись поглубже, прежде чем выкинуть длиннющий бычок, Александр успел отметить про себя, что девушка отнюдь не выглядит встревоженной. Скорей... восторженной, что-ли? Хорошо в общем выглядит, многообещающе.

– Всё! – выпалила Мария, едва Саша плюхнулся на сидение и закрыл дверь. – Наши уже в Мексике. Тревога отменяется. Эвакуировались без происшествий.

– Быстро они... – Саша машинально глянул на часы. – Самолётом что ли?

– Ну конечно самолётом, как же ещё? Частным самолётом.

Саша даже зубами скрипнул от досады на собственную тупость. Ну конечно, самолёты – они ведь и частные бывают, и если бюджет господина Тимофеева не позволяет их использовать, это вовсе не значит что использовать их нельзя в принципе. Как же всё просто смотрится, когда тебе, мыслящему в рамках привычных штампов, просто выдадут готовое решение.

– Слушай, а не могут их в Мексике перехватить? – спросил на всякий случай Александр, пытаясь понять, что его удивляет в Машиных ответах. – Там же небось тоже американская агентура присутствует. И в свете борьбы с наркотиками, и вообще. Соседи ведь.

– Да, американцев там изрядно. Но – не могут. Во-первых, местные силовые структуры американцев не любят по-определению. Часть верхушки конечно американцами прикормлена, а часть – с нами предпочитает дружить. А во-вторых, и в-главных, не посмеют они силовой захват осуществить на территории третьей страны. Я же тебе говорила, что с нами надо играть по правилам, а то быстро сдачи получишь по сопатке так что мало не покажется.

– Говорила. – легко согласился Саша. Однако про себя подумал, что самые большие катастрофы случаются как раз то-

гда, когда мы уверены что противник некую глупость ни за что не сделает. Вернее, не сделает то, что кажется глупостью нам. А он ведь, ирод, делает, и (что характерно) иногда у него хорошо получается...

– Кроме того, – продолжила девушка весьма победоносным тоном. – самолёт наши люди уже встретили. Деталей не знаю, но если до меня довели что всё хорошо, значит: и правда всё хорошо.

– Ну да, ну да... – кивнул Саша, довольный тем что узнал, но опять немного насторожённый полнотой ответов.

– Вот и славно. Ещё вопросы будут? Кстати, держи-ка.

– Что это? – спросил Александр, машинально принимая конверт из Машиных рук.

– Это премия. – деловито ответила Мария. И добавила, увидев вопрос в Сашиных глазах: – Не волнуйся, это не деньги на отъезд. Просто премия. Совершенно чистые деньги. Расписка не нужна.

Саша взвешивал конверт на руке, и раздумывал, обрадоваться ему или оскорбиться. Чего-это ему деньги суют? Одно дело, знаете-ли, служить в разведке, а другое – подколымить на разведку за бабки. Что он им, наёмник какой? Конверт впрочем был толстенький, увесистый, и оттого чрезвычайно приятный на ощупь. И в руке, признаться, сидел как влитой.

– Что, прямо как в детективных фильмах, мелкие немеченные купюры с непоследовательными номерами?

– Ага. Бери-бери. – подбодрила Маша, заметив душевные

колебания. – Тебя ведь никто не нанимал, верно? Ты нам помог просто так, а мы помогаем тебе. И не создавай сложностей пожалуйста. Мне сказано передать тебе бабки, я – передала. И всё. Привет тебе, кстати, от Валентина Борисовича. Теперь точно всё передала, и деньги и привет.

Александр обозначил улыбку, давая понять что Машины старания пошутить про «деньги и привет» замечены и опознаны именно как шутка.

– Машк, а Машк... – наконец-то беспокоящая мысль оформилась в Сашиной голове. – А чего-это ты мне всё рассказываешь? Да ещё и в деталях, и про способ эвакуации, и про то что наших встретили в Мексике, и вообще... А?

– А потому что приказали. – девушка кивнула на компьютер, словно тот как раз и знаменит тем, что регулярно отдаёт дурацкие приказы. – Видишь ли, Саша, так уж случилось, что работать с тобой в полу-тёмную мы больше не можем. Ну, чтобы если не дай бог что случится, ты мог бы говорить что просто помогаешь друзьям. Причём врал бы качественно, потому что и сам бы в это частично верил. Психологическая ширма. Делалось это в первую очередь для того чтобы тебя защитить. Извини, так уж карта легла, но этот вариант больше не стреляет. После сегодняшней ночи ты ни грамма больше не сомневаешься, что помогал российской спецслужбе. Так что нет больше смысла говорить про всякие промышленные шпионажи.

– Ну, это-то я понял с самого начала. – перебил Саша,

впрочем несколько преувеличив свою понятливость. – Детали зачем? Разве не принято в любом секретном деле сообщать людям только то, что им знать необходимо? А ты мне рассказываешь то, что мне знать не необходимо, а просто интересно. Зачем?

– Затем что сейчас важно, чтобы ты понял что опасность миновала, всё неприятное благополучно закончилось, не дёргался и глупостей не наделал. И чтобы убедился что мы глупостей не делаем. И даже в таких нетипичных ситуациях как сегодня... Верней – как вчера, не важно. В любых в общем ситуациях мы своих защищаем, причём делать это умеем и любим. Вот и поручили мне на твои вопросы ответить, чтобы ты ситуацию видел яснее.

– Что, прям на любые-любые вопросы? – протянул Саша, вдруг поняв, что вопросы можно уже и не задавать. Вернее, что задать их конечно можно будет, но – потом, и исключительно для удовлетворения собственного любопытства. – Ну хорошо...

И вдруг поймал себя на том что улыбается. И ведь давненько, похоже, улыбается. Откровенно лыбится просто-таки как грудной ребёнок. Только совсем маленькие дети умеют это делать регулярно – улыбаться, когда им просто хорошо жить. Ну, и какие-нибудь древние люди наверное это умели. Улыбались, когда им хотелось улыбаться, а не когда система этикета велит, не из вежливости, и не за компанию. Улыбались, просто когда им персонально нравилось быть в

этом конкретном моменте.

Вот и Саше как раз сейчас вот именно этот конкретный момент очень полюбился, просто-таки по-первобытному, с улыбкой до ушей. И даже стало понятно почему. Эх, какое замечательное утро! И ведь не просто утро, а утро победы. Наши победили. Смешно звучит, высокопарно, напыщенно, инфантильно и щёконадувательски, но ведь правда – наши победили, и точка. Значит, и он, Саша, тоже победил. Приобщился, чайник и соня, но ведь делал то что мог, значит это и его победа.

– Только ты по делу спрашивай. – добавила Маша, почти верно угадав Сашины намерения. – Не надо только пожалуйста дурацких вопросов про то, какое атомное число у плутония-238, или про то, кто на самом деле убил Кеннеди.

– Ну, что у атомное число у плутония-238 как раз двести тридцать восемь, я пожалуй представляю... А вот с Кеннеди... Неужто и правда его замочили те, о ком я думаю? – спросил Александр, борясь всё с той же победной улыбкой, но всё же трагическим шёпотом, и старательно округлив глаза. – Неужели... они?!

– Не поверишь, дорогой, но если я скажу тебе правду, – ответила ухмыляющаяся Маша таким же шёпотом. – то мне придётся тебя убить. Ну, серьёзные-то вопросы последуют, или как?

Саша откровенно хохотнул.

– Ты знаешь, красавица, я даже затрудняюсь сказать

сколько раз я слышал классику «Если я тебе про это расскажу, то мне придётся тебя убить» за свою длинную жизнь. И вот только сейчас в первый раз за эту самую жизнь, слова эти проговариваются персоной, которая наверное действительно теоретически может такое сделать, причём персона эта совершенно женского пола, да ещё по возрасту мне в дочки годится! Погоди, не перебивай. – Саша предостерегающе поднял руку, как римский сенатор на трибуне. – Эх, Машка, Машка... У меня же на каждый твой ответ по паре новых «зачем?» находится. А давай упростим. Хочешь, я сам тебе расскажу куда ты клонишь? Хочешь?

– Ну давай... – Маша ответила на заговорщическое подмигивание, и принялась изучающе поглядывать, поднявши бровь.

– Да запросто, вот тебе: Сначала мы с тобой выясняем, что всё закончилось хорошо, и ни мне, ни (что примечательно) тебе никуда бежать не надо. Потом ты мне доходчиво и убедительно объясняешь что контора своих не бросает. И что случившееся этой ночью – редкий форс мажор, из которого, кстати, успешно выкрутились, а значит впредь волноваться мне не о чем. А потом ещё вот это, – Саша покачал на руке аппетитный конверт. – Психологи, блин. Я между прочим тоже кое-что по психологии краем уха читал. Подарок подсознательно обязывает человека к ответным уступкам. Так ведь? Экие вы... Что, меня как дитё малое обязательно успокаивать, да ещё и конфеткой манить? По-взрослому объяс-

нить нельзя было?

– Если по-взрослому... Если по-взрослому, то так: я на-долго остаюсь в Юте, и одной мне будет трудно. Поработаем вместе?

– Обязательно. – кивнул Саша, и снова заулыбался замечательному утру.

17. Вместо эпилога

– Мистер Роджер, сэр... – не-то проблеял, не-то прохны-кал похожий на хорька худосочный сержантик небольшого роста.

Тот, кого назвали мистером Роджерсом, ещё раз осмотрел вытянувшееся перед ним нелепое существо, и решил что на хорька тот, наверное, всё же не тянет. Хорёк – он юркий и хищный, а этот, хоть и мелкий и subtilный как хорёк, но какой-то аморфный. Тютя одним словом. Тютя и разгильдяй.

– О вашем проступке будет доложено командиру авиаба-зы. Я лично об этом позабочусь. Фамилия?

– Сэр, штафф-сержант Трощановский, сэр.

Мистер Роджерс представил как будет смотреться в напи-сании фамилия этого супчика, предки которого должно быть приехали в Америку откуда-то из восточной Европы, и даже покривился как от кислого.

«И кого теперь только в армию берут?» – подумал мистер Роджерс. – «Впрочем, электрик, он и есть электрик, даже ес-ли на него военную форму натянуть.»

Потом оглядел испуганного сержантика ещё раз, и поду-

мал, что взяли того в армию скорей всего отнюдь не «теперь» – староват, наверняка перешагнул через предельный возраст для новобранцев лет десять назад, значит – и в рядах как минимум столько же. Да и штафф-сержант уже. Хотя, судя по тому как относится к своим служебным обязанностям – штафф-сержантом и помрёт. И очки у сержантика были стариковские, для дальновзоркости – толстые, сильно увеличивающие глаза, которые глядели сейчас с испугом и скрытой мольбой. Вот же тварь бесхребетная!

Сержантик, поедающий начальство глазами, вдруг моргнул, и мистер Роджерс чуть не рассмеялся. Наверняка бы рассмеялся в голос, если б не приходилось сейчас быть большим боссом, которого командир базы ВВС «Холомэн» представил персоналу как «Это – мистер Роджерс. Его приказы должны выполняться так же беспрекословно как мои.» Понял мистер Роджерс, на кого похож этот растяпа сержант. На Блинки он похож, на рыбку-мутанта из мультсериала. Рыбка из радиоактивного озера конечно поупитаннее, и глаз у неё не два, а три, но вот моргает точно так же уморительно как этот вояка. Моргал сержантик не как все, а – последовательно. Не хлопал обоими глазами одновременно, а закрывал одно веко, потом второе, и открывал сначала первое, а потом второе.

«Надо будет детям показать этот фокус, только при этом щёки надуть.» – уже добродушно подумал мистер Роджерс, но строгой начальственной мины с лица конечно же не снял.

Пусть этот этот воин обшарпанный проникнется серьёзностью ситуации, пусть поволнуется – будет ему наука впредь.

Мистер Роджерс решил уже что не будет докладывать командиру авиабазы про это ходячее недоразумение в погонах. Чёрт с ним, и так вроде бы напуган достаточно. Пусть тянет своё время до военной пенсии, веселя окружающих мультяшным морганием через толстые стёкла очков. Да и инцидент вышел, если честно, не такой уж и серьёзный, если бы не давешние события в Юте, на него может быть и внимания не обратили бы.

Сегодня утром мистер Роджерс и не был еще мистером Роджерсом, но зато уже давно был ответственным за контрразведывательную безопасность аэрокосмического самолёта, фигурировавшего во внутренних документах как «Изделие Грэй», и известного всяким любителям «Теории Заговора» а также независимым и никем не читаемым журналистам как «Аврора» или «Ф-19». Более того, сегодня утром и не было планов лететь в Нью-Мексико на базу ВВС «Холомэн» и становиться там мистером Роджерсом. Главный контрразведчик Авроры только-только обосновался на базе «Хилл» в Юте, и ожидал приземления подопечного Изделия следующей (вернее, теперь уже этой) ночью.

Северная Юта конечно тоже не сахар, но уж и не пыльная пустыня Нью-Мексико, есть в Юте на что посмотреть. Мистер Роджерс даже подумывал, что если всё пойдет хорошо, то на следующий уикенд можно будет выписать в Солт-

Лейк-Сити жену с детьми, посмотреть на горы, проехаться по искусственным озёрам, может быть порыбачить – говорят, форель в Юте знатная. А если не в этот уикенд – то в следующий, или через один – полевые испытания. Изделия могли затянуться, сколько же можно жить без семьи? Конечно, и сам мистер Роджерс мог слетать в родную Филадельфию в любой момент, и самолёт бизнес-класса был у него буквально под пальцами – закреплён за проектом, и естественно был доступен начальнику контрразведки проекта по первому требованию. Однако мистер Роджерс к обязанностям своим относился серьёзно, и частые отлучки себе не позволял – мало-ли что может случиться?

Случилось. Слава Всевышнему, случилось до того как Изделие покинуло безопасный уют «Зоны 51». Выяснилось, что олухи из Полевого Офиса ФБР в Солт-Лейк-Сити умудрились упустить чужого разведчика, которого ФБР вело от самого въезда в страну. Вело тщательно, и заботливо передало в руки ютинских разгильдяев, а те – упустили. Мистер Роджерс получил информацию о чужом из Вашингтона – через центральный офис Федерального Бюро Расследований. В столице создали специальную группу противодействия, выделили людей и технику, перебросили всё это специальным транспортным бортом в Юту. Мистер Роджерс немедленно отправил в эту группу одного из своих подчинённых в качестве офицера связи, так что был в курсе дела.

Что конкретно случилось в прошлый вечер – оставалось

загадкой до сих пор. Аналитики ФБР даже приемлимой версии до сих пор не предложили. Получалось, что на чужого разведчика напали местные бандиты, а тот положил троих нападавших, уничтожил оборудование, сжёг машину и ушёл. В такую чепуху конечно не один уважающий себя агент ФБР не поверит, но лучше гипотезы всё равно не было. Можно было бы конечно предположить, что это был никакой не иностранный разведчик, а некто, завязанный не на шпионские, а на какие-то криминальные игры. Такой расклад по крайней мере объяснял нападение – ведь в том, что напали именно члены молодёжной банды, никаких сомнений уже не было. Трупы опознаны, и на всех убитых у полиции имелись изрядные досье.

Однако в версию криминальной разборки никак не укладывалось предметы, найденные на месте перестрелки – то самое оборудование, которое чужой уничтожил. Уничтожил, прочем, не целиком – уцелевших деталей экспертам ФБР было достаточно чтобы предположить что оборудование это – самое что ни на есть шпионское, предназначенное скорей всего для фотографирования скоростных воздушных целей.

Это был второй звонок. Уже после первого звонка – появления чужого агента в Юте возле Изделия, мистер Роджерс начал задумываться о переходе на запасной план, перемещении испытаний с базы Хилл в Юте на базу Холомен а Нью-Мексико. Дело это хлопотное, надо опять гнать по дорогам бензовозы со специальным топливом, перевозить техников,

обслуживающих Изделие, и инженеров, участвующих в испытаниях. Людей, кстати, уже обжившихся в Юте и успешных развернуть оборудование, которое надо теперь сворачивать, тоже перевозить, а потом разворачивать на новом месте.

Третий звонок тоже не заставил себя ждать. Ночью в небольшом местном аэропорту в городке Прово (что южнее Солт-Лейк-Сити) приземлился частный самолёт. Событие это рядовое и в общем-то ничем не примечательное. Вот только судя по документам (которые в наши террористические времена Управление Гражданской Авиации обязано предоставлять ФБР) получалось, что самолёт пришёл из-за границы – из Мексики. Событие это тоже весьма обычное, однако учитывая напряжённую обстановку, решили проверить. Агенты, отправленные в Прово, вернулись с пустыми руками – самолёт заправился и улетел обратно через южную границу США. Вот только, судя по показаниям свидетелей, выгрузил трёх пассажиров. Пассажиры взяли в рент микроавтобус и уехали в неизвестном направлении. Одного факта появления рядом трёх незнакомцев, не прошедших паспортный контроль, и в обычных условиях заставило бы Мистера Роджерса насторожиться, а сейчас стало и вовсе беспокойно.

А тут ещё пришло и сообщение от экспертов ФБР, исследовавших негоревшие остатки шпионских (теперь это было совершенно ясно) хитрушек. На длиннофокусном объективе, откатившемся от машины шпиона, и потому не сто-

ревшем в термитном пламени, эксперты нашли следы клея. Клей был от стикера – бумажной наклейки, легко прилепляемой на произвольный предмет и почти так же легко снимаемой, когда нужда в ней отпадёт. Заинтересовавшись, эксперты проверили микроследы на пластмассе под тем местом, где когда-то была наклейка. И тут повезло – надпись очевидно делалась не мягким фломастером, а шариковой ручкой, металлическое жало которой достаточно жёсткое чтобы даже через бумагу оставить на пластмассе объектива микроскопические вдавленности.

Надпись была сделана по-русски, чему мистер Роджерс ничуть не удивился. А вот содержимое надписи эксперты перевели примерно как «Леденец, Элемент номер 2 комплекта номер 3». Слово «ledenetz» в контекст никак не лепилось, оно означало русскую конфетку на палочке, что-то вроде лолли-поп. Не могло оно быть и названием объектива – объектив был хоть и дорогой, но стандартный – такой в любом магазине фототоваров купить можно. Зато это слово могло быть названием операции, или кодовым обозначением заказа для специальной лаборатории. Собрал какой-то русский засекреченный техник заказ, пометил элементы наклейками чтобы убедиться что всё требуемое в комплекте, сдал, потом стикеры, естественно, оторвали, а микроследочки остались. Нашлись следы стикеров и на несгоревших проводах. Микроследов надписей там конечно не осталось, но и само бывшее присутствие стикеров версию подкрепляло.

А вот слова «...комплект номер 3» наводили на неприятные мысли. Получается, что комплектов было больше одного. Один – сгорел. А где, спрашивается, как минимум два остальных? Особенно если принять во внимание наличие трёх неизвестных пассажиров мексиканского самолёта, и ожидаемое появление «Изделия Грей» на базе Хилл.

В общем, не прошло и получаса с момента обнаружения микроследов и расшифровки записки, как мистер Роджерс принял решения о перемещении испытаний в Нью-Мексико на базу Холомен, и довёл свое решение до технического руководителя проекта. Возражений не последовало. Охи, ахи, сожаления – да, не без того, а возражения – нет, в таких вопросах наука обязана делать то, что советует контрразведка.

Был и четвёртый звонок. Вернее, русские пытались представить его как отмену звонка третьего, но лучшую в мире контрразведывательную службу не проведёшь. Через три часа после первого самолёта из Мексики, приземлился второй. Теперь совсем уж на маленькой грунтовой полосе возле города Огден – на этот раз чуть севернее Солт-Лейк-Сити. Впрочем, самолёт мог быть и тот же самый – единого радиолокационного поля на юге США нет, отошёл самолёт от аэродромного радара управления воздушным движением – и нет его. А может и другой самолёт это был – многие владельцы таких птичек подрабатывают воздушным извозом, как говорится «заплати и лети». Впрочем – не важно, главное что самолёт был, и агенты ФБР к нему опять не успели

– сумел тот дозавправиться и улететь. Даже сколько-нибудь полезных свидетелей найти не удалось. Зато рядом с взлётно-посадочной полосой обнаружился брошенный микроавтобус – тот самый, взятый в прокат неизвестными пришельцами на аэродроме в Прово три часа назад. Вроде бы всё просто и логично: русские провели эксфильтрацию – вытащили своего человека. Судя по всему, ещё и раненого в перестрелке – недалеко от микроавтобуса нашли связку окровавленных бинтов, да и на сидении эксперты позже обнаружили следы крови. Операция провалилась, агент ранен, и судя по количеству крови – ранен весьма серьёзно. А его коллеги и товарищи по оружию чисто эвакуацию провели, вошли в страну как нож в масло, забрали своего и грациозно ушли. Так?

Лет двадцать назад молодой агент ФБР (представлявший-ся теперь как мистер Роджерс) так наверное бы и подумал. Поверил бы что операцию противника провалил и угрозу отразил. Правда, лет двадцать назад никто бы ему и не доверил контрразведывательное обеспечение одного из самых важных национальных проектов. А теперь у мистера Роджерса был изрядный опыт работы против русских, знал он их натуру. Не те это парни, чтобы вот так громко уйти, дверью хлопнуть, да ещё и предварительно раскланяться и попрощаться с каждым, чтобы и у кого не осталось сомнений в том что они действительно ушли. Если они так демонстративно уходят – значит на самом деле уходить и не собирались, и не

ушли они вовсе.

И действительно, эксперты, исследовавшие кровь на бинтах, обнаружили в ней нестандартное содержание гепарина. Что такое гепарин мистер Роджерс не знал, но те же эксперты объяснили, что теоретически возможны два варианта. Или ранен тяжело больной человек, большую часть времени прикованный к постели, или кровь на бинтах – не из раны, потому что гепарин используется как консервант – вещество, предотвращающее свёртывание донорской крови при её длительном хранении.

Мистер Роджерс даже крикнул и довольно улыбнулся, услышав про второй вариант – он был профессионалом, и запросто мог оценить красивую игру, даже когда играли против него. Пожалуй, пока русским и не хватает грациозности работы советских разведок, но учатся они быстро, набирают потерянные очки и быстро займут подобающее место в высшей лиге. Может быть, бросить бинты почти на видном месте – и топорная работа, но задумка хорошая. Выгрузили одну группу как бы для спасения агента, имитировали ранение, залив бинты донорской кровью, и под видом эвакуации скорей всего вбросили в страну вторую группу.

Размышлениями о том как локализовать наводнивших Юту агентов противника мистер Роджерс пока утруждать себя не стал – не его это задача, теперь тут для этого специальная группа из столицы. Сейчас надо думать о том, как скрытно и быстро передвинуть силы и средства проекта из

засвеченной Юты в Нью-Мексико – там, слава богу, пока спокойно. Это потом можно будет потешить профессиональное любопытство, поинтересоваться: чем закончилась облава в Юте, каким образом русские вовлекли в игру местных бандитов, и какая из российских разведок это сделала.

Последний вопрос, кстати – весьма нетривиальный. Была у Советов политическая разведка КГБ, которая теперь превратилась в СВР. Была у СССР и особо-секретная военная разведка ГРУ. В советские времена эта организация была известна только профессионалам тайной войны. И в новой, постсоветской России эта разведка сохранилась, хотя и «вышла из тени» – теперь про ГРУ знают все. В последние же годы разведывательное сообщество США всё чаще обнаруживает присутствие «третьей силы», однозначно работающей в интересах России, но, похоже, ни с СВР ни с ГРУ не ассоциированной.

Впрочем, и на базе Холомен без приключений не обошлось. А источником оных стала как раз та самая пародия на военнослужащего, стоявшая теперь перед мистером Роджерсом, и жалко лупающая глазами из-за толстых стёкол очков.

В ангаре «Ди» – том самом, где должно было прятаться «Изделие Грей», вышел из строя один из четырёх кондиционеров – надсадно гудящий серый ящик, размером с приличный грузовик. Кондиционеры в климате Нью-Мексико – вовсе не роскошь. В некондиционированном ангаре солнечным днём (а других здесь не бывает) за какой-нибудь час

температура взлетит за грань переносимой человеком, и механики не смогут работать – начнут падать в обморок. А ещё через какое-то время жара создаст опасность для самолётной электроники, совсем не рассчитанной на работу в печи. И, как на грех, электриком, отвечающим за исправную работу кондиционеров, оказался этот растяпа. Кондиционер-то он конечно починил, зато забыл рядом на полу свой пластиковый сундучок, как уже потом выяснилось – с инструментами.

Охранник, сопровождавший электрика в ангар (по одному там было находиться не положено никому) тоже не обратил внимание на то что туда электрик шествовал с ношей, а обратно – без. А вот когда уже другие бойцы военной полиции (отвечавшей за охрану базы) проверяли ангар перед тем, как передать его людям из группы мистера Роджерса, то нашли в углу незнакомый предмет, что называется «явно не отсюда». Увидели, вспомнили про режим особой секретности на без того секретной базе, и (как нижним чином и положено – не очень долго думая) подняли тревогу.

Прибыл взрывотехник. Проверил ящик специальным прибором на предмет обнаружения азотосодержащих компонентов взрывчатки, но определенного ответа не получил. Ящик-то закрыт, а вокруг очень уж много «фонящих» взрывчаткой веществ – авиабаза всё-таки... Попытался проверить объект исследования на предмет наличия электроники внутри (адских машин без электронной начинки в наше время не бывает) – детектор буквально зашкалило – слыш-

ком близко был тот самый кондиционер, в котором тоже изрядно электронных козявок, отвечающих за правильную работу. Взрывотехник оказался парнем решительным, и не стал ждать полицейского робота, который бы расстрелял потенциальную мину из инженерной пушки. Взял, да и открыл крышку. Естественно, нашёл только всякие кусачки, вольтметры, да изоленту. Потом конечно и люди мистера Роджерса содержимое электриковского ящика проверили со всем возможным тщанием – никаких шпионских закладок не нашли.

– Сэр... – проблеял очкастый сержантик, очевидно несколько осмелев: – Сэр мистер Роджерс, я могу забрать свои инструменты?

– Нет! – отрезал контрразведчик. – Надо ещё проверить что-то вы, сержант, пронесли на секретный объект! И зачем вы это сделали...

Хотел было посмотреть на очкарика пронизательным взглядом, да передумал – тот и так, даже стоя по стойке «смирно» умудрился съёжиться, как будто ждал удара. Наверное, и так полученный урок запомнит надолго, растяпа и растеряха этакий. Вместо пронизательного взгляда на сержанта мистер Роджерс посмотрел на часы и задумался – просто так, чтобы пауза получилась повывразительней. И так прекрасно знал что «Изделие Грей» следующим утром затемно уйдёт в прыжок куда-то через Тихий Океан, а вернётся уже ночью, соответственно весь день ангар будет пустовать.

– Зайдёте за своими цацками завтра. Всё! Свободны. – И, видя что сержантик готов опять что-то пролепетать, повторил строго и значительно: – Вы свободны. Идите.

Пра-правнук польских эмигрантов Стафф-сержант Энтони Трощановский волоча ноги брёл от штабного корпуса к КПП, и понимал, что его сержантская карьера, похоже, заканчивается. И служба под звёздно-полосатыми знамёнами заканчивается. И по этой чистенькой дорожке он идёт в предпоследний раз в жизни.

Эх, как же он раньше ненавидел это место – эту жару, эти пыльные бури, это белёсое небо без единого облачка. Как хотелось выбраться отсюда хоть на чуть-чуть. Когда попал сюда служить сразу после Первой Иракской войны, то даже по курсантской привычке зачёркивал в календарике дни, оставшиеся до отпуска. А потом – привык наверное. А может не потому что привык – может быть немножко грустно просто от понимания что это – навсегда, что никогда больше по этому месту не пройти. Человек – он от бесповоротных понятий вроде «навсегда» или «никогда» по-определению мрачнеет и хандре придаётся. Может быть просто от понимания что есть много всяких штук длиннее чем жизнь, а значит и жизнь – конечная, и весьма короткая. А может – от осознания того что выбора больше нет, что пройдена точка невозвращения на развилке судьбы. Вот такая вот грустная иллюзия с элементами самобичевания, ведь чаще всего то что нам кажется развилками и поворотами – не более чем вибрации в преде-

лах колеи, на которую мы встали давным-давно, и сами не заметили как это сделали.

Завтра кондиционер в ангаре «Ди» опять забарахлит, а он, Энтони, его опять починит. Попутно вынет флешку из камеры, смотрящей сейчас на внутренности ангара через решётки кондиционера. А дальше – как повезёт. Дальше случится та самая развилка судьбы. Если повезёт, то настоящая служба продолжится сразу.

«Ну, или почти сразу...» – улыбнулся про себя почти уже бывший штафф-сержант, вспомнив про почти два года отпуска, накопившиеся за время командировки.

А вот если не повезёт, то контрразведка выкрутит руки, и придётся наверное провести какое-то время в местной тюрьме. Может быть даже год или даже два – пока наши не выручат. Впрочем, человека после пяти лет курсантской казармы местной комфортабельной тюрьмой не напугать.

Вот и получается, что так или иначе жизненная колея всё равно приведёт обратно на Хорошевку. В тот самом «Аквариум», откуда давным-давно уехал советским старшим лейтенантом чтобы стать сержантом американской армии. Рано или поздно всё возвращается на круги своя.

v. 1, Солт-Лейк-Сити, Юта / Москва, Россия. 2009-2010
Конец книги.